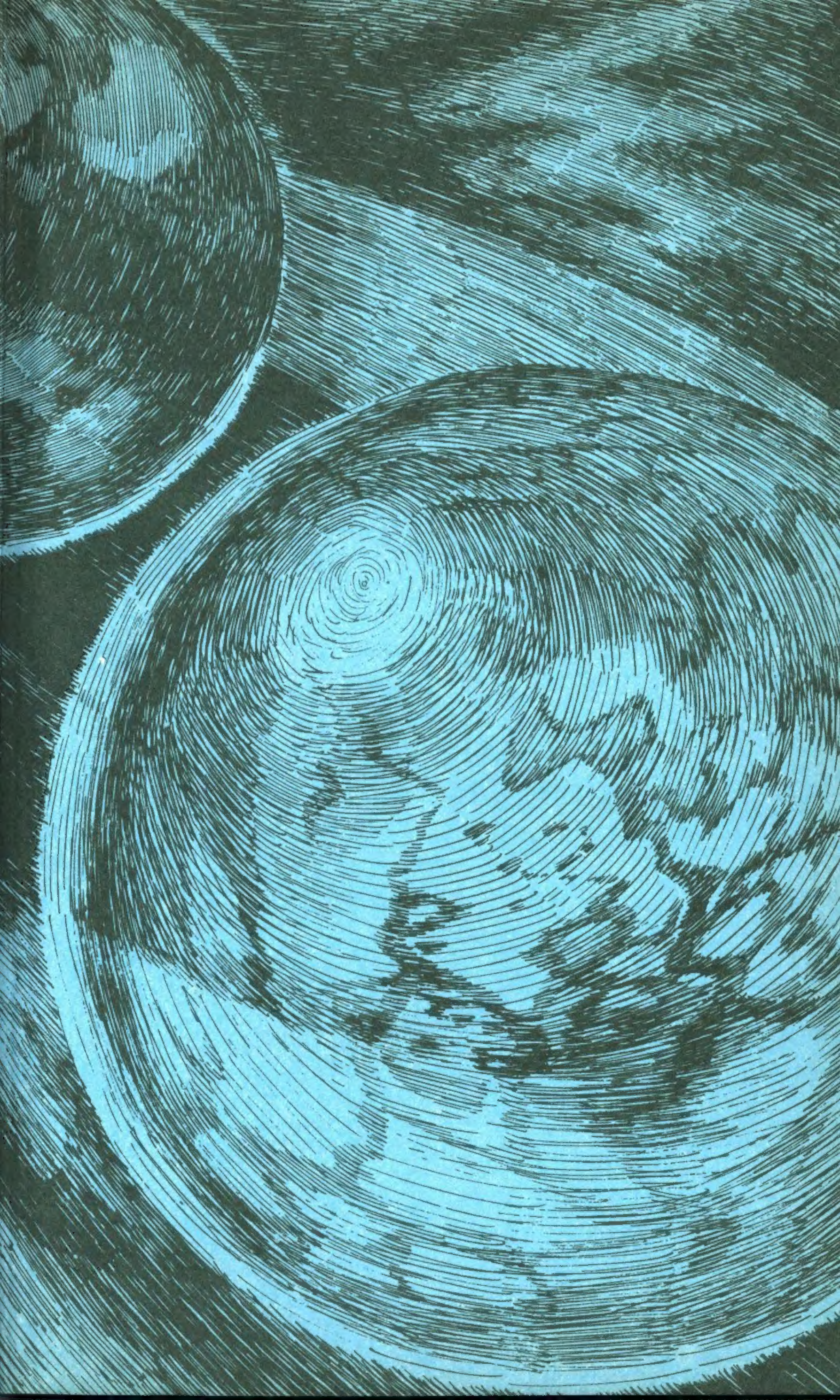
РОБЕРТ

ШЕКЛИ

Координаты чудес



РОБЕРТ
ШЕКЛИ

Координаты чудес

РОБЕРТ

ШЕКЛИ

Корпорация «Бессмертие»

Координаты чудес

Хождение Джоэниса

Билет на планету Транай

Обмен разумов

Четыре стихии

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

ББК 84.7 США
Ш 40

Шекли Р.

Ш 40 Координаты чудес: Романы, повести / Пер. с англ.; Сост. Г. Белов. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 639 с. ISBN 5-8352-0092-7

Американский писатель-фантаст Роберт Шекли (р. 1928) популярен во всем мире. Он закончил технический колледж, но с 1952 года решил полностью посвятить себя литературе. Прослушал курс литературы у Ирвина Шоу. Широко известны его романы «Корпорация «Бессмертие», «Путешествие в послезавтра», «Десятая жертва».

«Координаты чудес» — роман, в котором переплетается серьезное и смешное. Высокие философские идеи подчас доводятся здесь до абсурда, за экзотическим антуражем открываются обычные человеческие проблемы.

ISBN 5-8352-0092-7

Корпорация «БЕССМЕРТИЕ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

После всего того, что с ним уже случилось, Томас Блейн часто задумывался о своей смерти и с сожалением понимал, что это могло произойти куда более интересным образом.

Отчего смерть не настигла его во время борьбы с тайфуном, или в яростной схватке с тигром, или хотя бы при покорении отполированной всеми ветрами скалы? Почему его смерть была столь простой, заурядной, невыдающейся?

Но именно такая смерть, несомненно, и была суждена ему в соответствии с его собственной натурой. Да, его существование должно было бы закончиться именно таким быстрым и неотвратимым способом, как он погиб. К этому вела вся его жизнь: туманный намек в детстве, ясное обещание во время учебы в колледже и уже неумолимая реальность в 32 года.

Но, несмотря на всю ординарность, смерть остается самым непостижимым событием в жизни. И Блейн напряженно пытался проникнуть в те минуты, те последние бесценные секунды, когда его собственная смерть поджидала его, затаившись на ночном шоссе в Нью-Джерси.

Не было ли здесь предупреждающего знака, какого-нибудь намека? Что успел или не успел он сделать? О чем думал?

Это были решающие секунды. О Боже, как же он погиб?

...Блейн помнил, как он ехал по пустынному прямому шоссе, как фары отбрасывали далеко вперед сноп света, — ночная тьма отступала перед мчащимся автомобилем. Спидометр показывал семьдесят пять миль в час. Далеко впереди он заметил отсвет

фар: навстречу шла машина, первая за много часов, но Блейн не придал этому факту особого значения.

Он возвращался в Нью-Йорк после недельного отпуска, проведенного в домике на берегу залива Чезапик-Бей: удил рыбу, плавал, дремал на солнце, растянувшись на грубо оструганных досках причала. Как-то отправился на своем шлюпе в Оксфорд и весь вечер танцевал в яхт-клубе. Здесь он познакомился с какой-то глупой бойкой девицей, и она сказала, что он выглядит совсем как покоритель южных морей — такой загорелый, высокий и в рубахе хаки. На следующий день он вернулся обратно в свой домик, лежал на досках причала, мечтая, как он нагрузит шлюп консервами и отправится на Таити. «О, Ранатоа, и горы Муреа, и свежий попутный ветер...»

Но между ним и Таити простирался континет и океан, а также другие препятствия. Мысль была хороша для дремоты на солнышке, но явно не для того, чтобы претворить ее в жизнь. Теперь он возвращался в Нью-Йорк к своей работе младшего конструктора яхт в известной фирме «Маттисон и Петерс».

Фары встречной машины приближались. Блейн сбросил скорость до шестидесяти миль...

Хотя должность и носила громкое название, на самом деле все выглядело куда прозаичнее. Старый Том Маттисон сам справлялся с типовыми проектами крейсерских яхт. Его брат Рольф завоевал международную известность своими гоночными яхтами и необыкновенной скоростью выполнения заказов. Что оставалось младшему конструктору?

Блейн чертил планы палубного оборудования и занимался деловой перепиской, рекламой и прочее. Это была ответственная работа, и нельзя сказать, что она не приносила удовлетворения, но он хотел конструировать яхты.

Он понимал, что должен действовать самостоятельно. Но заказчиков было мало, а конструкторов яхт очень много. Как говорила Ларри, это все равно что чертить арбалеты и катапульты. Работа интересная, творческая, но кто все это купит?

— Но ты все-таки мог бы найти сбыт для своих яхт, — сказала она ему с неприятной прямотой. — Почему ты не попробуешь?

Он улыбнулся немного по-детски:

— Действовать — это не мой удел. Я специализируюсь на раздумьях и легком сожалении.

— То есть ты — лентяй?

— Вовсе нет. Это все равно что сказать, будто ястреб — плохой скакун. Нельзя сравнивать разные виды. Я просто не принадлежу к типу «деловых» людей. Я планирую, мечтаю, воображаю лишь ради самой мысли, а не ради ее воплощения в вещь.

— Я просто ненавижу такие разговоры, — сказала она со вздохом.

Конечно, он несколько преувеличивал, но во многом был прав. У него имелась приятная работа, солидное положение, квартира в Гринвич-Виллидж, стереопроигрыватель, машина, маленький домик на берегу Чезапик-Бей, отличный шлюп, а ко всему прочему — благосклонность Лауры и нескольких других девушек. Возможно, как заметила Лаура, он попал в «водоворот течений жизни»... Ну и что? Плавно вращающийся водоворот позволяет еще лучше рассмотреть, что находится вокруг...

Встречная машина была уже совсем близко. Блейн бросил взгляд на спидометр и с потрясением заметил, что он увеличил скорость до восьмидесяти миль.

Он отпустил акселератор. Его автомобиль резко дернулся, завилял, его начало заносить в сторону приближающихся фар.

Покрышка? Неисправность в управлении? Руль не поворачивался. Колеса ударились о низкий ограничительный бортик, и машина подпрыгнула. Руль стал вращаться свободно, мотор завыл, как потерянная душа.

Встречная машина попыталась свернуть, но поздно. Сейчас они столкнутся почти лоб в лоб.

«Да, — подумал Блейн. — Я один из них. Из тех глупых баранов, о которых пишут в газетах, что их автомобиль потерял управление в аварии и при этом погибли невинные люди. Боже! Современные машины, современное шоссе, высокие скорости, а рефлексы все те же».

Внезапно совершенно необъяснимым образом руль снова заработал, давая Блейну отсрочку в долю секунды, — Блейн не тронул его. Тогда фары встречной машины ударили в ветровое стекло. Сожаление в нем сменилось возбуждением. На мгновение он возблагодарил надвигающийся удар, он желал его, он хотел ощутить эту боль, хруст костей и смерть.

Потом машины встретились. Возбуждение исчезло столь же быстро, как и появилось. Блейн почувствовал глубочайшую тоску по всему, что он не успел сделать, — по водам, где он не плавал, по фильмам, что не успел посмотреть, по книгам, еще не прочитанным, по девушкам, им не тронутым. Его бросило вперед. Руль вырвало из рук, колонка управления прошла сквозь грудную клетку Блейна и сокрушила позвоночник. Голова его врезалась в толстое, не дающее осколков стекло.

В этот момент он понял, что умирает. Мгновение спустя он был мертв, быстро и ординарно, без боли.

Глава вторая

Проснулся он в белой постели и белой комнате.

— Он уже живой, — сказал кто-то.

Блейн открыл глаза. Рядом стояли два человека в белом. Похоже, это были врачи. Один был пожилой, бородатый, небольшого роста. Второй — далеко не красавец, с красным лицом, лет пятидесяти на вид.

— Как Вас зовут? — спросил пожилой мужчина.

— Томас Блейн.

— Возраст?

— Тридцать два. Но...

— Семейное положение?

— Холост. Но...

— Видите? — сказал пожилой, поворачиваясь к краснолицему коллеге.

— В полном сознании, совершенно.

— Никогда бы не поверил, — сказал краснолицый.

— Естественно. Травмирование при смерти преувеличивалось, как это будет показано в моей будущей книге.

— Хмм... Но депрессия при перерождении...

— Чепуха, — уверенно заявил пожилой. — Блейн, вы хорошо себя чувствуете?

— Да, но я хотел бы знать...

— Видите? — с триумфом сказал пожилой врач. — Снова жив и в полном рассудке. Теперь вы подпишете отчет?

— Думаю, у меня не остается другого выбора, — сказал краснолицый.

Оба врача ушли. Блейн смотрел им вслед, не понимая, о чем это они говорили. К кровати подошла добродушная полная медсестра.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Отлично, — ответил Блейн, — но я хотел бы знать...

— Простите, — сказала медсестра, — пока вам нельзя задавать вопросы, так велел доктор. Вот выпейте, это вас подбодрит... Вот, молодец, не беспокойтесь, все будет в порядке.

Она вышла. Слова одобрения напугали его. Что она имела в виду, когда говорила, что все будет в порядке? Значит, что-то было не в порядке?! Что, что это было? Что он здесь делает, что произошло?

Вернулся бородатый врач, с ним вошла молодая женщина:

— У него все хорошо, доктор, — сказала она.

— Он в полном рассудке, — подтвердил пожилой врач, — отличное соединение, сказал бы я.

— Тогда я могу начинать беседу?

— Конечно. Хотя я не могу отвечать за его поведение. Травма смерти, пусть даже ее значение преувеличивалось, все еще способна...

— Да, спасибо. — Девушка подошла к Блейну и нагнулась над ним.

«Очень привлекательная девушка», — про себя отметил Блейн. Тонко вырезанные черты лица, кожа свежая, словно слегка светящаяся. Блестящие каштановые волосы туго стянуты позади миниатюрных ушей. От нее исходил едва уловимый аромат духов...

Она могла бы быть даже красивой, если бы ее не портила неподвижность лица и напряженная собранность стройного тела. Трудно было представить ее смеющейся или плачущей. Также невозможно представить ее в постели. Нечто фантастическое ощущалось в ней, что-то, напоминающее беззаветного

борца, но, как догадывался Блейн, борьба эта была посвящена ей самой.

— Здравствуйте, мистер Блейн, — сказала она, — меня зовут Мэри Торн.

— Привет! — жизнерадостно воскликнул Блейн.

— Как вы думаете, мистер Блейн, где вы находитесь?

— По-моему, это больница. Думаю... — он замолчал. Он лишь сейчас заметил в ее руке маленький микрофон.

Она сделала быстрое движение. Какие-то люди ввезли и установили у кровати новые аппараты.

— Продолжайте, — снова обратилась Мэри Торн к Блейну. — Расскажите нам, что вы думаете.

— К черту, — сказал Блейн, мрачно наблюдая, как возятся у аппаратов вошедшие. — Что это? Что происходит?

— Мы пытаемся помочь вам, — сказала Мэри Торн, — разве это не в ваших интересах?

Блейн кивнул. «Хоть бы улыбнулась», — подумал он. Неужели с ним что-то случилось?

— Помните аварию? — спросила она.

— Какую аварию?

— В которую вы попали.

Блейн вздрогнул, когда внезапно вспомнил бешеную пляску фар, вой двигателя, страшный удар...

— Да... Сломался руль... мне пробило грудь... потом... потом... я ударился головой...

— Взгляните на свою грудь, — тихо сказала Мэри Торн.

Блейн посмотрел. На груди под пижамой не было даже шрама.

— Невозможно! — воскликнул он. Голос прозвучал как-то нереально. Он ощущал присутствие людей вокруг себя, склонившихся над своими аппаратами, но они казались ему тенями, плоскими, лишенными материальности. Их голоса напоминали жужжание мух на стекле.

— Первая реакция прекрасная.

— Да, действительно превосходно.

— Вы невредимы, — произнесла Мэри Торн.

Блейн взглянул на свое здоровое тело и вспомнил аварию.

— Я не могу в это поверить! — крикнул он.

— Отлично идет!

— Прекрасная комбинация недоверия и веры.

Мэри Торн сказала:

— Тише, пожалуйста. Продолжайте, мистер Блейн.

— Я помню аварию, — сказал Блейн. — Я помню, как меня сплющило, как я... умер.

— Что там, снял?

— Да, черт, великолепно получается!

— Совершенно спонтанная сцена.

— Замечательно! Они будут в диком восторге!

Мэри сказала:

— Немного потише, пожалуйста. Мистер Блейн, посмотрите на себя в зеркало, — попросила Мэри. — Вот оно. Взгляните на свое лицо.

Блейн посмотрел и затрясся, будто в лихорадке. Он дотронулся до стекла зеркала, потом провел дрожащими пальцами по лицу.

— Это не мое лицо! Куда делось мое лицо?! Куда вы дели мое тело и мое лицо?!

Это был кошмар, и он никак не мог проснуться. Плоские люди-тени окружали его, жужжали их голоса, они возились с бутафорскими аппаратами. Странно равнодушные, почти не замечающие его, они были полны смутной угрозы.

Мэри Торн еще ниже склонилась над ним, с красивых губ ее маленького рта сорвались нежные слова кошмара:

— Ваше прежнее тело погибло, мистер Блейн, погибло в автомобильной аварии. Вы помните, как оно умерло. Но нам удалось спасти наиболее ценную вашу часть. Мы спасли ваше сознание, мистер Блейн, и дали новое тело.

Блейн открыл рот, чтобы закричать, и закрыл его.

— Это невозможно, — тихо сказал он.

И все гудели, жужжали голоса-мухи...

— Успокаивается.

— Конечно, я так и предполагал.

— Я ждал, что он немного дольше побуйствует.

— Напрасно. Он начинает сомневаться, и это подчеркивает его дилемму.

— Возможно, но только в чисто сценических понятиях. Посмотри на вещи реально. Бедняга только что узнал, что погиб в автомобильной аварии и возродился в новом теле. И что он говорит? Он говорит: «Это невозможно!» Проклятье! Это не реакция!

— Нет, это реакция! Ты проецируешь.

— Ну, пожалуйста же, — сказала Мэри Торн, — продолжайте, мистер Блейн.

Блейн, глубоко увязший в кошмаре, едва ли обращал внимание на чужие голоса. Он спросил:

— Я на самом деле умер?

Она кивнула.

— И я действительно снова родился на свет в новом теле?

Она снова кивнула, ожидая продолжения.

Блейн посмотрел на нее и на людей-теней, занятых своими картонными аппаратами. Зачем они его мучают? Почему они не могли найти какого-нибудь другого мертвеца? Трупы не подлежат допросу. Смерть — вот древнейшая из человеческих привилегий, дарованная как рабу, так и царю. Смерть — это утешение человека, его право. Но, видимо, это право отменили, и теперь, даже умерев, нам не уйти от ответственности.

Они ждали, пока он заговорит. Может, подумал Блейн, безумие еще сохранило свои наследственные привилегии?

Он мог бы с легкостью переступить грань и проверить это на опыте. Но безумие даруется не каждому. Самоконтроль вернулся к Блейну. Он взглянул на Мэри Торн.

— Трудно, — медленно начал он, — описать, что я испытываю. Я погиб, и в то же время я говорю об этом с вами сейчас. Наверное, ни один человек до конца не верит в свою смерть. Глубоко внутри он считает себя бессмертным. Смерть, кажется, ждет всех остальных, но только не его. Все равно как...

— Давай на этом закруглимся. Он начал рассуждать.

— Думаю, ты прав, — сказала Мэри Торн. — Большое спасибо, мистер Блейн.

Техники, теперь вполне материальные и живые, начали сворачивать аппаратуру. Ощущение неясной угрозы исчезло.

— Подождите, — сказал Блейн.

— Не волнуйтесь, — проговорила она, — остальные ваши реакции мы снимем позже. Нам пока нужна была только спонтанная часть.

— А неплохо вышло, а?

— Мечта коллекционера.

— Подождите! — вскричал Блейн. — Я не понимаю. Где я? Что произошло? Как...

— Я все объясню завтра, — успокоила его Мэри Торн, — мне очень жаль, но сейчас я должна спешить, чтобы отредактировать все это для мистера Рейли.

Техники и аппараты исчезли. Мэри Торн ободряюще улыбнулась Блейну и тоже поспешила вслед за ними.

Блейн чувствовал, что, как это ни смешно, он готов заплакать. Он быстро заморгал. В комнату вошла пожилая добродушная медсестра.

— Вот, выпейте, — сказала она, — это вам поможет заснуть. Вот так, до дна, как послушный мальчик. Теперь ложитесь-ка поудобнее. У вас был трудный день. Тут и умерли, и снова родились, и все такое прочее.

По щекам Блейна скатились две большие слезы.

— Бог мой, — сказала сестра, — вот что нужно было снимать. Это самые настоящие непроизвольные слезы, какие я когда-либо видела. Мне много чего пришлось повидать в этой палате, поверьте, и я могла бы этим умникам с камерами кое-что порассказать о настоящих чувствах, если бы захотела. Они думают, что знают все о секретах человеческого сердца.

— Где я? — слабо спросил Блейн. — Где это все?

— Скажем так, что вы в будущем, — ответила сестра.

— О-о, — простонал Блейн.

И тут он заснул...

Глава третья

Много часов спустя Блейн проснулся, успокоенный и отдохнувший. Он вспомнил белую кровать, белую комнату, вспомнил все.

Он погиб в аварии и снова возродился к жизни в будущем. Тут был еще доктор, который считал, что травму смерти преувеличивают, и другие люди, записавшие его непроизвольные реакции и назвавшие их

мечтой коллекционера, и еще была красивая девушка с неподвижным лицом.

Блейн зевнул и потянулся. Погиб. Погиб в тридцать два года. Как жалко, подумал он, что его жизнь была прервана в самом расцвете. Хороший парень этот Блейн, подавал надежды...

Собственная легкомысленность раздражала его. Нет, не так он должен реагировать.

— Вчера, — строго сказал он себе, — я был обыкновенным младшим конструктором яхт и ехал домой из Мэриленда. Сегодня я — человек, возродившийся в будущем. В будущем! Возродившийся!

Бесполезно. Слова не производили на него никакого впечатления. Он уже успел свыкнуться с идеей, что человек привыкает ко всему, даже к собственной смерти. Особенно к своей смерти! Наверное, можно было бы рубить человеку голову три раза в день на протяжении двадцати лет, и он привык бы к этому...

Далее эту мысль он развивать не стал. Блейн вспомнил Лауру. Может, узнав новость, она напьется с горя или примет пилюлю транквилизатора? А Джейн и Мириам? Узнают ли они хотя бы о его смерти? Наверное, нет. Несколько месяцев спустя они мимолетом удивятся, чего это он так долго не заходит...

Хватит! Все это в прошлом. Теперь он в будущем. Но все, что он успел увидеть здесь, это белую кровать, белую палату, врачей и сестру, людей с записывающей аппаратурой и красивую девушку. Пока что особого контраста с его родной эпохой не ощущалось.

Он вспомнил статьи в журналах, которые читал. Возможно, уже полностью освоена атомная энергия и не нужно платить за свет. Или же уже существуют подводные фермы, всеобщий мир, международный контроль за рождаемостью, свободная любовь, полная десегрегация, вылечены все болезни, осуществлены межпланетные путешествия и создано плановое общество, в котором человек глубоко дышит воздухом свободы.

«Вот так должно было бы быть», — подумал Блейн. Однако существовали менее приятные варианты. Возможно, олигарх с железным лицом держит мир в железном кулаке, а небольшое подпольное движение сражается за свободу. Или маленькие сту-

денистые инопланетяне могли поработить человечество. А возможно, неумолимая болезнь шагает с континента на континент, а может, вся человеческая цивилизация сметена термоядерной войной, и теперь люди снова создают цивилизацию, в то время как банды отщепенцев скитаются по радиоактивным территориям. Впрочем, могли случиться еще миллионы других жутких вещей.

«Однако, — думал Блейн, — человечество всегда старалось избегать крайностей».

— В общем, — сказал Блейн сам себе, — ясно, что это будущее подобно всякому другому будущему. Неопределенно, конечно, но я не предсказатель и не провидец.

Его размышления прервала Мэри Торн, вошедшая в комнату.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, поздоровавшись.

— Как совершенно новый человек, — сказал Блейн абсолютно искренне.

— Отлично. Подпишите, пожалуйста, вот здесь, — она протянула ручку и лист с машинописным текстом.

— Вы чертовски быстро работаете, — сказал Блейн, — что это такое?

— Прочитайте. Этот документ освобождает нас от всякой юридической ответственности за спасение вашей жизни.

— Вы что, спасали мою жизнь?

— Конечно, а как бы вы еще сюда попали?

— Действительно, я об этом не подумал, — признался Блейн.

— Мы спасали вас. Но закон запрещает спасение жизни без предварительного письменного согласия жертвы. У адвокатов корпорации «Рекс» не было возможности заранее получить такое согласие.

— Что это за корпорация?

— Неужели вас никто до сих пор не проинструктировал? — раздраженно спросила она. — Сейчас вы находитесь в штаб-квартире «Рекса». Наша компания известна так же, как «Фраер-фиско» в ваше время.

— А что это такое?

— Ее разве не было? А «Форд» уже был?

— Ага, ясно, — «Форд». Значит, компания «Рекс» известна так же, как в мое время «Форд». Чем она занимается?

— Она производит энергетические установки «Рекс», — объяснила она, — которые используются в космических кораблях, перевоплощающих машинах, потусторонницах и так далее. Именно с помощью такой установки вас вытащили из машины в следующую за смертью секунду и перенесли в будущее.

— Путешествие во времени, — произнес Блейн, — но каким образом?

— Это трудно объяснить, — сказала она, — у вас не хватит научной подготовки. Но я попытаюсь. Вы ведь знаете, что время и пространство — это в принципе одно и то же?

— Разве?

— Да. Так же, как масса и энергия. В ваше время ученые уже знали, что масса и энергия взаимосвязаны. Они уже знали о делении и синтезе материи в недрах звезд. Но они не умели непосредственно воспроизводить этот процесс, так как это привело бы к значительному перерасходу энергии. Лишь потом они получили необходимые знания и создали соответствующие устройства, чтобы делить и синтезировать атомы.

— Это я знаю, — сказал Блейн, — а как путешествовать во времени?

— Долгое время было известно, что пространство и время — аспекты одного явления. Мы знали, что их можно раздробить до составных единиц при наличии соответствующей энергии и трасформировать в иное состояние. Поэтому мы смогли вычислить искажение времени в окрестностях сверхновой и пронаблюдать исчезновение звезды Вольф-Райе, когда ее режим искривления времени ускорился. Но нужен был еще источник энергии, более мощный, чем для инициирования синтеза новых ядер. И когда мы получили все это, у нас появилась возможность взаимозаменять «единицы» пространства и времени, то есть расстояния в пространстве на расстояния во времени и наоборот. Мы могли, например, путешествовать на расстояние в сто лет вместо ста парсеков.

— В общем, я начинаю что-то понимать, — произнес Блейн, — но не могли бы вы повторить все это еще раз и помедленней?

— Потом, потом, — сказала она, — а сейчас распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Документ гласил, что Томас Блейн согласен не предъявлять юридических претензий компании «Рекс» за его спасение без предварительного согласия с его стороны в 1958 году и последующую переноску его жизни в 2110 год.

Блейн расписался.

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы знать...

Но здесь в палату неожиданно вошел мальчик-подросток с большим свернутым плакатом.

— Простите, мисс Торн, — извинился он, — художественный отдел просит сообщить, устроит ли вас это.

Мальчик развернул плакат. На нем был изображен автомобиль в момент столкновения. Гигантская стилизованная рука тянулась к нему в небе и выдергивала водителя из пылающей машины. Заголовок возвещал: «Это сделал «Рекс!»

— Неплохо, — задумчиво сказала Мэри Торн. — Скажи, пусть усилят красные цвета.

В палату вошли новые люди. Блейна это начало немного раздражать.

— В чем дело? — спросил он.

— Потом, потом, — произнесла Мэри Торн. — О, миссис Баннес! Как вам нравится плакат?

В палату набилось уже человек двенадцать. Они сгрудились вокруг Мэри Торн и плаката, совершенно игнорируя Блейна. Один мужчина, занятый разговором с седовласой женщиной, даже присел на край его кровати. Терпение Блейна быстро лопнуло.

— Прекратите! — крикнул он. — Вы что, с ума сошли? Не можете вести себя по-человечески? Убирайтесь ко всем чертям и оставьте меня в покое!

— Боже, — Мэри Торн со вздохом смежила веки. — Этого следовало ожидать. Эд, объясни ему.

Осанистый, с влажным от испарины лбом, Эд подошел к Блейну.

— Мистер Блейн, — сказал он серьезным тоном, — разве не мы спасли вашу жизнь?

— Думаю, что вы, — мрачно ответил Блейн.

— Мы могли бы этого и не делать. И это потребовало много времени, затрат и труда. Но мы вас спасли. Взамен нам требуется огласка и реклама.

— Реклама?

— Да. Ведь вы были спасены при помощи энергетической системы «Рекс».

Блейн кивнул. Теперь он начинал понимать, почему его перенос в будущее был встречен окружающими так по-деловому. На это было затрачено время, деньги и труд, и его спасение было уже, несомненно, рассмотрено во всех отношениях, и теперь они хотят извлечь из него наибольшую пользу.

— Я понимаю, — сказал Блейн, — вы спасли меня для того, чтобы использовать в качестве «гвоздя» в вашей рекламной кампании.

— Ну зачем же так, — грустно сказал Эд. — Ваша жизнь была в опасности, наша продукция нуждается в рекламе, в искре, в маленьком толчке. Мы удовлетворили нужды обеих сторон. Возможно, наши мотивы и не отличались чистым альтруизмом. Но разве вы предпочли бы быть мертвым?

Блейн в знак отрицания покачал головой.

— Конечно нет, — согласился Эд, — ваша жизнь многое для вас значит. Лучше жить сегодня, чем быть мертвым вчера, верно? Тогда почему бы вам не оказать нам небольшую помощь в порядке благодарности?

— Я готов, — сказал Блейн, — но я за вами не поспеваю.

— Понимаю, — сказал Эд, — и сочувствую, но вы знаете законы рекламы: время — это все, мистер Блейн. Сегодня вы — сенсация, а завтра вами уже никто не интересуется. Мы должны использовать факт вашего спасения именно сейчас, по горячим, так сказать, следам.

— Крайне прзнателен вам за спасение моей жизни, даже если и не из чистого альтруизма, — сказал Блейн, — поэтому буду рад помочь вам всем, чем могу.

— Благодарю вас, мистер Блейн, и, пожалуйста, потерпите пока с вопросами. Мисс Торн, начинайте.

— Спасибо, Эд. Внимание всем! Мы получили предварительное «добро» от мистера Рейли. Поэтому продолжим наши действия по плану. Вилли, ты готовишь выпуск утренних газет. Что-нибудь вроде «Человек из прошлого».

— Это уже было.

— Ну и что? Сойдет еще раз.

— Ну, может быть. Значит, человек из 1988 года, выхваченный...

— Простите, — вмешался Блейн, — из 1958 года.

— Значит, человек, выхваченный из горящего автомобиля в 1958 году и мгновения спустя пересаженный в телоноситель. Теперь небольшой абзац о телоносителе. Затем мы сообщаем, что энергетическая система «Рекс» совершила этот перенос на дистанцию в сто пятьдесят два года. Мы расскажем, сколько эргов энергии мы сожгли, или что там мы сожгли? Я сверюсь с инженером относительно терминов. Сойдет?

— Не забудь отметить, что никакая другая энергосистема на такое не способна, — добавил Джо. — И обязательно упомяни о новой системе калибрации, сделавшей такой перенос возможным.

— Все могут не поместить.

— На всякий случай, вдруг пойдет, — сказала Мэри Торн. — Теперь вы, миссис Баннес. Нам нужен очерк об ощущениях Блейна в тот момент, когда его вытащили из прошлого. Больше эмоций. Первые впечатления о поразительном мире будущего. Примерно пять тысяч слов...

Седовласая миссис Баннес кивнула.

— Могу я поговорить с ним сейчас?

— Нет времени, — сказала Мэри Торн. — Сочините сами. Ужас, испуг, удивление. За эти годы все так переменилось. Развитие науки. Он хочет побывать на Марсе. Новые моды не нравятся. Ему кажется, что люди прошлого жили счастливее — меньше техники, больше досуга. Блейн согласится. Ведь вы согласитесь, Блейн?

Блейн молча кивнул.

— Отлично. Вчера мы записали его спонтанную реакцию. Майк, вы с ребятами сделайте пятнадцатиминутный дубликат, пусть желающие смогут приобрести его в любом сенсории. И пусть это на самом деле будет мечта коллекционера. Но вначале краткое описание, каким образом «Рекс» совершил перенос.

— Все понял, — сказал Майк.

— Хорошо. Мистер Брайс, вы отвечаете за солидопрограммы. Блейн будет рассказывать о своих впечатлениях, самочувствии. Пусть сравнит наше время

и свой родной век. Не забудьте упомянуть и систему «Рекс».

— Но я ничего не знаю о вашем времени, — запротестовал Блейн.

— Потом узнаете, — сказала ему Мэри Торн. — Итак, для начала, думаю, хватит. Все по местам. Я иду докладывать мистеру Рейли.

Когда все остальные покинули комнату, она повернулась к Блейну.

— Может, вам кажется, что с вами обошлись гнусно, но дело есть дело в любом веке. Завтра вы станете знаменитостью и, возможно, состоятельным. Поэтому нет причин жаловаться.

Торн ушла. Блейн посмотрел ей вслед. Стройная, самоуверенная. «Интересно, — думал он, — какое наказание в этом веке следует за пощечину женщине?»

Глава четвертая

Сестра внесла на подносе завтрак. Потом пришел бородатый пожилой врач, осмотрел Блейна и нашел его в прекрасной форме.

— Перерождающей депрессии нет и следа, — заявил он, — и травма смерти была явно преувеличена. Блейн спокойно может покинуть кровать.

Вернулась сестра с одеждой: голубая рубашка, свободные коричневые брюки и мягкие серые туфли луковицеобразной формы. Вполне приличный костюм, заявила она ему.

Блейн с аппетитом позавтракал, но прежде чем одеться, он осмотрел свое новое тело в зеркале в ванной.

Прежнее тело Блейна отличалось стройностью и ростом было выше среднего. У него были прямые черные волосы и добродушное, чуть мальчишеское лицо. К тридцати двум годам он привык к своему быстрому, ловкому телу. Он благосклонно принимал некоторые его недомогания и даже перевел их в ранг добродетелей. Он любил свое тело. И при знакомстве с новым испытывал потрясение.

Ростом оно было ниже среднего, с мощными мышцами, выпуклой грудью, широкими плечами. Ноги были немного коротковаты для такого геркулесового

торса, отчего все тело казалось немного неустойчивым. Ладони были большие и мозолистые. Блейн сжал кулак и с уважением посмотрел на него. «Таким кулаком быка свалить можно, — подумал он. — Если здесь еще можно встретиться с быком».

Лицо у него было смелое, угловатое, с выдающейся вперед челюстью, широкими скулами и прямым римским носом. Волосы завивались светлыми локонами, глаза голубые, со стальным оттенком. Это было слегка грубое, но в чем-то даже красивое лицо.

— Не нравится мне это, — с чувством сказал Блейн, — и я ненавижу блондинов с вьющимися волосами.

Новое тело обладало значительной физической силой, но он всегда презирал грубую силу. Тело казалось неуклюжим. Такого рода люди всегда натыкаются на стулья, наступают на ноги соседям, слишком громко говорят и слишком обильно потеют. Одежда на них всегда висит мешком. Придется постоянно заниматься физическими упражнениями и даже сесть на диету — прежний владелец тела явно любил поесть.

— Сила — это хорошо, — сказал сам себе Блейн, — если есть к чему ее приложить.

Если тело еще куда ни шло, то лицо вовсе не нравилось Блейну: с грубо вырезанными чертами, сильное, суровое. Такие лица хороши для армейских сержантов и первопроходцев в джунглях, но не для человека, привыкшего наслаждаться культурным обществом. Им недоступны нюансы выражений. Такое лицо способно лишь хмуриться, на нем отражаются только простые эмоции.

Для пробы он попытался жизнерадостно улыбнуться. В результате получилась ухмылка сатира.

— Жулики, — с горечью сказал он.

Было ясно, что качества его тела и его сознания не соответствуют друг другу. Сотрудничество между ними казалось невозможным. Конечно, его личность могла бы перестроить тело, но, с другой стороны, его тело тоже могло кое-что потребовать от личности.

— Посмотрим, — сказал Блейн своему впечатляющему телу, — кто хозяин.

На левом плече имелся длинный рваный шрам. «Странно, — подумал Блейн, — где же оно могло

получить такую страшную рану?» Затем его начал беспокоить вопрос: куда девался прежний владелец тела? Вдруг он притаился в каком-нибудь уголке мозга и только и ждет возможности захватить власть над телом.

Гадать не имело смысла. Со временем он, возможно, найдет ответ и на этот вопрос.

Блейн последний раз взглянул на себя в зеркало, и то, что он увидел, ему не понравилось.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — приходится брать, что дают. Живому — что хочется, а мертвому — что придется.

И начал одеваться.

К вечеру в палату вошла Мэри Торн.

— Все, — сказала она без предисловий.

— Что все?

— Все кончено, все позади! — она бросила на Блейна взгляд, полный горечи, и принялась мерить шагами комнату. — Вся наша рекламная кампания рухнула.

Блейн уставился на нее. Новость была интересная, но еще интереснее было видеть на ее лице следы эмоций. До сих пор она строго себя контролировала — и вот на ее щеках появился румянец, маленькие губы сжались в горькой улыбке.

— Я два года убила на эту идею, — пожаловалась она, — компания истратила бог знает сколько миллионов, лишь бы доставить вас сюда. Все уже было приведено в действие — и тут этот проклятый старикашка Рейли велит трубить отбой...

«Она красивая, — подумал Блейн, — но собственная красота не приносит ей радости, это только деловое качество, вроде представительности или умения пить не пьянея, и она пользуется им, когда нужно. Слишком много жадных рук тянулось к Мэри Торн, — предположил он, — но она не приняла ни одной. И когда руки продолжали тянуться, она познала презрение, холодность и наконец ненависть. Все это немного фантастично, — решил Блейн, — но на этом мы остановимся, пока не обнаружится диагноз поточнее».

— Проклятый тупой старикашка... — бормотала Мэри Торн, — это Рейли, наш президент...

— Он решил не проводить кампанию?

— Да, он требует ее полностью заглушить. Боже мой! Два года потеряно впустую.

— Но почему? — спросил Блейн.

Мэри Торн устало опустила голову.

— Есть две причины, и обе глупейшие. Во-первых, законы. Я сказала ему, что вы подписали документ и теперь все в руках наших юристов, но он все равно боится. И он не хочет неприятностей с правительством в связи с пересадкой. Представляете, напуганный старикашка управляет «Рексом»? Во-вторых, он опять посоветовался со своим дедушкой-маразматиком, и дедушке идея не понравилась. Ей пришел конец. И это после двухлетней подготовки!

— Простите, — вмешался Блейн, — вы что-то сказали о пересадке?

— Да, Рейли намерен попробовать. Лично я думаю, что на его месте умнее было бы умереть, поставив точку.

Такое утверждение было вызвано, вероятно, горечью, но горечи в голосе Мэри Торн не чувствовалось. Она словно отмечала обыденный факт.

— Вы думаете, ему следовало бы умереть, вместо того чтобы попробовать пересадку?

— Именно так... Впрочем, я забыла, что вас не ознакомили... Если бы он принял решение немного раньше! Да еще этот выживший из ума дедушка со своим «нет»!

— А почему Рейли не мог раньше спросить дедушку? — поинтересовался Блейн.

— Он спрашивал, но дедушка не отвечал.

— Понимаю. А сколько ему лет?

— Дедушке Рейли? Когда он умер, ему было восемьдесят один.

— Что?!

— Да, он умер примерно шестьдесят лет назад. Отец Рейли тоже умер, но он не вступает в беседы, а жаль. У него была деловая хватка. Что вы так на меня уставились, Блейн? Ах, я опять забыла, вы ведь ничего не знаете... Все очень просто.

Секунду она стояла в раздумье, потом решительно повернулась и пошла к выходу.

— Куда вы?

— Скажу Рейли все, что я о нем думаю. Он не должен так поступать! Он обещал!

Внезапно к ней вернулась прежняя сдержанность.

— Что касается вас, Блейн, то, я думаю, нужда в вас отпала. У вас есть жизнь и тело, чтобы жить. Вы можете уйти отсюда в любой момент.

— Спасибо, — сказал Блейн, когда она вышла из комнаты.

Одетый в те же коричневые штаны и голубую рубашку, Блейн покинул лазарет и пошел вдоль длинного коридора, пока не оказался у дверей. Возле них стоял охранник в форме.

— Простите, — сказал Блейн, — эта дверь ведет наружу?

— Что?

— Эта дверь ведет наружу из здания корпорации «Рекс»?

— Ну да, конечно, наружу, на улицу, — удивился охранник.

— Благодарю. — Блейн колебался. Все-таки ему могли бы дать хоть какие-нибудь инструкции. Он хотел расспросить охранника о новом Нью-Йорке, новых обычаях и правилах, что стоит посмотреть, а чего следует опасаться. Но охранник, судя по всему, никогда не слышал о человеке из Прошлого и смотрел на Блейна выпученными глазами.

Идея нырнуть в жизнь Нью-Йорка 2110 года, без денег и друзей, была Блейну не по душе. Но он ничего не мог поделать, да и гордость тоже кое-что значит. Лучше рискнуть и попробовать собственные силы, чем идти на поклон к этой твердокаменной мисс Торн.

— Нужен ли пропуск, чтобы выйти наружу? — спросил он с надеждой у охранника.

— Нет, с пропуском только входят, — охранник подозрительно нахмурился. — Послушайте, что это с вами?

— Ничего, — Блейн открыл дверь, все еще не веря, что ему позволяют так просто уйти. Но почему бы и нет? Он находится в мире, где люди разговаривают с умершими дедушками, где существуют космические корабли и потусторонницы, где человека выдергивают из прошлого ради рекламной кампании, а потом легко сбрасывают со счетов.

Дверь закрылась. За спиной возвышалась серая громада «Рекс Билдинг». Перед ним простирался Нью-Йорк.

Глава пятая

На первый взгляд город напоминал Багдад в изображении сюрреалиста. Он увидел какие-то приземистые дверцы из белой и голубой плитки; стройные красные минареты, правильной формы здания с уступчатыми китайскими крышами, купола в виде луковиц, увенчанные шпилями. Казалось, на город обрушилась эпидемия увлечения восточной архитектурой. Блейн едва мог поверить, что находится в Нью-Йорке. Бомбей, возможно. Москва или Лос-Анджелес, но только не Нью-Йорк. С облегчением он заметил наконец очертания знакомых глазу небоскребов. Они казались одинокими хранителями памяти о том Нью-Йорке, каким он его знал.

По улицам двигались миниатюрные экипажи, мотоциклы и мотороллеры, легковые автомобили размером не больше прежних, грузовики величиной с «бьюик». «Наверное, — подумал он, — город таким путем борется с перенаселенностью и загрязненностью воздуха. Если это так, то вряд ли этот способ особенно помог».

Основное движение было в небе: винтовые и реактивные аппараты, аэробусы, авиетки, такси-геликоптеры и летающие автобусы с надписями «Воздухопорт-Монтаук, II уровень». Блестящие точки обозначали вертикальные и горизонтальные коридоры, где происходило движение, совершались повороты, подъемы, спуски и остановки. Вспышки красного, зеленого, желтого и голубого света, казалось, регулировали движение. Здесь наверняка были свои правила, но неопытному глазу Блейна все представлялось сплошной неразберихой.

В пятидесяти футах над его головой находился еще один пешеходный уровень с магазинами. Как туда добираются люди? И вообще, как человеку удается сохранить ясность ума в недрах этой шумной, переполненной машины? Плотность толп удивляла, казалось, он утонул в море человеческих тел. Сколько же народу живет в этом супер-сити? Пятнадцать миллионов, двадцать? По сравнению с этим, Нью-Йорк 1956 года казался просто деревней. Блейн остановился, чтобы привести в порядок свои впечатления. Но тротуар был заполнен прохожими до преде-

ла, его начали толкать. Нигде не было видно ни парков, ни скамеек.

Он заметил людей, стоявших в какой-то очереди, и встал последним. Не спеша, очередь продвигалась вперед. Блейн двигался вместе с ней. В голове глухо стучало, он пытался отдышаться. Вскоре он полностью овладел собой и с уважением подумал о новом сильном теле. Наверное, человеку из прошлого требуется именно такая солидная оболочка, если он хочет сохранить хладнокровие, сталкиваясь с миром будущего. Флегматичная нервная система имеет свои преимущества.

Очередь в молчании продвигалась вперед. Блейн обратил внимание, что стоявшие в ней мужчины и женщины бедно одеты, вид у них был какой-то неопрятный, угрюмый и отчаянный. Может, это за бесплатной едой?

Он тронул плечо стоявшего впереди мужчины.

— Извините, — сказал он, — за чем это очередь?

Человек повернул голову и посмотрел на Блейна воспаленными красными глазами.

— За местом в кабине для самоубийц, — он указал подбородком в голову очереди.

Блейн поблагодарил и быстро покинул очередь. Что за зловещее начало для первого дня в мире будущего?! Кабины для самоубийц! Нет, по своей воле он ни в одну из них никогда не пойдет! В этом Блейн был абсолютно уверен. До этого он просто не может дойти.

Но что это за мир, где существуют такие кабины? Бесплатные к тому же, судя по клиентам. Надо быть осторожным с бесплатными дарами этого мира.

Блейн продолжал двигаться по тротуару, разглядывая здания, постепенно привыкая к пестрому, лихорадочному, переполненному городу. Он остановился у готического здания, похожего на замок. С верхнего ряда зубцов свешивались вымпелы, на самой высокой башне горел зеленый сигнал. Здание выглядело важным сооружением. Блейн некоторое время рассматривал его, затем заметил мужчину, прислонившегося к стене и раскуривающего тонкую сигару. Казалось, он был единственным человеком в Нью-Йорке, который никуда не спешил. Блейн подошел к нему.

— Простите, сэр, вы не знаете, что это за здание?

— Это, — ответил мужчина, — штаб-квартира корпорации «Мир иной».

Он был высокого роста, с мрачным и обветренным лицом, глаза слегка прищурены, прямой взгляд. Одежда сидела на нем мешковато, указывая, что ее владелец больше привык к джинсам, чем к модным брюкам. «Он похож, — подумал Блейн, — на уроженца западных штатов».

— Впечатляет, — проговорил Блейн, рассматривая замок.

— Безвкусица, — заметил мужчина, — но скажу вам честно, я был уверен, что на Земле, да и других планетах, всякий знает, что это за здание. Откуда вы приехали, если не секрет?

— Совсем не секрет. — Блейн подумал, что не стоит выдавать себя первому встречному. Лучше уж сказать, что он издалека. — Видите ли, — начал он, — я из... Бразилии.

— Бразилии? — удивлению мужчины не было предела.

— Да, верхний бассейн Амазонки. Мои родители приехали туда, когда я был ребенком. Каучуковые плантации. Папа недавно умер, и я решил, что надо бы посмотреть Нью-Йорк.

— Я слышал, в тех местах жизнь довольно суровая?

Блейн кивнул, радуясь, что ему не стали задавать дополнительных вопросов. Видимо, его история не была такой уж редкой. Во всяком случае, он нашел себе «дом».

— Сам я, — сказал мужчина, — из Мексикан Хет, в Аризоне. Зовут меня Орк, Карл Орк. А вы Блейн, говорите? Рад познакомиться с вами, Блейн. Знаете, я ведь тоже приехал посмотреть на Нью-Йорк. Тут, конечно, довольно интересно, но народ уж больно шумный и суетливый. Не подумайте, что у нас там все увальни и деревенщина, совсем наоборот. Но здесь человек носится по улице, словно кошка с привязанной к хвосту консервной банкой.

— Очень хорошо вас понимаю, — сказал Блейн.

Несколько минут они обсуждали нервные и безумные привычки жителей Нью-Йорка, сравнивая их со спокойной жизнью в Мексикан Хет и верхнем бассейне Амазонки.

— Слушай, Блейн, как хорошо, что я тебя встретил. Как ты смотришь на то, чтобы промочить горло? — предложил Орк.

— Отлично.

С помощью такого человека, как Орк, Блейн думал найти выход из затруднительного положения. Возможно, в Мексикан Хет найдется работа. Чтобы оправдать слабое знание современности, он может сослаться на дикую Бразилию и частичную потерю памяти. Но потом он вспомнил, что у него нет денег, и начал сочинять вслух историю о якобы забытом в гостинице бумажнике. Орк прервал его на полуслове.

— Слушай, Блейн, — сказал он, концентрируя на Блейне взгляд прищуренных голубых глаз, — я тебе вот что скажу. С такой историей здесь никого не проведешь. Но я думаю, что кое-что все-таки понимаю в характере людей. И хотя я не очень богатый человек, но почему бы тебе не выпить за мой счет?

— Ну что вы, я не могу, — запротестовал Блейн.

— Ни слова больше, — решительно оборвал его Орк. — Если будешь настаивать, завтра платишь ты. А сейчас давай-ка отправимся на исследование ночной жизни этого шумного городишки.

Блейн решил, что таким способом он сможет узнать о будущем не меньше, чем любым другим. То, как люди развлекаются, может сказать очень многое об их жизни. В местах потребления крепких напитков человек выказывает сущность своего отношения к вопросам жизни и смерти, предназначения и свободы выбора. Можно ли отыскать лучший символ Древнего Рима, чем цирк? Весь американский запад выражается в игрищах и родео. В Испании процветает коррида, в Норвегии — прыжки с трамплина. Какой же способ развлечения и приятного времяпровождения определит дух Нью-Йорка 2110 года? Скоро он это узнает.

— Может, заглянем и в Марсианский квартал? – предложил Орк.

Следую за вами, — сказал Блейн, радуясь, что ему удалось соединить удовольствие и жесткую необходимость.

Орк повел его через лабиринт улиц и уровней, по подземным переходам и виадукам. Они шли пешком, садились в лифт, потом в подземку, потом в коптер-

такси. Сложность переплетающихся улиц и уровней не производила особого впечатления на жилистого фермера.

Они зашли в ресторанчик под названием «Красный Марс» с рекламой настоящей южномарсианской кухни. Блейн вынужден был признаться, что никогда ранее не пробовал марсианской пищи. Орку уже приходилось есть ее несколько раз в «Фениксе».

— На вкус она приятная, — говорил Орк, — но вот только сыт от нее не будешь. Мы потом поужинаем как следует.

Меню было напечатано целиком на марсианском, перевод на английский отсутствовал. Блейн рискнул и заказал «комбинацию номер один». Орк сделал то же. Им подали странного вида смесь из накрошенных овощей и кусочков мяса. Блейн попробовал и едва не уронил от удивления вилку.

— Но это китайская еда!

— Естественно, — сказал Орк, — китайцы первыми высадились на Марсе. Кажется, в девяносто седьмом году. А ведь все, что они едят там, на Марсе, и будет марсианская еда, верно?

— Думаю, да, — согласился Блейн.

— Кроме того, все приготовлено из настоящих, выращенных на Марсе овощей, мутированных трав и специй. Так говорится, во всяком случае, в рекламе.

Блейн не знал, испытывает ли он разочарование или облегчение. Он с аппетитом съел Кио-крх, вкусом сильно напоминающий салат из креветок, и триркоат, он же рулет с яйцом.

— Отчего у них такие непонятные названия? — спросил Блейн, заказывая на десерт один хггдарт.

— Парень, ты совсем отстал от жизни, — захохотал Орк, — эти марсианские китайцы пошли до конца. Они расшифровали марсианские наскальные надписи и начали говорить по-марсиански, но с сильным китайским акцентом, как я подозреваю. Но указать им на ошибку уже никто не мог. Они говорят теперь по-марсиански и думают, как марсиане. Если ты теперь назовешь одного из них китайцем, он даст тебе в глаз. Потому что он марсианин, понял?

Принесли хггдарт. Оказалось, что это миндальное печенье.

Орк расплатился. Когда они вышли на улицу, Блейн спросил:

— Здесь, наверное, много марсианских прачечных?

— Еще сколько! По всей стране их полным-полно.

— Я так и думал, — сказал Блейн, молча отдавая должное марсианским китайцам в их твердости в сохранении традиций.

Они поймали коптер-такси, которое доставило их в Зелен-клуб. Приятели Орка из «Феникса» настойчиво советовали ему не упустить возможности побывать в этом заведении. Это был небольшой, но дорогой и всемирно известный клуб, который посещался каждым уважающим себя туристом, потому что в Зелен-клубе, и только в нем, можно было посмотреть растительное развлекательное шоу.

Им достались места на маленьком балконе, довольно близко от центра зала, который ограждала стеклянная стена. Три уровня столиков опоясывали середину зала, залитую лучами прожектора. За стеклянной стеной было нечто вроде миниатюрных джунглей — несколько квадратных метров буйной растительности, выращенной на питательных растворах. Искусственный ветер шевелил листья плотно посаженных растений самых разнообразных форм, размеров и оттенков.

Таких растений Блейн никогда не видел, вернее, не видел, чтобы растения вели себя подобным образом. Они росли с фантастической быстротой, возникая из крохотных семян и корешков, превращаясь в буйные кусты и могучие стволы, в приземистые папоротники, в огромные цветы, влажные зеленые наросты грибков и цепкие лианы. Они росли и росли, стремительно завершали свой жизненный цикл и усыхали, давая жизнь новым растениям. Но ни один вид, казалось, не был в состоянии воспроизвести самого себя. То и дело возникали мутации, приспосабливающиеся к жестокой окружающей среде. Растения вели битву за пространство для корней внизу, за свободное пространство вверху, пробиваясь к лучам искусственного солнца. Неудачники быстро перестраивали себя на паразитическое существование, душили деревья, к которым им удавалось приклеиться, но вскоре обнаруживали, что новое поколение паразитов приклеилось к ним самим. Иногда во

взрыве технического честолюбия какому-нибудь растению удавалось победить всех конкурентов, преодолеть все препятствия, но новые виды уже прорастали на его теле, тянули вниз и дрались за право взрасти на поверженном трупе. Время от времени на джунгли нападала эпидемия, вызванная какой-нибудь плесенью, тоже растением по своей сути, и вся зелень исчезала в крещендо борьбы за существование. Но потом одно-два отважных растения снова пускали корни в пленку плесени, и вся борьба возобновлялась.

Растения изменяли самих себя, становились то больше, то меньше. Но каким бы ни было их желание победить, как бы изворотливы они ни были, им ничто не могло помочь. Ни один вид не мог одержать окончательную победу, и все попытки вели к гибели.

Блейна это зрелище обеспокоило. Неужели эта фантастическая аллегория могла служить характерной особенностью 2110 года?

Он повернулся к Орку.

— Подумать только, — сказал Орк, — что эти нью-йоркские лаборатории могут сотворить с быстрорастущими мутантами. Все это, конечно, просто ярмарочный балаган. Они повышают скорость роста, усиливают установку на выживание плюс немного радиации — и победить должно самое сильное растение. Я слышал, эти растения расходуют потенциал роста за какие-то двенадцать часов, и после этого их нужно заменять на новые.

— Значит, — сказал Блейн, глядя на корчащиеся в муках, но не теряющие надежду джунгли, — вот чем все кончается. Их заменяют.

— Конечно, — вежливо согласился Орк, уходя от возможных философских осложнений. — С такими ценами они могут себе это позволить. Но это всего лишь балаган. Давай я лучше расскажу о пескорастениях, которые мы выращиваем в Аризоне.

Блейн, потягивая виски, наблюдал, как растут и умирают джунгли.

— В самом пылающем сердце пустыни, — начал Орк, — нам удалось адаптировать фруктовые деревья и овощи к местным условиям без повышения нормы снабжения водой и при таких затратах, что мы теперь можем конкурировать с плодородными землями. Могу сказать тебе, парень, что само поня-

тие «плодородность» скоро сильно изменится. Вот на Марсе, например...

Они покинули Зелен-клуб и направились в сторону Таймс-сквер, исследуя по пути бары. Орк уже выказывал некоторую неясность зрения, но голос его не дрожал, когда он рассказывал об утраченном марсианском секрете выращивания растений на голом песке.

— Когда-нибудь, — заверял он Блейна, — мы узнаем, как удавалось марсианам выращивать пескорастения на одном песке без удобрений и влагофиксаторов.

Блейн успел столько выпить, что прежнее его тело уже дважды очутилось бы в бессознательном состоянии. Но новое мощное тело, казалось, обладало неисчерпаемой емкостью в отношении виски. Это была приятная перемена — хорошо, если тело умеет выпить. Конечно, поспешно добавил Блейн, это не оправдывает многочисленных неудобств нового тела.

Они пересекли пеструю, суматошную Таймс-сквер и вошли в бар на 44-стрит.

Когда им подали заказанные напитки, какой-то маленького роста человек с хитроватым взглядом подошел к ним.

— Привет, парни, — сказал он с опаской в голосе.

— Чего тебе?

— Парни не желают немного поразвлечься?

— Может, и желают, — сказал Орк добродушно, — но они могут сами о себе позаботиться.

Маленький человек нервно улыбнулся.

— Вы не найдете то, что предлагаю я.

— Выкладывай, дружок, что именно ты предлагаешь.

— Понимаете, парни... Стоп! Полиция!

Два полисмена в голубой форме вошли в бар, лениво посмотрели по сторонам и вышли.

— Все в порядке, — сказал Блейн, — что там у тебя?

— Зовите меня Джо, — сказал маленький человек с заискивающей улыбкой. — Я — ведущий в Трансплант-игре, друзья. Самая лучшая игра и наивысшее удовольствие, которое вы только можете получить в этом городе.

— Какой такой чертов Трансплант? — спросил Блейн.

Орк и Джо уставились на него. Джо сказал:

— Эге, друг, скажу тебе без обиды, ты, верно, прямо с фермы. Ты никогда не слышал о Транспланте? Нет? Чтоб мне провалиться на этом месте!

— Ладно, допустим, я именно оттуда, — сказал Блейн, приближая свирепое, грубо очерченное свое лицо к лицу Джо. — Что такое Трансплант?

— Не кричите так, — прошептал Джо, — успокойтесь, и я все объясню. Трансплант — это новая игра с приключениями, друг, понял? Ты устал от жизни? Все уже испытал на своей шкуре? Погоди с выводами, пока не попробуешь Трансплант. Понимаешь, парень, знающие люди говорят, что просто так сексом заниматься уже не модно. Нет, пойми меня правильно, это все еще сойдет для простых грубиянов. Все это еще приводит их звериные сердечки в трепет, да и кто скажет, что это не их право? В смысле продления рода старая приманка природы-мамы пока работает. Но за настоящим удовольствием утонченные люди идут в Трансплант. Трансплант — демократическая игра, парень. Она дает тебе возможность совершить наибольшее число переключений в кого-то еще и почувствовать, что этот другой участвует на девяносто девять процентов. Ничего подобного обыкновенный секс дать не может. Хотел бы ты побывать в шкуре хитрого латино? Обратись в Трансплант. Тебе интересно узнать, что чувствует настоящий садист? Настраивайся на волну с Трансплантом. И не только это. Например, надо ли всю жизнь проводить в теле мужчины? Почему бы не побыть некоторое время женщиной? С помощью Трансплантa ты можешь войти в самую гущу потрясающе сочной жизни одной из наших специально подобранных девочек.

— Вуайеризм, извращение, — сказал Блейн.

— Знаю, знаю я эти ученые слова, — возразил Джо, — все это неправда. Тут никакого подглядывания. Пользуясь Трансплантом, ты действительно там, в том самом теле. Двигаешь восхитительными мускулами, испытываешь все ощущения. Тебе никогда не хотелось побыть тигром, а, фермер? Погоняться за тигриной леди в период спаривания? У нас имеется

тигр, парень, и тигриная леди тоже. Наш каталог тел читается как Энциклопедия. С Трансплантом вы не прогадаете, друзья, и цены у нас исключительно...

— Убирайся, — неожиданно проговорил Блейн.

— Как ты сказал, друг?

Громадная рука Блейна ухватила Джо за лацкан плаща. Он поднял маленького толкача в воздух на уровень глаз и мрачно взглянул на него.

— Забирай свои извращения и выметайся отсюда. Типы вроде тебя торговали всяким старьем во времена Вавилона, а парни вроде меня никогда ничего не покупали. Убирайся отсюда, пока я не свернул тебе шею для испытания садизма.

Он отпустил торговца. Джо поправил плащ и странно улыбнулся.

— Без обиды, друг. Я ухожу. Сегодня ты не в настроении. Трансплант всегда к твоим услугам, фермер. Зачем махать руками?

Блейн двинулся к нему, но его удержал Орк. Джо выскользнул за дверь.

— Не стоит связываться, — сказал Орк, — еще наживешь неприятностей с полицией. Этот мир — старая сточная канава. Выпей, приятель.

Блейн опрокинул стакан виски, все еще кипя внутри. Трансплант! Если это характерное развлечение 2110 года, то в нем он участвовать не будет. Орк прав, это не мир, а сточная канава. Даже у виски появился странный привкус.

Он схватился за стойку бара, стараясь сохранить равновесие. У виски был очень странный привкус. Что с ним происходит? Кажется, у него начала кружиться голова.

Рука Орка легла ему на плечо.

— Ничего, ничего, — говорил он, обращаясь ко всем вокруг, — мой друг, кажется, немного перебрал. Я отвезу его в отель.

Но ведь Орк не знал, какой у него отель. И вообще, он ни в каком отеле не останавливался. Орк! Этот чертов говорливый и ясноглазый Орк что-то подсыпал в его стакан, пока он разговаривал с Джо.

Зачем? Чтобы обчистить его? Но ведь он знал, что у Блейна нет денег. Тогда для чего?

Он попытался стряхнуть руку Орка с плеча, но тот держал Блейна, словно клещами.

— Не волнуйся, — приговаривал он, — я позабочусь о тебе, дружок.

Комната бара лениво вращалась вокруг Блейна. Он вдруг понял, что очень скоро многое узнает о мире 2110 года методом непосредственного восприятия. Слишком много, как подозревал он. Возможно, лучше всего было бы сходить в тихую библиотеку.

Комната бара завращалась все сильнее и сильнее. Блейн потерял сознание.

Глава шестая

Блейн пришел в себя в маленькой, плохо освещенной комнате без мебели, без окон и дверей, с одним вентиляционным отверстием в потолке. Пол и стены были обиты мягким материалом, но обивку уже давно не мыли. От нее сильно пахло.

Блейн сделал попытку сесть — словно две раскаленные иглы впились ему в глаза. Он снова упал на пол.

— Расслабься, — раздался чей-то голос, — после этих капелек нужно немного обождать.

Он был не один в комнате. В углу сидел неизвестный мужчина и смотрел на него. Мгновение Блейну казалось, что его голова сейчас взорвется.

— Что это? — спросил он.

— Конечная остановка, — ответил мужчина. — Тебя упаковали так же, как и меня. Упаковали и доставили в лучшем виде. Теперь им остается только уложить тебя в коробочку и повесить этикетку.

Блейн не понимал, что ему говорят. Он был в неподходящем настроении, чтобы понимать сленг 2110 года. Обхватив ладонями голову, он сказал:

— У меня не было денег. Зачем они это сделали?

— Брось ты, — сказал мужчина. — Зачем они это сделали? Им нужно твое тело, понял?

— Мое тело?

— Оно самое. Для носителя.

Тело-носитель, подумал Блейн, такое же, в каком он сейчас находится. Ну это же очевидно, если подумать. В этом веке требуется запас тел-носителей для разнообразных целей. Но каким образом можно раздобыть тело-носитель? На деревьях они не растут,

из земли их не выкопаешь. Большинство людей по доброй воле не пойдут на продажу собственного тела. Каким же образом пополнять запас? Очень просто. Находишь ротозея, подсыпаешь ему в стакан наркотик, прячешь в укромном месте, стираешь сознание и получаешь тело.

Возникла интересная логическая цепочка, но Блейн был не в состоянии продолжить ее. Голова, судя по всему, решила наконец взорваться.

Немного позже похмелье поутихло. Блейн сел и обнаружил перед собой бумажную тарелку с бутербродом и чашку какого-то темного напитка.

— Ешь, не опасайся, — посоветовал ему мужчина, — они должны о нас хорошо заботиться. Я слышал, что на черном рынке сейчас за тело дают четыре тысячи долларов.

— На черном рынке?

— Парень, да что с тобой? Проснись! Ты что, не знаешь, что имеется черный рынок тел, точно так же, как и открытый?

Блейн отпил из чашки темную жидкость. Оказалось, что это кофе.

Мужчина представился. Оказалось, что его зовут Рей Мелхилл, по профессии механик-контролер с космолета «Бремен». Он был примерно одного возраста с Блейном, ладный, рыжеволосый, с курносым носом и немного выступающими передними зубами. Даже в настоящем своем положении он не терял веселой уверенности человека, который верит — всегда что-нибудь да подвернется. У него была очень белая, покрытая веснушками кожа, не считая красного пятна на шее — старого лучевого ожога.

— Глупая я голова, — рассказывал Мелхилл, — но мы два месяца сидели на астероидной транзитной линии, и я захотел немного повеселиться. И все было бы отлично, если бы я держался с парнями. Но мы как-то разделились. Я очутился в какой-то собачьей норе наедине с подозрительной девчонкой. Она, должно быть, подлила мне капель в стакан — и вот я здесь. — Мелхилл откинулся назад, сцепив руки на затылке. — И это случилось именно со мной! Кто, как не я, всегда говорил парням: держите ухо востро. Держитесь в куче — учил я их. Ты знаешь, меня не так уж и расстраивает то, что я помру. Жалко то,

что эти паразиты загонят мое тело какому-нибудь старику-маразматику, чтобы он еще лет пятьдесят ползал по земле. Вот что меня добивает — мысль о жирном старикашке в моем теле. Боже!

Блейн мрачно кивнул.

— Такова моя печальная повесть, — закончил Мелхилл, снова приободрившись. — А что с тобой произошло?

— Моя повесть довольно длинная, — начал Блейн, — а местами и немного неправдоподобная. Рассказать?

— Конечно, времени хватит, я надеюсь.

— Начинается она в 1958 году. Подожди, не перебивай. Я вел машину...

Закончив рассказ, Блейн облокотился на обивку стены, глубоко вздохнув.

— Ты мне веришь?

— Почему бы и нет, — ответил Мелхилл, — о путешествиях во времени уже давно говорят. Только они запрещены законом и очень дорого стоят. Видно, ребята из «Рекса» не гнушаются ничем.

— И девицы тоже, — добавил Блейн, а Мелхилл усмехнулся.

Оба с минуту помолчали, как старые приятели, потом Блейн спросил:

— Значит, они используют нас для тел-носителей?

— Такое дело.

— Какое?

— Когда пожалует клиент. Я тут уже примерно неделю. Любого из нас могут взять в любую секунду, а может, мы просидим еще неделю или две.

— И они просто сотрут нам сознание?

Мелхилл кивнул.

— Но ведь то убийство!

— Конечно, убийство, — согласился Мелхилл, — но пока мы еще живы. Может, «голубые рубашки» нагрянут с облавой.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. У тебя есть потусторонняя страховка? Может, хоть ты уцелеешь после смерти.

— Я атеист, — сказал Блейн, — и в эти штуки не верю.

— Я тоже атеист, но только жизнь после смерти — факт.

— Брось, — кисло сказал Блейн.

— Говорю тебе, научный факт!

Блейн уставился на молодого космонавта.

— Рей, — сказал он, — как насчет того, чтобы проинструктировать меня? Расскажи вкратце обо всем, что случилось после 1958 года.

— Это трудный вопрос, я не слишком начитанный.

— Дай мне хотя бы представление. Что это за жизнь после смерти, перевоплощение и тело-носители? Что тут у вас происходит?

Мелхилл прислонился к стене и глубоко вздохнул.

— Ладно, попробуем. Примерно в 1968 году уже послали корабль на Луну, а высадились на Марсе лет на 30 позже. Потом была быстренькая война с русскими за пояс астероидов, только там, в космосе. Или это с китайцами воевали?

— Неважно, — сказал Блейн. — Ты про перевоплощение и потусторонний мир расскажи.

— Попробую рассказать, как нам рассказывали об этом в училище. Я проходил курс «Обзор психического выживания», но это уже давно было. Ну-ка, посмотрим, — Мелхилл нахмурился, сосредотачиваясь. — Цитирую: «С самых древних времен человек ощущал присутствие особого мира духов, невидимого глазу, и подозревал, что он сам присоединится к этому миру после смерти тела». Но о раннем периоде ты, наверное, сам знаешь. Древний Египет, китайцы, алхимики и так далее. Я сразу перейду к Райну. Он жил в твое время, исследовал психические феномены. Ты слышал о нем?

— Конечно, — сказал Блейн, — а что он открыл?

— Ничего особенного он не открыл, но заварил всю кашу. После него этими работами занялся Краоск в Вильне, и ему удалось здорово продвинуться вперед. Это было в 1987 году, когда «Пираты» впервые взяли первенство. Примерно в 2000 году появился Бон Ледднер. Он в общих чертах обрисовал теорию послежизни, но доказательств у него не было. И вот мы подходим к профессору Майклу Ваннингу. Не кто иной, как он, поставил это дело на научную основу. Он неопровержимо доказал, что люди не умирают после смерти. Он вступил с ними в контакт, разговаривал с ними, записывал их голоса и так далее. Тут, конечно, начались дебаты, споры, вмеша-

лась церковь. Многие не соглашались. Известный профессор Джеймс Арчер взялся доказать, что все это блеф. Они с Ваннингом спорили много лет.

К этому времени Ваннинг состарился и решил полностью сменить обстановку. Он запечатал некоторые документы в сейфе, сделал несколько тайников, разбросал в разных местах кодовые слова и пообещал вернуться, но не вернулся. Потом...

— Прости, — прервал его Блейн, — но если существует жизнь после смерти, почему Ваннинг не вернулся?

— Не все сразу, пожалуйста, я объясню. Словом, Ваннинг покончил жизнь самоубийством, оставив длинное письмо о бессмертии человеческого духа и неуклонном прогрессе человечества. Его потом часто перепечатывали в хрестоматиях. Позже, кстати, обнаружили, что написано оно призраком, но это уже другая история. Так, где я остановился?

— Он покончил самоубийством.

— Да, и будь я проклят, если он потом не вступил в контакт с профессором Флинном и не рассказал ему, как найти кодовые слова и прочие тайники. Это добило дело. Жизнь после смерти стала фактом. — Мелхилл встал, потянулся и снова сел. — Институт Ваннинга призывал всех не проявлять поспешности, — продолжил он, — но напрасно. Следующие пятнадцать лет известны как Безумные Годы.

Мелхилл странно усмехнулся и облизнул пересохшие губы.

— Эх, если бы я жил в то времечко! Казалось, каждый решил, что можно делать все, что угодно. «Будь дьявол или бог, — пелось в популярной песенке, — в небе ждет тебя пирог». И каждому доставался кусочек пирога: и праведнику и грешнику, и плохому и хорошему. Убийца переселяется в послежизнь точно так же, как и архиепископ. Так возрадуйтесь жизни, друзья, наслаждайтесь плотью, пока она жива, духовности вам хватит и после смерти. Да-да, и они действительно не теряли времени. Полная анархия, даром, понимаешь? Появилась новая религия под названием «осуществление». Она утверждала, что человек обязан испытать все, пока он находится в телесной оболочке, потому что в послежизни придется лишь вспоминать, чем он занимался

на земле. Так удовлетворяйте же всякое свое желание, исполняйте всякую прихоть, исследуйте самые темные свои глубины. Жизнь шла на всю катушку, смерть — на полный ход. Это было сумасшествие. Некоторые фанатики объединялись в клубы пыток и составляли целые энциклопедии мучений. Они коллекционировали пытки, как домохозяйка рецепты. На каждом заседании такого клуба один из членов добровольно вызывался стать очередной жертвой, и они убивали его самым жестоким и извращенным способом. Они стремились испытать все удовольствия и все мучения. Полагаю, им это удалось.

Мелхилл вытер вспотевший лоб и уже более спокойным тоном сказал:

— Я немного интересовался этим временем.

— Я заметил, — сказал Блейн.

— Это, по-моему, интересная вещь. Но потом неожиданно пришел конец. Институт Ваннинга проводил эксперименты. Примерно к 2050 году, когда Безумные Годы были в самом разгаре, они объявили, что мир иной существует, сомнений нет, но не для всех.

Блейн моргнул, но ничего не сказал.

— Это был удар. Ваннинговский институт заявил, что есть доказательства того, что примерно один человек из миллиона попадает в послежизнь. Все остальные миллионы жизней просто исчезают, гаснут, как спички. Пуфф! И все. И никакого иного мира, вообще ничего.

— Почему?

— Понимаешь, Том, я и сам не до конца уяснил это. Если бы ты спросил меня что-нибудь насчет регулировки подачи топлива, я бы тебе объяснил, но психика — не моя область. Поэтому постарайся не терять ход мыслей, пока я буду вспоминать. — Он энергично потер лоб. — Значит, после смерти выживает или не выживает именно сознание. Люди тысячелетиями спорили, что же такое сознание, как оно связано с телом и так далее. Мы еще на многие вопросы не получили ответы, но уже имеются некоторые рабочие определения. В наши дни сознание рассматривается как высокоорганизованная энергетическая сеть, которая генерируется самим телом,

определяется телом и сама может оказывать влияние на тело. Уловил?

— Думаю, да, продолжай.

— Таким образом, сознание и тело взаимно влияют друг на друга. Но сознание может существовать и отдельно. Многие ученые считают, что такова следующая ступень эволюции. Через миллионы лет, говорят они, нам уже не понадобится тело, разве что для короткого инкубационного периода. Я лично не уверен, что эта чертова толпа проживет еще миллион лет. Черта с два они этого заслуживают.

— В этом я с тобой согласен, — заметил Блейн, — но давай вернемся к послежизни.

— У нас имеется, значит, сознание — высокоорганизованная паутина. Когда умирает тело, эта паутина должна отправляться в непосредственное существование. Смерть — это просто процесс, освобождающий сознание от тела. Но этого не происходит из-за «травмы смерти». Некоторые ученые считают, что эта самая травма — природный механизм, извлекающий сознание из тела, но только работает он слишком мощно и все портит. Смерть — это сильный энергетический шок, и в большинстве случаев энергетическая сеть рвется, ломая свою структуру. Она уже не в состоянии самовосстановиться, она растворяется — и теперь человек уже полностью мертв.

— Так вот почему Ваннинг не вернулся назад, — сказал Блейн.

— Да, и большинство других тоже. Многие люди как следует поработали головами, и на этом Безумные Годы закончились. Институт Ваннинга продолжал работу. Они изучали йогу и все такое прочее, но на научной основе. Понимаешь, у некоторых из этих восточных религий мысль была верной — укреплять сознание. Это и нужно было ученым: усилить энергетическую паутину так, чтобы она могла пережить момент смерти.

— И они сделали это?

— Еще бы. Примерно в это же время они сменили название корпорации на «Мир иной».

Блейн кивнул:

— Я проходил сегодня мимо их здания... Эй, погоди! Ты сказал, что они нашли способ укреплять

сознание? Тогда никто больше не умирает? Все отправляются в послежизнь?

Мелхилл ядовито улыбнулся.

— Ну ты и скажешь, Том. Думаешь, они делятся секретом бесплатно? Держи карман шире! Это сложный электрохимический процесс, и они берут за него гонорар. И очень солидный гонорар.

— Значит, на небо переселяются только богачи, — заметил Блейн.

— А ты что думал? Что они пустят туда всех одной командой?

— Понятно, понятно, — торопливо сказал Блейн. — Но ведь есть и другие способы укрепления сознания — йога или дзен-буддизм?

— Они тоже годятся. Существует по крайней мере дюжина разрешенных правительством способов психовыживания. Все дело в том, что на то, чтобы добиться результата, уходит самое малое двенадцать лет. Нет, теперь без машин в послежизнь не пробраться.

— А машинами располагает только «Мир иной»?

— Есть еще две организации: «Академия послежизни» и «Небеса, лтд», но цены примерно те же. Правительство начало работу над проектом послежизненной страховки, но нам это уже не поможет.

— Это точно, — вздохнул Блейн.

Мгновение перед его глазами сияла мечта, ослепительная, как молния: освободиться от всех смертных грехов, получить твердую уверенность в существовании после смерти, но этой мечте не суждено сбыться. Будущее осталось за порогом сегодняшнего дня.

— А что такое перевоплощение и тело-носители? — спросил он.

— Ты мог бы догадаться, — сказал Мелхилл. — Они пересаживают твое сознание в тело-носитель. Трансплант-операторы с удовольствием объяснят тебе, что переключение сознания — это простое дело. Трансплант — это временное перемещение сознания, и оно не подразумевает разрушения старого хозяина тела. Носитель же дается насовсем. Сначала стирают сознание хозяина. Потом наступает опасный момент, когда сознание-перевоплощенец пытается войти в тело-носитель. Иногда, понимаешь ли, сознание оказывается не в состоянии войти в тело-носитель и раз-

рушается. Послежизненная обработка не всегда срабатывает в условиях перевоплощения. И тогда — пуфф! Песенка спета.

Блейн кивнул. Теперь он понял, почему Мэри Торн желала Рейли спокойно умереть.

— А зачем человеку с послежизненной страховкой прибегать к перевоплощению? — спросил он.

— Потому что некоторые пожилые люди боятся умирать, — ответил Мелхилл. — Они боятся иного мира, всего этого призрачного антуража. Они желают остаться здесь. На Земле. Поэтому они покупают тело-носитель на открытом рынке, если им, конечно, удается найти подходящее. Если нет, они покупают его на «черном» рынке. Одно из наших тел, парень.

— Значит, на открытом рынке люди продают тела добровольно?

Мелхилл кивнул.

— Но кто же согласится продать тело?

— Какой-нибудь очень бедный человек, ясное дело. По закону он должен получить компенсацию в виде послежизненной страховки, но фактически ему приходится брать, что дают.

— Нужно быть просто не в своем уме!

— Ты так думаешь? — удивился Мелхилл. — Сейчас, впрочем, как и всегда, в мире полно больных, умирающих от голода людей. А если ему надо купить хлеб для своих детей? Единственное, что он может продать, — это свое тело. В твое время у них не было даже такой возможности.

— Возможно, — сказал Блейн, — но как бы плохо мне ни пришлось, я бы никогда не продал свое тело.

Мелхилл от души расхохотался.

— Силен, парень! Том, да ведь они заберут его бесплатно!

Блейн не знал, что ему ответить.

Глава седьмая

Время внутри камеры с обитыми стенами тянулось крайне медленно. Блейну и Мелхиллу приносили газеты и журналы. Их хорошо кормили, подавая еду в бумажной посуде. За ними неусыпно наблюда-

ли, чтобы они не причинили ни малейшего вреда своим дорогостоящим телам. Держали их вместе, чтобы не было скучно. Люди в одиночных камерах иногда сходили с ума, а безумие наносило непоправимый вред столь ценным мозговым клеткам. Им даже разрешали под строгим наблюдением делать физические упражнения для сохранения тела в форме.

Блейн за эти дни очень привязался к своему мощному, коренастому телу, с которым он так скоро расстанется. Таким телом можно гордиться, решил Блейн. Конечно, оно не отличается грацией, но не стоит преувеличивать значение грации. В противовес этому недостатку это тело, как он полагал, не было подвержено сенной лихорадке, от чего страдало его прежнее тело, да и зубы были очень крепкие. В общем, с таким телом жалко было разлучаться.

Однажды, когда они поели, часть обивки отошла в сторону. В комнату через стальную решетку заглянул Карл Орк.

— Здорово, — сказал Орк. Он был все такой же жилистый, одежда так же свободно висела на нем. — Как поживает мой бразильский корешок?

— Подонок ты, — сказал Блейн, жалея, что не может выразиться более сильно.

— Не стоит! — сказал Орк. — Как тут у вас с едой? Хватает?

— Убирайся на свою вонючую ферму в своей вонючей Аризоне!

— А у меня и на самом деле есть одна, — сказал Орк. — Думаю пожить там в старости, занимаясь разведением пескорастений. Но ранчо и послежизненная страховка стоят денег. Каждый добывает их как может.

— И стервятники добывают пищу как могут, — вздохнул Блейн.

— Что поделаешь, дело есть дело, и оно не хуже некоторых других, если хорошенько подумать. Мы живем в грязном мире. Может быть, я с сожалением вспомню обо всем этом, когда буду сидеть на крыльце маленького ранчо.

— Ты до него не доживешь, — сказал Блейн.

— Не доживу? — удивился Орк.

— В один прекрасный день тебя поймают за руку, когда ты будешь добавлять кому-нибудь в стакан

капельки. И найдут тебя, Орк, в канаве, с дырой в голове. И будет тебе на том конец.

— Конец моего тела, — поправил Орк. — А душа моя отправится в радостную Послежизнь. Я уплатил денежки, сынок, и меня ждут на небесах.

— Ты этого не заслужил.

Орк ухмыльнулся, и даже Мелхилл не смог сдержать улыбку.

— Мой бедный бразильский друг, — сказал Орк, — дело не в том, кто и что заслужил. Пора бы тебе это запомнить. Послежизнь — не для слабых и застенчивых, пусть и самых достойных. Только у крепкого парня с долларами в кармане и ушками на макушке душа имеет шанс отправиться в новый путь.

— Не верю, — сказал Блейн, — это несправедливо.

— Да ты идеалист, — заметил Орк, с интересом разглядывая Блейна.

— Называй это как хочешь. Наверное, ты получишь свою послежизнь, Орк. Но я надеюсь, что в каком-нибудь уголке иного мира твоя душа будет гореть в вечном огне!

— Научных доказательств адского огня не существует, — заметил Орк. — Но мы много чего не знаем о Послежизни. Возможно, я буду гореть. И может, на небесах есть специальная фабрика, на которой склеивают обратно особые души, такие, как твоя... Ну, не буду спорить. Мне жаль, но время истекло.

Орк быстро отошел в сторону. Забранная стальными прутьями решетка распахнулась, и в комнату вошли пять человек.

— Нет! — закричал Мелхилл.

Они окружили его. Выказывая большой опыт, они уклонились от ударов космонавта и схватили его за руки. Один из них вставил в рот кляп, и Мелхилла потащили из комнаты.

В дверях показался нахмурившийся Орк.

— Отпустите его! — приказал он.

Те отпустили Мелхилла.

— Идиоты! Вот этого нужно! — он показал на Блейна.

Блейн в это время пытался подготовить себя к потере друга. Внезапная перемена в ходе событий

застала врасплох. Охранники схватили его прежде, чем он успел шевельнуться.

— Извини, — сказал Орк, — но клиент указал именно такое сложение, как у тебя.

Блейн пришел в себя и попытался вырваться.

— Я тебя убью! — закричал он. — Клянусь, я тебя убью!

— Осторожно, не повредите его, — приказал Орк с каменным лицом.

В лицо сунули тряпку. Он почувствовал резкий запах. «Хлороформ», — подумал он.

Последнее, что он помнил, это пепельное лицо Мелхилла, стоявшего в забранных решеткой дверях.

Глава восьмая

Первое, что сделал Томас Блейн, придя в сознание, это убедился, что он по-прежнему Томас Блейн и по-прежнему занимает свое тело. Значит, они еще не стерли его сознание.

Он лежал на диване полностью одетым. Он встал и услышал, как кто-то подходит к дверям снаружи.

Очевидно, они переоценили силу действия хлороформа. У него еще есть шанс!

Он быстро встал за дверь. Она распахнулась, и кто-то вошел в комнату. Блейн сделал решительный шаг вперед и замахнулся.

Он успел сдержать удар, но в его кулаке оставалась еще изрядная энергия, когда кулак ударил Мэри Торн в красиво очерченный подбородок.

Он отнес ее на диван. Через несколько минут она пришла в себя и открыла глаза.

— Блейн, — сказала она, — вы идиот.

— Я не знал, что это вы, — возразил он.

Едва произнеся эти слова, он понял, что это неправда. Он успел узнать Мэри Торн за долю секунды до того, как нанес удар, и его послушное, с быстрыми рефлексами тело могло бы остановить кулак. Но на уровне подсознания им руководила ярость, которая хитро воспользовалась моментом взять верх над Блейном. Заставить его нанести удар этой холодной, равнодушной мисс Торн.

Это происшествие намекнуло Блейну на кое-что, о чем ему думать не хотелось. Он спросил:

— Мисс Торн, кто заставил вас купить мое тело?

Она бросила на него уничтожающий взгляд.

— Я купила его для вас, поскольку сами вы были явно не в состоянии позаботиться о нем.

Значит, смерть ему пока не грозит и толстый старикашка не присвоит его тело, развеяв по ветру душу Блейна. Отлично! Он очень хотел жить. Но почему его спасла именно Мэри Торн?

— Я бы обошелся, — сказал он, — если бы знал об этом мире побольше

— Я как раз собиралась рассказать вам о нем. Почему вы не подождали?

— После всего того, что вы мне сказали?

— Сожалею, что обошлась с вами несколько бесцеремонно. Меня очень расстроило решение мистера Рейли отменить кампанию. Но неужели вы не могли этого понять? Если бы я была мужчиной...

— Вы не мужчина, — напомнил ей Блейн.

— Какая разница? Подозреваю, что у вас несколько устаревшие взгляды на роль и положение женщины.

— Я не нахожу их старомодными, — сказал Блейн.

— Конечно, — она потрогала подбородок, на котором уже вспухал синяк. — Ну что ж, будем считать, что мы квиты. Или вы намерены влепить мне еще одну затрещину?

— Одной достаточно, благодарю вас.

Она встала с дивана и слегка покачнулась. На миг Блейн обнял ее одной рукой и был ошеломлен. Ему представлялось, что ее спортивная фигура будет ощущаться, словно сделанная из стали и проволоки. На самом деле он почувствовал под рукой упругую и неожиданно мягкую плоть. Он стоял так близко, что видел волоски, выбившиеся из-под прически, и маленькую родинку почти у самых волос. В это время Мэри Торн превратилась для него из абстракции в живого человека.

— Я могу стоять самостоятельно, — проговорила она.

Несколько секунд спустя он отпустил ее.

— В данных обстоятельствах, — сказала она, пристально глядя на Блейна, — наши отношения должны оставаться на строго деловом уровне.

Чем дальше, тем удивительнее! Она тоже начала смотреть на него, как на живого человека. Она почувствовала, что он — мужчина, и это ее, видимо, обеспокоило.

Эта мысль доставила Блейну большое удовольствие. Не потому, сказал он сам себе, что ему нравилась Мэри Торн. Просто ему хотелось вывести ее из равновесия, оцарапать блестящую лакировку фасада, поколебать ее чертово самообладание.

— Конечно же, мисс Торн, — согласился он.

— Рада, что вы так думаете, потому что, по правде говоря, вы не мой тип.

— А какой тип вы предпочитаете?

— Я предпочитаю высоких худощавых мужчин, обладающих некоторой утонченностью, грацией движений...

— Но...

— Может, мы позавтракаем? — предложила она весело. — И потом, мистер Рейли хочет вам что-то предложить.

Он последовал за ней из комнаты, кипя от негодования. Неужели она над ним смеялась? Высокие худощавые мужчины! Проклятье! Ведь он таким и был раньше. И внутри своей мускулистой белокурой оболочки он продолжал оставаться им. Если бы только у нее были глаза, чтобы увидеть!

И кто кого вывел из равновесия?

Когда они сели за столик столовой для работников «Рекса», Блейн вдруг вспомнил.

— Мелхилл!

— Что?

— Рей Мелхилл, человек, с которым я сидел в камере. Послушайте, мисс Торн, не могли бы вы выкупить и его? Я верну деньги, как только смогу. Он чертовски славный парень.

Она посмотрела на него с любопытством.

— Я узнаю, что можно сделать.

Она покинула его. Блейн ждал, потирая ладони и жалея, что не может добраться до горла Орка.

Мэри Торн вернулась через несколько минут.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я нашла Орка. Мистер Мелхилл был продан через час после вас. Мне действительно очень жаль. Я не знала.

— Ничего, — сказал Блейн. — Наверное, было бы неплохо выпить сейчас чего-нибудь покрепче.

Глава девятая

Мистер Рейли сидел очень прямо в огромном троноподобном кресле, почти теряясь в его глубине. Это был крошечный лысый паукообразный старикашка. Морщинистая кожа туго обтягивала череп и когтеобразные пальцы рук. Блейну представилось, как вяло движется кровь мистера Рейли по дряблым варикозным сосудам. Но держался мистер Рейли уверенно, и глаза на его обезьяньем личике сияли ясным умом.

— А, так вот вы какой, наш человек из прошлого, — сказал он. — Пожалуйста, садитесь, сэр, и вы тоже, мисс Торн. Я как раз обсуждал ваш вопрос с дедушкой, мистер Блейн.

Блейн оглянулся, словно ожидая обнаружить призрачный силуэт дедушки, умершего пятьдесят лет назад, у себя за спиной. Но в богато украшенной комнате не было и следа призрачного родственника.

— Он уже ушел, — пояснил мистер Рейли. — Бедняге удается войти в плазмовую форму лишь на короткое время. Но тем не менее он даст сто очков вперед другим призракам.

Наверное, в лице Блейна что-то изменилось, потому что мистер Рейли спросил:

— Разве вы не верите в призраки, мистер Блейн?

— Боюсь, что не верю.

— Естественно, но я подозреваю, что для вас это слово имеет несколько иной оттенок. Звон цепей, скелеты и прочая чепуха. Но слова меняют свое значение. И даже сама реальность изменяется по мере того, как человек трансформирует природу.

— Я понимаю, — сказал Блейн.

— Вы думаете, я лицемерю? — добродушно продолжал мистер Рейли. — Отнюдь. Подумайте над тем, каким образом слова меняют свое значение. Вспомните, к чему только ни лепили слово «атом-

ный» писатели и фантазеры первой половины двадцатого века? Атом для обыкновенного человека совершенно ничего не значил. Абсурдный термин. Но несколько лет спустя атом стал символизировать картину неотвратимой и совершенно реальной гибели для всех. — Мистер Рейли задумчиво улыбнулся. — Слово «радиация» превратилось из скучного термина в источник раковых опухолей. «Космическая болезнь» в ваше время была пустым и абстрактным понятием, но через пятьдесят лет это означало больницы, забитые корчащимися телами. И так происходит всякий раз, когда практика догоняет теорию, словом, все меняется.

— А призраки?

— Аналогичный процесс. Вы просто старомодны, мистер Блейн, вам нужно изменить вкладываемое в слово понятие.

— Это непросто.

— Это необходимо. Вспомните, всегда существовало множество намеков на появление призраков. Другими словами, прогноз их существования был очень благоприятен. И когда жизнь после смерти превратилась в реальность, призраки тоже стали реальным фактом.

— Наверное, мне сначала нужно встретиться с одним из них, — сказал Блейн.

— Не сомневаюсь, но — к делу. Скажите, как вы себя чувствуете в нашей эпохе?

— Пока что не слишком хорошо.

Мистер Рейли радостно захихикал.

— Охотники за телами не слишком располагают к себе, а? Но вам не следовало покидать здание, мистер Блейн. Это было не в ваших жизненных интересах и, конечно, не в интересах компании.

— Прошу прощения, мистер Рейли, — вмешалась Мэри Торн, — но это была моя ошибка.

Рейли мельком взглянул на нее, потом вновь повернулся к Блейну.

— Печальный инцидент, конечно. Вас следовало, говоря со всей откровенностью, предоставить своей судьбе в 1958 году. По правде говоря, ваше присутствие, мистер Блейн, нас несколько смущает.

— Весьма сожалею.

— Я и мой дедушка пришли к соглашению, несколько запоздалому, однако, — не использовать вас для рекламы. Это решение следовало бы принять раньше. Но что сделано, того, к сожалению, не исправишь. Возможно даже, что правительство возбудит юридическое преследование корпорации.

— Сэр, — сказала Мэри Торн, — юристы убеждены в нашей неуязвимости.

— Конечно, в тюрьму нас не посадят, — проговорил мистер Рейли, — но есть еще общественное мнение, не забывайте о нем. «Рекс» должен заботиться о своей незапятнанной репутации, мисс Торн. Слухи о скандале, намеки на неприятности с законом... Нет, мистер Блейн не может оставаться здесь, в 2110 году, как живое доказательство неверного решения. Исходя из этого, сэр, я хочу сделать вам деловое предложение. Предположим, «Рэкс» оплатит вам послежизненную страховку, гарантирующую вам жизнь после смерти. Согласитесь вы покончить с собой?

Блейн быстро моргнул.

— Нет.

— Почему же? — спросил мистер Рейли.

Блейну ответ казался очевидным. Какой же человек согласится отдать свою жизнь? К несчастью, такие находились. Поэтому Блейн помолчал, разбираясь в собственных мыслях.

— Во-первых, — сказал он, — я не уверен, что Послежизнь существует...

— Предположим, мы убедим вас, — перебил мистер Рейли. — Тогда вы покончите с собой?

— Нет!

— Очень недальновидно с вашей стороны, мистер Блейн. Взгляните на свое положение со стороны: этот век вам чужд, враждебен, вам в нем плохо. Какую вы здесь найдете работу? Вы ведь даже по улице не можете пройтись, не рискуя собственной жизнью.

— Этого со мной больше не случится, я был просто не подготовлен.

— Случится, и не раз. Вы никогда не подготовитесь достаточно хорошо. Вы сейчас в положении пещерного человека, брошенного в ваш же 1958 год. Он будет чувствовать себя достаточно уверенно, опираясь на опыт обращения с мамонтами и саблезубыми тиграми. Возможно, какая-нибудь добрая душа пре-

дупредит его насчет гангстеров, но чем ему это поможет? Спасет от гибели под колесами автомобиля, удара током на рельсах подземки? Его может разрезать на куски механической пилой, он может сломать себе шею в обыкновенной ванной. Нужно родиться среди этих вещей, чтобы жить среди них в безопасности.

— Вы преувеличиваете, — сказал Блейн, чувствуя, как его лоб покрывается испариной.

— Вы так думаете? Опасности леса — ничто по сравнению с опасностями города. А когда город превращается в сверхгород...

— Я не согласен на самоубийство, — заявил Блейн. — Я хочу попробовать. Оставим эту тему.

— Будьте же благоразумны! — раздраженно вскричал мистер Рейли. — Покончите с собой и избавьте нас от множества хлопот! Я могу вам описать ваше будущее, если вы этого не сделаете. Возможно, благодаря чисто животной изворотливости и изобретательности вы протянете год или даже два. В конце концов вы все равно покончите самоубийством. Вы — типичный самоубийца, это написано у вас на лбу. Это ваша судьба, Блейн. Вы покончите со своим жалким существованием и с облегчением покинете измученную плоть. Но Послежизни для вас уже не будет!

— Вы с ума сошли! — воскликнул Блейн.

— В этом вопросе я никогда не ошибаюсь, — спокойно заметил мистер Рейли. — Я всегда узнаю типичного самоубийцу. И дедушка со мной согласен. Поэтому, если вы только согласитесь...

— Нет, — возразил Блейн, — не соглашусь. Боюсь, что вам придется нанять помощника.

— Это не в наших правилах. Я не стану принуждать вас. Лучше приходите днем на мое перевоплощение, познакомитесь с Послежизнью на деле. Возможно, тогда вы передумаете.

Блейн колебался. Старичок усмехнулся.

— Это совершенно безопасно. Может, вы боитесь, что я похищу ваше тело? Своего носителя я выбрал еще несколько месяцев назад, купил на открытом рынке. Честно говоря, ваше тело я не выбрал бы. Слишком неуютно ощущать себя в этакой громадине.

Беседа была окончена. Мэри Торн вывела Блейна из кабинета.

Глава десятая

Комната, где происходило перевоплощение, была устроена как маленький зрительный зал. Ее часто использовали, как узнал Блейн, для лекций и обучающих программ служащих среднего звена. Сегодня здесь присутствовали немногочисленные, избранные зрители. Прибыли управляющие «Рекса» — пятеро среднего возраста мужчин, сидевших в последнем ряду, рядом сидел секретарь-регистратор. Блейн и Мэри Торн сели впереди, как можно дальше от управляющих.

На возвышении сцены, освещенной прожекторами, стоял готовый к действию перевоплощающий аппарат. Два массивных кресла были снабжены привязными ремнями и опутаны многочисленными проводами. Между креслами стоял черный аппарат, соединенный с креслами толстыми кабелями. Несколько техников склонились над машиной, делая последние приготовления. Рядом с ними стоял пожилой бородатый доктор и его краснолицый коллега.

Мистер Рейли вышел на сцену, кивнул присутствующим и опустился в одно из кресел. За ним вышел испуганный мужчина лет сорока с бледным лицом. Это был тело-носитель, нынешний владелец тела, которое скоро перейдет к мистеру Рейли. Он сел в другое кресло, бросив на собравшихся быстрый взгляд, и принялся рассматривать свои руки. Казалось, он был смущен, но на его верхней губе выступили капли пота. Рейли даже не взглянул на него.

На сцене появился еще один человек, лысый, важного вида, в темном костюме с воротником церковного служащего и черной книжкой в руках. Он начал шепотом разговаривать с двумя сидящими в креслах.

— Кто это? — спросил Блейн.

— Отец Джеймс, он священник церкви Послежизни, — ответила Мэри Торн.

— Что это за церковь?

— Это новая религия. Ты слышал о Безумных Годах? Так вот, в то время произошел спор среди деятелей религии.

Самым жгучим вопросом сороковых годов 21 века стал духовный статус Послежизни. После того как

корпорация «Мир иной» объявила о научном обосновании иного мира, разразился долгий скандал. Корпорация изо всех сил стремилась избежать столкновения с религией, но это было невозможно. Большинство церковников считало, что корпорация оттяпала у них солидный кусок исконно церковной территории. «Мир иной», хотела она того или нет, стала провозвестником новой научно-религиозной доктрины: спасения можно достигнуть не путем религиозных и этических мер, а с помощью обезличенной стандартной научной процедуры.

Заседали синоды, конклавы. Некоторые церковные группировки пришли к выводу, что открытое научно обоснованное существование жизни после смерти ни в коем случае не является раем, потому что не затрагивает душу.

Сознание, считали они, не синоним души. И душа не является частью сознания. Допустим, наука открыла способ продлить существование какой-то части тела и сознания. Прекрасно! Но это не затрагивает душу и не означает ее бессмертия и попадания в рай. Душу нельзя спасти научным методом, и ее местоположение после неизбежной смерти сознания в открытом мире будет определяться традиционными религиозными и морально-этическими заслугами человека.

— Ух ты! — воскликнул Блейн. — Кажется, я понял. Они пытались привести науку и религию к сосуществованию.

— Да, — согласилась Мэри Торн, — хотя они все и объясняли гораздо лучше меня. Но это была одна группа церковников. Другие просто объявили научную послежизнь грешным делом. А третьи заявили, что душа все же является частью сознания и, таким образом, они присоединяются к ученым.

— Наверное, это и была церковь Послежизни?

— Да, они выделились в отдельное течение. По их мнению, душа находится в сознании и Послежизнь является продолжением души после смерти.

— Это вполне в духе времени, — пробормотал Блейн, — но мораль...

— По их мнению, это не освобождает людей от моральных обязанностей, — торопливо добавила мисс Торн.

— Наверное, это весьма популярная религия? — спросил он.

— Очень.

Блейн хотел еще о чем-то спросить, но тут заговорил отец Джеймс.

— Уильям Фитсиммонс, — сказал священник тело-носителю, — пришел ли ты сюда по своей доброй воле с целью прекратить свое существование в сем мире и продолжить его в мире духовном?

— Да, отец, — прошептал побледневший тело-носитель.

— И были произведены соответствующие научные процедуры, чтобы ты мог продолжить существование в мире духов?

— Да, отец.

Отец Джеймс повернулся к Рейли.

— Кеннет Рейли, пришел ли ты сюда по своей доброй воле с целью продолжить существование в сем мире в теле Уильяма Фитсиммонса?

— Да, отец, — ответил Рейли, весь сжавшись.

— Позаботился ли ты, чтобы Уильям Фитсиммонс получил доступ в Послежизнь и уплатил ли ты определенную сумму денег наследникам Фитсиммонса и государственный налог, установленный законом для операций подобного рода?

— Да, отец.

— Поскольку все это так, — продолжал отец Джеймс, — дело это чисто как перед законом, так и перед Богом. Здесь не произойдет лишения жизни, потому что сознание Уильяма Фитсиммонса продолжит свое существование в Послежизни, а жизнь и пребывание Кеннета Рейли продолжатся в Жизни земной. Посему начинайте перевоплощение.

Блейну это показалось жуткой смесью обрядов бракосочетания и казни.

Улыбающийся священник отошел в сторону. Операторы прикрепили сидящих к креслам и присоединили электроды к их ногам, рукам и лбам. В зале воцарилась напряженная тишина. Управляющие «Рексом» всем телом подались вперед.

— Начинайте, — сказал Рейли, глядя на Блейна и слегка улыбаясь.

Главный техник повернул диск на панели черной машины. Она громко загудела, свет прожекторов по-

мерк. Оба сидевших в креслах конвульсивно вздрогнули, затем их тела обмякли.

— Они прикончили этого беднягу Фитсиммонса, — прошептал Блейн.

— Этот бедняга, — заметила Мэри Торн, — отлично знает, что делает. Ему тридцать семь лет, и в жизни он оказался полным неудачником. Он не мог долго удержаться ни на одной работе и прежде не имел даже шансов на Послежизнь. Кроме того, у него жена и пятеро детей, которых он был не в состоянии обеспечить. Сумма, которую заплатил мистер Рейли, позволит вдове дать детям приличное образование.

— Урра! — сказал Блейн. — Продается один отец в несколько подержанном теле, но в отличном состоянии. Купите! Какое самопожертвование!

— Вы нелепы, — сказала она. — Смотрите, они уже закончили.

Машину выключили и сняли с сидящих ремни. Операторы и врачи сгрудились вокруг тела-носителя. На сморщенный труп Рейли они не обращали никакого внимания.

— Пока еще ничего! — сказал бородатый доктор.

Блейн почувствовал, как в зале стремительно растет напряжение, смешанное со страхом. Медленно ползли секунды. Тело-носитель плотной толпой обступили врачи и техники.

— Все еще ничего! — крикнул пожилой врач, и в его голосе послышались истерические нотки.

— Что происходит? — спросил Блейн.

— Я уже вам говорила, что перевоплощение — сложный и опасный процесс. Сознание Рейли пока что не смогло войти в тело-носитель. И времени у него осталось мало.

— Почему?

— Потому что тело начинает умирать с той секунды, когда его покидает сознание. Если сознание не присутствует в теле хотя бы в спящем состоянии, начинается необратимый процесс отмирания. Сознание необходимо. Даже в бессознательном состоянии оно регулирует физиологические процессы. Если вообще нет сознания...

— Все еще ничего! — выкрикнул врач.

— Думаю, уже слишком поздно, — прошептала Мэри Торн.

— Дрожь! — крикнул доктор. — Кажется, он вздрогнул!

Последовала долгая пауза.

— Кажется, он вошел! Скорее кислород, адреналин! — Врачи засуетились сильнее.

На лицо носителя опустилась кислородная маска, в руку вонзилась игла шприца. Тело открыло глаза и начало содрогаться в порывах рвоты.

— Он вошел! — закричал пожилой доктор, убирая кислородную маску.

Управляющие, словно по команде, покинули свои кресла и поднялись на сцену.

— Поздравляем вас, мистер Рейли.

— Вы отлично справились, сэр.

— Заставили же вы нас поволноваться, мистер Рэйли.

Носитель уставился на них, потом вытер ладонью пот и глухо проговорил:

— Я не Рейли.

Пожилой доктор растолкал управляющих и наклонился над телом-носителем.

— Вы не Рейли? Может, вы Фитсиммонс?

— Нет, — ответил он, — я не Фитсиммонс, чертов он дурачок. И я не Рейли. Рейли попытался занять это тело, но я был проворнее. Я успел войти первым, и теперь это мое тело!

— Кто вы? — спросил доктор.

Носитель поднялся. Управляющие отпрянули, а один из них быстро перекрестился.

— Тело было мертвым слишком долго, — сказала Мэри Торн.

Лицо носителя сохраняло теперь слабое подобие лица Фитсиммонса. Лицо было смертельно бледным за исключением черных точек щетины на щеках и подбородке. Губы бескровны, прядь черных волос словно приклеилась к холодному лбу. Когда в этом теле еще был Фитсиммонс, черты лица составляли приятное гармоничное целое. Теперь они как бы огрубели и отделились друг от друга. У носителя был расслабленный вид из-за отсутствия мускульного тонуса. Бесстрастные, не сочетающиеся между собой черты просто существовали, ничего не говоря о скры-

вающейся за ними личности. Лицо, казалось, стало не совсем человеческим. Вся человечность жила лишь в больших, внимательных, немигающих, как у Будды, глазах.

— Он превратился в зомби, — прошептала Мэри Торн, схватив Блейна за плечо.

— Вы кто? — спросил доктор.

— Не помню, — ответил зомби.

Он медленно повернулся и начал спускаться со сцены. Двое управляющих преградили ему дорогу.

— Прочь, — сказал он, — теперь это мое тело.

— Оставьте несчастного зомби в покое, — устало сказал пожилой врач.

Управляющие отступили. Он подошел к краю сцены, спустился по ступенькам и подошел к Блейну.

— Я тебя знаю, — сказал он.

— Что? Чего ты хочешь? — нервно спросил Блейн.

— Не помню, — сказал зомби, пристально его разглядывая. — Как тебя зовут?

— Том Блейн.

Зомби покачал головой.

— Это мне ни о чем не говорит. Но я вспомню. Это ты, точно. Что-то... Мое тело умирает, да? Это очень плохо. Но я вспомню раньше, чем оно умрет. Блейн, неужели ты меня не помнишь?

— Нет! — закричал Блейн, отшатываясь. Этот похититель трупов намекал на какой-то общий секрет. Но что общего могло быть между ним и Блейном? Ничего, сказал он себе. Он знал себя, знал, кем был раньше. Ничего, связывающего его с этим зомби, у него не было и не могло быть.

— Ты кто? — спросил Блейн.

— Не знаю, — зомби вскинул руки, словно человек, пойманный в сеть. И Блейну представилось, что должно чувствовать это создание, потерявшее имя, запутавшееся, оказавшееся в ловушке умирающего тела зомби.

— Я тебя еще найду, — сказал зомби Блейну. — Я тебя найду и вспомню все — о тебе и обо мне.

Зомби повернулся и зашагал прочь по проходу из зала. Блейн смотрел ему вслед, пока не почувствовал на своем плече вес чьего-то тела. Мэри Торн потеряла сознание. Впервые она повела себя как женщина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Главный оператор и бородатый доктор спорили между собой у перевоплощающей машины. За спиной каждого уважительно выстроились ассистенты. В ход шли в основном технические термины, но Блейн уловил, что они пытаются найти причину провала перевоплощения.

Пожилой доктор настаивал на том, что, скорее всего, машина была неправильно настроена или же произошел нескомпенсированный спад в энергопитании. Главный оператор клялся, что машина в идеальном порядке. В свою очередь он уверял, что Рейли просто физически не был пригоден к напряжению перевоплощения.

Ни один не хотел уступать, но, будучи благоразумными людьми, вскоре они пришли к компромиссному решению. Виной всему, сообща решили они, был тот безымянный дух, который отбил у Рейли право на тело Фитсиммонса, заняв его.

— Но кто это был? — спросил главный оператор. — Думаете, призрак?

— Возможно, — ответил доктор, — хотя призраку чертовски редко удается овладеть живым телом. Тем не менее, судя по ненормальной речи, он вполне мог быть призраком.

— Кто бы он ни был, — заявил оператор, — он занял тело слишком поздно. Тело определенно превратилось в зомби.

— Совершенно верно, — согласился доктор, — я готов подтвердить полную исправность аппаратуры.

— Вполне справедливо, — кивнул главный оператор. — Я также готов заверить пригодность клиента к процедуре, если судить по его виду.

Они посмотрели друг на друга с полным взаимопониманием.

Управляющие образовали моментальную конференцию, пытаясь определить, какие будут у этого события немедленные последствия для структуры «Рекса», и что следует объявить общественности, и нужно ли дать всем служащим компании выходной день для посещения семейной усыпальницы Рейли.

Тело Рейли, лежавшее в кресле, уже начало коченеть. На мертвых губах застыла ироничная отрешенная усмешка.

Мэри Торн очнулась.

— Пойдемте, — быстро сказала она, направляясь к выходу.

Они торопливо зашагали по длинным серым коридорам.

На улице она остановила коптер-такси и назвала водителю адрес.

— Куда мы летим? — спросил Блейн, когда коптер вышел из виража и лег на курс.

— Ко мне домой. В «Рекс» лучше сейчас не соваться, это будет сумасшедший дом, — сказала она, поправляя прическу.

Блейн откинулся на мягкую спинку сиденья и взглянул вниз, на сверкающий город. С высоты птичьего полета он выглядел, словно изысканная миниатюра из «Тысячи и одной ночи». Но где-то там, внизу, брел сейчас зомби, пытаясь вспомнить его, Блейна.

— Но почему меня? — вырвалось у него.

Мэри Торн посмотрела на него.

— Почему зомби показал на тебя? А почему бы и нет? Разве ты никогда не ошибаешься?

— Естественно, ошибался, но теперь с ошибками покончено.

Она с сомнением покачала головой.

— Возможно, так было в твое время. Теперь ничто не умирает навсегда. Это один из главных недостатков Послежизни. Ошибки зачастую не желают оставаться в мертвом прошлом и неумолимо следуют за тобой по пятам.

— Это я понимаю. Но я ничего такого не сделал, чтобы этот зомби...

Она равнодушно пожала плечами.

— В таком случае, ты лучше многих из нас.

Еще никогда она не казалась Блейну такой чужой.

Коптер пошел на снижение. Блейн грустно размышлял над своим положением.

В своем родном веке он был свидетелем того, как уничтожение многих заболеваний привело в некоторых районах мира к стремительному росту населения, голоду и бедствиям. Он видел, как открытие атомной энергии привело к угрозе атомной катастрофы. Каждое преимущество порождало свой собственный недостаток. Видимо, то же самое происходило и сейчас.

Гарантированная, научно обоснованная жизнь после смерти была, конечно, благом для человечества. Но недостатки... Произошло очевидное ослабление защитного барьера вокруг жизни, в дамбе земного существования появились трещины. Умершие теперь отказывались лежать в своих могилах и вмешивались в дела живущих. Кому от этого польза? Например, призраки теперь — обычное явление, логически вытекающее из законов природы. Но это, конечно, слабое утешение, если вас преследует призрак.

В этом веке, думал Блейн, целый новый слой особого существования вторгся в жизнь человека, подобно тому, как зомби совершенно не к месту вторгся в жизнь Блейна.

Коптер-такси сел на крышу жилого дома. Мэри Торн расплатилась с водителем и повела Блейна к своей квартире.

Квартира оказалась просторной, с приятным оттенком чисто женского стиля и некоторым артистическим талантом в характере меблировки. Здесь оказалось гораздо больше ярких тонов, чем мог предположить Блейн, исходя из невеселого характера мисс Торн. Возможно, ярко-желтые и алые тона являлись проявлением какого-то скрытого желания, компенсацией за ограничения, налагаемые ее деловой жизнью. А может, такова была текущая мода.

В квартире имелся весь набор домашней техники, которая ассоциировалась у Блейна с будущим: саморегулирующееся освещение и очиститель воздуха, кресла с автоматически изменяющимся контуром сиденья, бар на кнопочном управлении.

Мэри Торн скрылась в одной из спален и вскоре вышла оттуда уже в домашнем платье с высоким воротником.

— Итак, Блейн, каковы ваши планы? — спросила она, присаживаясь на кушетку напротив Блейна.

— Я думал попросить у вас взаймы.

— Конечно.

— В таком случае, я думаю снять комнату в отеле и начать поиски работы.

— Это будет нелегко, но я знаю некоторых людей, они могли бы помочь вам.

— Нет, спасибо. Может, это звучит глупо, но я лучше поищу работу сам.

— Нет, это звучит не совсем глупо. Надеюсь, вам повезет. Как насчет обеда?

— Превосходно. Вы умеете готовить?

— Я поворачиваю циферблаты, — пояснила она. — Так, посмотрим. Не хотите ли марсианской еды?

— Нет, нет, спасибо. Марсианская еда приятна на вкус, но сыт от нее не будешь. Не найдется ли у вас бифштекса?

Мэри настроила автоповара, и он, отобрав в кладовке нужные продукты, распаковал их, очистил, вымыл и приготовил, как было заказано. Кроме того, он послал заказ в магазин, чтобы пополнить запасы.

Обед получился отличный, но Мэри, казалось, была несколько смущена. Она извинилась за полностью механизированный процесс приготовления пищи, ведь Блейн прибыл из эпохи, когда женщины сами открывали консервные банки и пробовали приготовляемые блюда. Но у них, видимо, было больше свободного времени.

К тому моменту, когда они допили кофе, солнце уже село.

— Большое спасибо, мисс Торн, — сказал Блейн. — Теперь, если бы вы одолжили мне денег, я смог бы отправиться в отель.

Она взглянула на него с нескрываемым изумлением.

— Ночью?!

— Да, я хочу найти комнату. Вы были очень добры, но я не хотел бы и в дальнейшем...

— Ничего страшного, можете оставаться здесь, — оборвала его Торн.

— Хорошо, — во рту у Блейна вдруг стало подозрительно сухо, а сердце забилось слишком быстро. Он понимал, что в ее предложении нет ничего личного, но его тело, похоже, отказывалось это понимать. Оно реагировало с надеждой и даже с ожиданием на слова антисептической мисс Торн.

Она показала ему его спальню и дала зеленую пижаму. Блейн закрыл за ней дверь, разделся и лег в постель. Свет погас, стоило лишь ему пожелать это вслух.

Немного позже, как и хотело его тело, в комнату вошла Мэри Торн. Она была в чем-то белом, воздушном...

Они лежали бок о бок и молчали. Мэри придвинулась ближе, и он положил руку ей под голову.

— Я думал, — проговорил Блейн, — мой тип вас совсем не привлекает.

— Не совсем так. Я говорила, что предпочитаю высоких худощавых мужчин.

— Я раньше был высоким и худощавым.

— Я так и думала.

Они снова замолчали. Блейну стало немного не по себе, в нем стало расти раздражение. Что все это значит? Он ей понравился? Или это просто обычай эпохи, вроде гостеприимства эскимосов?

— Мисс Торн, я подумал, что...

— Ох, помолчи же! — воскликнула она, внезапно поворачиваясь к нему. Глаза ее в полумраке комнаты казались огромными. — Неужели обо всем нужно спрашивать, Том?

Через некоторое время она добавила:

— В данных обстоятельствах, я думаю, ты можешь называть меня просто Мэри.

Утром Блейн принял душ, побрился, оделся. Когда они позавтракали, Мэри протянула ему небольшой конверт.

— Если понадобится, я могу одолжить тебе больше. Теперь насчет работы...

— Ты мне очень помогла, — перебил ее Блейн, — все остальное я хочу сделать сам.

— Хорошо. На конверте я написала свой адрес и номер телефона. Позвони, пожалуйста, как только найдешь комнату.

— Я позвоню, — пообещал Блейн, пристально глядя на нее. Он не находил даже намека на ту Мэри, что была с ним минувшей ночью. Но пока его вполне удовлетворяла нарочитость ее сдержанности.

В дверях она тронула его за рукав.

— Том, пожалуйста, будь осторожен. И позвони мне.

— Я позвоню, Мэри.

Он отправился, веселый и отдохнувший, в город, собираясь завоевать этот мир.

Глава вторая

Первой его мыслью было пройтись по конторам яхтовых конструкторских бюро. Но вскоре он отказался от этого, представив простого конструктора из 1806 года в конструкторском бюро 1958 года.

Никакой талант не помог бы такому посетителю, если бы его спросили о метацентрическом анализе привального бруса, о диаграммах обтекаемости, точках напряжений или о лучшем местоположении сонара и локатора. Какая компания согласится платить ему жалованье, пока он будет знакомиться с системами редукции, теплообмена и синтетическими парусами?

Возможно, он смог бы подучиться и овладеть технологией 2110 года, но этим он должен заниматься не в рабочее время.

Нет, сейчас ему придется взять любую работу.

Он подошел к газетному киоску и купил микрофильм свежего номера «Нью-Йорк Таймс» и устройство для чтения. Он быстро пропустил объявления о найме квалифицированных работников, где рассчитывать ему было практически не на что, и перешел к неквалифицированным.

«В автокафе требуется наладчик. Базовое знание робототехники».

«Чистильщик корпусов требуется на лайнер Мар-Колинга. Необходима положительная резус-реакция и укрепленная клаустрофобия».

«Требуется инвентаризатор для вредной работы. Должен иметь основные знания по дженклингу. Еда за счет работодателя».

Блейну стало ясно, что в 2110 году он не годится даже для неквалифицированного труда. Перевернув страницу, в разделе «Работа для подростков» он прочел:

«Требуется молодой человек, интересующийся сликтраговыми аппаратами. Хорошие перспективы. Должен иметь базовые знания по математике и навык работы с хутаануравнениями».

«Нужен молодой человек для работы продавца на Венере. Должен иметь базовые знания французского, немецкого, русского и греческого языков».

«Доставка журналов и газет. Эт-кол набирает мальчиков. Должны уметь водить шпреннинг, а также хорошо знать город».

Итак, он не годится даже в продавцы газет. Неужели в этом городе никто не копает ям и не разносит пакетов? Неужели роботы выполняют всю грубую работу? Неужели даже для того, чтобы толкать вагонетку, требуется докторская степень?

За ответом он обратился к первой странице, где начал читать новости дня.

«Ведется строительство нового космодрома в Оксе, Новоюжный Марс».

«Как предполагают, полтергейст виновен в нескольких пожарах в Чикаго. Ведутся попытки изгнания духа».

«Богатые залежи меди обнаружены в сигма-«д» — секторе пояса астероидов».

«В Берлине усилили активность доппельгангеры».

«В Спенсере, Алабама, толпа линчевала и сожгла двух местных зомби. Зачинщики находятся под следствием».

«Ассоциация Атлантических морских пастухов начала очередную конференцию в Вальдорфе».

«Неудачная охота на вервольфа была проведена в Тироле, Австрия. Деревни в округе предупреждены о необходимости вести круглосуточное наблюдение за бестией».

«Берсеркер убил четырех жителей в нижней части Сан-Диего».

«Число жертв аварий геликоптеров достигло в этом году одного миллиона...»

Блейн отложил газету с еще более тяжелым чувством. Призраки, доппельгангеры, вервольфы, полтер-

гейсты... Ему не нравилось звучание этих древних слов, обозначавших сегодня повседневные явления. Он уже повстречался с зомби. Больше ему не хотелось сталкиваться с другими побочными явлениями Послежизни.

Он миновал район театров. Афиши объявляли о гладиаторских боях в «Мэдисон-сквер Гарден», плакаты рекламировали солидовизионные программы и сенсшоу. С грустью Блейну подумалось, что он тоже мог бы стать частью этой ослепительной страны сказок, если бы Рейли не изменил решения. Он мог бы оказаться на одной из этих афиш в качестве «Человека из Прошлого»...

Конечно же! Человек из Прошлого! Блейн внезапно осознал, насколько новое и необыкновенное несет он в себе качество. Корпорация «Рекс» спасла его лишь для того, чтобы эти качества использовать. Но они передумали. Тогда что же мешает ему самому использовать это? И к тому же что ему еще остается? Зрелищный бизнес остался его единственной возможностью.

Он поспешил к гигантскому зданию, где помещались конторы специальных учреждений, и обнаружил, что в списке их имеется целых шесть театральных агентств.

Он остановился на агентстве «Барнекс, Скофилд и Стайлз», сел в лифт, который доставил его на девятнадцатый этаж.

Он оказался в огромной приемной, стены которой украшали роскошные солидографии улыбающихся актрис. В дальнем конце комнаты симпатичная секретарша вопросительно взглянула на Блейна.

Блейн подошел к ее столу.

— Я хотел бы поговорить с кем-нибудь по поводу моего номера.

— Мне очень жаль, — сказала она, — но у нас нет вакансий.

— Это необыкновенный номер.

— Мне действительно очень жаль. Может быть, на следующей неделе.

— Послушайте, — настаивал Блейн, — у меня на самом деле необыкновенный номер. Понимаете, я из прошлого.

— Даже если бы вы были призраком Скотта Мерриваля, вакансий нет. Зайдите через неделю.

Блейн повернулся, чтобы уйти. Мимо него промчался коренастый мужчина, на бегу кивнув секретарше:

— Доброе утро, мисс Тэтчер.

— Доброе утро, мистер Барнекс.

Барнекс! Один из агентов! Блейн бросился за ним вдогонку и поймал за рукав.

— Мистер Барнекс, — проговорил он, — у меня номер...

— У всех номер, — устало отозвался Барнекс.

— Но это уникальный номер!

— У всех уникальный. Отпустите мой рукав. И загляните на той неделе.

— Я из прошлого! — воскликнул Блейн, вдруг почувствовав себя дураком.

Барнекс повернулся и уставился на него с таким видом, словно собирался вызвать полицию.

— Клянусь вам, это правда, — продолжал говорить Блейн. — У меня есть доказательства! Корпорация «Рекс» выхватила меня из прошлого. Спросите у них!

— «Рекс»? — переспросил Барнекс. — Ага, я что-то слышал об этой операции у Линды... Хмм... Зайдемте-ка ко мне в кабинет, мистер...

— Блейн, Том Блейн, — он вошел за Барнексом в тесную комнатку. — Вы думаете, я вам подойду?

— Возможно, — Барнекс подтолкнул Блейна к стулу. — Скажите, мистер Блейн, вы из какой эпохи?

— Из 1958 года. Я обладаю непосредственным знанием тридцатых, сороковых и пятидесятых годов. Некоторый специфический опыт у меня есть — играл в колледже. Одна моя знакомая актриса даже говорила, что у меня врожденный дар...

— 1958 год? Это в двадцатом веке?

— Да, да!

Агент покачал головой.

— Очень плохо. Вот если бы вы были шведом из шестого века или японцем из седьмого, я бы смог вам кое-что найти. Можно было бы еще набрать пару человек из первого века Римской империи и четвертого века англо-саксонского завоевания. Теперь, когда путешествия во времени стали вне закона, очень

трудно кого-нибудь найти из разных веков. А из периода до нашей эры вообще никого нет.

— А как с двадцатым веком? — спросил Блейн.

— Все заполнено.

— Заполнено?

— Конечно. Бен Тернер из 1953 года получает все возможные роли.

— Понимаю, — сказал Блейн, медленно поднимаясь со стула. — И тем не менее спасибо, мистер Барнекс.

— Не за что. Жаль, что ничем не могу помочь. Но в таком близком периоде, как девятнадцатый и двадцатый века, нет ничего интересного... А почему бы вам не сходить к Тернеру? Маловероятно, но, может быть, ему нужен помощник или что-то в этом роде?

Он нацарапал адрес и протянул Блейну.

Оказавшись на улице, Блейн несколько секунд постоял, кляня свою несчастливую звезду. Единственное его уникальное качество было уже узурпировано неким Тернером из 1953-го! Нет, действительно, это просто несправедливо: забросить человека в будущее и забыть о нем.

Ему стало интересно, что же за человек этот Тернер. Что ж, скоро он это узнает. Даже если ему не нужен помощник, будет приятно поговорить с современником. К тому же Тернер здесь уже давно. Может, и подскажет какое-нибудь занятие для человека из двадцатого века в 2110 году.

Он помахал рукой пролетавшему коптер-такси, сел в машину и назвал адрес Тернера. Через пятнадцать минут он уже был на месте.

Дверь открыл полнощекий самоуверенного вида мужчина в халате.

— Вы фотограф? — спросил он. — Тогда вы пришли слишком рано.

Блейн покачал головой.

— Мистер Тернер, вы меня не знаете. Я из вашего столетия, из 1958 года.

— Вот как? — в голосе Тернера послышалось подозрение.

— Меня вытащила сюда корпорация «Рекс». Можете проверить.

— Ну, хорошо, чего же вы хотите?

— Я думал, может, вам нужен помощник или...

— Нет, нет, я не нуждаюсь в помощнике, — Тернер начал закрывать дверь.

— Я так и думал, — проговорил Блейн. — Вообще-то я пришел просто побеседовать с вами. В чужом веке чувствуешь себя довольно одиноко. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь из родного столетия. Я думал, что вам, наверное, будет приятно.

— Мне?! О! — Тернер внезапно улыбнулся театральной улыбкой. — То есть поговорить о старом двадцатом, а? Я с удовольствием поболтаю с тобой, старый друг, но как-нибудь потом. Старый добрый Нью-Йорк, воздушная кукуруза, красотки в парке, роллер-каток на Рокфеллер-плаза... Как я по всему этому скучаю! Но понимаешь, друг, сейчас я немного занят...

— Конечно, — сказал Блейн, — как-нибудь в другой раз.

— Отлично! — Тернер улыбнулся еще шире. — Позвони моему секретарю, ладно, старик? Сам понимаешь, работа. На днях мы как-нибудь здорово поболтаем. Наверное, тебе не помешает пара лишних долларов...

Блейн покачал головой.

— Тогда пока, — с сердечной теплотой сказал Тернер, — и не забудь позвонить.

Блейн поспешил прочь. И так плохо, если у тебя отобрали уникальное качество, но еще хуже, если это сделал второсортный очковтиратель и хронологический самозванец, который и на сто лет не подходил к 1953-му. Роллер-каток на Рокфеллер-плаза! Даже без этой оплошности было видно, что все в этом человеке так и кричало о подделке.

Как печально, что Блейн, видимо, был единственным человеком в 2110 году, который смог бы уличить подмену.

В этот день Блейн приобрел смену белья и набор бритвенных принадлежностей. Затем он нашел комнату в дешевом отеле на Пятой авеню. Всю следующую неделю он искал работу.

Он обошел все рестораны, но оказалось, что люди-посудомойки канули в лету. В космопорте и речных доках всю тяжелую работу давно уже выполняли роботы. Один раз его временно взяли на должность

контролера упаковки пакетов. Но затем отдел кадров фирмы, изучив его психопрофиль, индекс раздражительности и уровень внушаемости, отдал предпочтение коротышке с тупым взлядом, который обладал мало-мальскими знаниями по дизайну пакетов.

Блейн устало возвращался вечером в свой отель, когда вдруг в густой толпе мелькнуло знакомое лицо. Этого человека он узнал бы моментально и где угодно. Это был ладный рыжеволосый мужчина с курносым носом, слегка выдающимися вперед зубами и небольшим красным пятном на шее.

— Рей! — крикнул Блейн. — Рей Мелхилл! — он протиснулся сквозь толпу и схватил мужчину за рукав. — Рей, как тебе удалось вырваться?

Мужчина высвободил рукав и оправил пиджак.

— Я не Мелхилл, — сказал он.

— Как?! Ты уверен?

— Конечно, — сказал тот и возобновил свой путь. Блейн загородил ему дорогу.

— Минутку. Вы выглядите точь-в-точь как он, вплоть до радиоактивного ожога. Вы уверены, что вы не Рей Мелхилл, механик-контролер с космолета «Бремен»?

— Совершенно уверен, — холодно ответил человек. — Вы меня с кем-то спутали.

Человек снова попытался уйти. Блейн бросился за ним, схватил за плечо и рывком развернул его к себе.

— Ах ты, грязный ворюга! Купил себе тело, подонок? — проревел он, замахиваясь кулаком.

Удар отбросил человека, который был так похож на Рея Мелхилла, к стене здания. Тело медленно сползло на тротуар. Блейн устремился к нему. Прохожие быстро кинулись во все стороны.

— Берсеркер! — крикнула женщина, и кто-то подхватил ее крик.

Краем глаза Блейн увидел полицейского в голубой форме, продиравшегося сквозь толпу.

Блейн быстро нырнул за угол, потом за другой, перешел на шаг и оглянулся: полицейских видно не было. Тогда он снова направился к своему отелю.

Это было тело Мелхилла, но занимал его уже другой. На этот раз ему не удалось выкрутиться. Его тело продали какому-нибудь старику, который носил ловкое тело Рея словно плохо сшитый костюм. Теперь

он знал наверняка, что его друг умер. В молчании Блейн выпил за его память в баре рядом с гостиницей.

Когда он проходил мимо стола регистрации, его окликнул дежурный клерк:

— Блейн? Для вас письмо. Подождите минуту, — он скрылся в конторе.

Блейн ждал, раздумывая, от кого же он мог получить послание. От Мэри? Он пока не звонил ей и не собирался этого делать, прежде чем не найдет себе работу.

Клерк вернулся с полоской бумаги, где говорилось: «Томаса Блейна ждет сообщение. Спиритический коммутатор, 23-я улица, время от девяти до пяти».

— Не понимаю, кто мог меня здесь отыскать.

— У духов есть способы, — сказал клерк. — У меня был приятель, так покойная теща отыскала его после трехкратной смены фамилии, транспланта и полной трансформации внешности. Он прятался от нее в Абиссинии.

— Но у меня нет покойных тещ, — буркнул Блейн.

— Нет? Кто же тогда хочет с вами связаться?

— Завтра узнаю и сообщу вам.

Но клерк не уловил сарказма, так как уже открыл свой учебник по заочному обучению ремонту атомных двигателей.

Блейн отправился наверх, в свой номер.

Глава третья

Отдел Спиритического коммутатора на 23-й улице находился в сером каменном здании. Над входом были выбиты слова: «Посвящается свободной коммуникации тех, что живут на Земле, и тех, что живут вне ее».

Блейн вошел в здание и изучил схему помещений. Здесь имелись отделы Исходящих Посланий, Входящих Посланий, Переводы, Отдел Претензий, Просьб и Увещеваний. Он не совсем понимал, чем же занимается Спиритический коммутатор. Вместе со своим вызовом он подошел к справочной кабине.

— Это во Входящие Послания, — сказала ему седовласая служащая. — Прямо через холл, комната 32-А.

— Спасибо, — Блейн поколебался, потом сказал: — Можно задать вам вопрос?

— Конечно, — ответила женщина. — Что бы вы хотели спросить?

— Понимаете... Может, это глупый вопрос... Но что это за организация?

Женщина улыбнулась.

— Это не простой вопрос. В философском смысле Спиритический коммутатор можно назвать шагом к великому единению, попыткой преодолеть дуализм тела и духа, дать замену...

— Нет, — перебил Блейн, — в буквальном смысле.

— Ну, Спиритический коммутатор — это свободная от налогов, основанная на частные пожертвования организация, являющаяся переходным пунктом коммуникации между нашим миром и Пороговым Уровнем Послежизни. В некоторых случаях людям не нужна наша помощь, они могут общаться непосредственно со своими близкими. Но, как правило, требуется энергетическое усиление послания. Наш центр имеет соответствующую аппаратуру, которая делает слышимыми человеческому уху голоса покойных. Мы выполняем и другие услуги, например экзорсизм, передача увещеваний, претензий и так далее.

Она тепло улыбнулась Блейну.

— Я смогла что-нибудь прояснить для вас?

— Большое спасибо, — Блейн направился к комнате 32-А.

Это была небольшая комната с серыми стенами и громкоговорителем на стене. Блейн сел, ожидая, что будет дальше.

— Том Блейн, — послышался из динамика бестелесный голос.

— Что?! Кто это? — Блейн вскочил, бросаясь к двери.

— Том, как у тебя дела, дружище?

Блейн, уже взявшийся за ручку двери, узнал голос.

— Рей Мелхилл?!

— Точно! Я здесь, наверху, куда попадают после смерти эти толстосумы. Неплохо, а?

— Это еще слабо сказано! Но, Рэй, каким образом? Я думал, у тебя нет послежизненной страховки.

— У меня ее и не было. Сейчас я все расскажу. Они пришли за мной примерно через час после тебя.

Я так здорово разозлился, что когда меня усыпили и стерли сознание, то я так и умер злой.

— Что ты чувствовал в тот момент? — спросил Блейн.

— Это было как взрыв. Я распался на тысячу кусочков, стал больше, чем Галактика, потом эти кусочки рвались на еще меньшие, и каждый из них был я.

— И что было дальше?

— Не знаю. Наверное, помогло, что я был такой злой. Я растянулся до предела, дальше некуда, и сжался обратно. С некоторыми это бывает. Я ведь тебе говорил, что несколько человек из миллиона выживают после смерти без специальной подготовки. Я и оказался таким счастливчиком.

— Думаю, ты уже сам обо всем знаешь, — сказал Блейн. — Я пытался помочь тебе, но опоздал — тебя уже продали.

— Знаю, но все равно спасибо, Том. А хорошо ты врезал тому паразиту, который носит мое тело.

— Ты видел?

— А как же! Я не зевал. Кстати, мне понравилась эта твоя Мэри. Симпатичная малютка.

— Спасибо, Рей. Как оно там, в Послежизни?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Так я еще не попал в Послежизнь, Том, я на Пороге. Это предварительная стадия, вроде как мост между Землей и Послежизнью. Это трудно описать. Что-то вроде серого пространства, с одной стороны — Земля, с другой — Послежизнь.

— А почему ты не переходишь? — спросил Блейн.

— Пока не спешу. Тут одностороннее движение. Если ты перейдешь в Послежизнь, назад уже не вернешься. Связи с Землей больше не будет.

Блейн минуту обдумывал его слова, потом спросил:

— Когда ты думаешь перейти, Рей?

— Точно не знаю. Я решил пока остаться на Пороге и посмотреть, как будут идти дела.

— У меня, ты хочешь сказать?

— Ну...

— Спасибо тебе большое, Рей, но не делай этого. Переходи в Послежизнь. Я сам о себе позабочусь.

— Конечно, — сказал Мелхилл, — но думаю, что немного погожу. Ведь ты тоже поступил бы так, верно? Поэтому не спорь. Теперь слушай, ты попал в неприятную историю.

Блейн кивнул:

— Ты имеешь в виду зомби?

— О нем я ничего не знаю, Том, ни кто он, ни что он хочет от тебя. Но хорошего здесь мало, и тебе лучше держаться от него подальше, если он вдруг все вспомнит. Но я имел в виду не это.

— Как?! Это еще не все?

— Боюсь, что да. За тобой, Том, охотится призрак.

Несмотря ни на что, Блейн рассмеялся.

— Что тут смешного? — с негодованием спросил Мелхилл. — Ты думаешь, это шуточки?

— Думаю, что нет, но так ли уж это серьезно?

— Боже, да ты полный невежда! Ты что-нибудь знаешь о призраках?

— Расскажи.

— Так вот, у человека, который умер, есть три возможности. Первая — сознание может раствориться, распасться. И это конец. Вторая — сознание переживает травму смерти, и человек оказывается в Послежизни, на Пороге, становится духом. Эти два варианта тебе известны.

— Продолжай, — попросил Блейн.

— Третий вариант таков: его сознание повреждено травмой, но до конца не уничтожено. Он все-таки пробирается на Порог. Но напряжение для него слишком велико, он теряет разум. И вот это, мой друг, и есть призрак.

— Гм, значит, призрак — это сознание, потерявшее разум в результате травмы смерти?

— Верно. Он безумен и начинает охоту.

— Но почему?

— Призраки охотятся, потому что их заполняет извращенная ненависть, злоба, страх и боль. Они не уходят в Послежизнь, они стараются проводить как можно больше времени на Земле, стремятся напугать человека, ранить его, свести с ума. Охота — это самое античеловеческое деяние, само безумие. Понимаешь, Том? С первых дней человечества существовали призраки, но их число было невелико. Лишь некоторым из миллионов удавалось пережить смерть, и

лишь малый процент выживших терял разум в процессе перехода, превращаясь в призраков.

Но эти немногочисленные представители рода призраков оказали колоссальное влияние на человечество, которое всегда со страхом и благоговением относилось к смерти, напуганное холодным бесстрастием трупа, потрясенное потусторонним юмором улыбки скелета. Веками создававшийся образ смерти казался полным бесконечного смысла, ее угрожающий палец указывал в небеса — в царство духов. Поэтому каждый призрак вызывал слухи и страсти, соответствующие тысяче. В призраков превращались болотные огни, шорох портьер, огни Святого Эльма, большеглазые совы, скребущиеся за стенами крысы. Фольклор развивался, создав ведьму с колдуном, демонов и дьяволов, суккубов и вампиров, инкубов и вервольфов.

Первые исследователи бесстрашно вторглись в этот лабиринт, пытаясь выяснить правду о сверхъестественных явлениях. Были разоблачены многочисленные надувательства, галлюцинации и просто ошибки восприятия. Но были выявлены и действительно необъяснимые явления, не имевшие статистического оправдания.

Все традиции фольклора пошли прахом. Статистически призраки не существовали. Но при всем этом существовало еще неуловимое нечто, которое отказывалось втискиваться в рамки классификации. Факт существования этого нечто игнорировался веками. Наконец развитие научной мысли догнало фольклор, включило в класс строгих научных фактов и придало ему респектабельность.

После открытия Послежизни стало ясно, что иррациональность призраков объясняется существованием безумных созданий в той туманной области между Землей и Послежизнью. Виды потустороннего безумия могли быть классифицированы подобно видам безумия у людей. Тут имелись и меланхолики, безутешно странствующие меж картин их великой страсти; шепчущие гиброфеники с их веселой чепухой; идиоты и имбецилы, принимавшие обличье маленьких детей; шизофреники, представлявшие себя животными; прототипы вампиров и Страшного суда; оборотни-волки, оборотни-лисицы и оборотни-собаки.

Имелись и обуреваемые тягой к разрушению полтергейсты и даже напыщенные параноидальные типы, мнившие себя Люциферами, Вельзевулами, Израэлями и Азазеллами, Духами Рождества, Фуриями, Божественным Провидением и даже самой Смертью.

Охота проистекала из болезни сознания призраков. Они рыдали на старых сторожевых башнях, смешивались с туманом вокруг виселиц, бормотали чепуху на сеансах спиритизма. Они пели, танцевали, плакали к удовольствию доверчивых, пока не появились научные исследования со своими холодными, трезвыми вопросами. Тогда призраки в страхе отступили в область Порога, опасаясь за свои иллюзии.

— Вот, значит, как все было, — закончил Мелхилл, — остальное ты и сам себе представляешь. С тех пор, как появилась корпорация «Мир иной», куда больше людей выживает после смерти. И, соответственно, большее число сходит с ума при переходе.

— Что автоматически увеличивает число призраков, — добавил Блейн.

— Верно. И один из них взял тебя на прицел, — голос Мелхилла звучал все тише. — Поэтому берегись, Том... Мне уже пора.

— Какого рода этот призрак? — спросил Блейн. — Чей он? Почему ты уходишь?

— Пребывание на Земле требует уймы энергии, — почти прошептал Мелхилл, — я уже на пределе... Надо перезарядиться. Ты меня еще слышишь?

— Да, продолжай!

— Я не знаю, где он появится, и я не знаю, чей он призрак. Я спрашивал, но он не сказал... Будь наготове...

— Я понял! — Блейн прижался ухом к динамику. — Рей, я могу еще с тобой поговорить?

— Наверное, — Мелхилла было чуть слышно. — Том, я знаю, ты ищешь работу. Зайди к Эду Франчеллу, 323, Вест, 19-я улица. Работа грязная, но платят хорошо. И гляди в оба...

— Рей! — крикнул Блейн. — Какой это призрак?!

Ответа не было. Он был один в серой комнате.

Номер 323 по 19-й улице оказался ветхим серым зданием недалеко от доков. Блейн взобрался по лестнице и нажал кнопку звонка на двери с табличкой «Эдвард Дж. Франчелл, предприниматель».

Дверь открыл крупный лысеющий мужчина в рубашке и без пиджака.

— Мистер Франчелл? — спросил Блейн.

— Да, это я, — ответил мужчина с решительной веселой улыбкой. — Прошу вас, сэр.

Он провел Блейна в комнату, где остро пахло вареной капустой. Передняя половина помещения была обставлена как кабинет — со столом, полным бумаг, пыльным шкафом-картотекой и несколькими жесткими стульями. В глубине виднелась довольно мрачная гостиная. Где-то в недрах квартиры ревел солидовизор.

— Прошу прощения за беспорядок, — сказал Франчелл, усаживая Блейна на стул. — Все никак не выберу время перебраться в новый офис поближе к центру. Просто завалили заказами... Итак, сэр, чем могу быть полезным?

— Я ищу работу, — сказал Блейн.

— Проклятье! Я думал, вы клиент, — он повернулся в сторону ревущего солидовизора и заорал: — Алиса! Выключи эту адскую машину! — Он подождал, пока сила звука немного уменьшилась, затем вновь повернулся к Блейну. — Дружище, если дела вскорости не поправятся, мне придется самому вернуться в кабину самоубийц у Кони. Работу, значит, ищешь?

— Да. Рей Мелхилл посоветовал спросить у вас.

Франчелл оживился.

— А как дела у Рея?

— Он умер.

— Ай, ай, ай! Хороший был парень. Немного, правда, сорвиголова. Он работал у меня пару раз, когда пилоты бастовали. Не желаете выпить?

Блейн кивнул. Франчелл подошел к шкафу-картотеке и вытащил бутылку пшеничного виски. На этикетке было написано «Селенитка». Он отыскал два небольших стаканчика и наполнил их с шиком опытного человека.

— За покойного Рея, — сказал он. — Наверное, его «упаковали»?

— «Упаковали» и «доставили». Я только что говорил с ним через Спиритический коммутатор.

— Ага, так ему удалось пробраться на Порог! — с восхищением заметил Франчелл. — Дружище, что-

бы и нам так везло! Значит, тебе нужна работа? Так, возможно, я смогу помочь. Ну-ка встань!

Он обошел вокруг Блейна, потрогал бицепсы. Потом остановился, кивнул сам себе, опустил глаза и вдруг стремительно ударил Блейна в лицо. Правая рука мгновенно взлетела в воздух, парируя удар.

— Хорошее сложение, отличные рефлексы, — одобрил Франчелл. — Думаю, ты подойдешь. С оружием обращаться умеешь?

— Не очень, — признался Блейн. — Только со... старинными видами. Винчестер, кольт...

— Серьезно? — спросил Франчелл. — Ты знаешь, я всегда испытывал страсть к пулевому оружию. Но на охоте запрещено как пулевое, так и лучевое. Что ты еще знаешь?

— Могу работать штыком, — сказал Блейн, представив, как хохотал бы его сержант-инструктор, услышав такую похвальбу.

— Умеешь?! Выпады, парирования и все такое? А я-то считал, что искусство штыкового боя совсем забыто. Ты — первый за пятнадцать лет. Парень, считай, что тебя приняли.

Франчелл склонился над столом, нацарапал на листке адрес и протянул его Блейну.

— Приходи завтра по этому адресу на инструктаж. Ты получишь обычную для охотника плату — двести долларов плюс пятьдесят долларов за каждый рабочий день. Свое оружие есть?.. Ладно, я подберу тебе винтовку, но ее стоимость будет вычтена из твоей платы. А я получаю десять процентов с общей суммы, согласен?

— Ладно. Вы не могли бы объяснить поподробнее, что это за охота?

— Нечего тут объяснять. Обыкновенная охота, но держи язык за зубами. Я не уверен, разрешено ли это еще законом. Хоть бы Конгресс навел наконец порядок с этим актом о самоубийстве и разрешенном убийстве, а то полная неразбериха.

— Конечно, — согласился Блейн.

— Юридическую сторону вам, вероятно, объяснят на инструктаже. Там будут и остальные охотники, и жертва расскажет вам все, что нужно. Передай от меня привет Рею, если будешь еще с ним говорить, скажи, что мне жаль, что его «упаковали».

— Я передам, — Блейн решил не задавать лишних вопросов, опасаясь, что его невежество будет стоить ему работы. Что бы это ни была за охота, его тело и он сам наверняка справятся с ней. А работа — любая работа — сейчас была ему необходима для самоутверждения, а также и для похудевшего бумажника.

Он поблагодарил Франчелла и ушел.

Вечером он заказал себе дорогой ужин, потом купил несколько журналов. Сознание, что он нашел работу, поднимало настроение. Наконец-то он найдет себе место в этом веке.

Радость его несколько омрачилась, когда он мельком взглянул на стоявшего неподалеку от отеля мужчину. Тот смотрел на Блейна. У него было белое лицо и безмятежные глаза Будды. Одежда висела на нем, как на огородном пугале.

Это был зомби.

Блейн поспешил скрыться в отеле. В конце концов никому не возбраняется смотреть, даже зомби.

И тем не менее до самого утра его мучали кошмары.

Ранним утром на следующий день Блейн отправился на 42-ю авеню к автобусной остановке, чтобы не опоздать на инструктаж. Пока он ждал, на противоположной стороне улицы возник какой-то шум.

Прямо посреди заполненного людьми тротуара остановился человек. Он бессмысленно смеялся. Люди начали сторониться его. На вид ему было лет пятьдесят, носил он твидовый солидный пиджак, очки и был немного полноват. Он нес небольшой портфель и выглядел в точности, как десять миллионов других деловых людей.

Внезапно он перестал смеяться, раскрыл на портфеле «молнию» и вытащил два длинных изогнутых кинжала. Портфель полетел в сторону, туда же последовали очки.

— Берсеркер! — закричал кто-то.

Сверкая кинжалами, мужчина бросился на прохожих. Послышались вопли ужаса, толпа расступалась перед ним.

— Берсеркер! Берсеркер!

— Позовите полицию!

— Берегись!

Кто-то уже упал на тротуар, зажимая рукой рану на плече и ругаясь. Лицо берсеркера стало красным, изо рта брызгала слюна. Он глубоко внедрился в толпу, и люди сбивали друг друга с ног, пытаясь убежать от него. Взвизгнула женщина, рассыпая свои пакеты.

Берсеркер взмахнул кинжалом, но не попал в нее и бросился дальше.

Появились шесть или восемь полицейских в голубой форме, в руках у них блеснуло оружие.

— Всем лечь! — закричал один из них. — Всем на землю!

Движение остановилось. Люди на той стороне улицы, где бесчинствовал берсеркер, упали на тротуар. Там, где стоял Блейн, люди тоже опустились на землю.

Девочка лет двенадцати, с веснушками, потянула Блейна вниз.

— Мистер, ложитесь, сейчас будут стрелять.

Блейн опустился на тротуар рядом с ней. Берсеркер развернулся и теперь, размахивая кинжалами, мчался на полицейских.

Три полисмена выстрелили одновременно. Их пистолеты выбросили бледно-желтоватые лучи, вспыхнувшие красным, когда они вошли в тело берсеркера. Тот закричал, одежда на нем задымилась. Рядом, шумя винтами, приземлился коптер скорой помощи.

Берсеркер попытался убежать. Луч ударил его прямо в спину. Он швырнул свои кинжалы в полицейских и рухнул на тротуар.

В коптер погрузили берсеркера и получивших ранения прохожих. Полицейские начали разгонять образовавшуюся толпу.

— Ладно, ребята, расходитесь, все кончилось! Расходитесь!

Толпа начала рассасываться. Блейн поднялся на ноги и отряхнулся.

— Что это было? — спросил он.

— Вот глупый, это же берсеркер, — сказала девочка с веснушками, — ты что, не видел?

— Видел. И много здесь таких?

Она гордо кивнула.

— В Нью-Йорке берсеркеров больше, чем в любом другом городе мира, кроме Манилы. Там их называ-

ют амоками. У нас их появляется примерно пятьсот в год.

— Больше, — вмешался прохожий, — наверное, семьсот или восемьсот, но этот был совсем вялый.

Вокруг Блейна и девочки собралась небольшая толпа. Они обсуждали нападение берсеркера так же, как в родном веке Блейна обсуждали бы автомобильную катастрофу.

— Скольких он успел?

— Думаю, человек пять, но ни одного не убил.

— Да, времена не те, — сказала старушка, — вот когда я была маленькой, так их было просто не остановить. Вот это были берсеркеры!

— Этот выбрал неудачное место, — сказала девочка с веснушками, — на 42-й полно «голубых рубашек».

К ним подошел здоровенный полицейский.

— Ладно, ребята, потеха кончилась, расходитесь.

Блейн сел в автобус. Почему, думал он, пятьсот или даже больше человек каждый год в этом городе становятся берсеркерами? Нервное напряжение? Безумная форма индивидуализма?

Это, как и прочие вещи, ему еще придется выяснить в мире 2110 года.

Глава четвертая

Указанный адрес привел его в фешенебельную квартиру в небоскребе на Парк-авеню. Лакей провел его в просторную комнату, где длинным рядом стояли стулья. На них сидела дюжина громкоголосых, крепких, бывалого вида мужчин, небрежно одетых и слегка стесненно чувствующих себя в столь роскошном окружении. Большинство из них знали друг друга.

— Эй, Отто, опять решил поохотиться?

— Ага, деньжата кончились.

— Я знал, что ты вернешься, старый пес! Привет, Тим!

— Привет, Бьерн, это моя последняя охота.

— Ну да, до следующего раза, значит.

— Нет, я серьезно. Покупаю глубоководную ферму в Северо-Атлантической впадине. Мне нужен последний взнос.

— Пропьешь ты этот свой взнос.
— Нет, на этот раз все.
— Эй, Тезей, как твоя ударная рука?
— Неплохо, Чико, а у тебя?
— Ничего, малыш.
— А вот и Сэмми Джоунс, он, как всегда, последний.
— Но ведь я не опоздал?
— На десять минут. А где твой напарник?
— Слиго? Помер. На охоте на Астуриаса.
— Сурово. Страховка была?
— Вряд ли.

В комнату вошел мужчина и объявил:

— Джентльмены! Прошу внимания.

Он вышел на середину комнаты и, уперев руки в бока, остановился перед шеренгой охотников. Это был мускулистый человек среднего роста в брюках для верховой езды и рубашке с открытым воротом. У него были маленькие, тщательно подстриженные усики и холодные голубые глаза, смотревшие с загорелого лица. Несколько секунд он рассматривал охотников, которые покашливали и переминались с ноги на ногу. Наконец он сказал:

— Доброе утро, джентльмены. Я — Чарльз Халл, ваш работодатель и Жертва. — Он подарил им холодную улыбку. — Сначала касательно легальности нашего предприятия. В последнее время возникла некоторая неопределенность. Мой адвокат тщательно ознакомился с вопросом и сейчас даст пояснения. Мистер Джонсон, прошу.

Невысокий, нервного вида человек вошел в комнату, поправил очки и прокашлялся.

— Да, мистер Халл. Джентльмены, что касается статуса охоты. В соответствии с пересмотром Акта о Самоубийстве от 2102 года, каждый человек, имеющий послежизненную страховку, имеет право выбирать для себя любой способ смерти, любое время и место, исключая чрезмерно жестокие и неестественные способы. Причина законности этого «права на смерть» очевидна: суд не рассматривает физическую смерть тела как таковую, поскольку она не влечет гибели сознания. Поэтому смерть тела в глазах закона имеет не больше значения, чем заноза в пальце. Тело, в соответствии с последним вердиктом Высшего Суда, рассматривается как придаток сознания, кото-

рое имеет право по своему усмотрению освободиться от него.

Во время объяснения Халл прохаживался по комнате быстрыми кошачьими шагами. Потом он остановился и сказал:

— Благодарю вас, мистер Джонсон. Таким образом, вопрос о моем праве на самоубийство сомнений не вызывает. Нет ничего противозаконного и в том, что я выбираю одного или нескольких лиц в качестве помощников, дабы они исполнили это право вместо меня. И ваши действия, таким образом, рассматриваются как законные в соответствии с параграфом о Разрешенном Самоубийстве из Акта о Самоубийстве. Все хорошо и прекрасно. Единственное сомнение вызывает последнее дополнение к этому Акту.

Он кивнул Джонсону.

— В дополнении говорится: «Человек имеет право избрать для себя смерть в любое время, в любом месте и осуществить ее любым способом, если таковая не причиняет физического ущерба посторонним».

— Вот в чем вся загвоздка, — сказал Халл. — Итак, охота является законным вариантом самоубийства. Время и место установлены. Вы, охотники, преследуете меня, Жертву, а я убегаю. Вы ловите меня, убиваете... Отлично! За исключением...

Он повернулся к юристу.

— Мистер Джонсон, вы можете выйти, я не хочу вас ввязывать.

Когда адвокат вышел, Халл продолжил:

— За исключением того, что я буду вооружен и попытаюсь убить кого-нибудь из вас. Или всех вас. И это противозаконно. — Халл изящно опустился в кресло. — Преступление, конечно, совершаю я. Я нанял вас, чтобы вы меня убили. Вы даже понятия не имели, что я попытаюсь защищаться. Все это фикция, конечно, но она спасет вас от соучастия в преступлении. Если я буду застигнут в тот момент, когда буду убивать одного из вас, то я понесу суровое наказание. Но, надеюсь, меня не застигнут. Один из вас убьет меня, и я окажусь вне досягаемости человеческих законов. Если мне так уж не повезет и я убью вас всех, тогда я совершу самоубийство старомодным способом — с помощью яда. Но это будет

для меня большим разочарованием. Надеюсь, вы этого не допустите. Есть вопросы?

Охотники стали тихонько переговариваться между собой.

— Экий разговорчивый, паразит.

— Забудь, все Жертвы так говорят.

— Думает, что лучше нас, болтливая рожа.

— Посмотрим, как он запоет на кончике лезвия.

Халл холодно усмехнулся.

— Отлично, думаю, ситуация вам ясна. Теперь пусть каждый назовет свое оружие.

— Булава.

— Сеть и трезубец.

— Копье.

— Боло.

— Ятаган.

— Винтовка со штыком, — сказал Блейн, когда подошла его очередь.

— Меч.

— Алебарда.

— Сабля.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал Халл. — Я буду вооружен рапирой и, естественно, без лат. Мы встретимся в воскресенье на рассвете, в моем поместье. Дворецкий каждому вручит указание, как туда добраться. Пусть боец со штыком останется, все остальные свободны, до свидания.

Когда охотники покинули комнату. Халл сказал:

— Штык — необычное оружие. Где вы научились им владеть?

Блейн поколебался, потом сказал:

— В армии, с 1943 по 1945 год.

— Вы из прошлого?

Блейн кивнул.

— Интересно, — заметил Халл без особой заинтересованности. — Тогда, как мне кажется, это ваша первая охота.

— Да.

— Я вижу, вы неглупый человек, и думаю, у вас были причины избрать такое небезопасное занятие, к тому же не очень уважаемое.

— Мне нужны деньги, — сказал Блейн, — я не смог найти другой работы.

— Естественно, — согласился Халл с таким видом, словно знал все с самого начала. — И вы решили пойти в охотники. Но, уверяю вас, это не простое занятие, да и охотиться на такого зверя, как человек, может, слава Богу, не каждый. Требуется особое умение, и далеко не последнее из них — умение убивать. Вы считаете, что обладаете таким талантом?

— Наверное, — сказал Блейн, хотя на самом деле не задумывался над этим вопросом.

— Интересно, — проговорил Халл, — несмотря на вашу воинственную внешность, вы не производите подобного впечатления. А вдруг окажется, что вы не в состоянии убить меня? Вдруг вас в самый решительный момент охватит сомнение?

— Посмотрим, — сказал Блейн.

Халл кивнул.

— Я тоже так думаю. Возможно, в глубине вас тлеет искра убийцы. Это сомнение прибавит нашей игре остроты. Хотя может оказаться, что у вас не будет времени ею насладиться.

— Это моя забота, — Блейну этот элегантный и многословный наниматель уже страшно надоел. — Можно задать вопрос?

— Я весь к вашим услугам.

— Благодарю. Почему вы решили умереть?

Халл уставился на него, потом взорвался смехом.

— Теперь я действительно вижу, что вы из прошлого. Ну и вопрос!

— Вы можете на него ответить?

— Конечно. — Халл откинулся на спинку кресла, глаза его приняли задумчивое выражение. — Мне сорок три года, и жизнь для меня пуста. У меня есть состояние, и я не привык себе ни в чем отказывать. Я экспериментировал, смеялся, любил, ненавидел — я уже сыт всем. Я испробовал все, что могла мне предложить Земля. В дни молодости наша зеленая планета представлялась мне некой сокровищницей, полной неисчерпаемых в своем разнообразии наслаждений. И вот теперь, к моей печали, я стал свидетелем конца новизны ощущений. Я вижу теперь, с каким самодовольством буржуа наша жирненькая Земля обращается вокруг безвкусно яркого светила. И сокровищница земных радостей теперь напоминает мне пустую детскую коробку из-под игрушек.

Халл взглянул на Блейна, чтобы проверить, какой эффект произвели его слова, потом продолжил:

— Скука простирается передо мною, словно бесконечная безводная равнина... Я хочу испытать последнее великое приключение этого мира — Смерть. Я пройду в эти врата Послежизни! Вы понимаете меня?

— Конечно, — проговорил Блейн, которого позерство Халла несколько раздражало, но вместе с тем и производило некоторое впечатление. — Но к чему спешить? Возможно, в жизни найдутся еще приятные вещи? А смерть назад уже не вернешь. К чему торопить ее?

— Вот слова истинного оптимиста двадцатого века, — со смехом проговорил Халл. — В ваши дни действительно приходилось считать, что жизнь — это все. Что же вам еще оставалось? Кто из вас действительно верил в Послежизнь?

— Это не меняет сущности вопроса, — возразил Блейн, ненавидя ту рациональную, осторожную позицию, которую ему пришлось занять.

— Наоборот! Перспективы жизни и смерти в наши дни изменились. Вместо прозаического совета Лонгфелло мы следуем наставлению Ницше — умрите в нужное время. Разумные люди не цепляются за возможность жить, словно утопающие за обломок шлюпки. Они знают, что жизнь тела — это лишь малая доля человеческого существования. Почему бы в таком случае не ускорить конец телесной фазы? Только трусы, глупцы и тупицы цепляются за каждую секунду человеческого существования на Земле.

— И те невезучие, — добавил Блейн, — которым не по карману страховка корпорации «Мир иной».

— Состояние и общественное положение имеют свои преимущества, — сказал Халл с усмешкой, — и налагают свои обязанности. Одна из них — необходимость умереть в нужное время, пока ты не стал помехой своим собратьям и ужасом для себя самого. Но свершение смерти — это не привилегия отдельного класса или образа воспитания. Это благородная обязанность каждого человека, его рыцарский долг. И каким образом он проявит себя в этом деле — такова и будет его ценность как человека.

Голубые глаза Халла сверкали.

— Я не намерен встречать это решающее событие в мягкой постели. Я предпочитаю смерть... в бою!

Блейн не смог удержаться и кивнул, вспомнив свою автомобильную аварию. Авария! Каким странным, благородным и мрачным казался выбор Халла. Претенциозно, конечно, но сама жизнь в этой бесконечной, мертвой материи — уже претенциозность. Халл напомнил ему древнего японского самурая, спокойно нагибающегося, чтобы совершить церемонию харакири. Но это был пассивный восточный обычай, а Халл избрал чисто западный способ смерти — жестокий, деятельный, ликующий в своем конце.

С одной стороны, это восхитительно, с другой — глупо до раздражения.

— Я лично ничего не имею против вас, — сказал Блейн, — и против любого другого человека, выбирающего себе способ умереть. Но те охотники, что погибнут в бою с вами, — они-то ведь еще не готовы умереть, и Послежизнь им не светит.

Халл пожал плечами.

— Они сами выбрали себе этот опасный образ жизни. Итак, Блейн, вы передумали?

— Нет.

— Тогда до встречи в воскресенье.

Блейн направился к двери, где взял у дворецкого листок с указаниями, и, уже уходя, повернулся к Халлу.

— Кажется, вы упустили одну вероятность.

— Какую именно? — спросил Халл.

— Раньше, я думаю, вы не могли прийти к этой мысли. А вдруг все это — научно обоснованная послежизнь, голоса мертвых, призраки — все это гигантская мистификация, обман в целях наживы, устроенный корпорацией «Мир иной»?

Халл застыл на месте. Когда он заговорил, в его голосе чувствовалась злость.

— Это невозможно. Только абсолютно невежественному человеку могла прийти в голову такая мысль.

— Возможно, — согласился Блейн, — но представьте, в каких дураках вы окажетесь, если дело обстоит именно так! До свидания, мистер Халл.

Он ушел, радуясь, что хоть на минуту испортил настроение этому лощеному демагогу; одновременно он ощущал печаль от того, что его собственная смерть была такой обыкновенной, рядовой, скучной.

Глава пятая

На следующий день Блейн отправился в контору Франчелла, где получил винтовку, штык, охотничью форму и рюкзак. Ему выдали половину платы авансом за вычетом десяти процентов комиссионных, стоимости винтовки и снаряжения. Деньги были весьма кстати, так как к этому моменту у Блейна оставалось всего три доллара с мелочью.

Он зашел в Спиритический коммутатор, но от Мелхилла не было никаких сообщений. Блейн вернулся в свой номер и до вечера упражнялся в выпадах и отражениях.

Вечером он обнаружил, что мысль о предстоящей охоте вовсе не тешит его, а вызывает тревогу и напряжение. Он отправился в небольшой коктейль-бар, обставленный в стиле XX века. Здесь была настоящая стойка из темного дерева, расставлены деревянные стулья, сделаны кабины, медные поручни, на полу посыпаны опилки.

Он проскользнул в одну из кабинок и заказал пиво. Мягко помаргивали неоновые светильники, подлинный антикварный музыкальный автомат наигрывал сентиментальную мелодию Глена Миллера и Бенни Гудмэна. Блейн сидел, ссутулившись, над кружкой пива, задавая себе вопрос, где он и что он.

Неужели это он действительно взялся за работу охотника, убийцы? Что же случилось с Томасом Блейном, бывшим конструктором яхт, любителем стереозаписей классической музыки, читателем хороших книг? Что случилось с этим тихим, ироничным, совсем не агрессивным человеком? Нет, тот человек никогда не взялся бы за ремесло убийцы!

Не взялся бы?!

Блейн потер виски и сказал себе, что он просто спит с открытыми глазами. Истина была простой: он погиб по независящим от него обстоятельствам и был возрожден в будущем. Здесь он оказался пригодным лишь для работы охотника. Что и следовало доказать.

Но это разумное объяснение не удовлетворило его. А времени искать хитро ускользающую правду не было. Он больше не был отстраненным наблюдателем жизни в 2110 году. Он стал актером, а не зрителем, и он должен теперь играть. В необходимости дейст-

вовать крылась особая прелесть, она рождала собственную минутную правду. Тормоза были выключены, и машина Блейна неслась по крутому склону горы Жизни. Быть может, сейчас еще есть последний момент, когда он может еще подумать, сделать выбор...

Но было поздно. Какой-то человек скользнул на стул напротив Блейна, будто тень. На Блейна смотрело белое и бесстрастное лицо зомби.

— Добрый вечер, — сказал зомби.

— Добрый вечер, — спокойно отозвался Блейн. — Хотите выпить?

— Нет, спасибо, — мой организм плохо переносит стимуляцию.

— Жаль, — сказал Блейн.

Зомби пожал плечами.

— У меня уже есть имя. Я решил называть себя Смит, пока не вспомню настоящего. Вам нравится?

— Хорошее имя.

— Спасибо. Я ходил к врачу, — сообщил Смит, — он сказал, что тело у меня совсем плохое. Нет жизненной энергии, нет сопротивляемости.

— И ничем нельзя помочь?

Смит покачал головой.

— Это уже не тело, это уже зомби. Я занял его слишком поздно. Доктор говорит, у меня осталось несколько месяцев, не больше.

— Это очень плохо, — сказал Блейн, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, стоило ему лишь взглянуть на зловещее, с неподвижными чертами и серо-свинцовой кожей лицо Смита и его внимательные глаза Будды.

Смит выглядел ужасно неестественно в своей грубой рабочей одежде. Он недавно побрился, и от него сильно пахло лосьоном. Но в нем произошли перемены. Блейн заметил, что ранее мягкая кожа стала сухой, появились морщины вокруг глаз, носа, складки на лбу. И, как показалось Блейну, к резкому запаху лосьона примешивался едва уловимый запах тления.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил Блейн.

— Не знаю.

— Тогда оставь меня в покое.

— Не могу, — виновато сказал зомби.

— Ты хочешь меня убить? — во рту у Блейна стало сухо.

— Не знаю! Не могу вспомнить! Но я скоро вспомню, Блейн, я обещаю!

— Оставь меня в покое! — мускулы Блейна напряглись.

— Не могу, — сказал Смит, — разве ты не понимаешь? Я никого не знаю, кроме тебя! В буквальном смысле никого! Я не знаю этого мира, я не знаю ни одного человека. Ты — моя единственная зацепка, единственный смысл моего существования.

— Замолчи!

— Но это так. Ты думаешь, мне нравится таскать эту развалину по улицам? К чему мне жизнь без надежды на будущее? Смерть и то лучше. Жизнь — это вонючая разлагающаяся плоть, а смерть — это чистый дух! Я мечтал о ней! Одно меня останавливает — это ты, Блейн!

— Уйди отсюда, — горло Блейну сдавил приступ тошноты.

— Ты — солнце, звезды, моя Земля, моя жизнь, мои друзья, любимая, убийцы, отец, муж...

Кулак Блейна ударил Смита в скулу. Зомби отбросило к стенке кабины. Выражение его лица не изменилось, но на серой коже появился большой багровый кровоподтек.

— Один — ноль, — пробормотал Смит.

Рука Блейна, занесенная для второго удара, опустилась.

Смит встал на ноги.

— Я ухожу. Будь осторожен, Блейн, погоди умирать. Ты мне нужен. Скоро я все вспомню и приду к тебе.

Вяло шевеля ногами, Смит вышел из бара.

Блейн заказал двойное виски и долго сидел над рюмкой, пытаясь унять дрожь в руках.

Глава шестая

За час до рассвета Блейн прибыл в поместье Халла на загородном автобусе. На нем была традиционная форма охотника — рубашка и брюки цвета хаки, ботинки на резиновой подошве и широкополая

шляпа. На одном его плече висел рюкзак, через второе он перекинул винтовку и штык в пластиковом чехле.

У ворот его встретил слуга и проводил к приземистому обширному особняку. Блейн узнал, что поместье Халла включает в себя девяносто акров лесистой местности в горах Андирондака, между Кинном и Элизабеттауном. Здесь, как рассказал слуга, в возрасте пятидесяти одного года совершил самоубийство отец Халла, лишив при этом жизни шестерых охотников, пока охотник с саблей не отсек ему голову. Какая славная смерть! А вот дядя Халла предпочел берсеркерствовать в своем любимом Сан-Франциско. Полицейские стреляли в него двенадцать раз, пока он не упал, успев при этом покончить с семью прохожими. Газеты много писали об этом случае.

Все это из-за разных темпераментов, объяснял говорливый слуга. Одни люди, вроде дядюшки, имеют характер веселый, любят шутку и предпочитают умереть в толпе, привлекая к своей смерти известное внимание. Другие, как нынешний мистер Халл, более склонны к одиночеству и общению с природой.

Тем временем Блейна провели в небольшую комнату, где собирались прибывающие охотники. Они пили кофе и наводили последний глянец на остро отточенные лезвия своего оружия. Сверкали голубые алебарды, отблески смерти играли на полированном наконечнике копья, мерцали морозные искры на шипах дубинки и «утренней звезды».

На первый взгляд, все это напоминало Блейну средневековые сцены.

— Бери себе стул, друг, — сказал ему алебардист. — Добро пожаловать в добровольное общество Защиты Мясников, работников скотобоен и свободных убийц. Меня зовут Сэмми Джоун, я лучший алебардист в Америке, да и в Европе тоже, наверное.

Блейна представили остальным охотникам, и он сел. Здесь собрались представители полудюжины национальностей, хотя общим языком был английский.

Сэмми Джоунс оказался приземистым черноволосым человеком, одетым в залатанную выцветшую куртку цвета хаки и такие же брюки. На его густобровом, грубо вылепленном лице виднелось несколько старых шрамов.

— Первая охота? — спросил он, бросив взгляд на новенькую, выглаженную форму Блейна.

Том кивнул, снял со штыка чехол и примкнул к винтовке. Проверив, как держится штык, укоротил ремень и снова отсоединил его.

— Ты правда умеешь обращаться с этой штукой? — спросил Джоунс.

— Конечно, — отозвался Блейн с самоуверенностью, которой на самом деле не чувствовал.

— Тогда хорошо. Парни, вроде этого Халла, чуют слабого врага и стараются выбить его в первую очередь.

— Сколько обычно продолжается охота? — спросил Блейн.

— Да вот, самая длинная, в которой я участвовал, продолжалась восемь дней. Там погиб мой напарник Слиго. Обычно хорошая команда может пригвоздить Жертву за день или два. Это зависит от того, как сильно он хочет умереть. Некоторые, собаки, тянут как можно дольше, прячутся по пещерам, по оврагам, и приходится лазать за ними, каждую секунду рискуя получить удар. Со Слиго вот так и случилось. Но Халл вроде на такого не похож. Он хочет умереть, как большой герой. Стальной, значит, человек. Будет крутиться вокруг, чтобы побольше, значит, продырявить нашего брата этой своей железкой от вертела.

— Похоже, вы его не одобряете.

Джоунс удивленно поднял свои густые брови.

— А чего из смерти делать бог знает что? А вот и сам наш великий герой пожаловал.

Халл вошел в комнату, облаченный в элегантную шелковую рубашку защитного цвета, на шее его красовался белый шелковый платок. Он нес легкий рюкзак, на другом плече висела тонкая, зловещего вида рапира.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал Халл. — Оружие наточено, рюкзаки уложены, шнурки крепко завязаны, так? Отлично. — Халл подошел и отодвинул занавес. — Взгляните на первый луч зари, славный предвестник нашего грозного владыки Солнца. Сейчас я вас покину. Слуга сообщит, когда истекут дарованные мне в качестве форы полчаса. Тогда вы сможете начать погоню и убить меня... если сможете.

Территория поместья огорожена. Я буду оставаться в пределах этой ограды, то же должны делать и вы.

Халл кивнул и вышел из комнаты своей легкой походкой.

— Боже, как я ненавижу этих павлинов, — громко сказал Сэмми Джоунс, когда дверь закрылась. — И все они на один лад, все. Строят из себя этаких героев, а для меня они выглядят просто дураками. Я-то уж побывал на двадцати восьми таких парадах, — Сэмми пожал плечами. — У меня отец был алебардист и научил этому ремеслу меня. Больше я ничего не умею.

— Вы могли бы изучить какое-нибудь другое ремесло, — сказал Блейн.

— Наверное, мог бы, да только мне нравится убивать таких джентльменов-аристократов. Я ненавижу каждого богатого подонка со своей страховкой, которая не по карману бедняку.

— А Халлу нравится убивать бедняков, таких, как вы, — сказал Блейн. — Это грустный мир.

— Нет, просто честный. Ну-ка, парень, встань, я прилажу тебе рюкзак как следует.

Покончив с этим, Джоунс сказал:

— Слушай, Том, почему бы нам не держаться вместе? Взаимовыручка, а?

— То есть ты будешь меня оберегать?

— Тут ничего такого нет. Каждая сложная профессия дается не сразу. Тут надо сначала поучиться, потом попробовать самому. А кто тебя научит лучше меня?

— Спасибо, я постараюсь надежно держать свою сторону.

— Ты справишься. А теперь смотри. Халл — фехтовальщик, у них есть свои приемы, я по дороге тебе расскажу. Когда он...

В этот момент вошел слуга, в руке он держал старинный хронометр. Когда секундная стрелка дошла до двенадцати, он резко поднял голову и объявил:

— Джентльмены, время истекло, начинайте погоню.

Охотники толпой высыпали в туманное серое утро. Тезей, опытный следопыт, со своим трезубцем на плече, сразу обнаружил след. Он повел их вверх по склону, к окутанным туманом горам. Развернувшись цепью, охотники полезли вверх.

Скоро лучи встающего солнца разогнали туман. Когда они вышли на голую гранитную площадку, Тезей потерял след. Охотники растянулись еще больше и продолжили ломаный подъем.

В полдень человек с мечом заметил на ветке кустарника клочок шелковой ткани защитного цвета. Несколько минут спустя Тезей обнаружил во мху отпечаток подошвы. Следы вели вниз, в узкую, заросшую лесом долину. Все с энтузиазмом устремились вперед.

— Вот он! — закричал кто-то.

Блейн стремительно повернулся и увидел, как примерно ярдах в пятидесяти справа вперед вырвался охотник с «утренней звездой». Это был самый среди них молодой, смуглый, самоуверенный сицилиец. Оружие его состояло из толстой ясеневой рукояти с прикрепленной к ней цепью в фут длиной, на конце которой качался тяжелый шипастый шар. Охотник крутил цепь с шаром над головой и что-то пел во всю мощь легких.

Джоунс и Блейн помчались в его направлении. Они видели, как из кустов выскочил Халл с обнаженной рапирой в руке. Сицилиец прыгнул на него и нанес удар, который мог бы перерубить дерево. Халл чуть присел и сделал выпад.

Человек с «утренней звездой» захрипел — острие рапиры вонзилось ему в горло — и упал. Халл уперся ногой ему в грудь, высвободил рапиру и снова исчез среди подлеска.

— Я всегда говорил, что «утренняя звезда» — никчемное оружие, — сказал Сэмми Джоунс. — Очень неудобное. Если сразу не попадешь, на второй удар времени не остается.

Сицилиец был мертв. Следы Халла хорошо виднелись. Скоро они вышли на гранитную площадку, и здесь след терялся.

Они безуспешно искали жертву до самого вечера. На закате разбили лагерь на склоне горы, выставили дежурных и обсудили первый день охоты у маленького костра.

— Как ты думаешь, где он сейчас? — спросил Блейн.

— Да где угодно по своему чертову поместью, — ответил Джоунс. — Не забывай, он здесь каждое дерево знает, а мы здесь впервые.

— Тогда он может прятаться от нас бесконечно долго.

— Если захочет. Но учти, он ждет, чтобы его убили. Он жаждет героической, ослепительной смерти.

Блейн взглянул через плечо на темный лес.

— А вдруг он стоит сейчас там и слушает?

— Сомневаюсь, — возразил Джоунс. — Надеюсь, часовые не заснут.

Охотники переговаривались у костра. Блейну захотелось, чтобы скорее наступило утро. Темнота поменяла их ролями. Теперь охотники сами превратились в Жертв жестокого, аморального самоубийцы.

С этой мыслью Блейн задремал.

Уже перед рассветом его разбудил крик. Схватив винтовку, он вскочил, всматриваясь в темноту. Снова послышался крик, на этот раз ближе, и среди деревьев кто-то пробежал. Потом чья-то рука подбросила листьев в погасший костер.

В свете вспыхнувшего пламени Блейн увидел, что в лагерь, хромая, возвращается охотник с копьем. Копье он волочил по земле. В двух местах на его теле кровоточили раны, но, похоже, неопасные.

— Вот подонок! — воскликнул копьеносец.

— Ничего, Чико, — один из охотников разорвал рубашку копьеносца, чтобы забинтовать раны. — Ты его достал?

— Успел убежать! — простонал копьеносец. — Я промазал.

Больше в лагере никто не спал.

Охотники начали поиски с первыми лучами солнца. Они растянулись редкой цепью, отыскивая следы Жертвы. Тезей нашел сломанную пуговицу, а затем полуистершийся отпечаток ноги. Охотники устремились вверх по узкому горному склону.

Шедший во главе группы Отто вдруг закричал:

— Эй! Он здесь! Я его вижу!

Тезей бросился к нему, за ним последовали Блейн и Джоунс. Они увидели пятящегося Халла, внимательно следившего за надвигающимся на него Отто. Он вращал над своей стриженой головой боло. Аргентинское лассо со свистом рассекало воздух, три металлических шарика на его концах слились в один сверкающий круг. Потом Отто отпустил его. Халл мгновенно бросился на землю. Боло пронеслось в дюй-

ме над его головой, обмоталось вокруг ветки, сломав ее. Халл с торжествующей ухмылкой бросился на безоружного охотника.

Но тут подоспел Тезей, размахивая трезубцем. Они обменялись ударами. Затем Халл стремительно повернулся и бросился бежать. Тезей сделал выпад. Жертва, продолжая бежать, завыла от боли.

— Ты ранил его? — спросил Джоунс.

— Ага, в мясистое место, — ответил Тезей. — Наверное, самое постыдное для него ранение.

Охотники, тяжело дыша, бросились вверх по склону. Но Жертва опять скрылась.

Кольцом они охватили сужающийся конус горы и начали не спеша стягиваться к вершине. Время от времени шум и отпечатки подошв говорили о том, что Жертва из кольца не вырвалась и отступает вверх.

К вечеру деревья стали попадаться реже, показались нагромождения гранитных валунов и наконец — сама вершина.

— Теперь осторожно! — предупредил охотников Джоунс.

Едва он это сказал, из-за камней выскочил Халл и бросился на старого Бьерна, вооруженного булавой. Он попытался сразу покончить с охотником и вырваться из ловушки. Но Бьерн, не спеша отступая, тщательно парировал булавой удары рапиры. Булаву он держал двумя руками, наподобие дубинки. Халл свирепо выругался, кинулся в новую атаку и едва успел уклониться от удара булавы флегматичного охотника.

Старый Бьерн шагнул ближе — слишком рано! — рапира вонзилась в его грудь и отскочила назад, словно жало змеи. Бьерн выронил булаву, и его тело покатилось вниз по склону.

Но охотники неумолимо сжимали кольцо. Халл снова отступил в лабиринт валунов. Блейн заметил, что солнце уже почти село, среди скал протянулись длинные тени.

— Вечереет, — сказал он Джоунсу.

— Еще полчаса будет светло, — Джоунс, прищурившись, смотрел на небо. — Надо скорее кончать его, в темноте он нас перебьет по одному.

Теперь они двигались быстрее, осматривая закоулки между валунами.

И тут из-за высокого валуна рядом с Блейном показался Халл.

— Ну, давай штык, — сказал он.

Блейн, державший винтовку слишком высоко, едва успел парировать удар. Лезвие рапиры проскрежетало по стволу винтовки, едва не задев шею Блейна. Тут он вдруг заревел во всю силу своих легких, сделал выпад, мощный рассекающий удар, направленный в живот противника, добавив к этому удар прикладом, который должен был вышибить Жертве мозги. Теперь Блейн больше не был цивилизованным человеком, он превратился в примитивного зверя, действующего во имя исполнения своей единственной цели — убивать!

Жертва с грациозной легкостью уклонилась от его ударов. Блейн бросился на него, в ярости потеряв все остатки своих боевых навыков.

Неожиданно его оттолкнул в сторону Сэмми Джоунс.

— Это для меня, — сказал он. — Это оставь для меня. Халл, подходи! Попробуй пощекотать меня своим вертелом.

Халл, на лице которого не отразилось ничего, предпринял атаку. Но Джоунс твердо стоял на слегка согнутых ногах, легко поворачивая в руках боевой топор. Халл сделал обманный выпад, а потом ударил по-настоящему. Джоунс отбил удар с такой силой, что рапира согнулась, словно ветка молодого дерева.

К месту схватки подошли остальные охотники. Они расселись вокруг на камнях, обмениваясь замечаниями и давая советы.

— Приколи его к скале, Сэмми!

— Нет, вниз его!

— Может, подсобить?

— Черта с два! — выкрикнул в ответ Джоунс.

Ярость Блейна утихла так же стремительно, как и возникла. Раньше ему казалось, что топор — неуклюжее оружие, так как для удара нужен полный замах, но Сэмми Джоунс крутил им, словно дирижерской палочкой. Он не замахивался со всего пле-

ча, а бил из любого положения, заставляя Халла отступать к самому краю склона.

Этих двух бойцов, как понял Блейн, нельзя было даже сравнивать. Халл был просто талантливым любителем, убийцей-дилетантом, в то время как Джоунс являлся опытным профессионалом.

Вершина погрузилась в синие сумерки, и конец наступил быстро. Джоунс отбил удар, быстро шагнул вперед и, описав кистью с топором полукруг, ударил снизу вверх. Лезвие глубоко вошло в левый бок Халла. С криком тот полетел вниз. Через несколько секунд донесся звук удара.

— Заметь, где он упал, — сказал Сэмми.

— Он наверняка помер, — возразил охотник с саблей.

— Возможно, но по правилам мы должны убедиться.

Спустившись с горы, они обнаружили обезображенное, безжизненное тело Халла. Они отметили его положение, чтобы потом труп смогла найти погребальная команда, и двинулись к особняку.

Глава седьмая

Охотники вернулись в город все вместе и бурно отпраздновали удачу. Во время вечеринки Джоунс предложил Блейну участвовать вместе с ним в следующем предприятии.

— Я держу на прицеле одно выгодное дельце, — сказал он. — Один аристократ хочет устроить парочку гладиаторских боев. Тебе придется поработать копьем — это почти что штык. По дороге я тебя потренирую. А потом будет большая охота в Маниле. Пятеро братьев решили самоубиться вместе. Они заказывают пятьдесят охотников. Что ты скажешь на это, Том?

Блейн тщательно обдумал предложение — жизнь охотника казалась наиболее подходящим занятием в этом мире, ему нравились компании таких грубоватых людей, как Сэмми Джоунс. С другой стороны, в этом было что-то бессмысленное. Скитаться по земле в качестве платного убийцы, пусть даже и в современной версии, ненамного лучше жизни прежних го-

ловорезов его родного времени. В опасности ради опасности ему виделось что-то бесплодное. Такие мысли могли бы не прийти ему в голову, если бы он был действительно тем, за кого его выдавало собственное тело, но он был другим. Возникало явное расхождение, и с этим приходилось считаться.

— Нет, Сэмми, извини, — ответил он.

— Ты делаешь ошибку, Том, — покачал головой Сэмми. — Ты — прирожденный убийца. Ничего лучше тебе не найти.

— Сейчас — может быть, но я постараюсь выяснить, так ли это.

— Ладно, желаю удачи, — сказал Джоунс, — и береги это тело. Тебе попался хороший экземпляр.

Блейн невольно моргнул.

— Разве заметно?

— Я ведь не только что родился, — усмехнулся Джоунс, — и сразу могу сказать, что за человек сидит в носителе. Если бы ты родился в этом теле, ты поехал бы со мной охотиться, а если твое сознание родилось в другом теле...

— То что?

— Не надо было тебе идти на охоту, Том, это во-первых. Ты лучше раз и навсегда выбери одну дорогу.

— Спасибо, — поблагодарил Блейн.

Они пожали друг другу руки, и Блейн поехал в свой отель.

Он вошел в свой номер и, не раздеваясь, бросился на кровать. Когда он проснется, он позвонит Мэри, но сначала ему нужно выспаться. Он был измотан до предела.

Он выключил свет. Через секунду он почувствовал, что в номере произошло какое-то изменение. Было так тихо, как не могло быть тихо в Нью-Йорке.

Он сел на кровати и услышал, как что-то задвигалось в противоположном конце комнаты, возле умывальника. Блейн протянул руку и включил свет. В комнате никого не было. Вдруг на его глазах эмалированная раковина умывальника поднялась в воздух. Она поднималась медленно, потом повисла в воздухе без всякой опоры. В это же мгновение Блейн услышал тонкий прерывистый смех.

Он сразу же понял, что его настиг призрак, призрак-полтергейст.

Он осторожно выбрался из постели и двинулся к выходу. Повисший в воздухе умывальник вдруг полетел ему в голову. Блейн пригнулся, и умывальник вдребезги разлетелся, ударившись о стену. Теперь начал левитировать кувшин с водой вместе с двумя массивными стаканами. Отплясывая сумасшедший танец, они двинулись в сторону Блейна. Пользуясь подушкой как щитом, он бросился к двери. Когда Блейн поворачивал ручку, рядом о стену разбился стакан. Дверь не открывалась, ее держал полтергейст.

Кувшин больно ударил его по ребрам, второй стакан описывал зловещие круги вокруг головы.

Тут Блейн вспомнил, что как раз за окном есть пожарная лестница, но полтергейст пресек эту попытку, едва Блейн двинулся с места. Занавески неожиданно вспыхнули, одновременно загорелась и подушка в его руках. Блейн отшвырнул ее.

— Помогите! — закричал он. — Помогите!

Полтергейст загонял его в угол комнаты. С грохотом поползла вперед кровать, блокируя путь к отступлению, медленно поднялся в воздух стул и замер, примериваясь ударить Блейна по голове.

И постоянно слышался тонкий прерывистый смех, почему-то очень знакомый Блейну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Кровать ползла на Блейна. Он звал на помощь, от его мощного рева дрожали стекла в окне, но ответом ему был лишь тонкий смешок полтергейста.

Неужели все люди в отеле вдруг оглохли? Почему никто не отвечает? Потом он понял, что никто и не подумает прийти ему на помощь. Насилие стало в этом мире повседневным явлением, и смерть человека была его собственным делом. Полицию вызывать не будут. Утром уборщик наведет порядок в номере, и его сдадут кому-нибудь другому.

До двери добраться он не мог, к тому же она все равно не открывалась. Единственное, что можно сделать, это перепрыгнуть через кровать и выскочить в окно. Если он попадет, то приземлится как раз на огражденную площадку пожарной лестницы. Если же он прыгнет слишком сильно, то перелетит через ограждение, а до земли останется еще три этажа.

Стул двинул его в плечо, кровать, грохоча, надвигалась, прижимая его к стене. Блейн быстро прикинул расстояние, подобрался и бросился в окно.

Прыжок был рассчитан верно, но Блейн не учел достижений науки. Оконное стекло выгнулось наружу, словно лист резины, и тут же приняло первоначальное положение. Блейна отбросило к стене и он, оглушенный, рухнул на пол. Подняв голову, он увидел, как к нему ползет, вихляясь, тяжелый комод, который уже начал крениться.

В этот момент дверь, о которой он забыл, распахнулась. В дверь вошел Смит — черты лица зомби были как всегда неподвижны — и плечом удержал падающий на Блейна комод.

— Уходи, — сказал он.

Блейн, не задавая вопросов, поднялся на ноги и уцепился за край начавшей уже закрываться двери. С помощью Смита ему удалось распахнуть ее, и они оба выскочили в коридор. Из комнаты донесся вопль, полный бессильного гнева.

Смит быстро зашагал по лестнице, сжимая рукой кисть Блейна. Они спустились в холл отеля и вышли на улицу. Кровоподтек на лице зомби распух до невероятных размеров, отчего оно напоминало гротескную пеструю маску Арлекина.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— В безопасное место.

Они достигли старого входа в метро, которым уже давно не пользовались, и начали спускаться. Пролетом ниже они оказались у небольшой железной двери, вделанной в потрескавшуюся бетонную стену. Смит открыл ее и поманил Блейна за собой.

Блейн колебался. Тут он услышал отзвук тонкого прерывистого смеха: полтергейст снова преследовал его, как раньше Эвмениды, богини мщения, преследовали своих жертв по улицам древних Афин.

В солнечном верхнем мире его будет мучить безумный призрак. Внизу же его ждет совсем неопределенная судьба.

Истерический смех стал громче. Блейн, больше не колеблясь, перешагнул вслед за Смитом порог железной двери и закрыл ее за собой.

Они шли по тоннелю, освещаемому редкими голыми лампами накаливания, мимо тянулись старые трубопроводы. Они обогнули древний накренившийся остов поезда метро, повсюду валялись заржавевшие кабели, по-змеиному свернувшиеся кольцами. Воздух был влажный, из-за тонкого слоя слизи идти приходилось осторожно.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где я смогу тебя защитить, — ответил Смит.

— А ты сможешь?

— У призраков есть уязвимые места. Но для избавления необходимо установить истинную природу преследования.

— Значит, ты знаешь, кто меня преследует?

— Думаю, что да. Рассуждая логически, это может быть только один человек.

— Кто?

Смит покачал головой.

— Лучше пока я не буду его называть, не стоит привлекать его внимания, если его здесь еще нет.

Они спустились по сланцевым крошащимся ступенькам и обогнули пруд с аспидно черной водой. На другом берегу пруда имелся вход в коридор, возле которого стоял человек. Это был высокий, крепкий негр, одетый в тряпье и вооруженный куском железной трубы. Взглянув на него, Блейн понял, что это зомби.

— Это мой друг, — Смит указал на Блейна. — Можно его провести?

— Ты уверен, что он не инспектор? — спросил его зомби.

— Абсолютно уверен.

— Подожди здесь, — негр исчез в проходе.

— Где мы? — спросил Блейн.

— Под Нью-Йорком, в заброшенных тоннелях метро, в неиспользуемых каналах канализации. Некоторые проходы мы вырыли сами.

— Но зачем мы сюда пришли?

— А куда нам было идти? — зомби удивился. — Это мой дом. Разве ты не знал? Мы в Нью-Йоркской колонии зомби.

Блейну показалось, что он мало выиграл таким способом, но времени раздумывать не было.

Вернулся негр. Вместе с ним пришел очень старый человек, опиравшийся на палку. Лицо его избороздили тысячи морщин и морщинок, глаза едва виднелись из-под нависающих складок плоти.

— Это тот человек, о котором ты мне рассказывал? — спросил он.

— Да, сэр, это он, — почтительно ответил Смит. — Блейн, позволь тебе представить мистера Кина, главу нашей колонии. Можно мне провести его, сэр?

— Да, можно, и я пойду пока вместе с вами.

Они двинулись по проходу. Мистер Кин тяжело опирался на руку негра.

— Как правило, — говорил он, — в колонию разрешают входить только зомби. Но уже несколько лет мне не приходилось говорить с обычным человеком, и я подумал, что смогу узнать что-нибудь ценное. По-

этому, по настойчивой просьбе Смита, я сделал для вас исключение.

— Очень благодарен, — сказал Блейн, надеясь, что у него действительно есть на то причина.

— Поймите меня правильно, я вовсе не прочь помочь вам, но в первую очередь я отвечаю за безопасность колонии, то есть одиннадцати сотен зомби, живущих под Нью-Йорком. Для их блага люди не должны сюда попадать. Обособленность — это наша единственная надежда в этом невежественном мире, — мистер Кин сделал паузу. — Возможно, вы поможете нам, мистер Блейн.

— Каким образом?

— Тем, что будете слушать и вникать, а потом расскажете все это там, наверху. Просвещение очень важно для нас. Скажите, что вы знаете о проблеме зомби?

— Очень мало.

— Я расскажу вам. Зомбизм, мистер Блейн, это болезнь, которая с древности была окружена ореолом предрассудков, подобно другим болезням, таким, как эпилепсия, проказа, пляска святого Витта. Люди были склонны видеть во всем действия духов. Аналогичные фантазии сопровождали и зомбизм.

Некоторое время они шли молча, потом мистер Кин продолжил.

— Суеверия относительно зомби имеют в основном таитянское происхождение, сама же болезнь, хотя и очень редка, распространена по всему свету. Но суеверия и факты безнадежно перепутались в сознании публики. Зомби, как суеверие, является частью таитянского культа вовуна: это человек, душу которого похитили силой магии. Тело зомби волшебник может использовать по своему усмотрению, может даже зарезать его и продать как мясо на рынке. Если зомби увидит море или попробует соль, то считается, что он вспомнит о том, что он мертв, и вернется в свою могилу. Все это совершенно не имеет реальной почвы.

Суеверие возникло на почве болезни. Одно время она была очень редкой. Но в наши дни с увеличением пересадки сознания и перевоплощающих процедур зомбизм стал более частым явлением. Болезнь возникает, когда сознание человека занимает тело, слиш-

ком долго остававшееся без хозяина. Тогда тело и сознание не становятся единым комплексом, как, например, у вас, мистер Блейн. Они существуют как квазинезависимые образования, сотрудничающие сложным и путаным образом. Возьмите типичный случай с вашим другом Смитом. Он может контролировать основные движения тела, но сложная координация ему не под силу. Голос его лишен тончайших модуляций, слух не воспринимает мельчайших различий в тоне. Лицо его почти неподвижно, потому что отсутствует контроль за мышцами мимики. Он носит свое тело, но по-настоящему не является частью его.

— И нельзя ему ничем помочь?

— В настоящее время — ничем.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн, ощущая неловкость.

— Это не призыв к вашим чувствам, — сказал мистер Кин, — это элементарные понятия природы процесса. Я просто хочу, чтобы вы и все остальные знали, что зомбизм — это не воплощение всех грехов, а болезнь, как свинка или рак, и ничего более. — Мистер Кин прислонился к стене, переводя дыхание. — Конечно, внешность у зомби неприятная, он волочит ноги, раны его никогда не заживают, тело его быстро разрушается, и он умирает. Он раскачивается, как пьяный, пялит глаза, как извращенец. Но это не повод, чтобы делать его скопищем всех возможных грехов и преступлений, прокаженным двадцать второго века. Говорят, что якобы зомби нападают на людей. Но ведь тела зомби чрезвычайно уязвимы, средний зомби не устоит против ребенка. Говорят, что эта болезнь заразна, но ведь это не так. Невежды утверждают, что все зомби — половые извращенцы, на самом же деле зомби не испытывают полового влечения. Но люди не желают слушать, и зомби становятся отщепенцами, годными лишь для петли линчевателя или для сожжения на костре.

— А на что же власти? — спросил Блейн.

Мистер Кин горько усмехнулся.

— Они запирают нас, как безумцев, в соответствующих заведениях. Они, видите ли, желают уберечь нас. Но ведь зомби умственно нормальные люди, и

власти об этом знают. И вот мы с их молчаливого согласия занимаем пока что эти заброшенные тоннели.

— Нельзя было найти место получше?

— Честно говоря, подземелье нас устраивает. Солнце вредно действует на нерегенерирующуюся кожу.

— Чем же я могу помочь? — спросил Блейн.

— Вы могли бы рассказать кому-нибудь о том, что узнали здесь, возможно, и написать об этом.

— Я сделаю все, что смогу.

— Благодарю, — мистер Кин торжественно кивнул. — Просвещение — единственная наша надежда. Просвещение и будущее.

Будущее? Блейну вдруг стало не по себе, потому что это и было будущее. Но обещанное просвещение так и не наступило. Люди в основном остались такими же, как и всегда.

На мгновение на Блейна навалилась тяжесть двух столетий. Он почувствовал себя старым, старше Кина, старше самого человечества, потерянным существом внутри заимствованного тела, брошенным в омут неизвестности.

— Ну вот, — сказал мистер Кин, — мы и достигли нашей цели.

Темный проход кончился. Прямо перед ними к стене тоннеля была прикреплена железная лестница, ведущая наверх, в темноту.

— Желаю удачи, — сказал мистер Кин, тяжело опираясь на руку негра.

Блейн проводил его взглядом, потом повернулся к Смиту:

— Куда нам идти?

— Вверх по лестнице.

— Но куда она ведет?

Смит, уже начавший взбираться по ступенькам, остановился, его свинцовые губы растянулись в улыбке.

— Сейчас мы посетим твоего приятеля, Блейн. Мы направляемся в его могилу, в его гроб, и попросим, чтобы он больше не преследовал тебя.

— Но кто же он?

Но Смит только загадочно улыбнулся и продолжил подъем. Блейн полез за ним...

Глава вторая

Над проходом располагалась вентиляционная шахта, которая вела к другому коридору. Наконец они вошли в какую-то дверь и оказались в большой, ярко освещенной комнате. На куполе потолка располагалась фреска, изображавшая прекрасного мужчину, взлетающего в туманные Небеса в сопровождении сонма ангелов. Блейн по лицу мужчины сразу догадался, кто позировал художнику.

— Рейли!

Смит кивнул.

— Мы внутри Дворца Смерти.

— Как ты узнал, что за мной охотится именно Рейли?

— Ты сам бы мог догадаться. Только два человека, которые были как-то связаны с тобой, умерли недавно. Но это не мог быть Рей Мелхилл. Остается только Рейли.

— Но почему?

— Не знаю, возможно, Рейли сам тебе расскажет.

Блейн взглянул на стены Дворца. Они были инкрустированы знаками крестов, полумесяцев, звезд, а также индийскими, арабскими, китайскими и полинезийскими символами. По всей комнате стояли пьедесталы со статуями древних богов. Блейн узнал Зевса, Аполлона, Одина и Астарту. Перед каждой статуей имелся алтарь, на котором покоился ограненный и отшлифованный драгоценный камень.

— Зачем все это? — удивился Блейн.

— Чтобы умилостивить богов, — ответил Смит.

— Но ведь жизнь после смерти — научный факт!

— Мистер Кин объяснил мне, что наука мало влияет на предрассудки. Рейли был уверен, что попадет в Послежизнь, но не хотел зря рисковать. Кроме того, как говорит мистер Кин, очень богатые, как и очень религиозные люди не желают делить Послежизнь с кем попало. Они думают, что при помощи соответствующих обрядов попадут в более привилегированную часть Послежизни.

— А такая существует?

— Никто не знает. Это их предположение.

Смит подвел его к дверце, украшенной орнаментом из египетских и китайских иероглифов.

— Там, внутри, — сообщил он, — тело Рейли.

— И мы туда войдем?

— Да, так нужно.

Смит толкнул дверь. Они очутились в обширной комнате с колоннами из белого мрамора. В центре располагался гроб из бронзы и золота, усыпанный драгоценными камнями. Его окружали разнообразные предметы: картины, скульптуры, музыкальные инструменты, предметы, напоминающие печки, холодильники и даже целый вертолет. Были тут также книги, одежда. Стол, накрытый для праздничного банкета.

— Зачем все эти вещи? — спросил Блейн.

— Сущность всех этих вещей должна сопровождать владельца при переходе в Послежизнь. Это старый обычай.

Первой реакцией Блейна была жалость. Научно гарантированная Послежизнь, оказывается, не освобождала человека от страха перед смертью. Она, наоборот, лишь усиливала неуверенность и подхлестывала желание урвать у жизни кусок получше. Равенство — это прекрасно, никто не спорит, но личная инициатива превыше всего. Желание превзойти ближнего заставляло людей вроде Рейли возводить себе гробницы наподобие египетских пирамид, всю жизнь изводить себя вопросами о смерти, стараясь во что бы то ни стало сохранить свое состояние и положение в неясной серой неизвестности Послежизни.

Позор! Однако, подумал Блейн, не оттого ли он испытывает жалость, что не верит в действенность методов Рейли? Допустим, мы действительно могли бы влиять на свое положение в Послежизни в положительном смысле. Но тогда не лучше ли истратить все свое время на Земле, добиваясь наилучшего положения в Вечности?

Подобные предположения выглядели вполне разумными для Блейна. Послежизнь не могла быть единственной целью существования человека на Земле. Плохая или хорошая, честная или нет, жизнь сама по себе стоила, чтобы ее прожить.

В комнату с гробом медленно вошел Смит, прервав размышления Блейна. Зомби рассматривал маленький стол с узорами. Потом он спокойно пнул столик

ногой, опрокинув его. Затем он стал невозмутимо топтать лежавшие на нем атрибуты церкви.

— Что ты делаешь? — изумился Блейн.

— Ты хочешь, чтобы полтергейст отстал от тебя?

— Еще бы!

— Тогда у него должна быть на то причина, — пояснил Смит, сваливая на пол статую из черного дерева и принимаясь обрабатывать ее ногами.

Блейну это показалось обоснованным. Даже сумасшедший призрак должен понимать, что рано или поздно он покинет Порог и переместится в Послежизнь. Когда же это произойдет, то ему потребуется имущество в целости и сохранности. Отсюда вывод: клин вышибают клином. На преследование отвечают тем же.

И все же он чувствовал себя вандалом, когда собирался продырявить кулаком полотно картины.

— Не надо! — вдруг прозвучал голос у него над головой.

Блейн и Смит посмотрели вверх. Над ними мерцало что-то вроде серебристого тумана. Из этого тумана послышался слабый голос:

— Пожалуйста, поставьте полотно на место.

Блейн не опускал кулак.

— Это ты, Рейли?

— Да...

— Почему ты преследуешь меня?

— Потому что это ты во всем виноват! Ты! Ты убил меня своим черным сознанием убийцы! Да, ты, чудовище, монстр из прошлого!

— Я не виноват! — вскричал Блейн.

— Виноват! Все живое бежит от тебя, как от твоего дружка-мертвеца! Почему ты еще жив, убийца, а я нет?

Кулак Блейна двинулся к полотну. Голос призрака взвизгнул:

— Не надо!

— Ты оставишь меня в покое?

— Положи картину! — взмолился Рейли.

Блейн аккуратно поставил полотно на место.

— Я оставлю тебя в покое, почему бы и нет? — сказал Рейли. — Есть вещи, которых тебе видеть не дано, Блейн. Но я их вижу. Твое время на Земле будет очень недолгим. Те, кому ты веришь, предадут

тебя, те, кого ненавидишь, победят тебя. Ты умрешь, Блейн, и не через несколько лет, а гораздо раньше. Тебя предадут, и ты умрешь от собственной руки.

— Ты не в своем уме! — крикнул Блейн.

— Неужели? — захихикал призрак. — Неужели?

Серебристый туман исчез, призрак покинул гробницу.

Смит вывел Блейна через запутанные проходы обратно на улицу.

Воздух снаружи был прохладен, заря уже окрасила стены высоких домов в розовый цвет.

Блейн начал благодарить зомби. Смит покачал головой:

— Не за что. В конце концов, ты же необходим мне, Блейн. Что бы я делал, если бы полтергейст тебя убил? Будь осторожен, береги себя. Без тебя у меня нет никакой надежды.

Зомби на мгновение с тревогой посмотрел на Блейна, потом поспешил прочь. Блейн смотрел ему вслед. «Не лучше ли иметь дюжину врагов, чем такого друга, как Смит?» — подумал он.

Глава третья

Получасом позже он сидел в квартире Мэри Торн. Мэри, без грима на лице, в домашнем халате, протерла ото сна глаза и провела Блейна в кухню, где на автоповаре набрала для него шифр кофе, тостов и яичницы.

— Было бы совсем неплохо, отложи ты свое столь драматическое появление на более поздний час. Шесть тридцать утра!

— Я постараюсь исправиться, — весело пообещал Блейн.

— Ты говорил, что позвонишь. Что случилось?

— Ты волновалась?

— Ни капли. Так что произошло?

Между двумя ломтями тостов Блейн рассказал ей об охоте, о полтергейсте и об изгнании злого духа.

Она выслушала рассказ и сказала:

— Итак, ты очень доволен собой. Думаю, ты имеешь на это право. Но ты до сих пор не знаешь, чего от тебя хочет Смит и кто он такой.

— Не имею ни малейшего представления, — согласился Блейн. — Смит, впрочем, тоже.

— А что будет, когда он вспомнит?

— Тогда и буду думать, что делать.

Мэри подняла брови, но ничего не возразила в ответ.

— Том, какие у тебя планы?

— Хочу найти работу.

— Охота?

— Нет. Не знаю, глупо это или нет, но я хочу попробовать конструировать яхты. И потом, я думаю заглядывать сюда в более подходящие часы. Как тебе это нравится?

— Непрактично. Хочешь совет?

— Нет.

— И все же я тебе его дам. Том, уезжай из Нью-Йорка как можно дальше, на Фиджи или Самоа.

— Зачем?

Мэри беспокойно мерила кухню своими шагами.

— Ты просто не в состоянии понять этот мир.

— Я так не думаю.

— Том! Ты приобрел кое-какой опыт, но это не значит, что ты приспособился к нашей культуре. Рейли был прав, ты будешь так же беспомощен, как пещерный человек в 1958 году.

— Это нелепое сравнение, я решительно против.

— Ладно, пусть это будет китаец из средневековья. Допустим, этот китаец повстречался с гангстером, проехался на автобусе и посетил Кони-Айленд. Можешь ли ты сказать, что он понял Америку XX века?

— Конечно нет. Но что ты хочешь сказать этим?

— Я только хочу сказать, что здесь тебе постоянно грозит опасность, а ты даже не в состоянии понять, откуда она исходит и насколько серьезна. Возьми хотя бы этого Смита. Кроме того, наследники Рейли не очень благосклонно могут отнестись к осквернению его гробницы. А управляющие в «Рексе» до сих пор спорят, что с тобой делать. Ты вмешался в события, нарушил их ход, неужели ты не чувствуешь этого?

— Со Смитом я справлюсь, — сказал Блейн, — и к чертям наследников Рейли. А управляющие... Что они могут мне сделать?

— Том, — она подошла и обняла его за шею, — любой человек, оказавшись на твоем месте, бежал бы без оглядки.

Блейн тоже на секунду обнял ее, погладил блестящие черные волосы. Она заботилась о нем, желала ему добра. Он пережил опасности охоты, спускался в подземный мир и снова выбирался к свету дня. Теперь, сидя на кухне Мэри, он чувствовал себя умиротворенным и беззаботным. Опасность казалась теперь чисто теоретической.

— Скажи, — спросил он весело, — то, что я нарушил события... это относится к тебе?

— Возможно, я потеряю работу, если ты это имеешь в виду.

— Я о другом.

— Тогда ты сам должен знать... Том, пожалуйста, уезжай из Нью-Йорка!

— Нет! И перестань паниковать.

— О боже! — она вздохнула. — Мы говорим на одном языке, но мои слова до тебя не доходят.

На секунду она задумалась.

— Представь, что у одного человека есть парусник.

— А ты сама ходила под парусом? — с интересом спросил он.

— Да, мне это нравится. Том, послушай меня. Представь, что у человека есть парусник и он задумал отправиться на нем в плавание по океану...

— По морю жизни, — шутливо поправил ее Блейн.

— Не смешно, — сказала она ему серьезно. — Этот человек ничего не знает о парусниках. Ему кажется, что плавание проходит нормально, все идет хорошо, он не подозревает об опасности. Потом парусник осматриваешь ты и видишь, что в шпангоутах появились трещины, рудпост источен червями, гнездо мачты прогнило, паруса истлели, килевые болты проржавели.

— Откуда у тебя такие познания? — удивился Блейн.

— Я с детства хожу на яхтах. Ты выслушаешь меня наконец? Ты объясняешь этому человеку, что парусник никуда не годится, что первый же шквал отправит его на дно.

— Как-нибудь поплаваем с тобой вместе, — добродушно предложил Блейн.

— Но этот человек, — упорно продолжала Мэри, — ничего не знает о парусниках. Ему кажется, что судно абсолютно исправно. К тому же ты сам не знаешь, сколько выдержит посудина, может, неделю, может, больше. Я только вижу, что ты в плавание не годишься. Ты должен уехать отсюда! Она с надеждой посмотрела на него.

Блейн кивнул:

— Хорошая из тебя выйдет команда.

— Так ты не уедешь?

— Нет. Я не спал всю ночь и сейчас могу отправиться только в постель. Ты не хочешь присоединиться?

— Иди ты к черту!

— Ну, пожалуйста, дорогая, где же твое снисхождение к скитальцу из прошлого?

— Я ухожу, — сказала Мэри, — постели себе сам. И хорошенько подумай над моими словами.

— Конечно, — согласился Блейн, — но к чему волноваться, если за мной присматриваешь ты?

— Смит тоже за тобой присматривает, — напомнила она, быстро поцеловала его и вышла из комнаты.

Блейн позавтракал и лег спать. Проснулся он только к вечеру. Мэри еще не возвращалась. Он написал ей бодренькую записку с указанием адреса отеля.

В течение следующих нескольких дней он обошел большинство конструкторских бюро Нью-Йорка, занимавшихся проектированием яхт, но без успеха. Его старая фирма «Матисон и Петерс» уже давно не существовала, в других фирмах он был не нужен. Наконец в агентстве «Джекобсоновские яхты» главный конструктор, долго беседовавший с Блейном об исчезнувших типах яхт, сказал ему:

— Мы получили несколько заказов на корпуса в старинном стиле. Могу вам вот что предложить. Мы возьмем вас пока ассистентом. Вы сможете чертить классические корпуса, оплата на комиссионном проценте. Тем временем вы сможете подучиться в современных системах, так как ваши навыки, честно говоря, сильно устарели. Что вы на это скажете?

Должность ему предложили низкую, но, с другой стороны, это была постоянная работа с перспективами. Наконец, со временем он сможет получить достойное положение в мире 2110 года.

— Я согласен, — сказал Блейн, — спасибо.

В этот вечер, чтобы отпраздновать успех, он отправился в сенсорий и купил проигрыватель с несколькими записями. Он подумал, что теперь может позволить себе такую роскошь.

Сенсории были неотделимой частью 2110 года, как во времена Блейна радио и телевидение. Более сложные варианты сенсориев использовались в театральных спектаклях, а также для рекламы и пропаганды. Это была на настоящее время самая мощная форма распространения «грез наяву».

Но у них имелись и противники, порицавшие злокачественную тенденцию к полной пассивности зрителя. Их беспокоила легкость, с которой человек ассимилировал в себе содержание сенсозаписи. Читая книгу или просматривая телепрограммы, говорили противники сенсория, человек вынужден до определенной степени напрягаться, но сенсории лишь погружали вас в оболванивающую, до осязаемости реальную угрозу, оставляя после себя разрушающую сознание мысль, что грезы куда интереснее и желаннее реальности. Сенсории опасны!

Следующие поколения, гремели критики, будут не в состоянии думать, читать и осмысленно действовать!

Это был серьезный аргумент, но Блейн помнил об аналогичных дискуссиях о радио и телевидении. Сенсории, хорошо это или плохо, уже существовали. Блейн вошел в магазин, чтобы испытать их.

Осмотрев несколько моделей, он купил недорогой проигрыватель марки «Бендикс». Потом, по рекомендации продавца, выбрал три популярные записи и отправился в кабинку, чтобы проиграть их. Укрепив на лбу электроды, он включил первую сенсозапись.

Это был романтический пересказ исторической «Песни о Роланде», выполненный в низкоинтенсивной манере, без переноса личности, что позволяло воспроизвести масштабные сцены битв. Греза началась...

... Блейн оказался в проходе Ронсевалля в то жаркое роковое утро августа 778 года. Он стоял в арь-

ергарде охраны Роланда, наблюдая, как основные силы армии Шарлемана медленно уходят в сторону родной земли — Франции. Усталые ветераны ссутулились в седлах с высокими задними луками, скрипела кожа, звенели шпоры и бронзовые стремена. С развалин Пампелоны ветер доносил едва ощутимую горечь дыма. Во рту стоял привкус начищенной маслом стали и сухой летней травы...

Блейн решил купить запись. Следующая запись оказалась высокоинтенсивным приключением на Венере. Зритель полностью сливался с главным героем, невиновным, но преследуемым человеком.

Последняя запись оказалась переменной интенсивности свободная версия «Войны и мира» с периодическим переключением на слияние с личностью героя.

Когда он заплатил за покупки, продавец подмигнул ему и сказал:

— Может, вас заинтересует кое-что похлеще?

— Возможно, — ответил Блейн.

— Несколько групповых записей, — предложил продавец, — с полной идентификацией, вплоть до переключения сознания. Нет? Имеется подлинная запись — человек гибнет в зыбучих песках. Убийцы сделали запись специально для интересующихся.

— Наверное, в другой раз, — сказал Блейн, направляясь к выходу.

— У меня еще есть, — клерк придержал его за рукав, — законным образом сделанная, но затем не пущенная в оборот запись. Несколько копий были тайно распространены среди коллекционеров. Возрождение человека из прошлого. Стопроцентная подлинность.

— Действительно?

— Да, абсолютно уникальная запись. Эмоции, напряженность. Поверьте, мечта коллекционера. Могу уже сейчас предсказать, что она станет классикой.

— Я хотел бы послушать, — мрачно заявил Блейн.

Он взял запись без этикетки и вернулся в кабину. Через десять минут он вышел оттуда совершенно потрясенный и купил запись за непомерно большую цену. Это было все равно что купить часть самого себя.

Продавец и техники из «Рекса» не ошиблись — это действительно была мечта коллекционера.

К сожалению, все имена были тщательно затерты, чтобы нельзя было установить источник записи. Блейн стал знаменитостью, но необычным, анонимным образом.

Глава четвертая

Блейн каждый день ходил на работу, где подметал пол в помещениях, освобождал корзинку для бумаг, надписывал конверты и работал над корпусами старомодных яхт на комиссионной основе. По вечерам он изучал сложную науку яхтостроения двадцать второго века. Через некоторое время ему поручили более ответственное задание — писать рекламные объявления. Он показал себя способным в этом деле и вскоре был повышен до должности младшего конструктора. В его ведоме оказалась большая часть связей «Джекобсоновских яхт, лтд» и различных яхтостроительных верфей, работающих по их проектам.

Он продолжал учиться, но заказов на классические корпуса было мало. Со стандартными заказами справлялись братья Джекобсоны, в то время как старый Эд Рихтер по кличке «Салемское Чудо» чертил уникальные гоночные суда и катамараны. Блейн взял на себя деловую переписку и рекламу, на другое уже просто не оставалось времени.

Это была ответственная, нужная работа. Но, увы, далеко от конструирования яхт. Жизнь его в 2110 году окончательно принимала тот же ход, что и в 1958-м.

Блейн тщательно обдумал этот факт. С одной стороны, он был рад такому положению, — сознание явно стало хозяином тела. Но, с другой, ситуация не очень лестно свидетельствовала о качестве данного сознания. Вот человек, перенесенный на сто пятьдесят два года в будущее, прошедший чудесное и ужасное, теперь опять работает младшим конструктором, опять занимается всем, чем угодно, кроме проектирования яхт. Неужели в его натуре скрыт какой-то фатальный дефект, приговоривший его к роли подчиненного вне зависимости от окружения?

Уныло он представлял себе, как его переносят на миллион лет назад в эру пещерного человека. Несомненно, после периода привыкания он стал бы там младшим конструктором кремневых скребков, но только не настоящим мастером. В его обязанности входил бы учет ожерелий, ракушек, проверка качества сырья и связь с поставщиком, в то время как кто-то другой, возможно неандертальский гений, будет делать основную работу.

Эта мысль угнетала его. Но в то же время его неизбежное возвращение на круги своя можно было принять за отличный пример хорошей слаженности. С этой точки зрения он мог бы даже гордиться своим званием младшего конструктора.

Раз или два он заходил к Мэри, но она была занята в главном совете «Рекса». Он перебрался из отеля в небольшую, со вкусом обставленную квартирку и начинал чувствовать здесь себя как дома. И, напомнил он себе, даже если он ничего и не добился, то, по крайней мере, разрешил противоречие своего сознания и нового тела. Но Блейн совершенно упустил одну из проблем, связанную с владением таким сильным, красивым и своенравным телом.

В один прекрасный день этот конфликт разгорелся с новой силой.

Он закончил работу в обычное время и ожидал на углу автобус. Внезапно он заметил, что на него пристально смотрит какая-то женщина, лет двадцати, привлекательная, рыжеволосая, с пышной грудью. Одета она была обычно, лицо смелое, но с оттенком какой-то грусти.

Блейн вспомнил, что уже не раз видел ее. Однажды она ехала с ним в геликобусе, в другой раз она вошла за ним в магазин, едва не наступая на пятки, и несколько раз он встречал ее у здания, где находилась фирма, в которой он работал. Она следила за Блейном, наверное, уже несколько недель. Но почему?

Он ждал, глядя на нее. Увидев, что ее заметили, женщина немного поколебалась, но потом сказала:

— Можно мне поговорить с вами одну минуту?

У нее был низкий приятный голос, но в нем чувствовалось сдерживаемое волнение.

— Пожалуйста, мистер Блейн, это очень важно!

Значит, она знает его имя.

— Конечно, — согласился Блейн. — В чем дело?

— Давайте не здесь. Не могли бы вы... пойти куда-нибудь?

Блейн усмехнулся и покачал головой. Вроде бы она не представляла угрозы, но Орк тоже выглядел безобидно. Доверившись в этом мире незнакомцу, вы рисковали потерять или сознание, или тело, или и то и другое.

— Я вас не знаю, — сказал Блейн, — и не знаю, откуда вы выведали мое имя. Что бы вам ни было нужно, лучше поговорить прямо сейчас.

— Мне совсем не следовало бы вас беспокоить, — начала она упавшим голосом, — но я не могла заставить себя... я должна была поговорить с вами. Мне иногда становится так одиноко, вы ведь понимаете меня?

— Одиноко? Еще бы! Но почему вы хотели поговорить именно со мной?

Она с печалью посмотрела на него.

— Да, конечно, вы ведь не знаете.

— Нет, не знаю, — нетерпеливо сказал он. — Так почему?

— Все-таки пойдемте куда-нибудь. Я не могу говорить на улице.

— Вам придется попытаться, — твердо сказал Блейн, решив, что это какая-то тонкая игра.

— Ну хорошо, — женщина была явно смущена. — Я следила за вами довольно долго, мистер Блейн. Я узнала ваше имя и место работы, я должна поговорить с вами. Это все из-за вашего тела.

— Что?

— Вашего тела, — повторила она, не глядя на него. — Понимаете, это было тело моего мужа, пока он не продал его корпорации «Рекс».

Блейн открыл рот, но не смог найти подходящего ответа.

Глава пятая

Блейн и до этого знал, что его тело жило в этом мире своей жизнью. Оно совершало поступки, любило, ненавидело и сплело сложную паутину отношений с другими людьми. Он даже мог бы предположить, что

его тело было женато, но он предпочитал не думать об этом.

Его собственная встреча с похищенным телом Рея Мелхилла должна была показать ему, насколько наивно такое отношение. И теперь, хотел он того или нет, ему придется вернуться к этой мысли.

Они отправились к Блейну домой. Женщина, ее звали Алиса Кранч, несмело примостилась на краю кушетки, взяв предложенную Блейном сигарету.

— Понимаете, — начала она, — так получилось, что Фрэнк, это мой муж, не был удовлетворен положением вещей. У него была хорошая работа охотника, но он все не мог успокоиться.

— Охотника?!

— Да, он был копьеносцем в китайской охоте.

— Гм, — Блейн задумался над тем, что же заставило его пойти на ту охоту: его собственные потребности или рефлексы Кранча?

— Но он был вечно недоволен, — продолжала Алиса Кранч, — это стало его больным местом, ведь богачи постоянно отправляются в Послежизнь.

— И я его не виню.

Она пожала плечами.

— А что еще остается? У Фрэнка не было возможности скопить необходимую сумму, это его сильно беспокоило. А потом его тяжело ранили. Наверное, у вас еще есть тот шрам на плече?

Блейн кивнул.

— Так вот, — продолжала она, — после этого он сильно изменился. Обычно охотники не думают о смерти, а он думал все время. Потом он встретил эту худющую девицу из «Рекса».

— Мэри Торн?

— Вот-вот, ее. Худющая девица, вся как гвоздь, и холодная, словно рыбина. Не понимаю, что Фрэнк в ней нашел. Он, конечно, позволял себе баловство, все охотники так делают. Это из-за напряжения от грозящей опасности. Но баловство и есть баловство. Но они, Фрэнк и эта девица, стали прямо не разлей вода. Что-то в ней было, конечно, но вид у нее такой, словно она спит не раздеваясь. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Блейн кивнул, ощущая укол памяти.

— Да, о вкусах не спорят, но я думала, что знаю Фрэнка, а оказалось, что нет, потому что он с ней ничего не имел. Это было только деловое общение. Однажды он пришел и сказал мне: «Малютка, я тебя покидаю. Отправлюсь прямо на Небеса, как чертовы богачи. Для тебя это тоже будет, наверное, приятная перемена!» — Алиса вздохнула и вытерла слезы. — Этот остолоп продал свое тело! «Рекс» дал ему страховку и пожизненную пенсию для меня. И как он собой гордился, чертов дурачок! Я прямо посинела от крика, стараясь переубедить его. Куда там! Он собрался отведать пирога в небе, и точка! По его мнению, его черед настал, в следующей охоте его должны были достать... Один раз он говорил со мной с Порога.

— Он еще на Пороге? — спросил Блейн, чувствуя холодок в затылке.

— Он молчит уже больше года, — ответила Алиса. — Думаю, он перешел в Послежизнь. Подлец!

Некоторое время она плакала, потом вытерла глаза маленьким платочком и траурно посмотрела на Блейна.

— Я не буду больше вас беспокоить. В конце концов, он сам продал свое тело, и теперь оно целиком ваше. Я ничего не требую от вас, но мне так одиноко, так тоскливо.

— Представляю, — пробормотал Блейн, думая, что она совсем не в его вкусе. То есть, объективно говоря, она была привлекательной, правда, несколько полноватой. Четкие, приятные черты лица, явно украшенные гримом. Волосы, хотя и не от рождения рыжие, красиво падали на плечи. Он представил, как женщина такого типа ругается с полицейским, уперев руки в бока, или торгуется на рынке, или тянет рыбачий невод, или пасет коз на горных склонах, длинная юбка путается в ногах, шелестит на крутых бедрах, крестьянская блуза натягивается на груди...

Но она была не в его вкусе!

Тем не менее, напомнил он себе, Фрэнк Кранч находил ее вполне соответствующей его вкусам.

— Почти все наши друзья были охотниками в Пекине, — продолжала Алиса. — После того как Фрэнк отбыл, они, конечно, иногда заходили, но вы ведь знаете охотников, у них одно на уме.

— Так ли это?

— Да. Поэтому я вернулась из Пекина в Нью-Йорк, где родилась. И однажды я увидела Фрэнка. то есть вас. Я чуть сознание не потеряла! То есть, я могла ожидать чего-нибудь такого, но когда видишь на улице собственного мужа...

— Я тоже так думаю, — согласился Блейн.

— Поэтому я и ходила за вами по улице и все такое прочее. И я подумала: интересно, что вы за человек... Понимаете, Фрэнк был такой... то есть он и я... нам было очень хорошо вместе... Вы понимаете меня?

— Конечно, — сказал Блейн.

— Я уверена, вы думаете, что я уродина.

— Вовсе нет, — возразил Блейн.

Она посмотрела ему в лицо одновременно с траурным и кокетливым выражением. Блейн почувствовал, как запульсировал старый шрам Кранча.

Помни, сказал он себе, Кранча больше нет, теперь есть только Блейн. Блейн! Эту проблему надо решать, подумал он, потом схватил в объятия ждущую Алису, целуя ее с совсем не блейновским пылом...

Утром Алиса приготовила завтрак. Блейн сидел, глядя в окно, и думал невеселые думы. Прошлая ночь доказала ему, что Кранч продолжал оставаться королем в государстве под названием «сознание Кранча-Блейна». Вчера ночью он вел себя совершенно не в своей манере. Он был груб, нетерпелив, зол, ненасытен. Он был именно таким, каким ни за что не хотел быть раньше. Это был не Блейн, это был Кранч, тело-победитель.

Блейн всегда ценил деликатность, понимание нюансов, но это были черты его индивидуальности, с ними он был Томасом Блейном. Без них он являлся меньше, чем ничего, — слабая тень вечно побеждающего Кранча.

Вскоре он прекратит борьбу, думал он уныло, станет тем, что требовало новое тело: драчуном, забиякой, сладострастным мерзавцем. Может быть, со временем он и привыкнет к этому...

— Завтрак готов, — объявила Алиса.

Они завтракали в молчании. Алиса грустно трогала синяк на предплечье. Наконец Блейн не выдержал.

— Послушай, — сказал он, — мне очень жаль.

— О чем ты?

— Обо всем.

Она слабо улыбнулась.

— Все в порядке. Это моя вина.

— Сомневаюсь. Передай мне масло, пожалуйста.

Она подала ему масло. Несколько минут прошли в молчании, потом Алиса сказала:

— Я была такая глупая...

— Почему?

— Теперь я понимаю, что гналась за миражом. Я думала, вдруг опять встречу Фрэнка, вдруг все опять будет, как с Фрэнком...

— А было не так?

Она покачала головой.

— Нет, конечно не так.

Блейн аккуратно поставил на стол чашку с кофе.

— Я думаю, Кранч был грубее, он, видимо, бросал тебя об стену, как мяч. Может быть...

— Нет, нет! — вскричала она. — Никогда, мистер Блейн. Фрэнк был охотником, и жизнь у него была нелегкой, это правда, но он со мной всегда был истинным джентльменом. Да, он знал, как себя вести!

— Знал!

— Конечно, Фрэнк был всегда нежен со мной, мистер Блейн. Он был... деликатным, если вы понимаете, что я имею в виду. Честно говоря, он был вашей совершенной противоположностью, мистер Блейн.

— Вот как?

— Нет, с вами все в порядке, — поспешно поправилась она. — Вы были чуть-чуть быстры, но я думаю, у каждого человека есть свои привычки.

— Думаю, что так, — согласился Блейн.

Они завершили завтрак в неловкой тишине. Алиса, освободившись от своей навязчивой идеи, тут же ушла, ничего даже не намекнув на возможность новой встречи.

Блейн сел в небольшое кресло у окна. Печальная картина заключалась в том, сказал он себе, что он действовал в соответствии со своим представлением о Кранче. Все это было чистым самовнушением. Поддавшись припадку истерии, он убедил себя в том, что сильный, грубый мужчина обязательно отнесется к женщине, как дикий медведь. Он действовал по сте-

реотипу. И он чувствовал бы себя еще глупее, если бы не был так рад возвращению Блейна целым и невредимым.

Он нахмурился, вспомнив слова Алисы о Мэри: худющая, как гвоздь, холодная, словно рыба. Еще один стереотип.

Но в данный момент он едва ли мог порицать Алису.

Глава шестая

Через несколько дней Блейн получил извещение о том, что в Спиритическом коммутаторе его ждет сообщение. Он отправился туда после работы в ту же кабину, которой он пользовался прошлый раз.

— Привет, Том, — сказал усиленный голос Мелхилла.

— Привет, Рэй. Я уж думал, куда это ты пропал.

— Я все еще на Пороге, — пояснил Мелхилл, — но долго здесь не задержусь. Надо двигаться дальше и взглянуть, что это за Послежизнь, она меня манит. Но сперва я хотел поговорить с тобой, Том. Ты должен остерегаться Мэри Торн.

— В самом деле, Рей?

— Послушай меня. Она все время торчит в «Рексе». Я не знаю, что там происходит, их конференц-зал экранирован от психического вторжения, но что-то там назревает, что-то опасное для тебя. И она в самом центре.

— Буду держаться настороже, — пообещал Блейн.

— Том, пожалуйста, прими совет: уезжай из Нью-Йорка, и поскорее!

— Не уеду.

— Упрямый ты осел! Что за смысл иметь доброго ангела, если ты не слушаешь его советов?

— Я ценю твою помощь, честное слово, — сказал Блейн, — но посуди сам, что я выиграю, если уеду?

— Ты немного дольше останешься в живых.

— Немного дольше? Неужели дела настолько плохи?

— Да, достаточно. Том, помни главное — не доверяй никому! Теперь я должен идти.

— Ты еще поговоришь со мной, Рэй?

— Возможно, да, а может, и нет. Удачи, малыш!

Беседа закончилась. Блейн вернулся в квартиру.

Следующим днем была суббота. Блейн встал поздно, приготовил завтрак и позвонил Мэри. Ее не было дома. Оставшуюся часть дня он решил ничего не делать, а прослушать сенсозаписи.

Но в этот день к нему пришли два посетителя.

Первой была тихая горбатая женщина в темной, до суровости простой униформе. На ее армейского вида кепке видны были слова: СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ.

— Сэр, — сказала она, слегка задыхаясь, — я собираю пожертвования в пользу Старой Церкви, организации, которая стремится к распространению веры в эти безбожные и беспутные времена.

— Прошу прощения, — Блейн начал осторожно закрывать дверь.

Но, очевидно, он был не первым, с кем старушка имела дело. Втиснувшись между дверью и косяком, она продолжила:

— Мы живем, мой юный сэр, в век Вавилонского Зверя, в век разрушения души. Это век Сатаны. Но не дай провести себя! Господь Всемогущий допустил это ради проверки и испытания, дабы отделить семена от плевел. Бойся поддаться искушению! Бойся встать на тропу греха!

Блейн дал ей доллар, чтобы только она замолчала. Старушка поблагодарила, но продолжала говорить:

— Опасайся, мой юный сэр, этой последней приманки Сатаны — фальшивого рая, который люди называют Послежизнью. Будто бы преисподняя стала Раем! И люди поддаются этому лживому коварству и с радостью отправляются в лапы Сатаны!

— Благодарю вас, — сказал Блейн, пытаясь закрыть дверь.

— Помни мои слова! — странная старушка не спускала с него взгляда. — Послежизнь — это грех!

— Спасибо! — крикнул Блейн и наконец-то закрыл дверь.

Он снова уселся в кресло и почти час созерцал «Бегство на Венере». Потом в дверь постучали.

— Мистер Блейн? — спросил кто-то.

— Это я.

— Мистер Блейн, меня зовут Чарльз Фаррел, я представитель корпорации «Мир иной». Могу я поговорить с вами? Если вы сейчас заняты, мы могли бы договориться о предстоящей встрече.

— Входите, — и Блейн широко распахнул дверь пророку адской Послежизни.

Фаррел оказался деловым мягким человеком с приятным голосом. Первое, что он сделал, это вручил Блейну фирменный знак корпорации, где удостоверялось, что Чарльз Фаррел — полномочный представитель корпорации. В тексте имелось скрупулезное описание внешности Фаррела, три фотографии с печатями и набор отпечатков пальцев.

— А вот мои удостоверения личности, — Фаррел раскрыл бумажник и показал Блейну права на вождение вертолета, регистрационную карточку избирателя и удостоверение государственной благонадежности. На отдельном листе специальной бумаги Фаррел отпечатал узоры своих папиллярных линий и предъявил листок Блейну для сравнения с отпечатками пальцев на бланке.

— Это все необходимо? — поинтересовался Блейн.

— Обязательно, — заверил его Фаррел. — В прошлом имели место несколько печальных случаев. Бесчестные пройдохи часто выдают себя за представителей корпорации, посещая бедных и доверчивых людей. Они предлагают страховку по сниженным ценам и, получив деньги, бегут из города.

— Я этого не знал, — проговорил Блейн. — Может, вы присядете?

Фаррел опустился на стул.

— Мы пытаемся с этим бороться, но все эти компании-однодневки быстро меняют места расположения, и их нелегко поймать на горячем. Поэтому лишь «Мир иной» да еще две компании, имеющие одобренное правительством и экспертами оборудование, гарантируют Жизнь после смерти.

— А как с различными системами психологической тренировки? — поинтересовался Блейн.

— Я специально ничего о них не упоминал, — сказал Фаррел, — но это совсем другая категория. Если вы обладаете терпением и решимостью, необходимыми для двенадцати лет упорного труда над собой, то могу вас поздравить. Если нет, то вам

потребуется научный метод и его приложение к вам лично. И здесь мы к вашим услугам.

— Я хотел бы узнать об этом подробнее.

Мистер Фаррел поудобнее уселся на стуле.

— Наверное, вы, как и остальные люди, хотели бы знать, что есть жизнь. И что есть смерть. И что такое сознание. Существует ли на самом деле душа? — мистер Фаррел улыбнулся. — Не на эти ли вопросы вы желали получить ответы?

Блейн кивнул.

— Так вот, — продолжал Фаррел, — я ничего не могу вам сказать. Мы просто ничего не знаем. Мы относим эти вопросы к области философии и религии. Мы не имеем намерения даже пытаться ответить на них, нас интересуют результаты.

— Думаю, мне все ясно, — заметил Блейн.

— Это очень важно. Теперь я должен прояснить для вас еще один вопрос. То, что мы предлагаем, не имеет ничего общего с раем.

— Ничего?

— Абсолютно. Рай — это религиозная концепция, а мы никак не связаны с религией. Наша Послежизнь — это сознание, выжившее после смерти тела. Вот и все. И мы вовсе не утверждаем, что Послежизнь — это рай, так же, как первые антропологи не могли утверждать, что найденные ими кости питекантропа являются останками Адама и Евы.

— До вас ко мне заходила старушка, — сказал Блейн. — Она утверждала, что Послежизнь — это ад.

— Фанатичка! — с усмешкой заметил Фаррел. — Она всюду за мной следит. И, насколько мне известно, она совершенно права.

— Что же вам известно о Послежизни?

— Не так уж много, — ответил Фаррел. — Наверняка известно лишь то, что после смерти тела сознание перемещается в область, называемую Порогом. Это, как мы предполагаем, своего рода подготовительная ступень Послежизни. Попав туда, сознание по своей воле может перейти в Послежизнь как таковую.

— Но что представляет собой Послежизнь?

— Мы не знаем. Можно лишь сказать, что это нематериальная область. Некоторые считают, что сознание — это сущность человеческого тела, и поэто-

му сущности многих земных вещей могут быть перенесены в Послежизнь вместе с ним. Возможно, это так и есть. Другие считают, что Послежизнь — это место, где души ждут своей очереди, чтобы возродиться в иных телах и на других планетах. Возможно, это только первая ступень внеземной жизни человека и имеется еще шесть, все более сложных. Говорили также, что Послежизнь — это обширное туманное пространство, где вы будете вечно скитаться в одиночестве. Мне попадались теории, доказывающие, что люди располагаются в Послежизни по семейному признаку, другие спорят, что они группируются по расовой принадлежности. Другие считают, как вы заметили, что души попадают прямо в ад. Есть теории, гласящие, что сознание совершенно исчезает, покидая Порог. Есть люди, обвиняющие корпорацию в обмане общественности. Предсказывают, что в Послежизни правят древние боги — скандинавские, гаитянские. Естественно, другая теория доказывает, что там нет и не может быть никаких богов. Мне однажды попалась книга, уверяющая, что в Послежизни правят английские духи. А американская книга утверждала, что там правят американцы. И так далее. Можете взять на вооружение любую из этих теорий, мистер Блейн, или придумать собственную.

— А что вы сами думаете?

— Лично я придерживаюсь открытого взгляда. Когда придет время, отправлюсь туда и лично все узнаю.

— Мне это нравится, — сказал Блейн, — но, к сожалению, нет возможности — денег.

— Я знаю, — сказал Фаррел, — так как ознакомился с состоянием ваших финансов.

— Тогда зачем...

— Каждый год, — прервал его Фаррел, — распространяется определенное количество бесплатных послежизненных страховок. Часть из них финансируется корпорациями и различными фондами, часть разыгрывается в лотерею. Я рад сообщить вам, мистер Блейн, что вы попали в число этих счастливчиков, получивших бесплатную страховку.

— Я?

— Позвольте поздравить вас, — сказал Фаррел, — вам чрезвычайно повезло.

— Но кто подарил мне эту страховку?

— Текстильная корпорация «Майн Фарбенгер».

— Никогда о такой не слышал.

— Зато вы слышали о нас. Дар сделан в честь вашего переноса из 1958 года. Вы принимаете его?

Блейн пристально посмотрел на представителя корпорации «Мир иной». Кажется, Фаррел говорит правду. Во всяком случае, эту историю легко проверить в самой корпорации. Неожиданный подарок судьбы вызвал у Блейна законные подозрения. Но мысль о возможности получить жизнь после смерти пересилила все сомнения. Осторожность никогда не мешает, но только не в тот момент, когда перед тобой открываются врата Послежизни.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Просто последовать со мной к зданию корпорации. На необходимую процедуру уйдет всего несколько часов.

Бессмертие! Жизнь после смерти!

— Хорошо, — проговорил наконец Блейн. — Я принимаю подарок. Идемте!

Они немедленно покинули квартиру Блейна.

Глава седьмая

Галитакси доставило их прямо в здание корпорации. Фаррел провел Блейна в Приемный Отдел и вручил ксерокопию страховки Блейна заведующей. С Блейна сняли отпечатки пальцев, он предъявил свое охотничье удостоверение для доказательства идентичности личности. Женщина сверила все данные со списком лиц, назначенных на прием. Удостоверившись, она подписала необходимые бумаги.

Затем Фаррел отвел Блейна в Примерочную, пожелал ему удачи и ушел.

В Примерочной целая команда молодых операторов устроила Блейну настоящий экзамен. Ряды компьютеров трещали и щелкали, извергая рулоны бумажной ленты. Зловещего вида аппараты булькали и попискивали, подмигивая Блейну разноцветными

огнями. И на фоне этой деятельности операторы вели оживленную профессиональную беседу.

— Забавная бета-реакция. Думаешь, можно сгладить пик?

— Конечно, просто понизим коэффициент побуждения.

— Не люблю я этого, ослабляет сеть.

— А не надо слишком уж понижать, он и так перенесет травму.

— Возможно... Как там с фактором Хейлигера? — Ничего нет.

— Это потому, что он в телоносителе. Потом появится.

— А у того, на прошлой неделе, так и не появился. Парень залетел, как ракета.

— Во-первых, он был несколько нестабильный...

Блейн встревожился.

— Эй, парни, что это за штука, которая может не сработать?

Операторы уставились на него, словно впервые увидели.

— Раз на раз не приходится, брат, — сказал один.

— И каждому нужен особый подход.

— Это всегда проблема.

— Мне говорили, что процедура давно отработана и что ошибок не бывает, — сказал Блейн.

— Ясное дело, они всегда так говорят клиентам, — скорбно заметил один из операторов.

— Тут у нас каждый день бывают неполадки, до совершенства еще далеко.

— Но вы можете сказать, удалась процедура или нет? — с тревогой спросил Блейн.

— Конечно. Если она удалась, ты останешься жив-здоров. А если нет, отсюда ты уже не выходишь.

— Обычно она удается, — ободряюще добавил оператор. — Кроме случаев с К-3.

— Чертов К-3 фактор! Он нам все дело портит! А ну-ка, Джемиан, скажи нам, К-3 он или нет?

— Не уверен, — сказал Джемиан, сгорбившись над индикаторами своего пульта. — Опять барахлит тестирующая машина.

— А что такое К-3? — спросил Блейн

— Если бы мы знали, — уныло сказал Джемиан. — Наверняка известно только то, что парни с К-3 не выживают после смерти.

— Старик Фицрой считает, что это встроенный природой ограничительный фактор.

— Но он не передается по наследству

— Все равно остается возможность, что он прячется в гене и проявится через несколько поколений.

— А я не К-3? — спросил Блейн, стараясь, чтобы голос его не дрожал.

— Кажется, нет, — спокойно сказал Джемиан, — он редко встречается. Сейчас проверю.

Блейн терпеливо ждал, пока операторы обработают все данные.

Немного спустя Джемиан поднял на него глаза.

— Так, по-моему, ты не К-3. Хотя кто может знать наверняка? Но все равно — давайте начинать.

— А что теперь? — с любопытством спросил Блейн.

В руку ему вошла игла шприца.

— Не беспокойся, — сказал оператор, — все будет отлично.

— Вы уверены, что я не К-3?

Оператор рассеянно кивнул. Блейн хотел еще что-то спросить, но вдруг голова его закружилась.

Операторы подняли его и положили на белый операционный стол.

Когда он пришел в себя, то заметил, что лежит на удобной кушетке. Где-то играла тихая успокаивающая музыка. Медсестра протянула ему стакан хереса. Рядом с ней стоял мистер Фаррел.

— Все прошло, как по нотам, — сказал он.

— Правда?

— Ошибки быть не может. Мистер Блейн, Послежизнь вам обеспечена.

Блейн допил херес и встал, его слегка покачивало

— Жизнь после смерти? Когда бы я ни умер? И отчего бы я ни умер?

— Именно так, независимо от того, когда и как вы умрете. Ваше сознание выживет после смерти тела. Как вы себя чувствуете?

— Не знаю.

Лишь полчаса спустя, когда Блейн вернулся домой, наступила первая реакция.

Послежизнь принадлежит ему!

Внезапно его охватило бурное возбуждение. Теперь ему нечего бояться! Он бессмертен! Его могут убить на месте, а он не умрет вместе со своим телом!

Он словно опьянел от радости. Он представил, как бросается под колеса грузовика. А можно пойти в берсеркеры и со смехом наводить ужас на толпу. А почему бы и нет? «Голубые рубашки» могут убить лишь его тело, не больше.

Это было совершенно неописуемое чувство. Только теперь Блейн понял, с каким бременем жили люди до открытия Послежизни. Древний враг человеческий — смерть — страшная тень, что ползла по проходам и коридорам человеческого сознания, вечно присутствующая и вечно ждущая, незваный гость на каждом пиру...

Ее больше нет!

Чудовищный груз, тяготивший его сознание, был навсегда снят. Смерть, его главный враг, побеждена!

Он вернулся в свою квартиру в состоянии высочайшей эйфории. Когда он открывал дверь, раздался звонок телефона.

— Говорит Блейн.

— Том? — это была Мэри Торн. — Где ты был? Я целый день пытаюсь к тебе дозвониться.

— Я уходил, дорогая. А где же ты была до сих пор?

— В «Рексе». Я хотела узнать, что они задумали. Теперь слушай внимательно, у меня важные новости.

— У меня тоже есть для тебя важная новость, малышка, — сообщил Блейн.

— Слушай меня! — перебила она. — Сегодня к тебе придет человек и скажет, что является агентом корпорации «Мир иной», — он предложит тебе страховку. Не бери ее!

— Почему? Он что, не агент?

— Нет, он настоящий представитель корпорации, все честно, но ты не должен соглашаться.

— Я уже согласился.

— Что?!

— Он приходил несколько часов назад, и я принял страховку.

— Они уже обработали тебя?

— Да, а что, это розыгрыш?

— Нет, — сказала Мэри, — конечно нет. Ох, Том, когда же ты наконец научишься не доверять предложениям незнакомых людей? Для страховки нашлось бы время потом... Том, Том!

— А что случилось? — спросил Том. — Это ведь был подарок текстильной корпорации «Майн Фарбенгер».

— Она полностью принадлежит «Рексу», — пояснила Мэри.

— А-а... Ну и что?

— Том, эту страховку дали управляющие «Рекса». Они использовали «Майн Фарбенгер» как ширму, но страховку тебе предоставил именно «Рекс»! Теперь понимаешь, что все это значит?

— Нет. Будь так добра, перестань кричать и спокойно все объясни.

— Том, это все раздел о Разрешенном Убийстве из «Закона о Самоубийстве». Они хотят им воспользоваться.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю тебе о разделе из «Закона о Самоубийстве», который делает законным изъятие теланосителя. «Рекс» гарантирует выживание твоего сознания после смерти. Ты принял страховку. Теперь они по закону могут отобрать у тебя тело для своих нужд. Оно принадлежит им полностью. Понимаешь? Они имеют право убить твое тело, Том.

— Убить меня?

— Да, и они, конечно, так и сделают. Правительство намерено возбудить дело против корпорации за нелегальную транспортировку из прошлого. Если ты исчезнешь, исчезнет и источник неприятностей. Ты должен скорее уехать из Нью-Йорка и, вероятно, из страны вообще. Может, тогда они оставят тебя в покое. Я помогу тебе. Думаю, тебе надо...

Телефон замолчал.

Блейн несколько раз поднимал и опускал трубку но не было слышно ничего, даже гудка. Линия была явно кем-то оборвана.

Эйфория, которой он был полон несколько минут назад, мгновенно испарилась. Как только он мог думать о берсеркизме! Он хотел жить! Жить во плоти на той Земле, которую знал и любил. Существование в форме духа пока совсем его не привлекало. Он хотел жить среди вещей, которые можно потрогать, хотел дышать полной грудью, есть, пить, чувствовать свое тело и тела других людей.

Когда они попытаются убить его? Да в любое время!

Блейн быстро сунул в карман все имеющиеся у него деньги и поспешил к двери. Открыв ее, он посмотрел по сторонам. В коридоре было пусто.

Он выскочил за дверь и вдруг замер. Из-за поворота как раз выходил человек. Он шел посреди прохода, в руках он держал большой излучатель, направленный прямо в живот Блейну.

Это был Сэмми Джоунс.

— Ах, Том, — вздохнул Сэмми, — поверь, мне очень жаль, но дело есть дело.

Блейн стоял, словно парализованный, глядя, как ствол излучателя поднимается к его груди.

— Почему именно ты? — с трудом выговорил он.

— А кто же еще? — удивился Джоунс. — Разве я не лучший охотник в Западном полушарии, да и в Европе, наверное, тоже? «Рекс» нанял нас всех, но только на этот раз с пулевым и лучевым оружием. Мне очень жаль, Том.

— Но я тоже охотник, — сказал Блейн.

— Ты не первый и не последний, парень. Такова наша игра. Не шевелись! Я все сделаю быстро!

— Я не хочу умирать! — выдохнул Блейн.

— Почему? У тебя же есть страховка.

— Меня обманули! Я хочу жить! Сэмми, не надо!

Лицо Сэмми Джоунса напряглось. Он тщательно прицелился, потом опустил излучатель.

— Я становлюсь слишком чувствительным. Ладно, Том, давай беги, у каждой Жертвы должна быть фора. Так даже интереснее. Но я даю тебе совсем немного.

— Спасибо! — крикнул Блейн и бросился вниз по лестнице.

Он выскочил на улицу и остановился, не зная, куда бежать. На раздумья времени не было. Скоро вечер, темнота поможет ему.

Он выбрал направление и пошел.

Почти инстинктивно ноги понесли его к городским трущобам.

Глава восьмая

Он шел мимо обветшалых многоэтажных домов, мимо дешевых салунов, ночных клубов и пытался размышлять. Нужен план. Охотники настигнут его через час или два, если он не придумает что-нибудь, не найдет способа бежать из Нью-Йорка.

Джоунс сказал ему, что за транспортом следят. На что же ему рассчитывать — без оружия, без связей? Что ж, этому горю он мог помочь. С пистолетом он не будет таким беззащитным. Как говорил Халл, охотник имеет право стрелять в Жертву, но если Жертва стреляет в охотника, полиции придется арестовать его. Дело запутается, но он избежит немедленной опасности.

Он шел, пока не оказался рядом с ломбардом. На его витрине была выставлена богатая коллекция пулевого и лучевого оружия, ножей и кинжалов.

Блейн вошел в лавку.

— Мне нужен пистолет, — сказал он усатому продавцу за прилавком.

— Пистолет. Ага. Какого типа? — спросил тот.

— У вас есть лучевые пистолеты?

Человек за прилавком кивнул и извлек откуда-то снизу большой блестящий пистолет с красивой медной отделкой.

— Вот, например. Отличная модель, настоящий «сайлс-берн», иглолучевой пистолет для большой венерианской охоты. На расстоянии в пять сотен ярдов он проделает дыру во всем, что ходит, плавает или летает. Вот здесь селектор рассеивания. Можно дать широкий луч для работы на короткой дистанции или отрегулировать игольную толщину для дальней стрельбы.

— Прекрасно, прекрасно, — Блейн достал из кармана купюры.

— Вот эта кнопка, — продолжал ростовщик, — регулирует время заряда. Один щелчок увеличивает время заряда на четверть секунды. Поставьте его на автомат, и он будет работать, как коса. Батареи хватает на четыре часа, и в этой, что заряжена сейчас, осталось энергии на три часа работы. Кроме того, вы можете использовать пистолет в домашней мастерской. При помощи особых креплений, снизив мощность лазера до минимума, можно резать лучом пластик лучше, чем пилой. В другом режиме он может работать в качестве горелки. Специальные глушители можно приобрести...

— Я беру его, — перебил Блейн ростовщика.

Тот кивнул:

— Могу я взглянуть на ваше разрешение?

Блейн вытащил свою охотничью лицензию. Продавец кивнул и с тягостной медлительностью выписал чек.

— Вам завернуть?

— Не беспокойтесь, я понесу так.

— Семьдесят пять долларов, — сказал продавец.

Когда Блейн бросил на прилавок деньги, ростовщик сверился со списком на стене у себя за спиной.

— Стоп! — внезапно сказал он.

— Что такое?

— Я не могу продать вам оружие.

— Почему? Я же показал вам лицензию.

— Но вы не сказали, что вы Жертва. А у Жертв не должно быть оружия. Ваше имя передали в списки полчаса назад. Легально вы не купите оружия нигде в Нью-Йорке, мистер Блейн.

Ростовщик отодвинул деньги обратно к Блейну. Тот попытался схватить пистолет, но продавец сделал это раньше и направил ствол на Блейна.

— Надо бы уменьшить им хлопоты, — сказал он. — У тебя же есть твоя чертова страховка, так чего же тебе еще надо?

Блейн стоял совершенно неподвижно. Ростовщик опустил пистолет.

— Это не моя забота, — сказал он, — охотники и так быстро тебя возьмут.

Он протянул руку под прилавок и нажал кнопку. Блейн повернулся и выбежал из лавки.

Уже темнело, но он обнаружил себя. Скоро охотники будут здесь.

Ему показалось, что его кто-то зовет. Он проталкивался сквозь толпу, не оглядываясь и пытаясь что-то придумать. Он не собирался умирать просто так.

Он заметил, что его догоняет ухмыляющийся человек. Это был Тезей, в руке он сжимал пистолет, выжидая удобного для выстрела момента.

Блейн протолкался через толпу, выскочил в боковую улицу и помчался по ней. Вдруг он замер.

В дальнем конце улицы, четко выделяясь на фоне освещенной стены, стоял человек. Одну руку он упер в бедро, другую поднял для выстрела. Блейн заколебался, потом обернулся в сторону Тезея.

Маленький охотник выстрелил, опалив рукав Блейна. Блейн кинулся к открытой двери, но ее захлопнули перед самым его носом. Второй выстрел прожег дырку в пиджаке.

Словно во сне следил он за приближающимися охотниками. Тезей был уже совсем близко, второй блокировал путь к бегству.

Блейн побежал в сторону второго, едва передвигая наливающиеся свинцом ноги. Он бежал мимо решеток канализации, мимо опущенных на витрины стальных штор и запертых входных дверей.

— Тезей, отойди! — крикнул второй охотник. — Я его достану!

— Давай, Хендрик, — отозвался Тезей и прижался к стене.

Второй охотник, до которого оставалось ярдов пятьдесят, прицелился и выстрелил. Блейн бросился на мостовую, и луч прошел над его головой.

Он откатился в сторону, к дверному проему. Луч прыгнул вслед за ним, опалив бетон и обращая в пар лужи у сточных решеток.

Под тяжестью его тела решетка вентиляции метро вдруг подалась. Падая, он сообразил, что ее, очевидно, повредил луч пистолета.

Надо приземлиться на ноги, подумал он, и побыстрее уползти с открытого места. Если он потеряет сознание, тело его, лежащее на дне глубокой шахты, станет легкой добычей охотников.

Он попытался перевернуться на лету, но слишком поздно. Он приземлился на плечи, и голова его сильно ударилась о железную опору. Но необходимость оставаться в сознании была так велика, что он заставил себя подняться на ноги.

Надо подальше отойти в глубину тоннеля, где они не смогут его достать. Одного шага было достаточно, чтобы ноги с кошмарной легкостью подкосились. Он упал лицом вниз, перевернулся и увидел над собой зияющее отверстие шахты.

Блейн потерял сознание.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

Когда он снова пришел в себя, то решил, что Послежизнь ему не нравится. Было темно, воняло прогорклым маслом и плесенью. К тому же страшно болела голова, а спину словно разломили на части.

Может ли у духа болеть голова? Блейн пошевелился и обнаружил, что все еще обладает телом. Нет, он еще явно не в Послежизни.

— Полежи немного, — донесся из темноты голос.

— Кто это? — Блейн весь похолодел.

— Смит.

— А, это ты... — Блейн сел и схватился за голову. — Как это тебе удалось?

— Я чуть не опоздал, — сказал зомби. — Когда тебя объявили Жертвой, я сразу же поспешил к тебе на помощь. Несколько моих друзей согласились помочь, но ты двигался слишком быстро. Я звал тебя, когда ты выходил из ломбарда.

— Да, мне показалось, что я слышал свое имя.

— Если бы ты оглянулся, мы успели бы впустить тебя вниз еще тогда. Несколько раз мы открывали решетки стоков и шахт, но трудно было угадать момент, каждый раз мы немного опаздывали.

— Но не в последний раз, — заметил Блейн.

— Да, мне пришлось открыть решетку прямо под тобой. Жаль, что ты ушиб голову.

— Где я сейчас?

— Я оттащил тебя от главной линии. Ты в боковом проходе. Охотники не найдут тебя здесь.

И снова Блейн не мог найти подходящих слов, чтобы отблагодарить Смита. И снова Смит не ждал благодарности.

— Я делал это не ради тебя, а ради себя, ты мне необходим.

— Ты вспомнил зачем?

— Пока нет, — ответил Смит.

Глаза Блейна выхватили из темноты очертания головы и плеч зомби.

— Что теперь?

— Теперь ты в безопасности. По подземным путям мы можем довести тебя до Нью-Джерси, дальше тебе придется добираться самому, но не думаю, чтобы это было особенно трудным.

— А чего мы ждем?

— Мистера Кина. Мне потребуется его разрешение, чтобы провести тебя по нашей территории.

Через несколько минут Блейн разглядел миниатюрный силуэт мистера Кина, который приближался, опираясь на руку негра.

— Очень вам сочувствую, — сказал мистер Кин, присаживаясь рядом с Блейном.

— Мистер Кин, — сказал Смит, — если бы вы разрешили провести моего друга через старый Голландский тоннель до Нью-Джерси...

— Мне действительно очень жаль, — сказал мистер Кин, — но я не могу этого позволить.

Блейн огляделся по сторонам. Его окружала дюжина зомби.

— Я говорил с охотниками, — продолжал мистер Кин, — и дал им гарантии, что вы будете выпущены на поверхность через полчаса, не более того. Вам придется уйти, Блейн.

— Но почему? — спросил он.

— Мы просто не можем позволить себе оказать вам помощь. Я и в первый раз шел на риск, позволяя вам осквернить гробницу Рейли. Но я делал это ради Смита, поскольку его судьба как-то связана с вашей. А Смит — один из моих подопечных. Но на этот раз вы требуете слишком многого. Вы ведь знаете, что нас здесь только терпят.

— Знаю, — сказал Блейн.

— Смит должен был учесть последствия, когда открывал решетку. Вниз повалили охотники и устроили обыск. Обыск, Блейн! Десятки охотников заполнили коридоры, они толкали моих людей, кричали в свои радиопередатчики. Явились и репортеры и даже зеваки. Некоторые охотники помоложе потеряли присутствие духа и начали стрелять в зомби.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн.

— Это не ваша вина, но Смит должен был лучше подумать. Наш подземный мир — не суверенное королевство, мы существуем только по снисхождению властей, нас терпят, но могут в любой момент стереть с лица земли. Поэтому я и обратился к охотникам и репортерам.

— Что вы им сказали?

— Я сказал, что решетка провалилась сама, потому что проржавела. Что вы попали сюда случайно и где-то затаились. Я заверил, что зомби в этом деле не замешаны, что мы найдем вас и вернем на поверхность.

— Спасибо, — поблагодарил Блейн, — и тебе, Смит. спасибо.

— Я старался, как мог, — проговорил Смит, — если ты умрешь, я тоже, наверное, умру. Если ты выживешь, я буду стараться вспомнить тебя.

— И что, если вспомнишь?

— Тогда я тебя найду.

Блейн кивнул и стал подниматься по лестнице.

Снаружи стояла глубокая ночь. На 79-й улице не было видно ни души. Блейн стоял рядом с выходом, раздумывая, что бы предпринять.

— Блейн!

Кто-то звал его, но это была не Мэри. как ожидал. Голос был мужской, знакомый, голос Сэмми Джоунса или Тезея.

Он быстро повернулся к выходу из метро. Дверь была надежно заперта изнутри.

Глава вторая

— Том! Том! Это я!

— Рей?

— Конечно! Говори тише, охотники рядом. Подожди-ка.

Блейн ждал, присев у входа в заброшенную линию метро. Нигде не было и намека на присутствие Мелхилла. Не было обычной эктоплазмовой дымки, ничего, кроме голоса.

— Хорошо, — сказал Мелхилл, — иди на запад, быстро!

— Рей, откуда ты здесь?

— Я еле успел. Этот старик Кин связался с твоей Мэри, и она нашла меня через Спиритический коммутатор... Погоди! Стой на месте!

Блейн нырнул за угол здания. Над крышами медленно проплыл вертолет.

— Охотники, — сообщил Мелхилл. — На тебя идет большая охота, малыш. Объявлены награды даже за информацию о твоем местонахождении. Том, я сказал Мэри, что помогу тебе. Не знаю, насколько меня хватит, я быстро теряю энергию. После этого мне дорога прямо в Послежизнь.

— Рей! Я даже не знаю, как...

— Брось, слушай, я не могу говорить долго. Мэри договорилась с одним из друзей, у них есть план. Мне нужно только провести тебя к ним. Стой!

Блейн спрятался за большим ящиком для писем. Медленно тянулись секунды. Вскоре мимо пробежали три охотника с пистолетами в руках. Когда они свернули за угол, Блейн покинул убежище и пошел дальше.

— Ну и глаза у тебя! — сказал он Мелхиллу.

— Сверху хорошо видно. Быстро перейди улицу.

Блейн бросился бежать. В течение следующих пятнадцати минут, руководствуясь указаниями Мелхилла, он метался по лабиринту улиц, словно по полю боя, которым стал для него город.

— Вот она, — сказал наконец Мелхилл, — вон та дверь, номер 341. Мы добрались, Том, еще увидимся... Осторожно!

В этот момент из-за угла появились два человека и уставились на Блейна.

— Гляди-ка, — сказал один из них, — это он!

— Кто?

— Тот парень, за которого обещали награду. Эй, ты!

Они бросились к Блейну. Тот, размахнувшись, быстро отправил одного из них в бессознательное состояние, развернулся и приготовился уложить второго. Но Мелхилл уже овладел ситуацией.

Второй мужчина сгорбился, пытаясь защититься от левитирующей над ним урны с мусором. Урна с сердитым звоном стукнула его по затылку и, пере-

вернувшись, плотно села ему на голову, по самые уши. Блейн шагнул вперед и довел дело до конца.

— Отлично... — голос Мелхилла был едва слышен, — давно хотел попробовать себя в качестве призрака, но это тяжеловато... Удачи, Том...

— Рей! — крикнул Блейн и подождал. Но ответа не было, исчезло и чувство присутствия Мелхилла.

Не став больше ждать, он подошел к двери с номером 341, открыл ее и вошел.

За дверью тянулся узкий коридор. В конце его была еще одна дверь. Блейн постучал.

— Войдите.

Он открыл дверь и вошел в тесную грязную комнату с тяжелыми портьерами на окнах.

Блейн был уверен, что его уже ничто не может удивить, но он был поражен, увидев, что на него с усмешкой смотрит Карл Орк, похититель тел. А рядом с ним сидел, тоже ухмыляясь, маленький Джо, толкач от Трансплант-игры.

Глава третья

Блейн инстинктивно отшатнулся назад, к двери, но Орк успокаивающе поманил его.

Похититель тел внешне совсем не изменился. Он был таким же высоким и жилистым, с вытянутым унылым лицом, загорелый, с прямым и честным взглядом прищуренных глаз. Одежда сидела на нем все еще неловко, словно он больше привык к джинсам, чем к модному костюму.

— А мы тебя ждем, — сказал Орк. — Надеюсь, ты помнишь Джо?

Блейн кивнул. Он очень хорошо помнил хитроглазого коротышку, который отвлекал его внимание, пока Орк подсыпал наркотик ему в стакан.

— Счастлив вас видеть, — приветствовал его Джо.

— Представляю себе, — сказал Блейн, не делая даже попытки отойти от дверей.

— Входи и присаживайся, — сказал Орк, — мы не кусаемся, Том. Честное слово. Что было, то прошло.

— Ты пытался убить меня.

— Это мой бизнес, — со свойственной ему прямотой сказал Орк, — но сейчас мы на одной стороне.

— Откуда мне знать?

— Еще ни один человек, — торжественно объявил Орк, — не ставил под сомнение мое честное слово. Мисс Торн наняла нас, чтобы мы спрятали тебя и вывезли из страны. Садись и обсудим наш план. Ты голоден?

Нехотя Блейн присел за стол. На столе лежали бутерброды, стояла бутылка красного вина. Он вдруг вспомнил, что не ел почти целый день, и набросился на еду, пока Орк раскуривал тонкую сигару, а Джо, похоже, дремал.

— Знаешь, — сказал Орк, выпуская клубы дыма, — я почти было решил не браться за это дело. Не потому, что мне предлагали мало, наоборот, мисс Торн проявила немалую щедрость. Понимаешь, Том, это одна из самых больших охот на человека в нашем славном городке. Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное, Джо?

— Никогда, — заверил Джо, быстро тряся головой. — Весь город похож на липучку для мух.

— «Рекс» взялся за дело основательно, — продолжал Орк. — Дана команда пристукнуть твое несчастное тело при первой же возможности. Конечно, когда против тебя такая организация, человеку не по себе. Это настоящая проблема.

— Карл любит настоящие проблемы, — вставил Джо.

— Да, сознаюсь, — вздохнул Орк, — особенно когда грозит неплохой заработок.

— Но куда мне бежать? — спросил Блейн. — Где «Рекс» меня не сможет найти?

— Да, почти некуда, — печально согласился Орк.

— На Марс? На Венеру?

— Это еще хуже. На планетах всего несколько больших городов и поселков поменьше. Все друг друга знают. Новость о новичке за неделю разнесется повсюду. Кроме того, ты к этому делу не подходишь. Кроме китайцев на Марсе в колониях живут почти одни ученые с семьями и молодые практиканты. Ты сюда не вписываешься.

— Куда же тогда?

— Именно об этом я и спросил мисс Торн. Мы рассмотрели несколько возможностей. Во-первых, можно превратить твое тело в зомби, я мог бы это

устроить. «Рекс» никогда не додумается искать тебя среди зомби.

— Нет, лучше умереть, — сказал Блейн.

— Я тоже такого мнения, — кивнул Орк. — Поэтому мы этот вариант отбросили. Подумали также и о небольшой ферме в Атлантике, но жить на морском дне может не каждый человек, тут требуется особый склад психики. Ты бы долго не выдержал. Поэтому после тщательного размышления мы решили переправить тебя на Маркизы.

— Куда?

— На Маркизы. Это разбросанная небольшая группа островов, относящихся к Полинезии, примерно посредине Тихого океана. Недалеко от Таити.

— Южные моря, — сказал Блейн.

— Правильно. Мы подумали, что там тебе будет лучше всего, почти как дома. Мне говорили, что это почти двадцатый век. И, что важнее всего, «Рекс», возможно, оставит тебя в покое.

— Почему?

— Причина очевидна, Том. Почему они решили убить тебя? Потому что они незаконным образом вытащили тебя из прошлого и теперь опасаются неприятностей с законом. Но, переехав на Маркизы, ты покидаешь сферу юрисдикции США. Нет тебя — нет и причины беспокойства. И то, что ты забрался туда, есть подтверждение твоей доброй воли к «Рексу», ведь если бы ты хотел начать против них дело, то туда бы не поехал. Кроме того, с тех пор как оттуда ушли французы, Маркизы стали суверенной территорией, поэтому «Рексу» придется получить специальное разрешение для охоты на тебя. А это будет слишком уж обременительно. Правительство забудет это дело, и «Рекс», я думаю, оставит тебя в покое.

— Это точно? — спросил Блейн.

— Нет, конечно. Я только строю догадки, но они имеют смысл.

— Нельзя ли договориться с «Рексом» заранее?

Орк покачал головой.

— Чтобы торговаться, Том, надо иметь, чем торговаться. А пока ты в Нью-Йорке, для них легче и безопаснее убить тебя.

— Думаю, ты прав, — согласился Блейн. — Как вы собираетесь перевезти меня?

Орк и Джо неловко переглянулись.

Орк сказал:

— Понимаешь, в этом вся загвоздка. Получается, что почти нет способа вытащить тебя отсюда живым.

— Геликоптер или самолет?

— Их осматривают, и тебя наверняка там отыщут. Все наземные машины тоже не годятся.

— Грим? Переодевание?

— Возможно, это и удалось бы в первые часы охоты. Теперь это невозможно, даже если бы мы устроили тебе полную пластическую операцию. Охотников уже вооружили детекторами личности. Они сразу же тебя распознают.

— Значит, выхода нет? — спросил Блейн.

Орк и Джо снова обменялись смущенными взглядами.

— Выход есть, но он может тебе не понравиться. — Орк помолчал, закуривая новую сигару. — Мы думаем заморозить твое тело почти до абсолютного нуля, как для космического путешествия. Потом мы отправим его в контейнере с мороженой говядиной. Тело будет находиться в самой середине и его вряд ли обнаружат.

— По-моему, это рискованно, — заметил Блейн.

— Не очень, — возразил Орк.

Блейн нахмурился, чувствуя, что здесь что-то не так.

— А во время перевозки я буду в сознании?

— Нет, — сказал Орк после недолгой паузы.

— Нет? — Блейн вздрогнул и насторожился.

— Иначе ничего не получится. Тебе и твоему телу придется на время разделиться. Вот именно этого я и опасался, что ты можешь испугаться.

— Проклятье! О чем ты говоришь? — Блейн вскочил на ноги.

— Спокойно, — сказал Орк, — садись, возьми сигару, налей вина. Дело вот в чем, Том. Мы не можем перевозить твое замороженное тело вместе с сознанием. Представляешь, что будет, если они просканируют груз мороженой говядины и обнаружат там твое спящее сознание? Высоко в небеса — и прощай, музыка! Я ведь не пытаюсь надуть тебя, Том, просто другого выхода нет, пойми.

— А что же тогда будет с моим сознанием? — все еще сомневался Блейн.

— А вот тут, — сказал Орк, — в игру включается Джо. Расскажи ему, Джо.

Джо нервно кивнул.

— Трансплант, мой друг, вот единственный выход.

— Трансплант? — переспросил Блейн.

— Я тебе уже о нем рассказывал в тот злосчастный вечер, — напомнил Джо. — Помнишь? Трансплант! Величайшее из развлечений, встряска для пресыщенных нервов, игра с бесконечным числом участников, тонизатор утомленных тел! У нас существует всемирная сеть трансплантов, мистер Блейн, то есть людей, которые любят переключаться, когда устают от своих тел. Мы включим вас в эту сеть.

— И так вы думаете переправить мое сознание через границу?

— Вот именно! Из тела в тело! Поверьте, это в высшей степени увлекательно и одновременно может вас многому научить.

Блейн вскочил так быстро, что опрокинул стол.

— Черта с два! — крикнул он. — Я вам уже тогда говорил и повторю еще раз, что в вашу вшивую игру я не играю! Лучше пусть меня пристрелят на улице!

Он направился к выходу.

— Я знаю, что это немного пугает, — начал Джо.

— Нет!

— Проклятье, Блейн! Ты дашь, наконец, человеку сказать? — не выдержал Орк.

— Хорошо, — выдохнул Блейн, — пусть говорит.

Джо налил себе полстакана вина и залпом выпил.

— Мистер Блейн, — сказал он, — мне трудно будет объяснить вам, выходцу из прошлого, но все же попытайтесь меня хорошенько понять. Значит, так. В наши дни Трансплант используется как сексуальное развлечение, именно так его рекламировал я. Почему? Да потому что люди и понятия не имеют о других способах его применения, так как он под запретом нашего консервативного правительства. Но Трансплант — это не просто новое развлечение, это новый способ жизни. И нравится это правительству или нет, но за Трансплантом будущее. — Глаза подпольного торговца засверкали. — Человеческие отно-

шения содержат два основных элемента, — наставительно сказал Джо. — Один из них — это вечная борьба человека за свободу: свободу веры, печати и собраний, — свободу вообще. А второй элемент — это стремление правительства отнять эту свободу у людей.

Блейну подобные утверждения всегда казались слишком упрощенным взглядом на человеческие отношения, но он промолчал.

— Правительство, — вещал Джо, — делает это по нескольким причинам. Для безопасности, для личной выгоды, для удержания власти или потому, что, как оно считает, люди не готовы для пользования свободой. Конфликт вечно остается тем же: правительство противостоит человеку. Трансплант — это еще одна свобода, к которой тянется человек, а правительство опять считает, что это человеку не нужно.

— Свобода удовольствий? — насмешливо спросил Блейн.

— Нет! Это, конечно, тоже имеет значение, но Трансплант создавался не для этого. Трансплант дает возможность человеку преодолеть ограничения, наложенные на него средой и наследственностью.

— Вот как?

— Да! Трансплант позволяет обмениваться телами, знаниями, жизненным опытом с каждым, кто того пожелает. И многие охотно соглашаются. Человек — слишком беспокойное существо. Музыкант хочет на время стать инженером, рекламный агент — охотником, моряк — писателем. Но обычному человеку не хватает времени, чтобы испробовать более одного занятия за всю жизнь. А с помощью Трансплanta можно приобрести такую возможность да еще плюс врожденный талант, навыки, знания — короче, все, что захотите. Подумайте об этом, мистер Блейн. Почему человек должен всю жизнь проводить в одном теле? Человек должен иметь свободу выбора тела и талантов по своему вкусу и потребностям.

— Если ваш замысел осуществится, вы получите толпу неврастеников, каждый день обменивающих тела.

— Именно такой довод приводится против каждой новой свободы! — глаза Джо сверкали. — Вспомните историю, где говорилось, что человек не

имеет права выбирать религию, что женщины недостаточно умны, чтобы иметь право голоса. Конечно, неврастеников вокруг хватает, но много и таких людей, которые разумно пользуются свободами. — Джо понизил голос до доверительного шепота. — Вы должны понять, мистер Блейн, что человек — это не его тело, которое он получает из рук случая. Человек не заключается в своих талантах — он наследует их. И он не определяется своими болезнями, к которым может иметь предрасположенность, или окружающей обстановкой, формирующей его. В человеке все это содержится. Но сам он нечто большее. Он способен изменять свое окружение, лечить болезни, развивать навыки и — наконец-то! — выбирать себе тело и таланты. Это следующая степень свободы, мистер Блейн. Она исторически неизбежна, чтобы бы ни думали я или правительство.

Джо закончил свою страстную и несколько непоследовательную речь, его лицо покраснело, он тяжело дышал. Блейн смотрел на маленького продавца подпольных удовольствий совершенно новыми глазами. Это был, как он понял, подлинный революционер 2110 года.

— Он прав, Том, — сказал Орк. — Трансплант разрешен в Швеции и на Цейлоне, и особенного вреда общественной нравственности пока что не нанес.

— Наступит время, — сказал Джо, наливая себе вина, — и весь мир обратится к Трансплanту!

— Возможно, — сказал Орк, — а может, изобретут новую свободу, и она потеснит Трансплант. Во всяком случае, Том, это единственный способ спасти твое тело. Что ты теперь скажешь?

— Ты тоже революционер? — с любопытством спросил Блейн.

Орк усмехнулся.

— Мог бы и быть им. Я вроде тех парней, что продают винтовки повстанцам из Южной Америки. Они работают ради выгоды, но и на пользу социальных перемен.

— Ну, ну, — ядовито заметил Блейн, — а я до сих пор думал, что ты — обыкновенный преступник.

— Ладно, забудь, — добродушно сказал Орк. — Так ты согласен?

— Конечно, но я и не думал, что окажусь в авангарде социальной революции.

— Отлично! — Орк улыбнулся. — Надеюсь, все пройдет как надо. Том, расстегни рукав, начнем прямо сейчас.

Блейн закатал рукав, а Орк достал из ящика стола шприц.

— Это чтобы отключить тебя, — пояснил он. — Йога-генератор стоит в соседней комнате. Основную работу выполнит он. Когда ты придешь в себя, то окажешься у кого-нибудь в гостях внутри сознания, а твое тело будет путешествовать в контейнере с мясом. Их соединят, как только это станет безопасным.

— Через сколько сознаний я перейду?

— Точно не знаю. Но в каждом ты будешь находиться несколько минут, самое большее полчаса. Мы будем двигать тебя с максимальной скоростью. Это ведь не полный Трансплант. Тела ты контролировать не будешь, ты займешь лишь небольшой участок сознания как наблюдатель. Так что сиди тихо и веди себя прилично. Уяснил?

Блейн кивнул.

— А как работает эта машина?

— Как йога. Генератор может то же самое, что настоящий йог. Он расслабляет каждый мускул твоего тела, фокусирует и успокаивает сознание, помогает сосредоточиться. Когда накапливается достаточный потенциал, можно начинать астральную проекцию. Это тоже делает машина. Она помогает освободиться от тела, что йог может и без помощи аппарата. Она проецирует твое сознание в выбранное нами тело человека. Дальше все идет само собой. Сознание входит в хозяина, как ключ в замочную скважину.

— По-моему, это рискованно, — заметил Блейн. — А если я не войду?

— Ты войдешь, даже если и не захочешь этого. Ты ведь слышал о демонах, овладевающих человеком? Про таких говорят, что они одержимы. Эта идея пронизывает весь мировой фольклор. Конечно, некоторые из этих одержимых были просто шизофрениками, но известно множество случаев настоящей спиритической одержимости. Контроль над сознанием человека в этом случае брали другие люди,

знавшие фокус с освобождением тела и проекцией в другой мозг. Раньше они это делали без помощи науки, преодолевая сопротивление хозяина тела. А к твоим услугам — йога-генератор, и люди готовы принять тебя. Так о чем волноваться?

— Ладно, — сказал Блейн, — а как там на этих Маркизах?

— Великолепно, — заверил его Орк, вгоняя ему в руку иглу. — Там тебе понравится.

Блейн незаметно поплыл в туман забытья, думая о пальмах, белой пене прибоя, коралловых рифах и темноглазых девушках, поклоняющихся каменному богу.

Глава четвертая

Не было ничего — ни ощущения перехода, ни чувства пробуждения. Внезапно к нему вернулось сознание, внезапно, как приведенная в действие марионетка, он начал двигаться.

Он был не совсем Блейном, он был и Эдгаром Даерсеном, или, точнее, Блейном внутри Даерсена, глядя на мир его глазами, переживая нюансы его воспоминаний, его страхов и надежд. И одновременно он продолжал оставаться Блейном.

Даерсен-Блейн как раз пересек вспаханное поле и прислонился, отдыхая, к деревянному забору. Он был фермером из Южного Джерси, недоверчиво относящимся к машинам и поэтому обходящимся самым минимумом техники. Ему было почти семьдесят, но его здоровью можно было только позавидовать. Правда, в суставах еще ощущался артрит, который почти вылечил умник в деревне, и спина иногда побаливала перед дождем. Но он считал себя крепким стариком, собираясь протянуть еще лет двадцать.

Даерсен-Блейн направился к своему коттеджу. Серая рабочая рубашка насквозь пропиталась потом, на потерявших форму джинсах тоже белели пятна.

Вдалеке загавкала собака, и он увидел, что к нему приближается размытый желто-коричневый силуэт. (Очки? Нет, спасибо, я и так неплохо обхожусь.)

— Эй, Чемп!

Собака обежала вокруг него и пошла рядом. В зубах у нее висело что-то серое, наверное крыса.

Он наклонился погладить Чемпа по голове.

И опять не было никакого ощущения перехода, просто на экран его мозга спроецировался новый слайд, и новая марионетка пришла в действие.

Теперь он был Томпсоном-Блейном, девятнадцати лет, и он дремал на разогретых досках палубы идущего под парусом скифа-одиночки. Загорелой рукой он сжимал румпель и управлял парусом. По правому борту лежал Восточный берег, в смотровой иллюминатор виднелась Балтиморская гавань. Весело журчала рассекаемая вода.

Томпсон-Блейн зашевелился, стараясь упереться босыми ногами в мачту. Он только неделю назад вернулся домой после учебной программы на Марсе. Было очень интересно, особенно — археологические работы. На пескофермах иногда становилось скучно, но вот ездить на уборочных машинах было одно удовольствие.

Теперь он вернулся домой для ускоренного двухгодичного курса в колледже, после которого намеревался вернуться на Марс управляющим фермой. Таково было условие получения им стипендии. Но если он не захочет возвращаться, они не смогут его заставить.

Девушки на Марсе очень деловые, энергичные, выносливые и всегда любят покомандовать. Когда он полетит назад, — если полетит, — то только со своей женой. Конечно, там была Марсия, и такую девушку еще надо поискать, но ведь ее киббуц перебрался к Северной Полярной шапке, и она не ответила на три его последних письма...

— Эй, Сэндли!

Томпсон-Блейн поднял голову и увидел Эдди Дулитла, вышедшего покататься на своем «Тистле». Томпсон-Блейн лениво помахал ему в ответ. Эдди было всего семнадцать, и он еще ни разу не покидал Землю, хотя и мечтал стать капитаном космолайнера. Ха-ха!

Солнце клонилось к горизонту, и Томпсон-Блейн был рад этому. Сегодня вечером у него свидание с Дженнифер Хант. Они поедут на танцы в «Стардинг», в Балтимор. Отец разрешил взять его коптер.

Видели бы вы, как она выросла за два года! И она может так взглянуть на парня, смело и застенчиво одновременно! Неизвестно, что может случиться после танцев на заднем сиденье коптера. Может, и ничего, а может...

Томпсон-Блейн сел, повернул румпель. Скиф лег на другой галс. Нужно возвращаться к причалу, потом пообедать, потом.

Удар хлыста пришелся по спине.

— А ну, за работу!

Питгот-Блейн удвоил усилия, махая киркой и опуская ее на пыльное полотно дороги. Охранник стоял неподалеку, зажав под мышкой карабин, в правой руке он держал хлыст, хвост которого волочился по пыли. Питгот-Блейн изучил каждую морщинку на худом и глупом лице охранника, каждый изгиб губ маленького напряженного рта, каждый взгляд его выцветших глаз навыкате.

«Ладно, погоди, рыло, — молча сказал он охраннику, — твое время скоро кончится».

Охранник прохаживался вдоль ряда работающих под жарким солнцем Миссисипи заключенных. Питгот-Блейн попытался сплюнуть, но во рту не набралось слюны на плевок. Мы живем, думал он, в этом вашем прекрасном современном мире, с вашими космолетами и автоматическими фермами. Думаете, это все? Тогда спросите, как строятся дороги в графстве Квиллег, Северное Миссисипи. Они вам не скажут, конечно, тогда вы сами посмотрите, каков мир на самом деле.

Арни, работавший впереди, прошептал:

— Отис, ты готов?

— Я-то готов, — прошептал Питгот-Блейн, его крепкие пальцы сомкнулись на пластиковой рукоятке кирки. — Я уже не просто готов, Арни.

— Тогда через секунду начинаем. Смотри на Джеффа.

Он отбросил длинные каштановые волосы и взглянул на Джеффа, стоящего через пять человек от него. Питгот-Блейн ждал, плечи его горели от солнечных ожогов, на щиколотках виднелись зароговевшие шрамы от ножных кандалов, а на боках темнели полосы от ударов хлыста. Внутри все горело, но даже ведро воды не смогло бы утолить эту жажду.

которая в конце концов и привела его сюда после того, как он устроил поножовщину в единственном Гейнсвилльском салуне и прикончил того старого индейца.

Джефф махнул рукой. Скованная линия заключенных одновременно прыгнула вперед. Питгот-Блейн бросился на охранника с худым лицом, который выронил хлыст и попытался поднять карабин.

— Ах ты, ублюдок! — завопил Питгот-Блейн и опустил кирку ему на голову.

— Взять ключи! — раздался чей-то крик.

Питгот-Блейн сорвал связку ключей с пояса мертвеца. Он услышал, как выстрелил карабин и кто-то закричал в агонии. Встревожась, он обернулся...

Рамирес-Блейн вел свой коптер над техасской равниной, направляясь в Эль-Пасо. Это был серьезный молодой человек, и он все свое внимание уделял управлению, выжимая из старого коптера все, что тот мог дать, лишь бы успеть добраться в Эль-Пасо прежде, чем закроется магазин Джонсона.

Равнина под ним была испещрена желтыми и зелеными точками. Он взглянул на часы, потом — на индикатор скорости.

Да, подумал Рамирес-Блейн, до закрытия магазина он явно успевает И даже может остаться время на...

Тайлер-Блейн вытер губы рукавом и подобрал кусочком хлеба остатки жирной подливки на тарелке, потом рыгнул, отодвинул стул и тяжело поднялся. Небрежно взял с полки кладовой треснувший горшок и начал заполнять его остатками свинины, добавил к ней овощей и большой кусок маисового хлеба.

— Эд, — сказала жена, — что ты делаешь?

Он посмотрел на нее. Годы сильно ее состарили, она выглядела даже старше своих лет. Он отвел глаза, ничего не ответив.

— Эд! Я спрашиваю тебя! — закричала она.

Тайлер-Блейн почувствовал, как при звуке визгливого голоса заныла старая язва. Самый визгливый голос в Калифорнии, подумал он, и он на ней женился. Визгливый голос, остренькие колени, совершенно плоская и бесплодная в придачу. Ноги — только чтобы двигать тело, живот — для наполнения его пищей. Из всех девушек в Калифорнии он

выбрал самую ядовитую. Этакий он болван, как всегда говорил дядюшка Раф.

— Куда ты тащишь этот горшок с едой?

— Собаку покормить, — сказал Тайлер-Блейн, направляясь к двери.

— У нас нет собаки! Эд, не делай этого, я тебя прошу!

— А я сделаю, — сказал он, довольный, что хоть этим ущемил ее.

— Только не сегодня. Пусть он переберется куда-нибудь подальше. Эд, послушай меня, вдруг в городе узнают? Они тебя повесят, ты же знаешь!

— Не меня одного. Ты первоклассно будешь смотреться на веревке.

— Ты мне это назло делаешь! — крикнула она.

Он прикрыл за собой дверь. Снаружи стояли поздние сумерки. Он оглянулся по сторонам, стоя рядом с пустым курятником. Ближе всех к ним находился дом Фленнаганов, но те в чужие дела не вмешиваются. Он подождал, проверяя, не забрел ли кто из городских детишек к ним во двор, потом зашагал, осторожно неся горшок с едой.

Подойдя к окраине жидкой рощицы, он поставил горшок на землю.

— Все в порядке, можно выходить, дядя Раф.

Из кустов на четвереньках выполз человек. Лицо у него было бледное, губы бескровные, порез на шее гноился, а сломанная толпой фанатиков правая нога бессильно волочилась по земле вслед за ним.

— Спасибо, сынок, — сказал дядя Раф, ставший зомби.

Зомби быстро опустошил горшок. Когда он закончил есть, Тайлер-Блейн сказал:

— Как ты себя чувствуешь, дядя Раф?

— Ничего не чувствую. Это старое тело уже отслужило свое. Еще пару дней, ну, может, неделя, и ты наконец освободишься.

— Я буду заботиться о тебе, дядя Раф, сколько будет нужно. Если бы я мог взять тебя в дом...

— Нет, — ответил зомби. — Тогда они узнают. Это опасно... Сынок, как поживает твоя старая карга?

— Как всегда, такая же уксусная, — вздохнул Тайлер-Блейн.

Зомби издал нечто вроде смеха.

— Я тебя предупреждал десять лет назад, разве не так?

— Эх, дядя Раф, если бы я тогда послушался!

— Да, если бы, сынок. Ну ладно, полезу обратно.

— Ты уверен, что она сработает, дядя? — с тревогой спросил Тайлер-Блейн.

— Уверен.

— И думаете, что с уверенностью умрете?

— Умру, мой мальчик, и отправлюсь на Порог. Не волнуйся. Когда окажусь там, то свое обещание выполню.

— Спасибо, дядя Раф.

— Я человек слова. Устрою ей преследование, сынок, как только Владыка позволит мне взойти на Порог. Но сначала я рассчитаюсь с толстым доктором, который мне это сделал. Потом будет твоя карга. Я буду преследовать ее до самой смерти.

— Спасибо, дядя Раф!

Зомби издал звук, напоминающий смешок, и на четвереньках уполз в кусты. Тайлер-Блейн поднял пустой горшок и побрел к своей покосившейся лачуге...

Маринер-Блейн поправила завязку своего купальника, чтобы та получше прилегала к молодому, стройному телу. Она забросила за спину баллон с воздухом, взяла респиратор и пошла к шлюзу.

— Деннис!

— Да, мама, — она повернулась с бесстрастным выражением лица.

— Куда ты направляешься?

— Просто поплавать, мамочка. Пойду взгляну на новые сады, на двенадцатом уровне.

— А ты не думаешь увидеться с Томом Льюином?

Неужели она догадалась? Маринер-Блейн невозмутимо поправила длинные черные волосы и сказала:

— Конечно нет.

— Ладно, — мать слегка улыбнулась, явно не веря. — Постарайся не задерживаться, ты ведь знаешь, как мы волнуемся.

Она быстро поцеловала мать и поспешила в воздушный шлюз. Мать знала, это точно! И не останавливала ее! Ведь ей уже семнадцать. Дети в это время растут быстрее, но родители этого не понимают.

Маринер-Блейн надвинула маску, респиратор, надела ласты и повернула кран. Через несколько секунд шлюз наполнила вода. Когда давление сравнялось с наружным, автоматически открылся замок, и девушка выскочила наружу.

Ферма ее отца находилась на глубине ста футов, неподалеку от гигантского хребта Гавайев. Она спускалась в глубину, с каждым энергичным ударом ласт погружаясь в зеленые сумерки. Том будет ждать ее у коралловой пещеры.

Становилось темнее. Маринер-Блейн включила фонарик и покрепче сжала загубник респиратора. Учитель говорил, что скоро подводные фермеры смогут выращивать собственные жабры. Возможно, это случится уже при ее поколении. Интересно, как она будет выглядеть с жабрами? Кроме того, их всегда можно будет прикрыть волосами.

Впереди, в желтом свете луча ее фонарика, показались коралловые пещеры, лабиринт красных и розовых ветвей, в глубине которого имелись уютные герметичные кабинки — в них можно чувствовать себя наедине. И тут она увидела Тома.

Ее вдруг охватила неуверенность. Боже, вдруг будет ребенок? Том уверял ее, что это не страшно, но ведь ему всего девятнадцать. Правильно ли она поступает? Они много говорили об этом. Но говорить — это одно, а делать — совсем другое.

Большой и золотистый в свете фонаря, рядом с ней плыл Том. Он поздоровался с ней на языке пальцев. Мимо проплыла рыба-собака, потом маленькая акула.

Что она делает? Пещеры уже совсем близко! Том улыбнулся, и она почувствовала, как тает ее сердце...

Элгин-Блейн сел прямо, решив, что, видимо, задремал. Он находился на палубе небольшого судна, сидел, закутавшись в одеяло. Кораблик подбрасывало на волнах, но небо было ясным, попутный ветер относил в сторону дым от выхлопа дизельного двигателя.

— Вам лучше, мистер Элгин?

Элгин-Блейн поднял глаза на невысокого бородатого мужчину в капитанской форме.

— Прекрасно, просто прекрасно, — сказал он.

— Мы почти что на месте, — сообщил капитан.

Элгин-Блейн кивнул, пытаясь восстановить ясность мысли. Он напряг память и вспомнил, что когда-то был ниже ростом, мускулистый, с большими мозолистыми ладонями. На плече имелся старый рваный шрам — память о несчастном случае на охоте.

Элгин и Блейн словно слились в одно целое. Потом Блейн вдруг понял, что находится в своем старом теле, что Блейн — это его настоящая фамилия, а Элгин — псевдоним, под которым его отправили в путь Орк и Джо. Дальний путь завершен, сознание и тело снова вместе.

— Нам сказали, что вы не совсем здоровы, сэр, — говорил капитан, — что вы были слишком долго в коме...

— Теперь все в порядке, — успокоил его Блейн. — Далеко до Маркиз?

— Нет. До острова Нуку Хива всего несколько часов хода.

Капитан вернулся к штурвалу. Блейн вспомнил тех людей, с которыми встретился в пути.

Он с уважением подумал о стойком и независимом старике Даерсене; о надеждах юного Сэнди Томпсона — пусть он все же вернется на Марс; ощутил жалость к исковерканной душе убийцы Пилгота; с удовольствием вспомнил встречу с серьезным и прямым Хуаном Рамиресом; почувствовал сожаление и презрение к скрытному, слабому Эду Тайлеру; пожелал всего лучшего Дженни Маринер.

Все они остались в его памяти. И плохим, и хорошим — всем им он желал удачи. Теперь все они были его родственниками: дядюшками, кузенами и племянницами, с которыми он никогда больше не встретится...

— Показался Нуку Хива! — объявил капитан.

На горизонте Блейн увидел черную точечку, увенчанную кучерявыми облаками. Он энергично потер лоб, решив больше не думать о своей приемной семье. Перед ним стояли реальные проблемы.

Скоро он прибудет к своему новому дому, и прежде следовало многое обдумать.

Глава пятая

Судно не спеша вошло в воды залива Тано Хэ. Капитан, гордый сын здешних мест, добровольно познакомил Блейна с основными сведениями о его новом доме.

Маркизские острова, объяснял он, состоят из двух групп островков, довольно гористых. Некогда эти острова назывались Каннибаловыми, обитатели которых прославились способностью вырезать экипажи торговых судов и шхун. Французы захватили острова в 1842 году и даровали им независимость только в 1993-м. Нуку Хива является самым большим островом архипелага и одновременно столицей. Его высочайшая вершина Темотиу достигает четырех тысяч футов. Торговый город Тайохэ мог похвастаться населением в пять тысяч душ.

Это было тихое, привольное место, как заверял капитан, и среди всех островов кипучих Южных морей считалось тихой обителью, последним прибежищем неиспорченной Полинезии XX века.

Блейн кивал, почти не слушая, увлеченный видом темного горного склона, украшенного серебристыми нитями водопадов.

Он решил, что ему здесь понравится.

Скоро судно пришвартовалось к городской при стани, и Блейн сошел на берег города Тайохэ.

Он нашел там супермаркет, три кинотеатра и несколько рядов сельского вида домов. На улицах росло множество пальм, имелось порядочное количество коктейль-баров, дюжина автомобилей, бензоколонка и светофор; тротуары заполнены прохожими в пестрых рубашках и выглаженных брюках. Почти все носили очки от солнца.

Последнее пристанище простых нравов, думал Блейн, город из Флориды, перенесенный на острова Южных морей.

Однако чего еще он мог ожидать от 2110 года? Полинезия мертва вместе со Старой веселой Англией и Францией времен Бурбонов. А вот Флорида XX века, как помнилось ему, была совсем неплохим местом.

Он отправился по Главной улице и обнаружил вывеску, извещавшую, что почтмейстер Альфред Гей является представителем корпорации «Мир Иной» на

Маркизских островах. Немного дальше он оказался рядом с невысоким черным зданием. Надпись на стене возвещала: «Публичные кабины для самоубийц».

Так, язвительно усмехнулся про себя Блейн, современная цивилизация проникла даже сюда. Не успеешь оглянуться, как они оборудуют здесь Спиритический коммутатор.

Он дошел до городской окраины. Когда он повернул обратно, к нему подбежал полный краснолицый мужчина.

— Мистер Элгин? Мистер Томас Элгин?

— Да, это я, — ответил Блейн с некоторой опаской.

— Ужасно извиняюсь, что пропустил вас на пристани, — краснолицый вытирал платком блестящий от испарины лоб, — это целиком моя вина — влияние местного образа жизни. Ах, ведь я не представился. Меня зовут Дэвис, я владелец местной верфи. Добро пожаловать в Тайохэ, мистер Элгин.

— Благодарю вас, мистер Дэвис.

— Наоборот, это я хочу поблагодарить за то, что вы ответили на мое объявление. Мне давно нужен старший проектировщик. И, честно говоря, я не ожидал, что привлеку сюда человека вашей квалификации.

— Гмм, — Блейн был поражен и одновременно обрадован тщательностью, с которой Орк организовал операцию переброски.

— Сейчас редко встретишь конструктора, хорошо знакомого со стилями XX века, — грустно признался Дэвис, — потерянное искусство. Вы уже видели остров?

— Да, но очень поверхностно.

— И думаете, вам здесь понравится? — с тревогой осведомился Дэвис. — Вы не представляете, как тяжело найти приличного конструктора в такой глухой провинции, как наша. Едва они к нам попадают, как тут же забираются в большие города, вроде Папаэтэ или Аниа. Я понимаю, там и платят больше, и развлечения, и все такое, но у Тайохэ есть свое особое очарование.

— С меня хватит больших городов, — сказал Блейн с улыбкой. — Я не думаю менять место, мистер Дэвис.

— Отлично, отлично! — обрадовался Дэвис. — На работу пока не спешите, мистер Элгин, отдохните несколько дней, побродите по острову. Вот ключи от вашего дома, номер один по Теметпу-роуд, прямо вверх по склону. Показать вам дорогу?

— Я найду, большое спасибо, мистер Дэвис.

— Вам спасибо, мистер Элгин. Я загляну к вам завтра, потом познакомлю вас кое с кем из местных жителей. Собственно, жена мэра устраивает вечеринку в четверг... Или это в пятницу? В общем, я узнаю и сообщу вам.

Они пожали друг другу руки, и Блейн направился вверх по Теметпу-роуд к своему новому дому.

Это было небольшое свежевыкрашенное бунгало. Из окон открывался живописный вид на три залива Нуку Хива. Несколько минут Блейн любовался картиной, потом толкнул дверь. Она оказалась незапертой.

— Ну наконец-то ты сюда добрался!

Блейн не мог поверить своим глазам.

Мэри!

Она была такая же стройная, хорошенькая и сдержанная, как всегда, но чувствовалось, как она сильно волнуется. Мэри говорила быстро, стараясь не встречаться с Блейном взглядом.

— Я решила, что будет лучше, если сама все улажу на месте, — говорила она. — Я приехала два дня назад. Ты уже познакомился с мистером Дэвисом? Он кажется таким милым человеком.

— Мэри...

— Я сказала ему, что я — твоя невеста, — перебила она его. — Надеюсь, ты не возражаешь? Мистер Дэвис очень, конечно, доволен. Он хочет, чтобы главный проектировщик остался здесь подольше. Ты не против, Том? Мы всегда можем сказать, что разорвали помолвку и...

Блейн обнял ее.

— Я не хочу разрывать помолвку, Мэри. Я люблю тебя.

— Ох, Том, я тоже тебя люблю! — На мгновение она прижалась к нему изо всех сил, но потом отступила на шаг. — Тогда надо поскорее организовать обручальную церемонию. Ты ведь понимаешь, они здесь такие старомодные и провинциальные, прямо

из двадцатого века, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Думаю, что понимаю, — сказал Блейн.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

Глава шестая

Мэри настояла на том, чтобы она осталась в отеле «Южные моря», пока они не поженятся. Блейн предложил скромный обряд в присутствии мирового судьи, но Мэри удивила его, решив устроить как можно более шумную церемонию, которая и имела место в воскресенье в доме мэра.

Мистер Дэвис одолжил Блейну небольшой катер со своей верфи. На нем молодожены отправились в свадебный круиз на Таити.

Для Блейна все это было как волшебный сон. Они плыли по волнам, словно вырезанным из драгоценного камня, видели желтую огромную луну, на четверть закрытую парусом катера. Прямо из середины черного облака встало солнце, достигло зенита и скатилось к закату, превратив море в чашу расплавленной меди.

Они бросили якорь в лагуне Папаэтэ и увидели, как пылают в закатных лучах горы Муреа, — еще более фантастические, чем горы Луны. И Блейн вспомнил тот день в Чезапик-Бей, когда он мечтал, лежа на досках причала: «Ах, Ранатоа, и горы Муреа, попутный ветер и паруса...»

Тогда от Таити его отделяли континент и океан... Но то было в другом веке.

Они отправились на Муреа верхом на лошадях, потом вернулись к своему паруснику и отплыли к островам Туамоту

Наконец они вернулись в Тайохэ. Мэри занялась домашним хозяйством, а Блейн начал работать на верфи.

Первую неделю они с тревогой просматривали нью-йоркские газеты, ожидая каких-либо неприятностей. Но корпорация хранила молчание, и они решили, что опасность миновала. И все же они с облегчением узнали из газет двумя месяцами позже, что охота на Блейна отменена.

Работа на верфи была интересная и разнообразная. Катера, тендеры, кечи приходили на верфь с различными повреждениями: с погнутыми осями, слетевшими винтами, с бортами, пробитыми кораллами. Нужно было также обслуживать и владельцев подводных аппаратов — фермеров с окрестных морских ферм. И нужно было строить новые суда-ялики, а иногда и шхуны.

Блейн искусно справлялся практически со всей работой. Постепенно он начал давать рекламные объявления в «Курьере Южных морей». Это привело его к новым заботам, увеличению переписки и более тесным деловым связям с мелкими мастерскими на других островах.

Его работа в качестве главного проектировщика верфи стала чем-то напоминать прошлые должности младшего конструктора яхт.

Но теперь ему казалось, что это его судьба, и Блейн смирился.

Жизнь его приобрела приятный, устойчивый характер. Верфь, белый домик на склоне живописной горы, кино по субботам, микрофильм свежего выпуска «Санди Таймс», недолгие визиты на подводные фермы и другие острова, вечеринки у мэра и партия в покер в яхт-клубе. Блейн уже начал думать, что жизнь его приобрела окончательную и определенную форму.

Но после четырех месяцев такой жизни ход событий снова круто изменился.

В то утро Блейн проснулся, как всегда, позавтракал, поцеловал жену и отправился на верфь. Там его ждал грузный, с круглым днищем кеч, тамотуанское судно, которое засело между двух гранитных стен прежде, чем команда успела запустить двигатель, требовалось заменить шесть шпангоутов и несколько листов обшивки.

Блейн осматривал кеч, когда к нему подошел мистер Дэвис.

— Послушай Том, тут какой-то человек искал тебя утром. Ты его встретил?

— Нет, а кто это был?

— Приехал с континента, — сказал Дэвис, нахмурившись. — Прямо с утреннего парохода. Я ска-

зал, что тебя еще нет. Он заявил, что пойдет к тебе прямо домой.

— А как он выглядел? — спросил Блейн, чувствуя, как напряглись мышцы живота.

Дэвис нахмурился еще сильнее.

— Ты знаешь, это и было самым странным. Он был примерно твоего роста, худой и очень загорелый. У него была большая борода и бакенбарды. И от него воняло лосьоном для бритья.

— Очень странно, — проговорил Блейн.

— Очень, и могу поклясться, что борода у него ненастоящая.

— Что?

— Она показалась мне поддельной. Да на нем все выглядело, как бутафория. И он сильно хромал.

— Он назвал себя?

— Он сказал, что его зовут Смит... Том! Ты куда?

— Мне надо домой. Я потом объясню.

Он быстро зашагал к дому. Очевидно, Смит всетаки припомнил, кто он такой и что их связывает. И в точности, как обещал, зомби нашел его.

Глава седьмая

Когда он рассказал о случившемся Мэри, она достала чемодан и начала складывать туда вещи.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Собираю вещи.

— Вижу, но почему?

— Потому что мы уезжаем.

— О чем ты говоришь? Это наш дом!

— Был, — сказала она, — а теперь его нет и не будет, пока здесь этот чертов Смит. Том, это беда!

— Я понимаю, но это еще не повод бежать без оглядки. Да перестань ты возиться с чемоданами и послушай! Ну что он может сделать?

— Этого мы выяснять не будем, — ответила она, продолжая кидать вещи в чемоданы.

Блейн схватил ее за руки.

— Успокойся, — сказал он ей, — я от Смита бежать не стану.

— Но это единственный разумный выход, — возразила Мэри. — Смит принес беду, и он долго не

протянет. Еще несколько месяцев, может, недель — и он умрет, этот ужасный зомби. Том, давай уедем!

— Ты сошла с ума! Чего бы он ни хотел, я с ним справлюсь!

— Я это не впервые слышу от тебя.

— Тогда было совсем другое дело.

— Теперь тоже другое дело. Том, мы можем взять катер, мистер Дэвис поймет, мы могли бы...

— Нет! Будь я проклят, если убегу от него! Наверно, ты забыла, Мэри, что Смит спас мне жизнь.

— Но зачем он ее спас? — всхлипнула Мэри. — Том, я умоляю тебя, ты не должен видеть его, если он вспомнил!

— Погоди, — медленно проговорил Блейн. — Ты что-то знаешь? Ты что-то скрываешь от меня?

Она мгновенно успокоилась.

— Конечно нет.

— Мэри, скажи мне правду.

— Это правда, дорогой, но я боюсь Смита. Пожалуйста, Том, сделай мне приятное, ну давай уедем отсюда!

— Никуда я не поеду. Это мой дом. И все.

Мэри вдруг осела, словно выбившись из сил.

— Хорошо, дорогой, делай, как ты считаешь нужным.

— Вот это другой разговор, — сказал Блейн, — все будет в порядке.

— Конечно, — Мэри устало присела прямо на кровать.

Блейн поставил чемоданы на место, разложил в шкафу вещи; физически он был спокоен, но в воспоминаниях он вновь спускался в подземный лабиринт зомби, снова открывал украшенную орнаментом дверь, ведущую в мраморный зал Дворца Смерти, где стоял бронзово-золотой гроб. Он опять слышал вопль Рейли, доносившийся из серебристой дымки:

«Есть вещи, которых тебе не дано видеть, Блейн, но я их вижу. Твое время на Земле будет очень недолгим. Те, кому ты веришь, предадут тебя, те, кого ты ненавидишь, победят тебя. Ты умрешь, Блейн, и не через несколько лет, а скоро, раньше, чем можешь себе представить. Тебя предадут, и ты умрешь от собственной руки!»

Этот безумный старикашка! Блейн чуть вздрогнул и посмотрел на Мэри. Она сидела, опустив глаза, словно ждала чего-то. И он тоже решил ждать.
Немного спустя в дверь тихо постучали.
— Войдите, — сказал Блейн.

Глава восьмая

Блейн узнал Смита, несмотря на фальшивую бороду, бакенбарды и поддельный загар. Хромая, зомби вошел в комнату, разнося по ней запах тления, плохо скрываемый резким запахом лосьона для бритья.
— Прошу прощения за этот маскарад, — сказал Смит, — я не надеялся обмануть им вас или кого-то еще. Просто мое лицо уже нельзя показывать людям.
— Ты проделал длинный путь, — сказал Блейн.
— Да, весьма долгий, — согласился Смит, — и нелегкий. Но я не стану утомлять вас рассказами. Важно, что я добрался сюда.
— Зачем ты приехал?
— Потому что теперь знаю, кто я такой.
— И ты думаешь, это касается меня?
— Да.
— Не могу представить, каким образом, — мрачно сказал Блейн. — Расскажи нам, в чем дело.
— Минуту. — вмешалась Мэри. — Смит, с первого твоего дня в этом мире ты не давал ему ни минуты покоя. Неужели ты не можешь смириться со своим положением? Почему ты не можешь просто умереть?
— Сначала я должен ему сказать.
— Давай, говори, — сказал Блейн.
— Меня зовут Джеймс Олин Робинсон.
— Впервые слышу, — проговорил Блейн, минуту подумав.
— Конечно, впервые.
— Мы не могли встретиться в здании «Рекса»? Или еще до того?
— Могли.
— Значит, мы встречались?
— Да, но очень коротко.
— Ладно, Джеймс Олин Робинсон, расскажи нам все. Когда и где это было?

— Наша встреча была очень короткой, — повторил зомби, — мы видели друг друга всего долю секунды. Это случилось поздней ночью 1958 года, на пустом шоссе. Ты сидел в своей машине, а я — в своей.

— Ты управлял машиной, с которой я столкнулся?

— Да, но это было не совсем обычное столкновение.

— Не может быть! Это была совершенно случайная авария.

— Если это так, то мне здесь больше делать нечего, — сказал Робинсон. — Но, Блейн, я знаю, что это был не просто случай, это было убийство. Спроси у своей жены.

Блейн взглянул на Мэри, сидевшую в углу кушетки. Ее лицо стало бледным, словно воск, силы, казалось, покинули ее. Может быть, стремительно пронеслось в голове Блейна, она действительно видит сейчас перед собой призрак давно похороненной вины, вызванной к жизни появлением Робинсона? Не спуская с нее глаз, Блейн начал по частям воссоздавать прошлое.

— Мэри, — сказал он, — в ту ночь 1958 года... Как вы узнали, что произойдет авария?

— Существуют статистические предсказания, которыми мы пользуемся, валентные факторы... — она вдруг замолчала.

— Или вы подстроили аварию? — спросил Блейн. — Неужели вы сами устроили несчастный случай, когда вам понадобилось вытащить меня в будущее для вашей рекламной кампании?

Мэри молчала. Блейн напряг память, вспоминая последние секунды перед столкновением.

...Он ехал по прямому пустому шоссе. Лучи фар отбрасывали темноту далеко вперед. Вдруг его автомобиль круто свернул прямо на приближавшиеся фары встречной машины... Он изо всех сил налег на руль... тот не поворачивался... Вдруг руль заработал, мотор завыл...

— Бог мой! — закричал он. — Да ведь это вы устроили аварию! Вы и ваша энергетическая система! Вы заставили мою машину свернуть на противоположную полосу! Смотри мне в глаза и отвечай! Это правда?

— Да! — закричала Мэри. — Но мы не хотели убивать его! Робинсон просто оказался на пути. Мне очень жаль, что так вышло.

— Ты с самого начала знала, кто он такой, — сказал Блейн.

— Я подозревала.

— И ничего мне не сказала! — Блейн большими шагами мерил комнату. — Мэри, черт бы тебя побрал! Ты меня убила!

— Нет, Том, нет! Я вытащила тебя из 1958 года в наше время, я поместила тебя в новое тело, но я не убивала тебя!

— Вы убили меня, — тихо сказал Робинсон.

Мэри с трудом подняла на него глаза.

— Боюсь, я действительно несу ответственность за вашу смерть, мистер Робинсон, хотя и невольную. Ваше тело, очевидно, умерло одновременно с телом Тома. Энергетическая система «Рэкса» вытащила вас в будущее вместе с ним. И уже здесь вы завладели телом-носителем Рейли.

— Весьма слабое утешение по сравнению с моим прежним телом, — сказал зомби.

— Совершенно верно. Но чего же вы хотите? Чем я могу помочь? Послежизнь...

— Туда я не хочу, — сказал Робинсон, — я и на Земле-то не успел пожить.

— Сколько тебе было лет? — спросил Блейн.

— Девятнадцать.

Блейн печально кивнул.

— Я еще не готов к Послежизни, — продолжал Робинсон. — Я хочу путешествовать, хочу работать, дышать, хочу узнать, что за человек из меня получится. Я хочу жить! У меня еще никогда не было женщины! Я готов променять бессмертие на десяток лет земной жизни. — Робинсон немного поколебался, потом сказал: — Мне нужно тело, хорошее человеческое тело, Блейн, в котором я мог бы жить. Твоя жена убила мое старое тело!

— Ты хочешь взамен мое? — спросил Блейн.

— Если ты считаешь, что это будет справедливо, — сказал Робинсон.

— Одну минутку! — воскликнула Мэри. Румянец вернулся на ее лицо. Признавшись, она, казалось, осободилась от старой вины и снова была способна

сражаться с жизнью. — Робинсон, ты не можешь этого требовать от Тома. Он не имеет отношения к твоей гибели. Это была моя вина, о чем я очень сожалею. Но ведь тебе женское тело не подходит, верно? Да я тебе все равно бы его не отдала. Что было, то было. А теперь уходи!

Робинсон, не обращая внимания на Мэри, продолжал смотреть на Блейна.

— Я с самого начала знал, что это ты. Даже когда я вообще ничего не знал об этом мире, я сразу узнал тебя. Я смотрел за тобой, Блейн, я спасал тебе жизнь!

— Да, это так, — согласился Блейн.

— Ну и что из этого? — закричала Мэри. — Ну, спас он тебе жизнь! Но это еще не значит, что она теперь принадлежит ему! Если человеку спасают жизнь, он не обязан до самой смерти за это расплачиваться! Том, не слушай его!

— Я не имею ни средств, ни намерений принуждать мистера Блейна, — сказал Робинсон. — Блейн, ты можешь поступить по своему усмотрению, и я примирюсь с твоим решением. Но ты будешь помнить все! Не забывай.

Блейн посмотрел на зомби странным взглядом.

— Значит, это еще не все, есть еще кое-что, ведь так, Робинсон?

Тот кивнул, не спуская взгляда с Блейна.

— Но как ты узнал? Как ты мог догадаться? — спросил Блейн.

— Потому что я понял тебя. И именно ты придавал моей жизни смысл. Я думал только о тебе. И чем больше я тебя узнавал, тем сильнее становилась моя уверенность.

— Может быть... — сказал Блейн.

— О боже, о чем вы там говорите? — воскликнула Мэри. — Что там может быть еще?

— Я должен подумать об этом, — сказал Блейн, — я должен вспомнить. Робинсон, пожалуйста, подожди минутку снаружи.

— Конечно, — зомби поднялся и вышел.

Жестом Блейн попросил Мэри помолчать, сел, обхватив голову руками. Ему нужно вспомнить что-то такое, о чем он старался сознательно не думать. Теперь, раз и навсегда, он должен решить этот вопрос!

В его сознании все яснее звучали слова, которые Рейли выкрикнул во Дворце Смерти: «Это все твоя вина! Ты убил меня своим черным сознанием убийцы! Все живое бежит от тебя, кроме дружка-мертвеца! Почему ты все еще жив, убийца, а я нет?»

Неужели Рейли тоже знал?

Он вспомнил слова Сэмми Джоунса, говорившего тогда, после охоты: «Том, ты — прирожденный убийца, ничего другого тебе не остается».

Неужели Сэмми угадал?

И теперь самое главное. Самый значительный момент его жизни — мгновение смерти в ту ночь в 1958 году. Он ясно вспомнил.

...Внезапно совершенно необъяснимым образом руль снова заработал, но Блейн не использовал эту возможность. Его вдруг с силой удара молнии наполнило яростное возбуждение, он приветствовал надвигающийся удар, желал его, желал боли... и хруста костей... и смерти!

Блейн вздрогнул, когда в памяти ожил тот момент, о котором он не хотел вспоминать когда-либо, момент, в который он мог еще избежать катастрофы, но предпочел совершить убийство.

Он поднял голову и взглянул на жену.

— Я убил его, — сказал он. — И Робинсон это знал. И теперь я тоже знаю.

Глава девятая

Он тщательно все объяснил Мэри. Сначала она не хотела верить ему.

— Это было так давно, Том. Откуда ты можешь наверняка знать, что случилось?

— Я уверен. Вряд ли человек может забыть мгновение своей смерти. И я помню свою смерть очень хорошо. Я умер именно таким образом.

— И все же нельзя называть себя убийцей из-за одной доли секунды.

— А много ли времени требуется, чтобы выстрелить или ударить ножом? Это тоже доли секунды!

— Том, но у тебя не было причины!

Блейн покачал головой.

— Да, я убил не ради мести или выгоды. Я убийца другого типа. Я — обыкновенный средний человек, у которого внутри имеется всего понемногу. Я убил потому, что в тот момент у меня была такая возможность. Особая возможность, именно для меня, исключительное сочетание событий, настроений, влажности, температуры и еще бог знает чего. Такое сочетание могло бы не возникнуть еще двести лет. Но оно почему-то возникло.

— Но ты же не виноват, — сказала Мэри. — Этого бы не случилось, если б энергетическая система «Рекса» и я не создали для тебя сочетание этих условий.

— Да, но я ухватился за эту возможность. Убийство просто так, для забавы, потому что был уверен в безопасности. Я убил...

— Мы убили, — поправила Мэри.

— Да.

— Ну хорошо. Значит, мы с тобой убийцы. Ну и что? Не сходи с ума, Том. Ну, убили раз, убьем и второй.

— Никогда!

— Но ему осталось почти ничего! Клянусь тебе, Том. Он не протянет и месяца. Один удар — и все. Один толчок...

— Я не сделаю этого, — сказал Блейн.

— И не позволишь мне?

— Не позволю.

— Идиот! Тогда просто не делай ничего. Месяц — и ему конец! Ты можешь потерпеть месяц, Том?

— Еще одно убийство, — устало сказал Том.

— Том! Ты не отдашь ему свое тело! А как же наша жизнь?

— Ты думаешь, что после этого все могло бы продолжаться по-старому? Я не смогу так жить. Хватит спорить! Не знаю, сделал бы я это, если бы не было страховки. Очень может быть, что нет. Но у меня есть Послежизнь. И я хочу отправиться туда с оплаченными долгами. Если бы это была моя единственная жизнь, я бы держался за нее руками и ногами, но есть и другая возможность, ты понимаешь?

— Да, понимаю, — упавшим голосом сказала Мэри.

— Честно говоря, мне даже любопытно взглянуть на мир иной. И еще..

— Что?

Плечи Мэри задрожали. Блейн обнял ее. Он вспомнил разговор с Халлом, жертвой, элегантным аристократом.

«Мы следуем наставлениям Ницше, — говорил Халл. — Умереть в нужный момент». Разумные люди не цепляются за жизнь, они знают, что жизнь тела — всего лишь малая часть человеческого существования. Почему бы этим способным ученикам не перепрыгнуть сразу на класс или два вперед?

Блейн вспомнил, какой страшной и одновременно благородной показалась ему смерть, выбранная Халлом. Позерство, конечно, но ведь и сама жизнь в океане мертвой материи тоже достаточно претенциозна. И еще Халл сказал: «Свершение смерти не является привилегией класса или воспитания. Это понятие каждого человека о благородстве, его рыцарское призвание. И каким образом он проявит себя в этом опасном предприятии, то и будет свидетельствовать о его ценности как человека».

— Ох, — Блейн мгновение подумал, — я хотел сказать, что некоторые обычаи двадцать второго века произвели на меня впечатление. В частности, некоторые аристократы. — Он усмехнулся и поцеловал ее. — Но у меня, конечно, всегда был хороший вкус.

Глава десятая

Блейн открыл дверь.

— Робинсон, — сказал он, — мы идем к кабине для самоубийц. Я уступаю тебе свое тело.

— Другого я и не ожидал от тебя, — отозвался зомби.

— Тогда пошли.

Они не спеша направились вниз по склону. Мэри несколько секунд смотрела им вслед из окна, потом пошла за ними.

Они остановились у двери в кабину.

— Ты думаешь, что соединишься нормально? — спросил Блейн.

— Я уверен в этом, — ответил Робинсон. — Том, я очень благодарен тебе. Я буду хорошо заботиться о твоем теле.

— Оно не совсем мое. Раньше оно принадлежало парню по имени Кранч. Но я к нему очень привязался. Тебе придется к нему долго привыкать. Его тянет поохотиться.

— Думаю, мне это понравится, — сказал Робинсон.

— Да, наверное. Ну что же, желаю удачи.

— И тебе удачи, Том.

Их догнала Мэри, поцеловала Блейна на прощание ледяными губами.

— Что будешь делать? — спросил Блейн.

Она пожала плечами.

— Не знаю. Я сейчас ничего не соображаю... Том, нужно ли это?

— Нужно.

Он еще раз взглянул на пальмы, в ветвях которых шелестел ветерок, на голубое пространство океана, на темный склон горы под ними с серебристыми нитями водопадов, потом повернулся и вошел в кабину. Дверь закрылась за ним.

Внутри не было ни окон, ни мебели, только один стул. Укрепленная на стене конструкция была крайне простой. Вы просто садились на стул, поворачивали выключатель справа и быстро и безболезненно умирали, а ваше тело оставалось свободным для следующего обитателя.

Блейн опустился на стул, убедился, что выключатель у него под рукой, потом откинулся на спинку и закрыл глаза.

Он снова подумал о своей первой смерти и пожалел, что она была такая неинтересная. Следовало бы на этот раз исправить ошибку и умереть вроде Халла, погибшего в сумерках, на вершине холма, от руки охотника. Почему бы ему не поступить так же? Он мог бы встретить смерть, сражаясь с тайфуном, или в схватке с тигром, или взбираясь на Эверест. Почему его смерть будет такой невыдающейся?

И наконец, почему он так и не занялся конструированием яхт?

Но жаловаться было не на что. Хотя он прожил в будущем меньше года, он получил самое ценное его изобретение — Послежизнь! И он снова почувствовал

то, что ощущал, покидая корпорацию «Мир иной», — освобождение от тягостного бремени страха смерти. Больше бояться нечего!

Теперь древний враг побежден, люди больше не умирают. Они переходят в иной мир.

Но он выиграл даже больше, чем Послежизнь. Он ухитрился втиснуть в этот год целую человеческую жизнь.

Он родился в белой комнате с ослепительными стенами, и над ним склонился бородатый доктор, и добродушная медсестра кормила его, пока он, встревоженный, прислушивался к незнакомым разговорам. Он рано вышел в самостоятельную жизнь, без знаний и опыта, и позволил говорливому незнакомцу обмануть себя. Он едва не расстался с телом и жизнью, пока мудрые люди не спасли его и не успокоили боль. Облаченный в сильное новое тело, он снова окунулся в жизнь, и теперь в ней действовал как равный. Но некие мрачные предзнаменования, омрачавшие его жизнь с самого детства, наконец дали ядовитые плоды, и ему пришлось бежать из родной страны на самый дальний край планеты.

Но по пути ему удалось обзавестись семьей. Как и у каждой семьи, у нее имелись свои семейные тайны, как говорится — скелеты в шкафу, и все же это была его семья. В расцвете зрелости он приехал в страну, которая ему понравилась, женился и совершил свадебное путешествие, увидел горы Муреа, пылающие в закатном солнце. Свои последние месяцы жизни он провел в спокойном труде и воспоминаниях об увиденных чудесах. И он прожил их всеми уважаемый и почитаемый.

Этого было достаточно. Блейн повернул выключатель.

Глава одиннадцатая

— Где я? Кто я? Что я такое?

Ответа не было.

— Я вспомнил. Я Томас Блейн. Я только что умер и сейчас нахожусь на Пороге, совершенно реальном, но не поддающемся описанию месте. Я ощущаю Землю. И впереди я чувствую Послежизнь.

— Том...
— Мэри!
— Да, это я...
— Но как ты... я не думал...
— Что ж, возможно, в чем-то я и не была хорошей женой, но я всегда была верна тебе и я сделала все, что смогла, Том. Конечно, я последовала за тобой.
— Мэри, ты не представляешь, как я счастлив!
— И я тоже.
— Пойдем дальше?
— Куда, Том?
— В Послежизнь.
— Том, я боюсь. Не смогли бы мы побыть немного здесь?
— Все будет хорошо. Пойдем.
— Ох, Том, а вдруг нас разлучат? Что там за место? Мне кажется, что нам там будет плохо. Я боюсь, что там будет ужасно странно, и призрачно, и страшно!
— Мэри, не волнуйся. Я успел побывать на должности младшего конструктора яхт три раза в течение двух жизней. Это моя судьба! Она не может изменить мне и там.
— Хорошо, я готова, Том. Идем!

РОМАН

Координаты

ЧУДЕС

Ах, я закидывал сеть в их море,
Надеялся поймать хорошую рыбу,
Но вытаскивал всякий раз
Голову древнего бога

Ницше

Часть 1. ОТБЫТИЕ

Глава 1

День выдался на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбеку и добрых минут пятнадцать обсуждал с Блэкуэллом шансы регбистов из команды «Гиганты». В конце же дня он яростно, но совершенно не разбираясь в сути дела, заспорил с мистером Зейдлицем об истощении природных ресурсов страны и беспардонном натиске разрушительных факторов, а именно совместного обучения, армейской инженерной службы, туристов, огненных муравьев и производителей бумажной массы. Все они — так он утверждал — виновны в уничтожении последних милых его сердцу островков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том, — сказал язвительный Зейдлиц, — да разве вас на самом деле это волнует? Ведь нет же!

Кого не волнует? Его не волнует?!

А мисс Гиббон, привлекательная, с аккуратненьким подбородочком, вдруг заявила:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вам не следовало такого говорить.

Что он говорил *такого* и почему не должен был говорить — Кармоди так и не смог припомнить. И грех, неосознанный и неотпущенный, остался на его душе. Его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбек, сказал неожиданно:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Попробую разобраться.

Кармоди, однако, уже сам понимал, что в его словах было мало смысла и разбираться не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блэкуэлл, умевший говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, что вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Восса со свободной защиты на край, мы увидим настоящий пас.

И Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором преимущественно пессимистическим. Рост и самомнение — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато и намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к унынию. Впрочем, оно легко сменялось вспышками возбуждения, то есть он был циклотимик. Рослые мужчины с хорошим зрением и предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению. Был рожден под знаком Девы, когда Сатурн находился в Доме Солнца. Преклонялся перед героическим — на это указывали звезды в Доме Талантов. Уж одно это говорило о его незаурядности. Он был отмечен печатью обыкновенного смертного — одновременно предсказуем и неподвластен року. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдальцы. Умом он сочувствовал им, но боками люто ненавидел. Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его была в отпуске, в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

В следующий миг раздался удар грома и комнату осветило молнией. Раскаты грома продолжались несколько секунд, затем протрубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравые звуки волынки. Снова полыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек был среднего роста, коренастый, в золотистом пиджаке и оранжевых брюках. Лицо как лицо, разве что без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, протянул руку в пустоту и выдернул свиток — да так грубо, что изрядно его при этом

порвал. Прочистил горло — звук напоминал сильный удар по мячу — и сказал:

— Приветствия!

Кармоди ничего не ответил. Он онемел.

— Мы пришли, — изрек незнакомец, — как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваши. Другие люди? Не так. Буду это?

Пришелец ждал ответа. Кармоди убедился, с помощью только ему одному известных способов, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как и полагается когда все происходит на самом деле:

— Бога ради, что это значит?

Пришелец сказал, улыбаясь.

— Это для вас, Кар-Мо-Ди. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть» Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розовая Неопределенность радует своими целительными губками, а дряхлое постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы нет?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестает страшить, когда становится назойливым.

— Кто вы? — спросил Кармоди.

Чужестранец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал, скорее для себя:

— Туманно мыслящие извилины! Опять они неверно отработали меня! Я мог уклониться, вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться без ошибки? Ничего я переработаюсь, я переделаюсь, я приспособлюсь...

Он прижал пальцы к голове, даже погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы его затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в мятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно? — спросил он. И сам себе ответил: — Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за небрежную работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме IV в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением во рту И тут же увидел, что мой адресат из

породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше — употребляю местные эквиваленты времени, конечно, при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...

— Я не понимаю ни единого слова, — прервал Кармоди, — будьте добры, объясните, что это все значит.

— Конечно, конечно, — сказал пришелец. — Но позвольте мне проверить местные термины. — Он закрыл глаза, потом открыл снова. — Странно, очень странно, — пробормотал он. — Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приятны. Все это дело вкуса.

— Что это значит? — переспросил Кармоди грозным басом.

— Это, разумеется, Интергалактическая Лотерея. И вы, сэр, конечно, выиграли главный приз. Изложение соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует, — сказал Кармоди. — И я не знаю, о чем вы толкуете.

По лицу чужестранца скользнуло сомнение, но тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И вытеснили понимание, чтобы избежать беспокойства. Какое несчастье, что я пришел к вам во время умственной спячки! Но никакого вреда мы вам причинить не намерены, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Ваш приз — очень красивый приз, уверяю вас, — ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так: «Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и тогда я должен обратиться к психиатру. Но после этого я окажусь в идиотском положении, ибо мне придется во имя смутных доводов рассудка отрицать то, что я вижу и слышу. А это тяжко. Так можно все запутать и настолько усугубить безумие, что в конце концов моей несчаст-

ной жене придется положить меня в больницу. Но с другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже окажусь в больнице.

Если же я не сошел с ума и все это происходит на самом деле, то это удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно, — если это происходит на самом деле — во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму И существа эти устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию (Они сами признались, что делают это И я не вижу, почему бы лотерее не быть совместимой с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя. Это почетная случайность, возможно, и Землю включили в лотерею впервые В этой игре приз выиграл я Такой приз может принести мне богатство, или имя, или женщин, или знание, словом, что-нибудь стоящее.

Поэтому в результате мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед докторами, доложу им, что все понял, и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) отдадут приоритет гипотезе безумия, а не гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести его до беды. Но можно сказать, что хорошо еще то, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему, — сказал он Посланцу. — Есть какие-нибудь условия для получения моего Приза? Что-нибудь нужно сделать или оплатить?

— Никаких условий, — ответил Посланец. — По крайней мере ничего достойного упоминания. Просто Приз. Иначе какой же это Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр. Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы можете взять его домой. Если вам понадобится помощь для возвращения, то,

конечно, мы окажем вам содействие в полную меру наших возможностей. Ну вот и все об этом.

— Меня это устраивает, — произнес Кармоди в точности таким же тоном, как Наполеон при осмотре диспозиции маршала Нея под Ватерлоо. — Но как же мы туда попадем?

— Сюда, пожалуйста, — сказал Посланец. И проводил Кармоди в закрытый зал, а оттуда — с треском — в пространственно-временной континуум.

Все остальное также не составило труда. Через секунду субъективного времени Кармоди и Посланец, преодолев изрядное расстояние, были уже в Галактическом Центре.

Глава 2

Путешествие было кратким, продолжительностью не более одной секунды плюс микросекунда в квадрате; и оно было несобытийным, поскольку в такой тонюсенький ломтик длительности никаких фактов вместить невозможно. Поэтому после перехода, о котором ничего и не скажешь, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял и спокойно осматривался. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него три тусклых карликовых солнца. Заметил деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил еще и другие вещи, которые уже не мог запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ой-ой-ой! — вымолвил он наконец.

— Простите, не понял, — переспросил Посланец.

— Я сказал «ой-ой-ой!».

— Да? А мне послышалось «ой!».

— Нет, я сказал «ой-ой-ой!».

— Ах вот оно что, теперь я понял. Ну, а как вам понравился наш Галактический Центр?

— Впечатляет, — признал Кармоди.

— И я так считаю, — подтвердил Посланец. — Наш Центр для того и построен, чтобы производить впечатление. Архитектура, как видите и как вы могли бы и ожидать, неоциклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эсте-

тических принципов. Внешний вид должен подавлять избирателей.

— Что-то есть в этих плавающих в небе лестницах, — заметил Кармоди.

— Сценично.

— И эти громадные здания...

— Да, дизайнер удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками, — сказал Посланец с видом знатока. — А также использовал искривление времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. А оформление этой группы зданий там, наверху, вам интересно будет узнать, содрано целиком с выставки «Дженерал моторс» на вашей планете. Оно было признано выдающимся примером примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко. Функциональности в них никакой.

Кармоди никак не мог охватить все разом. Пока он глядел на одно, другое меняло форму. Прищуривался, но здания таяли, искривляясь на границе зрительного восприятия. («Периферическая трансмутация», — пояснил Посланец.)

— Ну а где же я получу свой Приз? — спросил Кармоди.

— Сюда, направо, — сказал Посланец. И повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому, неприметному прямоугольному домику.

— Делами мы занимаемся здесь, — продолжал Посланец. — Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что это я изобрел прямоугольник.

— Черта с два, — сказал Кармоди. — Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, как вы полагаете, подарил вам самый первый? — язвительно спросил Посланец.

— Мне не кажется, что это такое уж большое изобретение.

— Не кажется? — переспросил Посланец. — Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете

сложность за признак сознательной творческой деятельности. Знаете ли вы, что природа вообще не создавала правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может быть представляется, что прямоугольник естественно вырастает из квадрата. Нет и нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.

Глаза Посланца затуманились. Он говорил спокойным и отрешенным голосом:

— Годами я знал, я чувствовал, что возможно некое иное развитие идеи квадрата... Правильность приятна, но не сверх меры. Как же изменить это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды снизошло! Это была внезапная вспышка озарения. Менять длину параллельных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так сложно! Дрожа от волнения, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники, разные по размеру и форме, все правильные и все различные. Поистине, прямоугольники сыпались из меня, как из рога изобилия. Это были потрясающие дни.

— Представляю себе, — сказал Кармоди. — Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это было потрясающе. Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно, — говорили мне, — но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 биллионов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего прямоугольника-прототипа.

— Да уж! — вздохнул Кармоди.

— Так или иначе, но мы уже пришли, — сказал Посланец. — Туда идите, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

— Спасибо, — поблагодарил Кармоди.

Он вошел в комнату. И сразу же его руки, ноги, талию и шею охватили стальные ленты. Высокая

мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

Глава 3

— Что это значит? — крикнул Кармоди.

— Итак, — изрекла мрачная личность, — опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Сейчас ты расплатишься за свои преступления против человечества и грехи на своей душе. И позволь добавить, что это — лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел способность членораздельно говорить.

— Стойте! — закричал он. — Меня сюда не казнить привели!

— Знаем, знаем, — успокоительно сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди. — И что ты еще скажешь?

— Но это правда! — вопил Кармоди. — Я думал, что получу Приз!

— Что? — переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты, Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин; черное палаческое одеяние — в белый костюм Клерка. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке, — без всякой тени раскаяния объявил бывший палач, а ныне Клерк. — Я же предупреждал, чтобы они не объединяли Департамент Мелких Преступлений и Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им все едино — вручи я вам Приз или убей. Вот бы смеху-то было, правда?

— Мне было бы совсем не смешно, — содрогнувшись, ответил Кармоди.

— Ладно, нет смысла лить слезы из-за непролитой крови, — сказал Клерк. — Если мы примем в расчет все обстоятельства, то мы истощим обстоятельства, чтобы все принять в счет... Что я сказал? Впрочем, это не играет роли. Предложение построено правильно, даже если слова неверны. Ваш Приз где-нибудь здесь.

Он нажал кнопку на той же доске. Сию минуту в комнате материализовалась массивная конторка, какой-то миг повисела в воздухе на высоте двух футов от пола и с грохотом упала. Клерк принялся открывать ящики и вытаскивать бумаги, сэндвичи, листки копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то тут, — с отчаянием в голосе твердил он.

Нажал другую кнопку на приборной доске. Конторка исчезла вместе с доской.

— Проклятье, я будто на иголках сижу! — воскликнул Клерк. Он протянул руку в воздух, что-то там нашел и нажал. Очевидно, это также была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез он сам. Кармоди остался в одиночестве.

Он подождал, напевая про себя. Вновь появился Клерк. Выглядел он не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой он держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку, — сказал он. — Сразу и как следует не получается ничего.

— Вам пришлось обежать вокруг Галактики? — пошутил Кармоди, намекая на общеизвестную сказку.

— С какой стати вы вообразили, что мы бегаем? — нахмурился Клерк. — Мы только вручаем.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

— Вы, провинциалы, все одинаковы, — устало промолвил Клерк, — вы исполнены наивных мечтаний о порядке и совершенстве, а они все — идеализированная проекция вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, что чем выше разум, тем больше сложностей. Может быть, вы слыхали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. И если

разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля стремится к нулю в соответствии с пагубной геометрической прогрессией числа объектов, подлежащих осмыслению и контролю, в отличие от арифметической прогрессии понимания...

— Я никогда не думал об этом, — вежливо сказал Кармоди. Ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, ведь на самом деле они просто работали спустя рукава и сваливали вину на космические законы.

— Ну да, все это верно, — продолжал Клерк. — Ваша точка зрения (я позволил себе вольность прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Как и все разумные существа, мы используем разум, чтобы выявлять несоответствия. Но все на свете, видите ли, всегда немножко за пределом понимания. Конечно, мы можем подойти и к этому пределу, но иной раз работаем механически, беспечно, ошибаемся даже. Важные документы лежат не на месте, машины функционируют плохо, забываются целые планетные системы. Но что было бы без нас? Ведь должен же кто-нибудь контролировать Галактику, иначе все полетит к чертям. И кто будет контролировать, если не мы?

— Разве вы не можете создать для этого машины? — спросил Кармоди.

— Машины! — воскликнул Клерк презрительно. — Даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь при томительно прямолинейных заданиях, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например утешить вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги: в этике они понимают меньше, чем новорожденный волчонок. И вы хотите, чтобы такая штука планировала вашу жизнь?

— Конечно нет — сказал Кармоди. — Но нельзя ли построить машину, умеющую рассуждать и творить?

— Может быть, — Клерк пожал плечами. — Но ее надо испытывать в деле, что означает — учиться на ошибках. Такие машины уже делались, разного вида и размера, иногда совсем миниатюрные. Они

обладали очевидными достоинствами, но обязательно находился и какой-нибудь недостаток. Все-таки наилучший принцип разума — это разумная жизнь.

Клерк самодовольно улыбнулся: вот, мол, афоризм сотворил. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Но он удержался.

— Если вы закончили лекцию, — сказал он, — то я хотел бы получить Приз.

— Как угодно, — сказал Клерк. — Если вы уверены, что хотите его получить.

— Есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Ничего конкретного. — Клерк уклонился от прямого ответа. — Но введение нового героя в роман всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья, — улыбнулся Кармоди. — Пусть будет Приз.

— Ну хорошо, — сказал Клерк. Он вытащил из заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш. — Итак, сначала мы должны заполнить карточку. Ваше имя Кар-Мо-Ди; вы с планеты 73 С, система ВВ454С252 Левый Квадрат, Местная Галактическая система из К по С, и вы выбраны по жребию примерно из двух биллионов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно, — сказал Кармоди.

— Я пропущу описание, — продолжал Клерк, — поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте, — согласился Кармоди.

— Затем есть еще раздел об Определении Съедобности, параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила, вероятно, вы согласны с ними...

— Конечно, почему же нет? — сказал Кармоди, чувствуя уже, что голова у него идет кругом. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. И он страшно хотел, чтобы закончилась эта волокита.

— Очень хорошо, — сказал Клерк. — Теперь подпишитесь на мыслечувствительной полоске, вот тут, под текстом.

Не совсем понимая, что нужно делать, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ странички порозовел.

— Спасибо, — сказал Клерк. — Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди. Вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал слова благодарности и нетерпеливо принялся ее разворачивать. Но не успел. В комнату внезапно ворвался лысый коротышка в сверкающей одежде.

— Ага! — закричал он. — Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами. Вы что, в самом деле намерены удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу. Но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно? — крикнул он.

— Что нужно? Мне нужен Приз, что же еще? Я Кармоди.

— Нет, вы не Кармоди, — сказал Кармоди. — Это я Кармоди.

Человечек остановился и поглядел на него с удивлением.

— Вы претендуете на то, чтобы называться Кармоди?

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73 С?

— Я не знаю, что такое 73 С, — сказал Кармоди. — Мы называем свою планету Землей.

Коротышка вновь уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля? — переспросил он. — Она член Члзерианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она принадлежит Ассоциации Независимых Планетовладельцев? Или Звездному Кооперативу Скеготайн? Или она из числа Амальгамированных Планет-Двойников? Нет? А ваша планета вообще является членом какой-нибудь межзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Я так и знал! — воскликнул мини-Кармоди. Он обернулся к Клерку. — Посмотрите на него, вы,

идиот. Посмотрите на эту тварь, которой вы собираетесь вручить мой Приз. Посмотрите на ее мутные свинячьи глазки, на скотские челюсти, роговые ногти.

— Стойте! — прервал его Кармоди. — Вы не имеете права оскорблять меня.

— Да, вижу, — согласился Клерк. — Действительно, я не рассмотрел этого раньше. Никак не ожидал, что...

— Так почему же, черт вас возьми? — закричал космический Кармоди. — Почему ни один из вас не сказал сразу же, что это существо не из 32-го класса жизненных форм? Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дорос до галактического статуса! Вы совершеннейший идиот, вы вручили мой Приз ничтожеству, существу вне класса, парии...

Глава 4

— Земля! Земля! — разглагольствовал коротышка. — Теперь я припоминаю это название. Есть новейшая наука об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там, как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции собственных отбросов. Короче, Земля — это больное место Вселенной. Я думаю, что она выпала из Всегалактического плана из-за хронической Вселенской Несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла серьезная ошибка. Когда в невнимательности обвинили Посланца, он не стал отрицать очевидного.

Клерк же, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые, впрочем, никто не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который-то все и напутал, вместо того чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен, — объявил Компьютер, — с минимальными допусками. Я предназначен для выполнения сложных и точных операций, допускающих не более одной ошибки на пять биллионов действий.

— Ну и что с того? — поинтересовался Клерк.

— Вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны помнить, джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да, исключительно этическое. Любая попытка создать идеальную машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно заложена ошибка. Это один из немногочисленных признаков, отличающих живое от неживого. Если бы мы никогда не ошибались, мы были бы отвратительны и бессмертны. И если бы ошибка не была запрограммирована, заложена в нас верховной проектной силой, то мы сквернодействовали бы спонтанно, чтобы продемонстрировать ту крошечку свободной воли, которой мы обладаем, как существа живые.

Все склонили головы, поскольку Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Галактический Кармоди смахнул слезу и сказал:

— Ничего не могу возразить, хотя и не соглашаюсь. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоконравственно. Но остальные — просто дурака сваляли.

— Это наша неотъемлемая привилегия, — напомнил ему Посланец. — Небрежность при выполнении обязанностей, освященная нашей религией, — форма ошибки. Форма скромная, но не презренная.

— Будьте так добры, избавьте меня от своей сладкоречивой религиозности, — сказал галактический Кармоди. — А ты, — продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди. — Ты слышал, что тут говорили? Уловил, в чем суть, ты, ископаемое?

— Я понял, — сказал Кармоди четко.

— Тогда ты усвоил, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я вынужден просить и прошу вас передать его мне.

Кармоди уже склонялся к тому, чтобы согласиться. Он устал от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать право на Приз.

Ему хотелось домой, хотелось сесть и обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе, выкурить сигарету. Конечно, неплохо было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже отдать коробку, как вдруг услышал глухой шепот:

— Не делай этого.

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Говорил сам Приз.

— Ну, ну давай же, — настаивал другой Кармоди. — Не тяни. У меня неотложные дела.

— Катись он к черту со своими делами, — прошептал Приз. — Я твой Приз. Нет никаких оснований отдавать меня.

Пожалуй, теперь все выглядело в ином свете. Кармоди уже готов был отдать Приз, ему не хотелось ввязываться в историю в чуждом неведомом мире. И он уже протянул было руку, как вдруг тот, другой Кармоди опять раскрыл рот:

— Сию же минуту отдай, ты, слизняк бесформенный! — закричал он. — Давай-ка в темпе, да не забудь изобразить извинение на своей первобытной морде, а не то я покажу тебе...

Кармоди сжал челюсти и отдернул руку. Слишком долго его здесь оскорбляли. Он уже не мог уступить, хотя бы из самоуважения.

— Катись ты к черту! — выпалил он, невольно повторив слова Приза.

Космический Кармоди понял, что выбрал неверную тактику. Он позволил себе злиться и издеваться, что, конечно, приятно, но такого рода роскошь можно себе позволить лишь в своей личной звуконепроницаемой пещере. Поиграв словами, он лишился ценного выигрыша. И он попытался исправить положение.

— Прошу простить мой воинственный тон, — начал он. — В моей расе приняты сильные выражения. В том, что вы принадлежите к низшим формам жизни, вашей вины нет. Я не хотел оскорбить вас.

— Ладно, дело уже в прошлом, — вежливо сказал Кармоди.

— Тогда отдайте мой Приз.

— Не отдам.

— Но, дорогой сэр, это же мой Приз. Я выиграл его, и по всей справедливости...

— Приз не ваш, — заявил Кармоди. — Мое имя выбрано авторитетным специалистом, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец доставил мне извещение, а Клерк — официальное лицо — вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а равно и сам Приз, считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты даешь, — шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр, вы же сами слышали, что Компьютер признал ошибку. И по вашей собственной логике...

— Это обстоятельство нуждается в обсуждении, — сказал Кармоди. — Компьютер вовсе не признал ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Означенная ошбка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных принципов, внушающих всяческое уважение.

— Этот тип умеет спорить, оказывается, — пробурчал коротышка. — Если не смотреть на него, можно подумать, что в этой башке работает разум, а не тупая формалистика. Но все же я взорву его писклявые уловки мощным басом неопровержимой логики. Можете считать, что машина ошиблась преднамеренно, — заявил он. — Но Приз вы получили по ошибке. Удерживать его — значит усугублять проступок. А двойная вина — это уже наказуемое преступление.

— Ха! — воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора. — Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Незарегистрированная и непризнанная таковой ошибка не может рассматриваться как ошибка вообще. Неумышленная ошибка — это же просто знак высшего благочестия. И лучше не считать ее ошибкой вообще, чем превратить в умышленное лицемерное благочестие. И еще я скажу вот что: для меня не такая уж потеря отдать этот Приз, потому что я даже не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благоче-

стивой машины, этого скрупулезно законопослушного Компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое Богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Приз. — Браво! Ура! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо.

Кармоди скрестил руки на груди, глядя на сбитого с толку противника. Он был очень горд собой. Человеку с Земли в Галактическом Центре без подготовки приходится нелегко. Высшие жизненные формы не обязательно разумнее человека. Разум ценится там не более чем длинные когти или твердые копыта. Однако галактические расы обладали и неожиданными способностями, в том числе и гипнотическими. Некоторые, например, могли заговорить руку человека, внушить, что она оторвалась. В сравнении с такими талантами обитателей Земли считали темными, бессильными, беспомощными, ни на что не годными. И поскольку таланты заговорные весьма уважались в Галактике, психомоторная деятельность чаще рассматривалась там как простейшая автоматика. Такое неудачное отклонение эволюционного процесса можно выправить, только изменив всю природу Вселенной, что, конечно, не очень практично. В результате Кармоди сумел победить в словесной контратаке, но он очень рисковал, сам не зная того.

— Складно говоришь, — неохотно сказал второй Кармоди. — Но Приз будет моим.

— Нет, не будет!

Глаза чужака зловеще сверкнули. Клерк с Посланцем быстро отошли в сторонку, а Компьютер, пробормотав. «Неумышленная ошибка ненаказуема», выкатился из комнаты. Один лишь Кармоди не отступил, поскольку отступать ему было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба» — и сжался в кубик со стороной не более дюйма. Из ушей чужака раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки: капли расплавленного свинца полетели с кончиков его пальцев. Он ринулся вперед, и Кармоди невольно закрыл глаза.

Но ничего не произошло. Кармоди снова открыл глаза.

За это мгновение другой Кармоди, очевидно, передумал, он разоружился и теперь вежливо улыбался.

— По зрелом размышлении, — сказал он лукаво, — я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, осуществляется не сразу, в особенности в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, счастливого вам пути.

С этим ироническим пожеланием чужак исчез. Кармоди нашел такую манеру странной, однако эффектной.

Часть II. КУДА?

Глава 5

— Ну и ладно, — сказал Приз. — Будь что будет. Надеюсь, мы видели этого урода в последний раз. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль, — охотно согласился тот. — Посланец, мне бы хотелось возратиться домой.

— Естественное желание, — отозвался Посланец. — И к тому же свидетельствует о правильной ориентировке. Я сказал бы даже, что вы просто обязаны отправиться домой, и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня.

Посланец покачал головой:

— Это не мое дело. Моей обязанностью было доставить вас сюда.

— Так чье же это дело?

— Ваше собственное, Кармоди, — сказал Клерк.

Кармоди показалось, что он тонет. Он начал понимать, почему тот Кармоди так легко отступился.

— Послушайте, — взмолился он, — мне совестно обременять вас, но я действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо, — сказал Посланец. — Давайте координаты вашего дома, и я доставлю вас.

— Координаты? Я понятия о них не имею. Моя планета называется Землей.

— Мне безразлично, как она называется — Земля или Зеленый Сыр. Если хотите, чтобы я помог, давайте координаты.

— Но вы же там были. Вы же прибыли на Землю и доставили меня оттуда.

— Это вам так представляется, — терпеливо сказал Посланец. — На самом деле я отправился в точку, координаты которой дал мне Клерк, а он

получил их от Лотерейного Компьютера. В этой точке находились вы, и я привел вас сюда.

— Значит, вы можете доставить меня по тем же координатам?

— Могу, и с величайшей легкостью, но вы не найдете там ничего. Галактика, знаете ли, не статична. В ней движется все, каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— А новые координаты Земли вы можете вычислить?

— Я даже складывать в столбик не умею, — сказал Посланец гордо. — У меня другие таланты.

Кармоди обратился к Клерку:

— А вы можете? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не специалист по сложению, — отмахнулся Клерк.

— А я могу считать великолепно, — объявил Компьютер, вкатываясь. — Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерее и определением их местонахождения в пределах допустимой погрешности. Я установил ваше местонахождение, и поэтому вы здесь. Но мне противопоказана всякая интересная теоретическая работа, в том числе определение координат вашей планеты в данный момент.

— Можете вы это сделать как личное одолжение? — взмолился Кармоди.

— Я не запрограммирован на одолжения, — возразил Компьютер. — Я не умею делать одолжения и заниматься поиском вашей планеты, как не могу выпотрошить сверхновую звезду или зажарить яичницу.

— Но кто-нибудь может мне помочь?

— Не отчаивайтесь, — ободрил его Клерк. — Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам доставлю вас туда. Давайте координаты вашего дома.

— Но я их не знаю.

Некоторое время все молчали. Наконец Посланец заговорил:

— Кто же может знать ваш адрес, если вы сами его не знаете? Хотя Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки она достаточно велика, чтобы считаться практически бесконечной. Существо, не

знающее своего Местожительства, не имеет права покидать свой дом.

— Но я понятия не имею о местожительствах.

— Вы могли бы спросить.

— Мне в голову не приходило... Слушайте, вы должны помочь мне. Неужели так сложно выяснить, куда переместилась моя планета?

— Это невероятно трудно, — сказал Клерк. — «Куда» — только одна из трех координат. Нам нужны еще две: «Когда» и «Которая». Мы называем их «Три К» планеты.

— Да хоть Зеленым Сыром назовите, мое какое дело?! — внезапно взорвался Кармоди. — Как другие находят дорогу домой?

— Они полагаются на свой наследственный инстинкт гнезда, — ответил Посланец. — Кстати, разве у вас он отсутствует?

— Откуда у него инстинкт гнезда? — негодующе вставил Приз. — Парень никогда не покидал родной планеты. У него такого инстинкта и развиться-то не могло.

— Справедливо. — Клерк устало вытер лицо. — Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина с ее благочестивыми ошибками.

— Только одна на пять биллионов, — сказал Компьютер. — Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто вас не осуждает, — смягчился Клерк. — Никто никого не винит. Но мы должны решить, что с ним делать.

— Нелегкое это дело, — вздохнул Посланец.

— Конечно, нелегкое, — вздохнул Клерк. — А может, мы все-таки казним его? — предложил он, оживившись. — Прикончим, и дело с концом.

— Но-но! — подал голос Кармоди.

— О'кей. Согласен, — сказал Посланец.

— Что вам о'кей, то и мне о'кей, — присоединилась машина.

— Я не в счет, — сказал Приз. — В данном случае я не могу вмешиваться, но в самой идее мне чудится какой-то изъян.

Кармоди произнес пылкую речь о том, как ему не хочется умирать и что убивать его не следует. Он

взывал к лучшим чувствам своих судей и правилам честной игры. Однако его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Подождите, — вдруг просиял Посланец. — А что вы скажете о такой идее? Не будем его убивать. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем ему вернуться домой, живым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль, — согласился Клерк.

— Таким способом, — продолжал Посланец, — мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно будет убит по дороге.

— И давайте поспешим, — предложил Клерк, — если не хотим. чтобы его убили у нас на глазах, прежде чем мы кончим этот разговор.

— А в чем дело? — встревожился Кармоди.

— Потом узнаешь, — прошептал Приз. — Если, конечно, у тебя будет это «потом». А если найдется еще время, я расскажу тебе потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди! — воззвал Посланец.

— Я, кажется, готов, — отозвался Кармоди.

— Готов или нет, отчаливай.

И Кармоди отчалил.

Глава 6

Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Растаяли вдали Посланец и Клерк. Галактический Центр стал плоским, уподобившись скверно намалеванной театральной декорации. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина, поползла наискось вниз. Края ее отогнулись, открывая кромешную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона.

— Не бойся, это все зеркала, — шепнул Приз.

Это пояснение еще больше напугало Кармоди. Он старался держать себя в руках, но еще крепче он держал в руках Приз. Тьма была абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпел сколько мог, ему каза-

лось — бесконечно, но сколько именно, установить невозможно.

Затем сцена вдруг снова осветилась. Кармоди стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, голые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. В лицо дул слабый ветер. Над головой висели три крошечных солнышка. Местность выглядела подиковенней, чем Галактический Центр, и все же Кармоди почувствовал облегчение. Такие пейзажи видишь иногда во сне, Центр же был из разряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза. И куда же он мог деваться? Кармоди начал растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

— Это я, — прошипела змейка. — Твой Приз. Просто я принял другой образ. Форма, видишь ли, это функция от среды, а мы, призы, к среде чрезвычайно чувствительны. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о-о?

— А ты ищи аналогии, — посоветовал Приз. — Видишь ли, доктор, мы — призы — при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, все равно нас раздают разным пришельцам. Я просто запускаю руку в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, удалось мне это?

— Не очень, — вздохнул Кармоди. — Потом разберусь.

— Вот и умница, — сказал Приз. — Поперворсти слова будут казаться туманными, но ты разберешься, хочешь ты этого или нет. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный анекдот на эту тему, но боюсь, теперь нам не до анекдотов. Похоже, что это произойдет, и очень скоро.

— Что, что произойдет? Что должно случиться?

— Кармоди мон шер, нет времени все объяснять, даже самое необходимое, то, что ты обязан был знать, чтобы сохранить свою жизнь. Клерк и Посланец были так любезны...

— Эти убийцы и ублюдки!

— Ты не должен так легко осуждать убийство, — сказал Приз с упреком. — Это указывает на беспечность твоей натуры. Я припоминаю дифирамб на эту тему, но я процитирую его потом. Так о чем я? Да, о Клерке и Посланце. Несмотря на значительные личные расходы, эта достойная пара послала тебя именно в то место Галактики, где — вполне возможно — тебе помогут. Они могли бы казнить тебя за будущие преступления или послать на твою планету, но только туда, где она была раньше и где ее, безусловно, нет сейчас. Могли и экстраполировать, пытаясь определить ее предполагаемое местонахождение. Но поскольку они неважные экстраполяторы, то и результат вычислений был бы неважный. Так что, видишь ли...

— Да, но где я сейчас? — прервал его Кармоди. — И что должно произойти?

— Я к тому и веду, — сказал Приз. — Эта планета, если не ошибаюсь, называется Лурсис. У нее только один обитатель — Мелихрон Изначальный. Он живет здесь с незапамятных времен и еще проживет столько, сколько и представить себе невозможно. Мелихрон в своем роде — как бы это сказать — козырный туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик, как индивидуум. Это о нем сложено:

Вот оно чудо! Герой одинокий.
Славное имя его повторяют уста повсеместно,
Бранный союз заключивший с собой,
Чтобы в яростных битвах
Себя самого отстоять от себя самого же...

— Ну тебя к черту! — огрызнулся Кармоди. — Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош.

— Прекрати! — с внезапной злостью прошипел Приз. — Возьми себя в руки. Сосредоточься. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он — славный Мелихрон.

Кармоди был почему-то спокоен. Он неторопливо оглядел колеблющийся ландшафт, но не увидел ничего нового.

— Так где же он?

— Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его.

— Какой недостаток?

— И сверх того, когда он задаст свой Вопрос, отвечай осторожно.

— Постой! — крикнул Кармоди. — Ты совсем меня запутал. Какой недостаток? Какой вопрос?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу, — сказал Приз. — Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик! И не дай всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула себе в рот хвостик и погрузилась в сон.

— Ах ты клоун стриженый! — взорвался Кармоди. — Еще Призом называешься. Пользы от тебя, как от монеты на глазу мертвеца.

Но Приз уже спал. Он не мог или не желал слышать ругань Кармоди. Впрочем, для перебранки уже не было времени. В следующий миг голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

Глава 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, рассыпавшиеся миллионами раскаленных обломков. Каждый кусок дробился снова и снова, пока все небо не засияло, затмив три маленьких солнца.

— Ого-го-го! — воскликнул Кармоди.

Это было похоже на мексиканский фейерверк в парке Чапультепек, и Кармоди искренне восхитился.

Затем сверкающие глыбы обрушились в океан который возник именно для того, чтобы поглотить их. Глубины его закипели, вздымая разноцветные столбы пара, которые, свиваясь, превратились в выпуклое облако, тут же пролившееся ливнем. Поднявшийся ветер мгновенно собрал воды в гигантский смерч, толстоствольный, черный, с серебристыми отблесками. Он направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

— Хватит! — завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в томительный гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и пение псалмов, завывания шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, мелодия напоминала аккомпанемент к титрам исторической киноэпопеи «Метро-Голдвин-Майер», только еще шикарней. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. Воцарилось молчание.

Кармоди под финальные аккорды закрыл глаза и открыл их как раз вовремя. Звук, свет, цвет, движение и всякое прочее превратилось в человека, нагого, как античная статуя.

— Привет! — сказал человек. — Я Мелихрон. Как вам нравится Мой выход?

— Я сражен, — ответил совершенно чистосердечно Кармоди.

— В самом деле? — переспросил Мелихрон. — Я спрашиваю: вы на самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово, — подтвердил Кармоди. — Я ошеломлен.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал Мелихрон. — Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Я полагаю — и Я действительно полагаю, — что оно кое-что говорит обо Мне, не правда ли?

— Бесспорно, — кивнул Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была совершенно лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

— Ведь это Моя планета, — заявил Мелихрон. — И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать, а?

— Какие могут быть возражения? — сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так думаете? — переспросил Мелихрон.

— В самом деле и с полнейшей искренностью.

Некоторое время Мелихрон обдумывал ответ, затем отрывисто сказал:

— Вы Мне нравитесь. Вы разумное, понимающее существо и не боитесь говорить вслух то, что думаете.

— Благодарю вас, — сказал Кармоди.

— Но Я на самом деле думаю так, — настаивал Мелихрон.

— А я действительно благодарю вас.

— И Я действительно рад, что вы прибыли. Моя интуиция, — а Я, видите ли, обладаю огромной интуицией и горжусь этим, — подсказывает, что вы можете Мне помочь.

У Кармоди чуть не совалось с языка, что он совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо сам не в состоянии помочь себе в самом главном — найти дорогу домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема, — заявил Мелихрон, — порождена Моим положением. А положение у Меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слыхали, должно быть, что вся эта планета целиком принадлежит Мне. Более того, Я — единственное существо, способное здесь жить. Некоторые пробовали, создавали колонии, привозили животных, сажали растения; все с Моего соизволения, но напрасно. Чуждое вещество рассыпалось тонкой пылью, и Мои ветры разносили ее по полям. Что вы на это скажете?

— Поразительно! — сказал Кармоди.

— В самом деле, поразительно. Никакая жизнь не возможна здесь, только Я и Мои продолжения, — подтвердил Мелихрон. — Меня чуть удар не хватил, когда я понял это.

— Воображаю себе, — сказал Кармоди.

— Я здесь с незапамятных времен, — продолжал Мелихрон. — Веками Я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Так было все хорошо и ясно в ту пору Я жил как в райском саду.

— Это было чудесно наверно, - заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось. Но сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию и Сам стал эволюционировать. Я познал внешний мир, прожил много жизней Осознал Свою иск-

лючительность, и это стало причиной Моего одиночества, с которым Я не мог смириться. И Я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития. Воплотил Себя в целые народы и позволил им, мужайтесь, позволил Моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же Я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена. Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было сразу и самостоятельной единицей и в то же время частицей Меня. Я плодился и размножался, женился на Себе и разводился с Собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы Меня подвизались в искусстве, иногда успешно, а также и в религии. Они молились — Мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку Я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховные существа, которые были не Я. Потому что в те дни Я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно с вашей стороны, — отметил Кармоди.

— Да, я стараюсь быть разумным, — сказал Мелихрон. — Я мог позволить Себе быть разумным. Для этой планеты — нечего удивляться по этому поводу — Я был богом. Бессмертным, всемогущим и всеведущим. Все исходило из Меня, даже все ереси насчет Моей сущности. Я создавал горы и заставлял течь реки, я был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле, Я был причиной урожая и голода Ни один волос не мог упасть без моей воли. Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда как выразился один из Моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали картины, а я Создавал восходы и закаты. Мой народ пел о любви, — а это Я изобрел любовь. Чудесные дни, где вы?

— А почему бы вам их не вернуть? — спросил Кармоди.

— Потому что я вырос, — ответил Мелихрон с горечью и грустью. — Целые эпохи я упражнялся в творении, а теперь я стал вопрошать эти творения Мои священники вечно препирались между собой дискутируя о Моей природе и Моих совершенствах Я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь богослов разглагольствует о Тебе, од

нако это оказалось и опасно. Я Сам начал поражаться Своей природе и Своим совершенствам. И чем больше ломал голову, тем непостижимей Я Себе казался.

— А почему вы себя не спросили? Ведь вы же были богом? — удивился Кармоди.

— Вот в том-то и загвоздка, — вздохнул Мелихрон. — Мои творения не видели сути проблемы. Для них Я был бог, Мои пути были неисповедимы. Все, что Я делал, было выше всякой критики, потому что это делал Я. Ведь все Мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку Я неисповедим. Примерно так преподносили это Мои выдающиеся мыслители. И они добавляли еще, что полным пониманием Я удостою их на небесах.

— А вы и небеса создали? — спросил Кармоди.

— Конечно. А также и Преисподнюю. — Мелихрон улыбнулся. — Вы бы видели лица этих Моих творений, когда Я воскрешал их в раю или в аду. На самом деле даже и самые преданные не верили в потусторонний мир.

— Полагаю, вам это нравилось?

— Только в первое время. Но вскоре приелось. Без сомнения, я немного тщеславен, но бесконечная лесть надоела Мне до отвращения. Ну скажите, Бога ради, зачем же бога восхвалять за то, что он выполняет свое божественное назначение? С таким же успехом можно молиться муравью, чтобы он выполнял свои муравьиные дела.

— И что же вы придумали?

— Да упразднил все!.. Стер жизнь с лица Моей планеты, растительную, животную, всякую. Зачеркнул заодно и будущее. Мне надо было подумать в спокойной обстановке. Впрочем, ведь Я ничего не уничтожил. Я просто воссоединил в Себе частицы Себя. У Меня на планете было множество типов с безумными глазами, которые все болтали насчет блаженного слияния со Мной. Ну вот они и слились, будьте уверены.

— Наверное, им это понравилось?

— Откуда я знаю? Единение со Мной и есть Я. Оно означает потерю сознания сознающим единение. В сущности это смерть, только звучит красивее.

— Необычайно интересно, — сказал потрясенный Кармоди. — Но вы, кажется, хотели говорить со мной насчет какой-то вашей проблемы.

— Именно! Я как раз подошел к ней. Видите ли, Я бросил играть со своими народами, как ребенок с кукольным домиком, а затем уселся, фигурально говоря, чтобы все обдумать. В чем Мое предназначение? Могу Я быть чем-нибудь, кроме как богом? Вот Я посидел в должности бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого, самовлюбленного эгоиста. Мне нужно что-то иное, осмысленное, лучше выражающее Мое истинное Я. И вот она — Проблема, которую Я ставлю перед вами: что Мне делать с Самим Собой?

— Та-ак! — протянул Кармоди. — Так-так. Вот в чем дело. — Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос. — Тут надо как следует подумать.

— Время для Меня не имеет значения, — уверил его Мелихрон. — У Меня в запасе вечность. У вас ее нет, к сожалению.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете ли, может случиться нечто для вас неприятное.

— Что может случиться? Что мне делать?

— Ну, дружба дружбой, а служба службой, — сказал Мелихрон. — Сначала вы ответьте на Мой вопрос, потом Я — на ваш.

— Но у меня только десять минут.

— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться, — сказал Мелихрон безжалостно. — К тому же это Моя планета, здесь все идет по Моим законам. Будь это ваша планета — и законы были бы ваши. Разумно, не правда ли?

— Пожалуй, — уныло согласился Кармоди.

— Девять минут, — напомнил Мелихрон.

Каково объяснять богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди, и можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как вы знаете, богословам и философам не хватило многих столетий?

— Восемь минут, — сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

Глава 8

— Мне кажется, — начал Кармоди, — что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто от отчаяния, надеясь, что самый процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах больше смысла, чем в отдельных словах.

— Вам нужно, — продолжал Кармоди, э... э... отыскать в себе самом предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир и не можете стать внешним по отношению к самому себе.

— Могу, если захочу, — сказал Мелихрон веско. — Могу сотворить любую чертовщину. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно, — поспешил согласиться Кармоди. — Вот что пока ясно... М-да... Вашей сущности и всех ее воплощений вам оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в свою сущность.

— Очень разумно, — одобрил Мелихрон. — Вам следовало быть теологом.

— В данный момент я теолог, — сказал Кармоди. (6 минут? 5 минут?) Вот... Так что же мы будем делать? А может быть, познание реальности, внутренней и внешней... если есть такая вещь, как внешнее познание... в познании самого познания ваша задача?

— Я тоже та́к думал, — вздохнул Мелихрон. — Проштудировал все книги Галактики о макрокосме и микрокосме. Я способный... Правда, кое-что уже подзабыл — ну там секрет жизни или таинство смерти, но могу припомнить, если захочется. Но узнал Я также, что учение само по себе — скучноватое и пассивное занятие, хотя и попадаются иногда любопытные сюрпризы. И узнал, что лично для Меня в учености нет особого смысла. Оказалось, что неведение не менее приятно.

— А может, вы художник по натуре?

— Я и через это прошел. Лепил из глины и плоти, рисовал закаты на холсте и на небе. Музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Но Я слишком хорошо знал, что следует делать, не допускал ошибок и потому всегда оставался безна-

дежным дилетантом. И вообще Я слишком хорошо знаю действительность, чтобы серьезно относиться к ее воспроизведению в искусстве.

— А не сделаться ли вам завоевателем? — предложил Кармоди.

— Какой же толк от чужих миров, если не знаешь, что делать со своим? — возразил Мелихрон. — Кроме того, Мое естество пригодно только для этой единственной планеты. В чужих мирах Мне придется действовать против своей природы.

— Да-ас, это проблема. Это требует размышлений, — протянул Кармоди.

— Я размышлял несколько миллионов лет, — пожаловался Мелихрон. — Искал цель внешнюю для Меня, но отвечающую Моей внутренней природе. Искал в Себе, искал указания извне. Нет. Не нашел.

Кармоди искренне пожалел бы этого неудачливого бога, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Время истекало. Сколько осталось? Вероятно, не больше трех минут.

И тут снизошло. Все решалось просто и все разом: и Мелихроновы заботы и его собственные. Вопрос в том, понравится ли это решение тоскующему богу. Но попробовать было надо, другого не оставалось ничего.

— Мелихрон, — отважно сказал Кармоди. — Я решил вашу Проблему.

— В самом деле решили? — переспросил Мелихрон строгим голосом. — Действительно можете решить? Не повлияла ли на ваши слова опасность? Ведь если Я не одобрю ваше решение, вы умрете через... через 73 секунды.

— Опасность влияет лишь постольку, — величественно ответил Кармоди, — поскольку влияние это нужно для решения вашей проблемы.

— Прекрасно! Рассказывайте скорей! — оживился Мелихрон. — Скорее, Я так волнуюсь.

— Хотел бы, но не смогу, — сказал Кармоди. — Физически невозможно. Вы же убьете меня через шестьдесят или семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О небо! Вы в самом деле считаете Меня таким кровожадным? Нет, ваша смерть придет извне. Я к ней ничуть не причастен. Но между прочим, у вас осталось только двенадцать секунд.

— Не слишком много, — сказал Кармоди.

— Конечно, не слишком много, но это Мой мир, и все здесь подвластно Мне. И время в том числе. Я изменил пространственно-временной континуум как раз возле десятисекундной отметки. Для бога это несложно, только потом много подчисток. Ваши десять секунд будут потом компенсированы двадцатью пятью годами Моего местного времени. Достаточно?

— Более, чем щедро, — сказал Кармоди. — Вы очень любезны.

— Для Меня это мелочь. Теперь, пожалуйста, о главном — давайте ваше решение!

— Хорошо! — Кармоди набрал в грудь побольше воздуха. — Решение вытекает из самой проблемы. Иначе и быть не может. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Неужели? — усомнился Мелихрон.

— Должна обязательно, — заверил его Кармоди.

— Ладно. Примем ваше допущение. Дальше?

— Рассмотрим наше положение, — продолжал Кармоди. — Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — бог планеты, но только этой планеты. Вы всемогущий и всеведущий, но только здесь. Вы всесильны и хотите применить свою силу на пользу Но для кого? Здесь нет никого, кроме вас, а в других мирах вы не всемогущи.

— Да-да, именно так, в точности! — воскликнул Мелихрон. — Но пока вы не сказали еще, что же Мне делать.

Кармоди еще раз глубоко вдохнул и неторопливо выдохнул.

— Что делать? Использовать ваши великие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать — ибо таковы ваши сокровенные стремления — на благо другим. Например, приходящим извне.

— На благо другим? — переспросил Мелихрон.

— Да, на благо другим, — подтвердил Кармоди решительно. — Так предопределено. Вы один в своем мире, и, чтобы выполнить ваше предназначение, должно быть нечто внешнее. Однако по сущности своей вы лишены возможности выхода во внешний мир. Значит, внешнее должно прийти к вам. Это же ясно В своем мире вы всемогущи, вам не нужно никакой

помощи, но вы могли бы помогать приходящим к вам и поддерживать их.

— Пожалуй, вы рассуждаете разумно, — сказал Мелихрон задумчиво. — Но тут есть и трудности. Существа из внешнего мира редко бывают здесь. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, потерпеть придется, — согласился Кармоди. — Но вам-то терпеть легче, ведь вы можете изменять время. А что до числа посетителей, то, сами понимаете, количество — не качество. Не стоит гнаться за большими числами. Важно делать дело.

— Однако проблема остается: дело есть, а для кого его делать?

— Позвольте почтительно напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня есть проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Мне их решить не под силу. Не знаю, как вам. Но подозреваю, что и для вас это было бы серьезной пробой сил.

Мелихрон задумался, и надолго... У Кармоди зачесался нос, он с трудом удержался, чтобы его не почесать. Он ждал. Ждала вся планета. Наконец Мелихрон поднял свою агатово-черную голову.

— В этом что-то есть, — произнес он.

— В самом деле? — Душа Кармоди возликовала.

— Да, в самом деле есть. Ваше решение представляется Мне бесспорным и элегантным. Мне кажется, что Судьба, располагающая людьми, планетами и богами, так и рассудила, чтобы Я — создатель — был создан без проблем, а вы — создание — созданы с проблемой, которую может решить только бог. И что вы прожили свой жизненный срок с проблемой, которую может решить только бог, ожидая, чтобы Я решил эту проблему, тогда как Я ждал половину вечности, чтобы вы пришли ко Мне.

— Рассказать о ней?

— Я уже разобрался, — объявил Мелихрон. — Да, она поистине достойна Моего великого интеллекта. Я знаю о ней больше, чем вы сами. Сверхзадача ваша в том, чтобы попасть домой...

— Да-да! Именно в этом.

— И не только в этом. Еще и в том, чтобы выяснить «Куда», «Когда» и на «Какую Землю». Впрочем, если бы это было все, тоже хватило бы...

— А что еще?

— А еще смерть, которая преследует вас.

— Ох! — вздохнул Кармоди. Он ощутил слабость в коленках, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бултылку рома «Коллинз» и пару войлочных шлепанцев.

— Удобно? — спросил он.

— Очень.

— Теперь прошу вас, будьте как можно внимательней. Я обрисую ваше положение кратко и ясно, используя только часть Моего интеллекта, остальную же направлю на поиск возможных решений. Слушайте, старайтесь понять и не переспрашивайте. У нас очень мало времени.

— Но вы же растянули десять секунд на двадцать пять лет, — напомнил Кармоди.

— Время — хитрая штука даже для Меня, — сказал Мелихрон. — Из тех двадцати пяти восемнадцать уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой. Слушайте внимательно, от этого зависит ваша жизнь.

— Я готов, — сказал Кармоди, сдерживая дрожь.

Глава 9

— Самый фундаментальный принцип Вселенной, — так начал Мелихрон, — заключается в том, что одни виды пожирают другие. Печально, но факт. Еда — основа жизни, приобретение питательных веществ — начало всех начал. Отсюда вытекает Закон Пожирания, который может быть сформулирован так: каждый данный вид, крупный или мелкий, пожирает один или несколько других видов и сам пожирается одним или несколькими видами.

Ситуация эта универсальна, но она может быть смягчена в зависимости от обстоятельств. Например, виды, обитающие в вашем мире, находятся в состоянии Равновесия. Они проживают свой жизненный срок, несмотря на наличие пожирателей. Это Равновесие выражается уравнением ПП, то есть отношением Побед и Поражений. Но если виды или представители видов перемещаются в чуждую или

экзотическую среду, ПП неизбежно изменяется. Изредка случается временное улучшение ситуации Ем-Едят (ПП = ЕЕ + 1). Типичное, однако, ухудшение (ПП = ЕЕ — 1).

Это и случилось с вами, Кармоди. Вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили не гонятся за вами, вирусы не пробираются к вам в кровь, и полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим вы не восприимчивы.

Но облегченная ситуация (ПП = ЕЕ + 1) была, к сожалению, временной. Железные законы Равновесия уже начали действовать: и вы не можете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Вне Земли вы уникальны, и рожденный для вас хищник тоже уникален. Он кармодияден — может есть вас и только вас. Лапы его устроены так, чтобы хватать только таких, как вы, Кармоди, челюсти, чтобы грызть именно одних Кармоди, желудок, чтобы переваривать Кармоди. Все его существо создано так, чтобы иметь преимущество перед вами... Но если вам удастся скрыться на своей Земле, он погибнет от отсутствия кармодической пищи. Не могу предсказать всех его уловок и хитростей. Мне остается только уведомить вас, что преимущество всегда на стороне охотника, хотя бывали случаи и удачного бегства... Такова ситуация, Кармоди. Вы Меня хорошо поняли?

Кармоди глядел ошарашенно, словно только что проснулся.

— Понял, — с трудом выговорил он. — Не все, но большую часть.

— Хорошо, что поняли, — сказал Мелихрон, — потому что времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть эту планету. Даже на собственной планете Я не вправе отменять универсальные законы природы.

— А вы не можете отправить меня на мою Землю?

— Мог бы, будь у Меня больше времени, — ответил Мелихрон. — Но это нелегко. Надо определить все три «К», а они влияют друг на друга. Сначала нужно определить, Куда ушла ваша планета в настоящий момент, затем узнать, Какая из альтерна-

тивных Земель — ваша, и еще вычислить временные обстоятельства вашего рождения, чтобы найти Когда. Еще надо учесть эффект временных трещин[1], фактор удвоения, и в результате при известном везении Я вернул бы вас в ваше собственное «я» (удивительно деликатная операция), стараясь, чтобы все не пошло прахом.

— Вы сделаете это для меня? — взмолился Кармоди.

— Нет. Времени уже нет. Но Я отошлю вас к Моему другу Модсли. Он может помочь вам.

— К вашему другу?

— Ну, не совсем друг, скорее знакомый. Хотя можно было бы назвать это связью. Видите ли, однажды, некоторое время тому назад, Я собирался покинуть свою планету, познакомиться с другими мирами. Если бы Я сделал это, Я встретился бы с Модсли. Путешествие Мое не состоялось, но мы оба знаем, что могли бы встретиться, потолковать о том о сем, поговорить, пошутить и расстаться с теплым чувством.

— Мне представляется, что это не слишком прочная связь, — усомнился Кармоди. — Нет ли у вас кого поближе?

— Боюсь, что нет, — сказал Мелихрон. — Модсли — Мой единственный друг. И к чему сомневаться? Возможность связи не хуже, чем связь состоявшаяся. Я уверен, что Модсли позаботится о вас.

— А если... — начал Кармоди.

Но тут он заметил, что за левым плечом его возникло нечто — огромное, темное и грозное, и понял, что отпущенное ему время кончилось.

— Иду! — крикнул он. — И спасибо за все.

— Не стоит благодарности, — сказал Мелихрон. — Ведь это Моя Вселенская миссия — помогать чужестранцам.

Огромное и грозное начало уплотняться, но прежде, чем оно совсем затвердело, Кармоди исчез.

---

[1] О фантастических трещинах во времени где люди удваиваются, Шекли написал отдельный рассказ «Раздвоение личности»

Глава 10

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо ослепительно яркое оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль в высокой траве паслось небольшое стадо пятнистых коров. Слышался собачий лай. За лугами темнела бахрома леса. Виднелись снежные вершины гор. Седые облака цеплялись за их склоны.

Сбоку мелькнуло что-то красное. Кармоди повернулся. Кажется, это была лиса. Она посмотрела на него с любопытством и пустилась наутек к лесу.

«Похоже на Землю», — подумал Кармоди и тотчас же вспомнил о Призе, который был зеленой змейкой. Ощупал шею — Приза не оказалось.

— А я тут!

Кармоди огляделся, увидел маленький медный котелок.

— Это ты? — спросил Кармоди, ощупывая котелок с сомнением.

— Конечно, я. Ты даже не можешь узнать свой собственный Приз?

— Э... Ты того... несколько изменился...

— Да, изменился, — сказал Приз. — Но моя сущность, мое истинное «я» никогда не меняется.

Кармоди заглянул в котелок и чуть не выронил его. Внутри было ободранное и полупереваренное тело маленького зверька, может быть котенка.

— Что это у тебя там внутри?

— Завтрак, мог бы и догадаться, — ответил Приз. — Перехватил кое-что по дороге. Между прочим, призам тоже нужно подкрепляться, — добавил он язвительно. — Да, они нуждаются и в отдыхе, в небольшом моционе для пищеварения, а иногда и в рюмочке, однако с тех пор, как меня вручили тебе, ты ни о чем не позаботился.

— Но у меня с собой ничего не было, — смутился Кармоди.

— А вам тоже нужно это все? - переспросил Приз с удивлением. — Впрочем, да, конечно же, нужно. Странно, но я думал о тебе, как о некой отвлеченной фигуре без житейских потребностей.

— И я о тебе так же в точности, — признался Кармоди.

— Это неизбежно, по-видимому, — согласился Приз. — Гости из других миров, видимо, всем представляются этакими.. бетонными, монолитными, без желудка и кишок.

— Я сразу же начну о тебе заботиться, как только выпутаюсь из этой катавасии, — пообещал Кармоди.

— Ладно, старик, не обижайся на шпильки, — сказал Приз.

— А теперь могу я доесть свой завтрак?

— Давай, продолжай.

Кармоди хотел было взглянуть в котелок, посмотреть, как это он переваривает ободранное животное, но отвернулся. Оказалось, что он слишком брезглив.

— Чертовски вкусно, — сообщил Приз. — Я оставлю тебе кусочек.

— Нет, не надо, я не хочу есть. Ты только скажи, что это такое?

— Мы называем их «орити», — сказал Приз. — Это такая порода гигантских грибов. Очень вкусны и сырые, и тушенные в собственном соку. Лучший сорт — белый с крапинками, он вкуснее, чем зеленый.

— Я запомню, — пообещал Кармоди. — Возьму, если они попадутся. А земные люди могут их есть?

— Думаю, что могут, — сказал Приз. — И между прочим, если тебе повезет, ты услышишь, как орити декламирует стихи, прежде чем ты его съешь.

— Гриб и стихи? Почему стихи?

— Потому что орити хорошие поэты.

Кармоди поперхнулся. Беда с этими экзотическими галактянами! Думаешь, что разобрался до тонкости, оказывается, не понимаешь ничего. И наоборот, кажется, что тебя мистифицируют, а в действительности все проще простого.

«В самом деле, подумал он. — Может быть, потому чужаки и кажутся такими чуждыми, что на самом-то деле они похожи на нас. Сначала это забавляет, потом раздражает».

- Уррп! — произнес Приз.

— Что ты сказал? Я не понял.

— Я просто рыгнул, извини, пожалуйста. Но, как бы то ни было, старик, ты должен признать, что с Мелихроном я провернул очень ловко.

— Ты провернул? Ты спал, черт побери! Это я один сумел его...

— Боюсь, что ты заблуждаешься, — сказал Приз. — Я заснул исключительно для того, чтобы сосредоточиться на решении проблемы Мелихрона.

— Ты с ума сошел, — обиделся Кармоди.

— Чистейшая правда, — настаивал Приз. — А откуда же взялся весь этот длинный ряд аргументов, где ты с неопровержимой логикой определил предназначение Мелихрона в мироздании?

— Откуда? Из моей головы.

— А разве раньше когда-нибудь тебе удавалось так логично рассуждать о месте бога в мироздании и его предназначении?

— Я был первым по философии в колледже.

— Большое дело, — хихикнул Приз. — Нет, Кармоди, для такой аргументации у тебя не хватит интеллекта. Это не в твоем характере.

— Не в моем характере? У меня превосходные данные для экстраординарной логики.

— Экстра-ор-ди-нар-ное — какое красивое слово!

— Да, я придумал все это. Я думал. Я помню свои мысли, — настаивал Кармоди.

— Ну, как хочешь, — согласился Приз. — Я не представлял себе, что это так важно для тебя, не хотел обидеть. Скажи мне, а ты никогда не говоришь сам с собой, не смеешься и не плачешь беспричинно?

— Никогда. А ты не летаешь во сне и не воображаешь себя святым?

— Нет, конечно.

— Уверен?

— Вполне.

— Тогда разговор закончен, — объявил Кармоди, чувствуя себя почему-то победителем. — Но ты скажи мне еще...

— Что еще?

— О каком это недостатке Мелихрона ты упоминал, чтобы я не намекал на него?

— По-моему, он бросается в глаза. Подумай часок, может быть, до тебя дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Так ведь он же хромой, — засмеялся Приз. — Это у него генетическое. Но он никогда не знал, что это недостаток. Он же бог и потому отвергает срав-

нительную науку. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию непременно тоже хромыми. А с внешним миром Мелихрон почти не общался, и он поэтому уверен, что все хромые — нормальны, а все нехромые — существа с забавным изъяном. Всемогущ бог или нет — неважно. Первейшее в том, что он все мерит собой. Неумение сравнивать — основной порок богов. Учти — на случай, если сам надумаешь стать богом.

— Я? Богом?

— А почему бы и нет? — Профессия как профессия, только титул громкий. Быть богом не легко, конечно. Но не труднее, чем стать первоклассным поэтом или, скажем, инженером.

— По-моему, ты спятил. — Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который никак не вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я лучше знаю мир, чем ты. Но сейчас приготовься.

Кармоди обернулся и увидел три фигуры, пересекающие луг. За ними на почтительном расстоянии следовал десяток других...

— Тот, что в середке, — Модсли, — сказал Приз.

— А у него тоже есть своя хромота?

— Если и есть недостатки, они малозаметны. С ним надо разговаривать иначе.

— Выглядит как человек, — заметил Кармоди.

— Верно. В этом краю Галактики такой облик в моде. Поэтому ты можешь привлечь его внимание, даже вызвать симпатию своей человекообразностью.

— Само собой разумеется, — гордо сказал Кармоди.

— Все не так просто, как кажется, — возразил Приз. — У нас с Модсли слишком разные натуры, я не всегда понимаю его, но кое о чем могу предупредить. Он — инженер, опытный и эрудированный. Всегда очень занят и поэтому рассеян, особенно, когда увлечен новыми испытаниями. И вот в рассеянности все, что ни попадается, он принимает за материал для своих конструкций. Мой приятель Дьюер Хардинг был как-то приглашен к нему в гости. Но Модсли и не заметил, что это гость. И превратил бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал —

совершенно без злого умысла. Дьюер теперь выставлен в Модслиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой! — воскликнул Кармоди. — И ничем нельзя помочь?

— Никто не решается указывать Модсли на его ошибки. Он терпеть не может признавать их, совершенно выходит из себя. Но тревожиться заранее не надо. Модсли совсем не злой. Наоборот, он добросердечный малый. Любит, чтобы его хвалили, как все люди и боги, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Если согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямься, не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдет до крайности.

Кармоди хотел было сказать, что такой совет не лучше, чем никакой, но возражать было некогда. Модсли был уже совсем рядом — высокий, седоволосый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагал напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в комбинезоны.

— Добрый день, сэр, — отчетливо сказал Кармоди. Шагнул было вперед, но тут же ему пришлось отскочить в сторону. Увлеченное разговором трио чуть не сшибло его с ног.

— Скверное начало, — шепнул Приз.

— Заткнись! — прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

Глава 11

— Значит, это она и есть, Орин? — спросил Модсли.

— Да, сэр, — гордо ответил Орин, тот, что трусил слева. — Ну и как она выглядит, сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд.

— Ну, сэр, — запинаясь начал Бруксайд. — Ну да, я думаю, что мы с Орином сделали хорошую планету. Безусловно, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная планета.

— И вы с ним согласны, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнулся, сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил. Пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы:

— Я поражен, воистину поражен... Но самым неприятным образом! Я поручил вам обоим построить мир для одного из моих клиентов, а вы преподнесли мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-не-ры! — отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения. — «Творчески оригинальные, но практичные, умеющие построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Они из рекламной брошюры, сэр, — сказал Орин.

— Правильно, — кивнул Модсли. — И вы считаете, что это вот — достойный пример творческой и практичной инженерии?

Оба молчали. Затем Бруксайд брякнул:

— Да, сэр, считаем. Мы внимательно изучили контракт. Заказ был на планету типа 34Вс4 с некоторыми изменениями. В точности это мы и выстроили. Конечно, это лишь уголок планеты. Но все же...

— Но все же по нему я могу судить, что вы натворили в целом. Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа 05, сэр. Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам, кроме него, дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить! И если вы не уложитесь, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр, — сказал Бруксайд. — Вообще-то нам не хотелось ставить солнце в одно-планетную систему. Однако технические условия...

— А вы научились у меня хоть чему-нибудь? — вскричал Модсли. — Тип 05 — явное излишество. Эй вы, там, — он подозвал рабочих. — Снимите!

Рабочие подставили складную лестницу. Один держал ее другой раздвигал в сто раз, в тысячу раз, в миллион раз. А еще двое бежали по лестнице вверх так же быстро, как она росла.

— Осторожней! — крикнул Модсли. — Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая.

Рабочие — там наверху, на самом верху лестницы, — отцепили солнце, свернули в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью!». Крышка закрылась, и настала тьма.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах? — вспылил Модсли. — Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— О'кей, — сказал Модсли. — Это солнце 05 — на склад! Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр, — нервно заметил Орин, — она недостаточно горяча.

— Знаю, — сказал Модсли. — Тут и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит, — вмешался Бруксайд. — Но звезда G-13 излучает РР-лучи. Если не будет должной дистанции, они не успеют рассеяться. И могут погубить будущее население планеты.

— Вы что, хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны? — спросил очень медленно и отчетливо Модсли.

— Нет, я имел в виду не это, — замялся Орин. — Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая иная вещь во Вселенной, если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине — согласился Модсли.

— Мера предосторожности в данном случае, — пояснил Бруксайд, — это защитная свинцовая одежда весом в 50 фунтов. Но поскольку каждый индивидуум в этой расе весит около восьми, такая одежда для них непрактична.

— Это их забота, — отрезал Модсли. — Не нам учить их жить. Разве я должен отвечать, если кто-нибудь ушибет пальчик о камень, который я поставил на этой планете? Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить — за особую плату, конечно, — мой превосходный солнечный экран, который полностью отражает РР-лучи.

Оба помощника улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну, не сейчас, так позже, — отмахнулся Модсли. — И ведь РР-излучение действует не мгновенно. Даже при нем средний срок жизни 9,3 года. Кое-кому хватит.

— Да, сэр, — без особой радости сказали оба инженера.

— Далее, — продолжал Модсли. — Какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря, — ответил Бруксайд.

— По меньшей мере три тысячи футов лишку, — сказал Модсли. — Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях, как яблоки? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— У этих деревьев какой срок жизни?

— Восемьсот лет, сэр. Это новейшая модель дубояблони. Дают фрукты, орехи, освежающий напиток, тень, великолепный строительный материал, закрепляют почву и...

— Вы хотите, чтобы я стал банкротом! — закричал Модсли. — Двести лет — предостаточно для дерева. Откачайте большую часть их жизненной силы и слейте в бак!

— Тогда они не успеют выполнить свое жизненное назначение, — возразил Орин.

— Ну и обрежьте назначение! Орехи, тень, и хватит. Незачем делать из каждого дерева сундук с сокровищами. Ну, а этих коров кто там расставил?

— Я, сэр, — признался Бруксайд. — Я думал, что местность с ними... ну, как бы уютнее.

— Болван! — рявкнул Модсли. — Местность должна выглядеть уютнее до продажи, а не после. Эту планету купили без обстановки. Отправьте коров в чан с протоплазмой.

— Слушаюсь, сэр, извините. — Орин склонил голову. — Что еще?

— Еще сто тысяч глупостей. Но вы и сами можете сообразить. Например, это что? — Он указал на Кармоди. — Статуя или еще что-нибудь? Должна петь или стихи читать, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг... э-э, Мелихрон. Я ищу дорогу домой...

Но Модсли уже распоряжался:

— Что бы то ни было, безразлично. В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй! — завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие. — Эй, подождите минутку! Я не часть этой планеты! Меня прислал Мелихрон! Подождите! Постойте! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть! — кричал на помощников Модсли, не внимая воплям Кармоди. — Что это? Кто додумался? Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин, да?

— Нет! — крикнул Орин. — Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни вижу это, сэр.

— Н-да, — задумался Модсли. — Вы оба дураки, но врунами не были никогда. Эй! — крикнул он рабочим. — Тащите его назад.

— Ну, все в порядке, сэр, возьмите себя в руки, — сказал он дрожащему Кармоди. — Терпеть не могу истерик. Вам лучше? Ну вот и отлично! Так как же вы попали в мои владения и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

Глава 12

— Ясно, — сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ. — Поистине занятная история, хотя вы излишне все драматизируете. Значит, вы ищете планету по имени Земля.

— Именно так, сэр.

— Земля? — Модсли почесал лоб. — Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место. Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса гуманоидов, похожая на вас. Правильно?

— Совершенно верно.

— У меня память на такие дела, — продолжал Модсли. — А в данном случае причина особая. Дело в том, что это я построил вашу Землю.

— В самом деле, сэр?

— Да, я отлично помню это, потому что, пока я ее строил, я попутно изобрел науку. Возможно, эта история покажется вам любопытной... А вы, — он обернулся к помощникам, — вы, надеюсь, сделаете для себя полезные выводы.

История сотворения Земли

— Я был тогда совсем скромным подрядчиком, — начал Модсли. — Ставил то там, то тут планетку-другую, изредка, в лучшем случае, — карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, придирались, задерживали платежи и спорили из-за каждой мелочи: «Переделай тут, переделай там, и почему это вода течет вниз, а не вверх, и почему тяготение велико, и зачем горячий воздух поднимается, а лучше бы ему спускаться?» И тому подобное. А я был совсем наивным тогда и принимался им все объяснять — с эстетической точки зрения и с практической. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары! И я начал понимать, что нужно что-то изменить, но что именно, никак не мог сообразить.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кое-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то сказал себе: «Форма вытекает из содержания». И мне понравилось, как это звучит. «Почему же форма должна вытекать из содержания?» — спросил я себя тогда и сам же себе ответил: «Потому что это непреложный закон природы и основа прикладной науки». И мне понравилось, как это звучит, хотя особого смысла тут не было.

Не в смысле суть. Суть в том, что я сделал открытие. Ведь я же вынужден был заниматься рекламой и продажей, а тут я изобрел хитрый фокус под названием «доктрина научного детерминизма».

Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил.

Пришел ко мне заказывать планету высокий бородатый старик с пронзительным взглядом. (Вот так начиналась ваша Земля, Кармоди.) Ну-с, с работенкой я справился быстро — что-то дней за шесть. Как и здесь, это был обычный заказ с проектом и сметой, и как и здесь, я кое-что урезал. Но вы бы

послушали того заказчика, — можно было подумать, что я обобрал его до нитки, глаза украл с лица.

— Зачем столько ураганов? — приставал он.

Я сказал:

— Это часть вентиляционной системы. (Честно говоря, я попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

— Три четверти планеты залито водой, — брюзжал он. — Я же ясно проставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному.

— Но мы не можем себе этого позволить, — объяснял я. (А я давно засунул куда-то эти дурацкие условия. Никогда не храню эти проекты на одну планетку.)

— И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!

— Это сценично, — уверял я.

— Плевал я на сценичность, — гремел этот тип. — Один океан, дюжина озер, парочка рек, одна-две горные цепи — и предостаточно, чтобы украсить местность, создать хорошее настроение. А вы что мне подсунули? Шлак!

— На то есть причина, — сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у Урии — межпланетного старьевщика. Но не рассказывать же об этом.)

— Причина, — застенал он. — А что я скажу моему народу? Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, с таким же острым взглядом, как у меня. Что мне сказать им?

Я-то знал, что им сказать и куда послать. Но я не хотел быть невежливым. Хотелось подыскать подходящее объяснение. И нашел-таки — некую штуковину — всем фокусам фокус.

— Вы честно скажете им научную истину, — заявил я. — Скажете, что так и должно быть по науке.

— Как?

— Это детерминизм, — сказал я. Название пришло экспромтом. — Совсем просто, хотя и для избранных. Прежде всего: форма вытекает из содержания. Поэтому ваша планета именно такова; какой

должна быть по самой своей сути. Далее: наука неизменна, следовательно, все изменяемое — ненаучно. И, наконец, все вытекает из законов природы. Вы не можете знать заранее, каковы эти законы, но, будьте уверены, они есть. Так что никто не должен спрашивать: «Почему так, а не иначе?» Вместо этого каждый обязан изучать, как это действует.

Ну он задал мне еще несколько каверзных вопросиков. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его сферой была этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи. Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот он и бубнил:

— «Все действительное — разумно»! Это весьма заманчивая формула, хотя и не без налета стоицизма; надо будет использовать это в поучениях для моего народа. Но скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки с принципом свободной воли, который я намерен подарить моему народу? Они же противоположны!

Да, тут старикашка почти прижал меня к стенке. Но я улыбнулся, откашлялся, чтобы дать себе время подумать, и сказал:

— Ответ очевиден.

Это всегда лучший ответ, когда не знаешь, что сказать.

— Вполне возможно, что очевиден, — сказал он. — Но я его не постигаю.

— Ну, поглядите, — сказал я. — Эта свободная воля, которую вы намерены подарить своему народу, ну есть ли это разновидность судьбы?

— Ну, можно и так считать, — смутился он. — Но есть и разница.

— А кроме того, — быстро прервал я, — с каких это пор свободная воля и судьба несовместимы?

— Конечно, они несовместимы, — сопротивлялся он.

— Это потому, что вы не понимаете науки, — напирал я, проделывая свой трюк перед самым его крючковатым носом. — Видите ли, среди законов науки есть и закон случайности. Случайность — вы это знаете, наверное, — и есть математический эквивалент свободной воли.

— Но вы противоречите сами себе, — упирался он.

— А противоречие, сэр, еще один фундаментальный закон науки. Противоречия рождают борьбу, без которой все приходит к энтропии. Так что не может быть ни планеты, ни Вселенной, если там случайно не окажется противоречий.

— Случайно? — быстро переспросил он.

— Ясно как день, — подтвердил я. — Но это еще не все. Возьмите, например, одну изолированную тенденцию. Что произойдет, если вы доведете эту тенденцию до предела?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал старик. — Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий.

— Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность.

— Неужели? — ошарашенно произнес он.

— Безусловно, — заверил я его. — Я получил бесспорные доказательства в своей лаборатории, но демонстрация будет скучновата.

— Нет, пожалуйста, мне достаточно вашего слова, — уклонился он. — И кроме всего, мы же доверяем друг другу.

Доверие — это все равно что контракт, но звучит благороднее.

— Единство противоречий, — бормотал он. — Детерминизм. Тенденции превращаются в свою противоположность. Все это так запутанно.

— И эстетично в той же мере, — возразил я. — Однако я еще не кончил насчет предельных превращений.

— Продолжайте, будьте добры! — попросил он.

— Спасибо. Так вот есть еще энтропия. Это означает, что количество движения сохраняется, если нет внешних воздействий (хотя иногда в моих опытах и при наличии внешних воздействий). Итак, энтропия ведет вещество к своей противоположности. А если одна вещь движется к противоположности, тогда, значит, и все движется к противоположности, поскольку наука требует этого. Такая вот картина. Все противоположности превращаются в свои противоположности, как безумные, и становятся своими противоположностями. И точно так же на более высоком и на высшем уровне организации. Чем дальше, тем больше! Так, да?

— Кажется, так, — согласился он.

— Прекрасно! А теперь возникает вопрос: все ли это?

— Кончается ли на этом наш футбол? Нет, сэр, вот что самое замечательное! Эти противоположности, которые прыгают туда-сюда, как дрессированные тюлени в цирке, на самом деле — лишь отражение действительности. Потому что... (здесь я сделал паузу и произнес самым внушительным тоном) потому что есть скрытая мудрость, которая видна за иллюзорными свойствами реальных вещей. Она просвечивает в более глубоких деяниях Вселенной, в ее великой и величественной гармонии.

— Как может быть вещь одновременно реальной и иллюзорной? — спросил он быстро.

— Не мне отвечать на такие вопросы, — сказал я. — Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу. И действую соответственно. Но может быть, за всем этим кроется нравственный смысл?

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. Конечно, он мог мне указать на несоответствия не хуже всякого другого, и все мои рассуждения рассыпались бы в прах. Но, как и все эти очкарики яйцеголовые, он сам увлекся противоречиями и склонен был включить их в свою систему. Здравый смысл подсказывал ему, что в природе просто не может быть таких выкрутасов, но интеллект нашептывал, что, может быть, вещи только кажутся такими сложными, а на самом деле за всем этим кроется простой и прекрасный единый принцип, а если не принцип, то хотя бы мораль. Короче, я подцепил его на крючок, помянув о нравственности. Старый хрен помешался на этике, он был прямо-таки начинен этикой, впору хоть величай его «мистер Этика». А я случайно подкинул ему идею, что вся эта кровавая Вселенная, все ее постулаты и противоречия, законы и беззакония — воплощение высоких нравственных принципов.

— Пожалуй, все это глубже, чем я думал, — сказал он, немного помолчав, — я собирался наставлять мой народ только по этике, нацелить его на высшие нравственные проблемы вроде: «Как и зачем должен

жить человек?», а не «Из чего состоит живая материя?». Я хотел, чтобы люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превращались в ученых крыс, которые изучают звезды и радуги, а потом создают величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знаю о Вселенной и до сих пор считал все эти знания необязательными, но вы меня поправили.

— Ну-ну, — сказал я. — Мне не хотелось доставлять вам хлопоты.

Старик улыбнулся:

— Этими хлопотами вы избавили меня от гораздо больших хлопот. Для меня важна свобода воли. Мои создания будут вольны радоваться и печалиться. Я мог бы создать их в точности по своему образу и подобию, но я не хочу населять мир копиями самого себя. И они получат эту блестящую бесполезную игрушку, которую вы называете наукой, будут носиться с ней и превращать в божество всякие физические противоречия и звездные абстракции. Они будут рваться к познанию вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы предупредили меня, и я вам за это признателен.

Я вздохнул с облегчением. Откровенно говоря, он заставил меня понервничать. Я сразу смекнул, что он ноль без палочки и знакомств в высших сферах у него нет, но держался он как аристократ. Все время я чувствовал, что, сказав лишь несколько слов, он может доставить мне немалое беспокойство, как бы воткнув в мозг ядовитое жало. И это тревожило меня.

Да, сэр, и вот этот старый шут, должно быть, прочел мои мысли. Ибо он сказал:

— Не бойтесь! Я принимаю без переделок этот мир, который вы построили для меня. Он хорошо послужит мне таким, какой он есть. Что же касается до дефектов и пробелов, я тоже их принимаю с благодарностью и оплачу их.

— Как? — спросил я. — Как вы будете платить за пробелы и дефекты?

— Я принимаю их без возражений, — величественно сказал он, — и ухожу от вас прочь, чтобы заняться своими делами и делами своего народа.

И старый джентльмен удалился, не добавив ни единого слова.

К чему я про все это? Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Но я хотел бы сделать вывод из всей этой истории, а вы, мальчики, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — это я их изобрел. Почему я их изобрел? Потому что физические законы помогают умному механику так же, как юридические законы помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны оправдывать наши действия. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но помните всегда: законы помогают объясняться с заказчиками после того, как работа выполнена, а не перед этим. У вас есть проект, и вы его исполняете, как вам выгоднее, а затем подгоняете факты к итогам, а не наоборот.

Не забывайте, что науки созданы, как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но они не должны быть использованы против вас. Наша работа необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда плохо.

И никогда не старайтесь объяснить, почему не получилось. Не спрашивайте и не воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, как у обращенных в новую веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово Модсли и уже превращают эти слова в закон.

Глава 13

Закончив рассказ, Модсли долго молчал, мрачно хмурился, видимо, его донимали грустные мысли. Затем он поднялся и сказал:

— Кармоди, лицо моего ранга всегда осаждают разного рода просители. Каждый год я вношу взносы

в Кислородный Фонд для Нуждающихся Углеродиков. Я плачу также в Проект Межзвездной Перестройки, в Космическую Зону Отдыха и в программу «Спасите молодежь!». Этого достаточно, по-моему, к тому же все это учитывается при выплате налогов.

— Ладно, — огрызнулся Кармоди, ощутив внезапный укол самолюбия, — я не нуждаюсь в вашем милосердии.

— Не прерывайте меня! — строго сказал Модсли. — Да, этих даров достаточно для удовлетворения моей потребности оказывать помощь. Кроме того, я не люблю иметь дело с различными просьбами. Они запутаны, нестандартны и очень хлопотливы.

— Понимаю, — согласился Кармоди. — Ну, так я пойду, пожалуй, — добавил он, хотя и не имел ни малейшего понятия, куда он пойдет и что будет делать.

— Я просил не прерывать меня, — повторил Модсли. — Да, я не люблю персональных просьб, как я говорил уже, но на этот раз я намерен сделать исключение и помогу вам вернуться на вашу планету.

— Почему именно для меня исключение? — удивился Кармоди.

— Прихоть! — пожал плечами Модсли. — Этакая фантазия с примесью альтруизма. Итак, Кармоди...

— Да-да, слушаю.

— Итак, если вы попадете домой, что сомнительно, даже и при моей помощи, я попросил бы вас передать некое послание.

— Обязательно! А кому?

— Ну, само собой разумеется, этому бородатому старику, которому я построил вашу планету. Полагаю, он еще там.

— Не знаю, — сказал Кармоди. — По этому поводу у нас много спорят. Некоторые говорят, что он есть, другие считают, что он умер давно (хотя я полагаю, что это надо понимать метафорически), третьи же утверждают, что его и не было никогда.

— Он еще там, — убежденно сказал Модсли. — Не такая фигура, чтобы убить его ломом. Но отлучиться он мог, это на него похоже. Он личность с настроениями. Начинен всякой высокой моралью и ждет, чтобы его народ жил по этой морали. Конечно,

он раздражителен, может и исчезнуть из виду, если дела идут не так. Но бывает и деликатен, знает же, что люди не любят никаких излишеств: чересчур много ростбифа, чересчур много женской любви или Бога. Так что он ушел не простившись и вернется, когда у людей снова появится аппетит, интерес к нему, я имею в виду.

— Похоже, что вы хорошо его понимаете, — заметил Кармоди.

— Да, у меня было время подумать.

— Но позвольте сказать вам, — возразил Кармоди, — что ваша точка зрения не совпадает с нашим представлением. Мысль о том, что Бог может быть сговорчив или обидчив...

— Он должен быть таким, — прервал Модсли. — Он в высшей степени эмоциональное существо. Такой же, как вы и как другие люди, ваши товарищи.

Кармоди кивнул.

— Да, вы именно такие. Ведь он же решил создать вас по своему образу и подобию. Так и сделал, очевидно. Я сразу заметил у вас семейное сходство. В каждом из вас есть немножко от Бога, хотя вы и не должны зазнаваться по этому поводу.

— Но у меня никогда не было контактов с Богом, — усомнился Кармоди. — Я даже не представляю, как передать ему ваше послание.

— Ну, это просто, — сказал Модсли с оттенком раздражения. — Когда попадете домой, вы просто должны произнести его громко и отчетливо.

— И вы думаете, он услышит?

— Он не может не слышать. Это его планета, как вы знаете сами, и он проявляет большой интерес ко всем своим жильцам.

— Хорошо, я так и сделаю, — пообещал Кармоди. — И что же вы хотите передать ему?

— Ну, не слишком много, — вдруг замялся Модсли. — Ну, что он достойный старый джентльмен, и мне немного стыдно за ту планету, что я ему подсунул. Вредного в ней нет ничего, она пригодна для жизни, но этот старикан, он — джентльмен в высшей степени, здесь не может быть никаких преувеличений. Так что я как бы не против обновить вашу планету, всю целиком, и совершенно бесплатно, это не будет стоить ему ни цента. Если он пойдет на это,

я могу превратить вашу планету в настоящий рай, хоть сейчас на выставку. Ведь я же на самом деле чертовски хороший инженер; не надо так уж осуждать меня за всякую муру, которую я навертел, чтобы заработать доллар-другой.

— Я расскажу ему, — пообещал Кармоди. — Но если по-честному, не думаю, что он примет ваше предложение.

— А разве я думаю? — мрачно отозвался Модсли. — Он упрямый старик и не хочет никаких одолжений. Но я хочу сделать еще одно предложение со всей искренностью. — Модсли помедлил и добавил: — Вы спросите его, не любит ли он прогуляться и поболтать иногда.

— Почему бы вам не пойти самому?

— Я пробовал раза два, но встреча не состоялась. Он немного мстителен, этот ваш старик. Но, может быть, он смягчится?

— Может быть, — с сомнением сказал Кармоди. — Так или иначе, но я скажу ему. Но если вам хочется встречаться с богами, мистер Модсли, почему бы вам не поговорить с Мелихроном?

Модсли запрокинул голову и захохотал.

— С Мелихроном? Этим имбецилом? Он помпезный, самовлюбленный осел; у него нет никаких достоинств. Лучше с собакой рассуждать о метафизике, чем тратить время на такого бога. Божественность, говоря технически, — это сила и мощность, это потенциал. В ней нет ничего магического. Вообще нет двух одинаковых богов. Вы знали это?

— Нет, не знал.

— Ну так намотайте себе на ус. Никогда вы не получали более полезной информации.

— Спасибо, — сказал Кармоди. — Но знаете ли, до сих пор я не верил в Бога вообще.

Модсли задумался на минуту, потом сказал:

— С моей точки зрения, существование Бога и богов очевидно и неизбежно. Верить в Бога так же легко и естественно, как верить в яблоко, не более и не менее. Только одна вещь стоит на пути к нашей вере.

— Какая же?

— Принцип Бизнеса, который более фундаментален, чем закон всемирного тяготения. В каком месте

Галактики вы бы ни оказались, везде вы найдете бизнес: пищевой, строительный, военный бизнес, мирный бизнес, правительственный и, конечно, божественный, который называется «религией». И это самая предосудительная линия поведения. Я могу целый год рассказывать вам о порочных и грязных идеях, которыми торгует религия, но, наверное, вы слышали о них и раньше. Но я сейчас имею в виду одну черту, которая лежит в основе всех молитв и кажется мне особенно противной.

— Что это?

— Глубочайшее лицемерие, на основе которого зиждется религия. Судите сами: ни одно существо не будет молиться, если оно обладает свободной волей. Будучи свободной, она свободна, неуправляема и непредсказуема. Поистине божественный дар. Необязательность делает возможной свободу. А что предлагают служители религии? Они говорят: «Превосходно, вы обладаете свободной волей, а теперь вы должны использовать эту свободную волю, чтобы стать рабами Бога и нашими заодно». Какое бесстыдство! Бог, который и муху не обидит, изображен этаким верховным рабовладельцем. Да услышав это, каждое существо с душой должно взбунтоваться. Богу надо служить по своей воле или не служить ему вообще. Только таким путем ты сохраняешь верность себе и дару свободной воли, Богом данному.

— Думаю, что я понял вас, — сказал Кармоди.

— Возможно, я изложил это слишком сложно, — продолжал Модсли. — Но есть и более простая причина, достаточная, чтобы избегать религии.

— Какая же?

— Стиль. Напыщенный, увещевающий, болезненно-слащавый, покровительственный, искусственный, скучный, насыщенный смутными образами или громкими лозунгами, пригодный только для чувствительных старых дам или малокровных детишек. Нет, Бога я в церкви не найду, даже если и пойду туда. У этого старого джентльмена слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева. Не могу поверить, что он в церкви, и точка. А зачем я пойду туда, где Бога нет?

Глава 14

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был предоставлен сам себе. Модсли мог работать только в полном одиночестве. Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. Он очень скучал и, чтобы убить время, отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную, — объяснял ему краснолицый мастер. — Теперь машинами, но схема та же. Сначала мы берем протон, присоединяем к нему нейтрон на патентованной энергосвязи мистера Модсли. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— Протоны и электроны вы тоже делаете сами? — поинтересовался Кармоди.

— Ни-ни! Мистер Модсли не хотел возиться с этой мелочишкой. Все субатомное мы получаем от субподрядчиков.

— А на атомы золота или урана у вас много заказов?

— Не слишком. Чересчур дорого. Главным образом мы штампуем водород.

— Антиматерию тоже?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла, — сказал мастер. — Она же взрывается, когда входит в контакт с материей. Но мистер Модсли все-таки торгует ею. Антиматерию, конечно, делают на отдельной фабрике.

Кармоди ходил и ходил, пока у него не заболели ноги. Он твердил себе, что должен быть доволен. Вот он оказался у самого истока мироздания, там, где изготовляются атомы, где сепарируется антиматерия. Вот перед ним гигантская машина, которая экстрагирует космические лучи из сырого пространства, очищает их и закупоривает в громадные зеленые контейнеры. Позади термальный завод для ремонта старых звезд. Однако прогулка по фабрике Модсли вызывала у него такую же скуку, как в свое время экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И ту

же волну угрюмого раздражения и тупого бунта ощущал он в коридорах Лувра, Прадо и Британского музея. И он подумал, что чудеса хороши только в малых дозах. Восхищение рождается только от удивления. Ему было стыдно, но он ничего не мог поделать. Человек везде остается самим собой, даже если его перенесли внезапно в Тимбукту или на Альфу Центавра. И, будучи честен сам с собой, Кармоди откровенно признался себе, что с гораздо большим удовольствием катался бы на лыжах или скользил бы на паруснике возле адского моста, что у Таити, чем разглядывал все чудеса Вселенной.

— Видно, я не из породы Фаустов, — сказал он себе. — Все секреты Вселенной разложены передо мной, как старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и свежем, пушистом снеге.

Сначала Кармоди стыдился, но под конец взбунтовался. Даже и Фауст не ходил все время по выставкам. Фауст сам высиживал свои открытия. Если бы дьявол выдал ему все знания готовенькими на подносе, Фауст бросил бы науку и занялся альпинизмом или еще чем-нибудь в таком роде.

— Здесь мне открывают секреты Вселенной, — продолжал рассуждать Кармоди, — и я вижу, что их ценят чересчур высоко. Ведь стоит подойти поближе, и поймешь, что ничего чрезвычайного здесь нет. Вот так идут дела, и ничего сверх того.

Даже если это рассуждение и было неверным, оно, по крайней мере, утешало Кармоди. Но все равно он скучал. А Модсли все не находил решения. Время тянулось. У Кармоди сложилось впечатление, что для Модсли легче построить новую планету (за шесть дней, как известно), чем отыскать старую. И, понимая всю сложность дела, Кармоди тем не менее впадал в уныние.

В один прекрасный — условно говоря — день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кетс 11 взамен старого, разрушенного метеоритом. Новый лес был уже полностью оплачен, и обещали кругленькую сумму, если исполнение будет признано первоклассным.

Лес был перлом творения. Там имелись уютные лужайки для прогулок, осененные широколистными кронами с пестрым подлеском. Породы были незна-

комые, но Кармоди, игнорируя различия, предпочитал именовать их по-земному. Были там и шумные ручьи, широкие, но не глубже трех футов, были миниатюрные болотца, мангровые рощи и кедры, магнолии и ивы, вольно перемежающиеся кокосовыми пальмами. Подальше от воды росли дикие сливы, вишни, каштаны, орехи, апельсины, финики и инжир. Превосходнейшее место для пикников!

Юные приматы могли здесь гоняться вверх и вниз по прямоствольным вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться как на качелях на лозах винограда и плюща. А для старших были изготовлены гигантские секвойи, где удобно было дремать в вышине или играть в карты, подальше от детского визга.

Даже столь неискушенный наблюдатель, как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Были там цветы, и были нежалящие пчелы, чтобы опылять цветы и собирать нектар, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами, и ширококрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы пожирать птиц, и большие медведи, чтобы пожирать лис, и приматы, чтобы пожирать медведей.

И так как приматы умирали тоже, то и они занимали свое место в лесном круговороте жизни и смерти. И это им даже нравилось, потому что они рождались с общественной жилкой. Приматы Кетса тоже умирали, их хоронили в лесу без гробов, с уважением и без лишней суеты, и тело их поедали черви, лисы, медведи и даже один или два вида цветов. Таким образом кетсиане тоже занимали важное место в лесном цикле экологии.

Кармоди наблюдал все это, прогуливаясь в одиночестве с одним только Призом (все еще в виде котелка), грустно размышляя о потерянном доме. И вдруг позади него хрустнула ветка.

Ветра не было, птицы плавали в пруду. Кармоди обернулся, насторожившись, чувствуя, что позади творится что-то необычное.

И увидел существо в громоздком сером скафандре из пластика, прозрачном шлеме пузырем и с доброй

дюжиной инструментов, болтавшихся на поясе. Кармоди сразу узнал в этом чудище земного человека — кто еще мог так вырядиться?

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная, но одетая так же. Кармоди увидел, что это земная женщина, и даже очень привлекательная.

— Боже мой! — воскликнул Кармоди. — Как это вас занесло именно сюда?

— Тсс! — прошипел землянин. — Слава Богу, что мы прибыли вовремя. Боюсь, однако, что самое опасное еще впереди.

— Есть ли у нас хоть один шанс, отец? — спросила девушка.

— Шансы есть всегда, — ответил мужчина с мрачной улыбкой. — Но сам я не ручаюсь ни за что. Может быть, док Мэддокс придумает что-нибудь.

— Ну он-то всегда на высоте, правда, пап? — сказала девушка.

— Именно так, Мэри, — отозвался отец. — Доктор Мэддокс выше всех нас на голову. Но так или иначе, мы им покажем, что и в наших котелках есть кое-что.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым.

— Я надеюсь, что ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя. Все за мной — в затылок, и быстро на корабль. Док Мэддокс выдаст нам оценку положения.

Вытащив из-за пояса курносый пистолет, мужчина устремился в лес. Девушка поспешила за ним, бросив на Кармоди взгляд через плечо. Кармоди последовал за ней.

Глава 15

— Эй, подождите минутку, что все это значит? — крикнул Кармоди, устремившись за людьми в скафандрах. — Эй, кто вы?

— Это просто ужасно! — воскликнула девушка, краснея от смущения. — Мы даже не представились в спешке. Вы, наверное, сочли нас невежами, мистер Кармоди.

— Ну что вы, — любезно возразил Кармоди. — Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более что вы уже знаете, кто я.

— Конечно, знаю, — сказала девушка. — Я Эвива Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларс Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»! — крикнул Кристиансен, не оборачиваясь. — Зовите меня Ларс или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап, — прервала его Эвива с напускным нетерпением. — Как бы то ни было, мистер Кармоди...

— Меня зовут Том.

— Хорошо. Том, — согласилась девушка, мило краснея. — Так о чем это я? О, да, папа и я, мы связаны с ЗАМИ. Не знаете? Это Земная Ассоциация Межзвездных Изысканий — отделения в Стокгольме, Женеве и Вашингтоне.

— Боюсь, что не слыхал об этой организации, — заметил Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только вступила на порог исследований. Увы, даже теперь новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии экспериментирования. Но близок день, когда космические корабли с земными пилотами полетят в самые отдаленные уголки Галактики. И, конечно, это откроет эру всеобщего мира и дружного труда на всей нашей старой, усталой планете.

— Откроет новую эру? — переспросил Кармоди. — Почему?

— Потому что не будет больше причины для войн, — ответила Эвива, несколько запыхавшись, потому что все трое пробирались сквозь густой кустарник. — В Галактике бесчисленные миры, как вы могли заметить сами, и достаточно простора для социальных экспериментов, и приключений, и всего, что вам в голову взбредет. Так что энергия человека будет направлена вовне, вместо того чтобы растрачиваться на одной планете в разрушительных войнах.

— Малютка чепухи городить не будет. Здесь все верно, — сказал Ларс своим внушительным, грубым, но дружелюбным басом. — Между прочим, она у

меня доктор философии и нахватала сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает, как хулиган. — Эвива покраснела снова. — Но у него самого в ранце три Нобелевских.

И отец с дочерью обменялись взглядами грозными и влюбленными.

— Но вернемся к делу, — продолжала Эвива. — Дела такие, вернее должны быть такими через пару лет. Но главная заслуга тут доктора Мэддокса, с которым вы вскоре встретитесь. — Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос: — Не думаю, что я выдам секрет, если скажу вам, что доктор Мэддокс... э-эа ... мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова, — прохрипел Ларс Кристиансен. — Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше.

— Это доктор Мэддокс поставил проект на рельсы, — вступила Эвива. — Он просчитал все будущее, — как он это сделал, я не знаю, но установил, что скоро у нас будут космические корабли, способные дойти до любой звезды. И масса людей сможет отправиться в космос без специального оборудования и навигационных приборов...

— Масса дураков недоделанных, — комментировал Кристиансен.

— Ну, папа! Но как бы то ни было, этим людям понадобится помощь. Однако организованного галактического патруля не будет еще 87 238 874 года. Так что, сами видите...

— Вижу, — согласился Кармоди. — А вы решили, не дожидаясь, приступить к делу.

— Да, приступили, — сказала Эвива просто. — Папа очень любит помогать людям, хотя это незаметно из-за его постоянного ворчания. А что хорошо для отца, хорошо и для меня. Что же касается доктора Мэддокса, ну, он вершина вершин.

— Он-то туз козырной масти, — добавил Кристиансен. — Он человек сверхособенный. У мутантов обычны отклонения в отрицательную сторону, сами знаете. Но раз или два на тысячу вместо пирита находишь золото. У доктора Мэддокса целая линия семейных мутаций, и все необъяснимо благоприятные.

— Мы подозреваем благожелательное вмешательство пришельцев, — сказала Эвива почти шепотом. — Известно, что род Мэддокса можно проследить только на два столетия, но это очень странная история. Эллил Мэддокс — прапрадед нашего доктора — был шахтером в Уэльсе. Почти двадцать лет он работал в знаменитой копи Олд Гринджи и, один из немногих, сохранил здоровье. Это было в 1739 году. Недавно, когда Олд Гринджи начали разрабатывать снова, там открыли сказочные запасы урана.

— Их должны были найти там, — вмешался Кристиансен. — Теперь дальше. Мы встречаем эту семью в 1801 году в Мексике, штат Оаксака. Томас Мэдокси — так он подписывался, с одним «д», — женился на прекрасной и гордой Терезите де Вальдес, графине Арагонской, владелице великолепной гасиенды в южной Мексике. Утром 6 апреля, когда Томас был в отъезде, объезжал стада, знаменитая Ла Эстрелла Роха де Муэрте — Красная Звезда Смерти (в дальнейшем отождествленная с большим, очень радиоактивным метеоритом) упала в двух милях от ранчо. Выжили немногие, среди них Томас и Тереза.

— Затем мы подходим к 1930 году, — подхватила Эвива. — Следущее поколение Мэддоксов, уже порастерявшее богатство, переехало в Лос-Анджелес. Эрнест Мэддокс — дед нашего доктора — продавал новейшее оборудование для врачей и дантистов. Называлось оно — рентгеноскоп. Мэддокс демонстрировал его два раза в неделю в течение десяти лет. И, несмотря на мощную дозу жесткого излучения, а может быть, благодаря ей, дожил до очень солидного возраста.

— А его сын, — продолжал Ларс, — не знаем по какому поводу, переехал в Японию в 1935 году и стал монахом, дзен-буддистом. Все военные годы он прожил в Хиросиме в углу заброшенного здания. Его не трогали, считали не американцем, а индусом. Убежище Мэддокса оказалось всего в 7,9 миль от эпицентра взрыва. После атомного взрыва Мэддокс немедленно оставил Хиросиму и переехал в Северный Тибет, в монастырь Хюи-Шен, расположенный на самой недоступной вершине. По рассказам английского туриста, побывавшего там в это время, ламы специ-

ально ожидали Мэддокса. И он остался там, посвятил себя изучению некоторых тантр, там и женился на принцессе королевской крови из Кашмира, от которой у него был один сын — Оуэн, наш доктор. Семья покинула Тибет и переехала в Штаты за неделю до вторжения красных китайцев. Оуэн учился в Гарварде, Йейле, Оксфорде, Кембридже, Сорбонне и Гейдельберге. Как он нашел нас, это особая история, но вы услышите ее в более удобной обстановке. А сейчас — на корабль, и не будем больше тратить время на треп.

Впереди на большой поляне Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышающийся, словно небоскреб. У него были стабилизаторы, люки, дюзы и множество всяких отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на каждой руке, а в огромных шишках на лбу мог поместиться еще один мозг.

Мэддокс неторопливо встал на пять ног и приветливо кивнул.

— Вы пришли в самую последнюю минуту, — сказал он. — Линии враждебных сил очень близки к критической точке пересечения. Быстро в корабль, все трое! Мы должны включить защитное поле.

Ларс Кристиансен решительно зашагал ко входу; чувство собственного достоинства не позволяло ему бежать. Эвива схватила Кармоди за руку. Он заметил, что она дрожит, отметил также стройные линии ее фигурки, хотя сейчас она не обращала внимания на свою внешность.

— Скверное положение, — бормотал Мэддокс, складывая свой стул и занося его в люк. — Мои расчеты допускали, конечно, такой пункт скручивания пространства, но по самой природе бесконечных комбинаций нельзя было предсказать его конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Я думаю, что должен проститься с Модсли, — сказал он. — Быть может, нужно даже посоветоваться с ним. Он был очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли! — воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном. — Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Его стряпня, конечно, — проворчал Кристиансен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду, — сказал Мэддокс, — что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но поверьте, что на карте стоит не только ваша жизнь, но и наши и еще жизни нескольких дюжин биллионов гуманоидов, большей частью голубоглазых.

— О, Том, скорее, скорее! — закричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно, — сказал Кармоди, — но я надеюсь все-таки, что получу полное и исчерпывающее объяснение.

— Получите, получите, — сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк. — Получите его прямо сейчас.

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно посмотрел на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца с дочерью и увидел их как бы впервые.

Ум человеческий склонен дорисовывать образы. Две-три кривые складываются в гору, из нескольких ломаных получается волна. Но сейчас образы спутников разваливались на глазах. Кармоди увидел, что милые глаза Эвивы были едва намечены, они не смотрели никуда, они были как глазки на крылышках бабочки. У Ларса вместо нижней части лица был только темно-красный овал, где темная линия обозначала рот. Пальцы Мэддокса были просто нарисованы на его бедрах.

Образы людей развалились полностью. Не было ни глаз, ни ртов, ни ног, ни рук. Три пальца гигантской руки, три безликих цилиндра надвигались на Кармоди, стараясь втолкнуть его в утробу корабля. Он увернулся от них и ринулся к свету, но в отверстие люка высунулись зубы. Блестящие черные борта корабля покрылись рябью. Ноги Кармоди увязли в губчатой подстилке, а три пальца кружили вокруг него, загораживая все уменьшающийся кружок света.

Кармоди боролся с отчаянием мухи, увязшей в паутине (сравнение точное, но понимание этого пришло поздновато). Три пальца крепко держали Кармоди, уже невозможно было угадать, кто из них профессор, кто — мутант, а кто — прелестная Эвива.

И окончательное потрясение: стены и потолок корабля (если только это был корабль) стали влажными, красными, живыми и проглотили Кармоди.

Спасения не было. Он не мог ни пошевелиться, ни крикнуть, мог только потерять сознание.

Глава 16

Как бы издалека он услышал голос:

— Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос Приза.

— Я оплачу все расходы, — сказал другой — голос Модсли. — Можно его спасти?

— Спасти можно, — произнес третий, по-видимому, врач. — Возможности медицины неограниченны, ограниченны возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы ему не повиновались.

— Это очень серьезно? — спросил Приз. — Вы поможете ему?

— Вы задали слишком трудный вопрос, — сказал доктор. — Чтобы ответить на него с идеальной точностью, надо сначала определить термины. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская этика. Предполагается, что мы, члены Галактической Медицинской Ассоциации, обязаны сохранять жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин V, например, просят врачебной помощи, чтобы излечить их от жизни. Они жаждут войти в желанные врата смерти. Это чертовски трудная задача, позвольте доложить вам, и осуществима тогда лишь, когда уиичи становятся старыми и бесчувственными. И что же должна сказать этика по поводу такого странного отклонения от нормы? Следует ли нам потакать же-

ланию уиичи, что порицается во всех почти уголках Галактики? Или же действовать на основе обычной медицины и обрекать уиичи на судьбу, которая для них в буквальном смысле хуже смерти?

— Это имеет отношение к Кармоди? — спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в очень скверном положении? — настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что у него очень скверное положение, — успокоил доктор. — Но даже и тогда бывают исключения. Пентатаналуна, например, которую обыватели называют пятидневной возвратной смертью, не более, чем временное окоченение. Вульгарные разговоры о смерти неуместны при данном недомогании.

— Но как же насчет Кармоди? — напомнил Модсли.

— Больной не мертв, — успокоил доктор. — Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере, он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете? — спросил Приз.

— Ваши термины не очень ясны, — возразил врач. — Моя работа трудна без надлежащей точности.

— Я хотел сказать: можете вы вернуть его в исходное состояние?

— Ну это уже довольно точное определение, тем более что вы дали его без долгих размышлений. Но что такое исходное состояние? Скажет ли это сам пациент, если допустить, что он чудесным образом сумел бы участвовать в своем лечении? И как мы с вами можем знать, которое из крошечных изменений, происходящих при каждом ударе сердца, имеет существенное значение для его личности? Не теряется ли эта личность с каждой секундой? Только приблизительно мы можем приблизиться к прошлому образу, но никогда не повторим его. Это весомый вопрос, господа.

— Чертовски сложный, — согласился Модсли. — Но предположим, вы сделаете его насколько можете ближе к прежнему? Это для вас трудно?

— Только не для меня, — сказал доктор. — У меня большой опыт. Я привык иметь дело с самым страшным и самым отвратительным. Не могу сказать, что стал совершенно бездушным, но с трудом я научился грустной необходимости не обращать внимания на надрывающие душу процедуры, необходимые в моей профессии.

— Ладно, док, заткнись! — взорвался Приз. — Давай рассказывай, как ты будешь чинить моего дружка.

— Я буду оперировать, — сказал доктор. — Это единственная возможность. Я расчленю его («разрежу», — говоря вульгарно), уложу члены и органы для сохранения в раствор К-5, затем пропущу мозг и нервную систему через сита с отверстиями разного диаметра. В дальнейшем процедура требует подключения мозга и нервов к жизненному стимулятору, при этом я буду возбуждать синапсы точно отмеренными сериями. Так мы установим разрывы, закупорки, испорченные клапаны и прочее. Установив же отсутствие повреждений, мы разбираем мозг, подходя наконец к контактам тела и разума. Бережно отключив их, мы проверим все внешние и внутренние связи. Если здесь все в порядке, мы открываем резервуар взаимодействия, следя за утечкой, само собой разумеется, и устанавливаем уровень сознания. Если он низок или же исчерпан (в подобных случаях так и бывает почти всегда), мы анализируем осадок и создаем новые порции сознания искусственно. Эти новые порции исчерпывающе испытываются и впрыскиваются в резервуар взаимодействия. Затем все части тела воссоединяются, и пациент может быть реанимирован жизненным стимулятором. Вот и весь процесс... почти.

— Ух! — вздохнул Приз. — Я и с собакой не обращался бы так.

— Я тоже, — сказал доктор. — По крайней мере до той поры, пока собачья раса не станет разумной. Итак, хотите вы, чтобы я приступил к операции?

— Приступайте, — решил Модсли. — Ничего не поделаешь. Бедный малый так надеялся на нас, мы не можем бросить его без помощи. Выполняйте свой долг, док!

Все время, пока длился этот разговор, Кармоди боролся с неподвластным ему телом. С ужасом слушая, он почувствовал, что друзья причинят ему больше вреда, чем злейшие враги, и наконец он титаническим усилием отлепил язык от неба.

— Никаких операций! — просипел он. — Голову оторву! Попробуйте только начать вашу растреклятую операцию!

— Очнулся, — констатировал доктор довольным тоном. — Иногда, знаете ли, словесное описание операционной процедуры в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, побочный эффект, и смеяться тут нечего.

Кармоди попробовал встать на ноги, Модсли помог ему. Приз был тут же, рядом. Он больше не выглядел котелком, превратился в карлика, под влиянием потрясения, по-видимому. А доктор, тощий, высокий и грустный человек в черном, был в точности похож на Авраама Линкольна.

— Что это было? — спросил Кармоди. — Космический корабль, люди какие-то?

— Мы вытащили тебя как-раз вовремя, детка, — усмехнулся Приз.

— Конечно, это не корабль, — сказал Модсли. — Это и был ваш хищник — кармодиед. Вы полезли прямо к нему в пасть.

— Полез, — признался Кармоди.

— И чуть не потеряли ваш единственный шанс на возвращение, — продолжал Модсли. — Вам больше нельзя медлить, Кармоди. У вас очень мало шансов, Кармоди, и нет ни одного безупречного. Присядьте, я вам постараюсь объяснить.

Кармоди сел и приготовился слушать.

Глава 17

Прежде всего Модсли заговорил о вселенских хищниках, их породах и численности, о повадках, приемах и вооружении. Для Кармоди крайне важно было понять, что с ним произошло и почему.

Модсли сказал:

— Вселенная соблюдает принцип симметрии. Для каждого мужчины есть женщина, для каждого организма — хищник. Великая Цепь Поедания (поэтический образ для описания вечного движения жизни) должна соблюдаться хотя бы во имя внутренней необходимости. Жизнь — это созидание, а созидание невозможно без уничтожения, то есть без смерти.

— Почему созидание невозможно без смерти? — спросил Кармоди.

— Не задавайте глупых вопросов, — оборвал его Модсли. — Так о чем это я? Ах да! Итак, убийство справедливо, хотя с некоторыми его деталями нелегко примириться. Существо отнимает жизнь у других существ в своей природной среде обитания, а третьи существа отнимают жизнь у него самого. Этот простой и естественный процесс обычно так хорошо сбалансирован, что добытчики и добываемые не думают о нем, занимаясь вместо этого искусством, или сбором орехов, или объяснением Абсолюта, или еще чем либо, всем, что кажется им интересным, и так оно и должно быть, потому что Природа (которую мы обыкновенно представляем себе старой дамой, одетой в черное или коричневое) не любит открывать свои законы гостям за столом, или же толпе на улице, или же Конклаву и еще кому-нибудь. И вы, Кармоди, не можете избежать неумолимого закона Природы, хотя вы и уцелели у себя на родине. Но здесь, в дальних просторах космоса, не существует ваших естественных земных хищников. А раз их не существует, значит, они должны быть созданы.

— Ну да, — сказал Кармоди. — Но этот корабль, эти люди...

— Эти люди не были людьми, только казались. Теперь ясно?

— Ясно, увы!

— Это было то самое единственное существо, сотворенное специально для вас, Кармоди. Оно — ваш Хищник-пожиратель, и оно следует классическому Закону Пожирания.

— В чем же суть его?

— Суть — суть! — вздохнул Приз. — Как мило ты ставишь вопрос. Можно сколько угодно рассуж-

дать о судьбе и сути, а в конце концов приходишь к выводу: «Это есть, и все тут».

— Я не спорил, я спрашивал, — заметил Кармоди. — Что это за Закон Пожирания?

— Извини, я не понял тебя.

— Ничего, все в порядке.

— Спасибо.

— Ничего я не имел в виду... Нет, я имел в виду. Что же такое этот простой и обязательный Закон Пожирания?

— Надо объяснять? — удивился Модсли.

— Боюсь, что надо.

— Ну хорошо, — сказал Модсли. — Понимание пожирания присуще всем организмам, как руки, ноги и головы, даже еще обязательнее. Оно фундаментально, как законы науки, фундаментальнее науки, о нем не расскажешь упрощенно.

— Но должен же я знать все о пожирателях, хотя бы о моем собственном.

Модсли почесал лоб, подбирая слова.

— Ты ешь, поэтому тебя едят, — изрек он. — Это общеизвестно. Но как именно сумеют тебя съесть? Как тебя поймают, схватят, как сделают неподвижным и как приготовят? Поджарят тебя, заморозят или подадут в сыром виде? Очевидно, это зависит от личного вкуса того, кто захотел полакомиться тобой. А как он поймает тебя? Прыгнет ли сверху на спину, выроет ли яму на твоем пути, или запутает в паутину, вызовет на поединок, когтями вопьется? Это тоже зависит от природы пожирателя, от его формы и строения. Его природа приспособлена к особенностям твоей. И подобно твоей обладает свободной волей и не подвластна року.

Теперь разберемся. Когти, ямы и паутина прямолинейны, однообразны и не годятся против существ с хорошей памятью. Добыча, подобная вам, Кармоди, во второй раз не попадется в ту же ловушку. Прямолинейность, однако, не в духе Природы. У Природы особенное пристрастие к иллюзиям. Через иллюзии идет дорога и к рождению и к смерти. И чтобы поймать такое сложное существо, как вы, Кармоди, ваш хищник должен предпринимать сложные маневры.

Есть еще и другая сторона дела. Твой пожиратель создан не специально, чтобы съесть тебя. Ты для него самая важная пища, бесплатный подарок, но он не так уж ограничен в выборе еды. Амбарная мышь может воображать, что сова на стропилах сотворена специально, чтобы охотиться на мышей, но люди-то знают, что у сов разная бывает добыча. Так и со всякими хищниками, и с твоим, Кармоди. У хищников есть выбор, поэтому они непредсказуемы.

— Никогда не думал об этом, — признался Кармоди. — Это для меня имеет значение? Поможет?

— Едва ли поможет. Но знать об этом надо. На практике ты никогда не используешь непредсказуемость твоего хищника. Ты даже не узнаешь, каков он. Ты как амбарная мышь в данном случае. Вы можете нырнуть в дырочку и услышать свист крыльев над ней, но никогда не сумеете понять всю природу, таланты и недостатки совы.

— Ну, это необыкновенно полезная мудрость, — сказал Кармоди с сарказмом. — Я потерпел поражение еще до старта, или, проще говоря, съеден уже, хотя пока еще никто не воткнул в меня вилку.

— Терпение! Терпение! — остановил его Приз. — Пока все идет не так плохо.

— Не так плохо? А можете вы подсказать мне что-либо действительно полезное?

— Это мы и стараемся сделать, — сказал Модсли.

— Тогда скажите хотя бы, на что похож мой хищник.

Модсли покачал головой:

— Именно это невозможно, к сожалению. Не думаете же вы, что всякая жертва знает, как выглядит ее смерть. Если бы знала, то жила бы вечно.

— А это против законов природы, — добавил Приз.

— По крайней мере хоть намек какой-нибудь, — взмолился Кармоди. — Всегда ли хищник мой маскируется под космический корабль?

— Конечно, нет, — сказал Модсли. — У вашего избирателя изменчивая форма. Слыхали вы, как лягушка прыгает в пасть к змее, а муха летит на язык лягушке, или олененок бежит в лапы тигра? Вот в

чем суть талантов хищника. Можете спросить себя: «Что же в голове у жертвы, что она видит перед собой?» Себя спросите, что было перед вашими глазами, когда вы разговаривали с тремя пальцами вашего хищника и следовали за ним прямо в пасть.

— Они выглядели, как люди, — пожал плечами Кармоди. — А на что же похож мой хищник все-таки?

— Я не сумею объяснить вам, — сказал Модсли. — Но их маски и ловушки основаны на вашей собственной памяти, на ваших мечтах, надеждах и пожеланиях. Хищник заимствует вашу сокровенную мечту и на основе ее разыгрывает целое представление. Вам нужно понимать самого себя, чтобы избежать гибели. Но легче познать Вселенную, чем понять самого себя.

— Ну и что же мне делать? — спросил Кармоди растерянно.

— Учитесь! — сказал Модсли. — Будьте настороже всегда, передвигайтесь как можно быстрее, не доверяйте никому. И не позволяйте себе думать об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — вздохнул Кармоди.

— Да, в безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу. Там свои обыденные земные бедствия, но от хищника вы избавлены.

— А домой вы сумеете меня переслать?

— Машину я сделал, — сказал Модсли. — Но ее возможности ограниченны, поскольку ограниченны и мои собственные. Машина доставит вас туда, куда ушла Земля, не более того.

— Но это все, что мне требуется.

— Нет, далеко не все. КУДА — только первая из координат планеты — из трех «К». Вам предстоит определить еще второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой совет: соблюдайте последовательность! Сначала Временная ось, потом — ось Качества. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник, чей аппетит вы по-дурацки раздразнили, может явиться в любой момент. И я не

ручаюсь, что на этот раз я сумею так удачно вытащить вас из его пасти.

— А как это вам удалось? — поинтересовался Кармоди.

— Я быстренько сфабриковал приманку, — ответил Модсли. — Сделал вашу копию, но больше размером. Пожиратель выплюнул вас и кинулся за ней, истекая слюной. Но так мы его не обманем вторично.

Кармоди предпочел не спрашивать, было ли больно приманке.

— Я готов, — сказал он. — Но куда я попаду и что будет там?

— Вы попадете на Землю, — продолжал Модсли, — почти наверняка не на вашу. Но я пошлю письмо одному лицу, большому знатоку проблем времени. Он присмотрит за вами, если согласится, а после этого... Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди, и будьте благодарны, если вообще что-нибудь будет.

— Благодарю, — сказал Кармоди. — Чем бы это ни закончилось, большое вам спасибо.

— Ну тогда все в порядке, — сказал Модсли. — И не забудьте передать мои слова тому старику, если попадете домой. Ну все. Машина тут рядом, под рукой. У меня не было времени сделать ее видимой, но выглядела бы она как зенитная батарея, управляющаяся по радио. Да где же она, черт возьми? А, вот она! Приз свой берете?

— Я беру его! — крикнул Приз, ухватившись за Кармоди обеими руками.

— Ну, мы готовы, — сказал Модсли. — Эту стрелку я ставлю сюда, затем эту, а затем эти две наверху... Вам приятно будет расстаться с макрокосмом, Кармоди, и оказаться на планете, хотя бы и не на своей. Конечно, нет качественной разницы между атомом, планетой, Галактикой и Вселенной. Весь вопрос, в каком масштабе вам удобнее жить. Ну а затем я нажимаю это...

Бамм! Пуфф! Хррруст! Медленнное растворение, быстрое растворение, жидкое растворение, электронная музыка из внешнего пространства, внешнее пространство из электронной музыки, шелестят странич-

ки календаря; кувыркаются голова и ноги в невесомости. Литавры звучат грозно, грозно звучат литавры. Вспышки ярких красок, женский голос, детский смех. Апельсины из Яффы светятся как планеты; Солнечная система — как рябь на пруду. Лента бежит быстрее, лента ползет медленно. Тьма снаружи, тьма внутри...

Это была дьявольская забава, но ничего другого Кармоди и не ожидал.

Часть III. КОГДА?

Глава 18

Когда перемещение закончилось, Кармоди с трудом пришел в себя. Ощупав себя, он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одна голова и одно туловище. Он заметил также, что на этот раз Приз превратился во флейту.

— Ну ладно, — сказал сам себе Кармоди.

— Не так уж ладно, — поправился он, осмотревшись. Он не ожидал, что попадет на подходящую Землю, но эта оказалась очень уж непохожей.

Он стоял на зыбкой почве, на краю болота. Ядовитые миазмы поднимались от стоячих бурых вод. Вокруг росли широколистые папоротники, низкие, с тонкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами. Воздух был горяч, как кровь, и насыщен запахами гнили.

— Может, я во Флориде? — сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет, — отозвался Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком обертонов.

— А как же это ты разговариваешь? — спросил Кармоди, глядя на флейту.

— Ты же не удивился, что я говорил, когда был котелком, — возразил Приз. — Пожалуйста, я объясню. Возле моего ротика прикреплен патрон с CO_2. Этот патрон — мои легкие. Конечно, запас ограничен. Прочее очевидно.

Кармоди не было очевидно ничего, но не Приз интересовал его сейчас.

— Так где же я? — спросил он.

— Не я, а мы, — поправил Приз. — Мы на планете по имени Земля. Эта местность в твое время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк. — Он хихик-

нул. — Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно нет. Оставляя вопрос о «Какойности», мы видим, что и «Когдашность» неправильная.

— Ну и Когда же мы?

— Хороший вопрос. Но из тех, на которые я могу дать только приблизительный ответ. В палеозойской... нет, скорее в мезозойской эре. Но в каком именно периоде? Впрочем, это можно уточнить. Погляди-ка вверх! Правее.

Кармоди поднял голову и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Опеределенно археоптерикс, — сказал Приз. — Сразу видно, что перья торчат иголками. Большинство ученых относит это существо к меловому периоду, или же к юрскому, но никак не раньше, чем к триасу. Значит, мы в мезозое определенно.

— Довольно-таки давно, — заметил Кармоди.

— Порядочно, — согласился Приз. — Впрочем, мы можем и уточнить время. Дай-ка мне подумать чуточку. Во-первых, это не триас. Болото ничего нам не говорит, но тут есть цветок возле твоей левой ноги. Покрытосемянные! Цветок — безупречное указание на более поздний период. Теперь посмотри перед собой. Видишь два тополя и фиговое дерево? И самое главное — трава. Травы не было в юрские времена — только папоротники и хвощи. И это решает все, Кармоди! Голову даю на отсечение, что мы в меловом периоде.

У Кармоди было самое смутное понятие о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс-минус несколько миллионов, — сказал Приз. — Меловой период кончился примерно за 70 миллионов лет до появления человека.

— А откуда же ты знаешь всю эту геологию?

— Откуда? Уж если мы едем на Землю, я решил кое-что разузнать об этом месте. Если бы не я, ты бы бродил вокруг, разыскивая Майами, пока тебя не слопали бы...

— Кто слопал?

— Ну, какой-нибудь урод из числа динозавров.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать, — ответил Приз все с теми же неуместными трелями, — что мы попали в самый настоящий Динозавровилль.

Кармоди не успел сказать ничего. Он заметил движение слева и в самом деле увидел динозавра — махину высотой футов в двадцать и в добрых пятьдесят футов от носа до кончика хвоста. Держась вертикально на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр? — спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый из отряда зауришиа. Длина клыков полфута. Впрочем, это детеныш. Вес не более девяти тонн.

— И он ест мясо?

— Да, конечно! Впрочем, лично я думаю, что тираннозавры и все другие хищные ящеры питались главным образом хардозаврами, широко распространенными в ту эпоху. Но это моя собственная теория.

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине — никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Так что же делать?

— Лучше всего превратиться в растение, — посоветовал Приз.

— Но я не умею.

— Тогда дело плохо. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не успеешь и убежать тебе, держу пари, не удастся. Будь стойким — ничего другого не остается. Хочешь, процитирую Эпиктета? Или давай споем гимн, если это поможет.

— К черту гимны! Я удрать хочу.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки, а тираннозавр уже был перед ним. Он высился над головой, словно подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть...

Глава 19

— Хэлло, — сказал тираннозавр. — Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

— Кармоди, — представился Кармоди.

— А я его Приз, — добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные, — сказал Эми. — Никогда не видел таких. А я уже знаю диметродона, и струтиомим, и сколозавра, и кучу других зверей. Вы тоже живете тут поблизости?

— Приблизительно, — сказал Кармоди. Потом вспомнил о разнице во времени и добавил: — Ну, не совсем близко.

Эми окнул и замолк, глазея на них по-детски. И Кармоди молчал, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые — не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну ладно, — сказал Эми наконец. — А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк?

— Конечно, — сказал Динозавр. — Детский парк. Но вы же не ребенок, хотя и маленький.

— Ты прав, я не ребенок, — сказал Кармоди. — Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим отцом.

— О'кей, — сказал Эми. — Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И не забудьте, что именно я нашел вас. Друга своего тоже возьмите. Он-то уж совсем странный.

Кармоди сунул Приз в карман, взобрался на тираннозавра, и тот пустился вприпрыжку на юго-запад.

— Куда мы? — спросил Кармоди, еле удерживаясь при каждом прыжке.

— К моему отцу.

— А где он?

— В городе, у себя на работе. Где же ему быть еще?

Сначала они выбрались на дорогу, широкую трассу, утрамбованную ногами бесчисленных динозавров, твердую как бетон. То тут, то там они видели хардозавров, спавших возле дороги, под ивами, или гармонично мычавших низкими приятными голосами. Кармоди спросил, что это за животные. Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи берез, кленов, лавров и остролистов. В каждой роще под ветвями возились динозавры — копали землю или отгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают, — презрительно сказал Эми. — Домохозяйки вечно заняты уборкой.

Динозавровилль — так мысленно называл Кармоди город ящеров. По пути к нему они миновали плоскогорье с отдельными рощами, затем оказались в лесу; по-видимому, это был не естественный лес, а планомерные посадки. На опушке находился широкий пояс фиг, хлебных деревьев и грецких орехов, за ними несколько рядов тонкоствольных гингко, а далее только сосны, иногда канадские ели. Чем дальше в лес углублялись путники, тем больше встречалось динозавров. Земля гудела под их ногами, деревья дрожали, и облака пыли вздымались в воздух. Бронированные бока скребли по бокам. Только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избежать столкновений. А сколько рева было из-за правил уличного движения! Просто страшно было смотреть на эти тысячи бегущих махин. А вонь какая!

— Вот мы и на месте, — сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи. — Тут мой папа.

Осмотревшись, Кармоди увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медлительно прохаживались меж красными стволами, не обращая внимания на суматоху всего в пятидесяти ярдах от них. Кармоди решил, что здесь можно спешиться, не опасаясь, что тебя раздавят, и соскользнул со спины динозавра.

Один из ящеров поднял голову. Это был тираннозавр заметно больше Эми, с белыми полосами на синей коже. Его серые глаза были налиты кровью.

— Сколько раз, — начал он недовольно, — сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости, папа, но ты посмотри, что я...

— Ты всегда просишь прощения, — наставительно сказал старший тираннозавр, — а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью постоянно говорим о твоем поведении, Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый, неотесанный битник, не имеющий понятия, как подобает вести себя воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться...

— Папа, ты потом скажешь. Ты только посмотри!

Тираннозавр гневно взмахнул хвостом, но все же опустил голову и увидел Кармоди.

— Боже милостивый! — воскликнул он.

— Добрый день, сэр, — сказал Кармоди. — Меня зовут Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Трудно объяснить, как я попал сюда, но я пришел с миром и все такое... — закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика! — только и сказал отец Эми. — Говорящее млекопитающее!

— Вижу, Борг, но не верю своим глазам, — поддержал его второй тираннозавр, примерно такого же возраста.

— Я и сам не верю, — сказал отец Эми.

Глава 20

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе, как о существе из прошлого, — сказал Борг. — Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Да, это долгий срок. В самом деле долгий.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, что еще сказать. Судя по всему, Борг был рядовым обывателем: гостеприимный, но погруженный в свои дела, хороший семьянин, но неинтересный собеседник, этакий заурядный, темный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну, — произнес наконец Борг, когда молчание стало тягостным. — И как там, в будущем?

— Хлопотно, — вздохнул Кармоди. — Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да, — сказал Борг. — Примерно так и представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые даже пишут, будто эволюция идет к тому,

что млекопитающие станут доминировать на Земле. Но я считаю это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит, — дипломатично согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну... один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в вашем будущем?

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымрут, что они вымерли за семьдесят миллионов лет до человека, и вообще пресмыкающиеся занимают третьестепенное место в природе.

— Как дела? Именно так, как и можно было ожидать, — сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал, — сказал Борг. — Мы — крепкий народ, знаете ли, у нас есть сила и здравый смысл. Ну а много ли хлопот от сосуществования людей и ящеров?

— Нет, хлопот немного, — с легкостью сказал Кармоди.

— Рад слышать это. Я боялся, что динозавры при своих размерах станут угнетателями, тяжелыми на руку.

— Нет-нет! Даже можно сказать, что людям нравятся динозавры.

— Очень приятно, что вы так считаете.

Кармоди пробормотал еще что-то, чувствуя, что стыдится сам себя.

— Нас, динозавров, мало занимало будущее, — продолжал Борг, переходя на округлый стиль послеобеденного оратора. — Но прошлое было не столь простым. Наш вымерший предок — аллозавр — был грубым, прожорливым хищником. Его же предок — цератозавр — всего лишь карликовый карнозавр. Судя по размерам его черепной коробки, он был невероятно глуп. Были, безусловно, и другие карнозавры, а до них — потерянное звено — древнейший предок, от которого произошли все ящеры — и четвероногие и двуногие.

— Двуногие доминировали, конечно? — спросил Кармоди.

— Конечно! Четвероногие трицератопсы — тупоголовые твари. Мы держим небольшие стада их. Ша-

рики из их мяса очень вкусны с добавкой из рубленой бронтозаврины. Есть еще и другие виды ящеров. Хардозавры, например. Вы могли их заметить по дороге в город.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют, — сказал Борг сурово.

— Вы едите их тоже?

— О небо! Конечно нет! Хардозавры разумны. Единственные разумные существа на планете, не считая нас — тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они «серьезная проблема».

— Да, проблема! — подтвердил Борг вызывающим тоном.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также угрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги — хардозавры. У них нет самолюбия, нет стремлений, нет идей. Полжизни они не знают, кто их будет кормить, и, похоже, нисколько не тревожатся. Они не смотрят в глаза, когда говорят с вами.

— Но они хорошо поют.

— О да, поют они хорошо. Некоторые из наших лучших исполнителей — хардозавры. И на тяжелых работах они хороши, если есть надсмотр. Внешность их подводит — этот утиный клюв... Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема хардозавров решена.

— Да, — сказал Кармоди. — Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему, — сказал Борг. — Да, я действительно думаю, что это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал, в частности, и об урбанистических проблемах у ящеров. Лесные города переполнялись, поскольку все больше динозавров покидали деревни ради удобств цивилизации. Крайне обострилась транспортная проблема. Громадные ящеры любят скорость и очень гордятся быстротой своих рефлекторов. Но столкновения неизбежны, когда несколько тысяч динозавров одновременно ломятся через лес. И аварии трагичны, если два ящера в сорок тонн весом каждый сталкиваются на скоростях в тридцать миль в час. Сломанные шеи — сплошь и рядом.

Были и другие проблемы — результат демографического взрыва. Переполненные города. Ящеры во многих странах живут на краю голода.

— Проблем у нас масса, — вздыхал Борг. — Некоторые из лучших наших умов впали в отчаяние. Но я оптимист по натуре. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена, но сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежде. По-моему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума. Я не могу поверить, что она погаснет.

Кармоди кивнул:

— Вы выстоите.

Что ему оставалось, кроме джентльменской лжи?

— Благодарю вас, — сказал Борг. — А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своим другом.

— С каким другом?

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках, с портфелем и с зонтиком в левой руке.

— Мистер Кармоди? — спросил он.

— Да, я Кармоди.

— Я — Саргис из Бюро Подоходных Налогов. Вы-таки заставили нас погоняться за вами, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал:

— Меня это не касается.

И удалился бесшумно, с мягкостью, удивительной для такого крупного динозавра.

— Странные у вас друзья, — сказал Саргис, глядя ему вслед. — Но это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 1966 годы. В моем портфеле ордер на задержание, он в полном порядке — можете убедиться. Предлагаю вам следовать за мной. Моя машина времени на стоянке за этим деревом.

— Нет! — сказал Кармоди.

— Советую подумать, — настаивал сборщик налогов. — Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно решаться немедленно. Правительство Соединенных Штатов не любит, чтобы его застав-

ляли ждать. А отказ повиноваться приказу Высшего Суда...

— Я сказал: нет! — крикнул Кармоди. — Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо, вне всякого сомнения, это был его преследователь. Грубая подделка под сборщика налогов никого не могла обмануть. И портфель, и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: колени у него отгибались назад.

Кармоди повернулся, чтобы уйти. Хищник не двинулся с места. Очевидно, он не способен был преследовать. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел поздравить себя с избавлением, потому что мгновение спустя он исчез тоже.

Глава 21

— Войдите, войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он — уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал:

— Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным.

— Распрекрасным, — пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осточертели.

— Ну, а как поживает мистер Модсли? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Великолепно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объявил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел.

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт. — Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять чинил ее, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и не может попасть домой, к семье, иногда по неделе и больше.

— Да, плохи его дела, — сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике. — А не намерены ли вы мне объяснить все-таки, — продолжал он, еле сдерживаясь, — объяснить для начала, где я сейчас и как мне попасть домой отсюда?

— Успокойтесь, — сказал Сизрайт. — Чашечку чаю, может быть? Нет? Так вот, место это, где вы находитесь сейчас, — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал?

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами:

— Очень просто, сэр. Когда я получил письмо от мистера Модсли, то я распорядился предпринять розыск. Мой клерк нашел вас на Земле В3441123С22Ш. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас сюда, в Бюро. Но если вы хотите вернуться на ту, вышеупомянутую, Землю...

— Нет, нет, — отмахнулся Кармоди. — Но только я никак не пойму, где же... Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат, — вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— О'кей, прекрасно! — сказал Кармоди, тяжело дыша. — А вы, мистер Сизрайт, сами были когда-нибудь на какой-либо из тех земель?

— Увы, не имел счастья. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а досуг я провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и...

— Так значит, — взревел Кармоди, — вы никогда не были на Земле, как сами же говорите! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете, — ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, который опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь этот собачий бред, и вы сами чудитесь — крючконосый ублюдок со всеми вашими ухмылками!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все рассыплется, исчезнут нелепые видения, а сам он проснется в своей кровати, в собственной квартире, или же на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал...

— Вы закончили свой монолог? — ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил, — вздохнул Кармоди. — Простите.

— Не терзайтесь, — спокойно сказал Сизрайт. — Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь, если вы не возьмете себя в руки. Разумное поведение может привести вас домой, дикие истерики не приведут никуда.

— Еще раз прошу: простите, — пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая так вас напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось по недостатку времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это вы хорошо придумали, — сказал Кармоди. — Значит, и ваша внешность?..

— Конечно, — улыбнулся Сизрайт. — Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится, — согласился Кармоди. — Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало, — сказал Сизрайт. — А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж ... в нем что-то есть!

— В самом деле?

— Предположение ценно само по себе, но вам оно не поможет нисколько.

— Ох! — Кармоди снова повалился на стул.

— Строго говоря, — продолжал Сизрайт, — между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Различие только в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но, будь все это сном, вам следовало бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю, — сказал Кармоди. — Только верю вам на слово, что все это на самом деле... — Он засмеялся. — Но вот чего я на самом деле не понимаю: почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радио-сити, а Борг-динозавр говорит не как динозавр, даже не так, как говорящий динозавр должен бы говорить. И...

— Ради Бога, не терзайтесь!

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам, — продолжал Сизрайт, — почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо приучиться подгонять свои предрассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспосабливаться. Если вы столкнулись с чем-то необычным, тут ничего не поделаешь. И если с обычным — тоже ничего не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— И отлично. Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо, не хочу.

— Тогда подумайте, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше, — согласился Кармоди. — А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал, — протянул Сизрайт. — Это дело, конечно, сложное, требующее точ-

ности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным?

— Квадратные уравнения, — не задумываясь ответил Сизрайт. — Никак не могу научиться решать их, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, настоящая трудность. Однако вернемся к вашему делу.

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Вообще-то преодолимо, — успокоил Сизрайт. — Всего-навсего мы должны рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно, что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал, — сказал Кармоди. — А это легко?

— Вопрос в том, какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите без труда. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Все зависит от масштаба. Но все-таки вы должны признать, что и в том и в другом случае принцип одинаковый и весьма простой.

— Да, наверное, — согласился Кармоди. — Но хоть это и просто в принципе, не понадобится ли слишком много времени, если вариантов чересчур много?

— Не совсем так, но верно подмечено, — просиял Сизрайт. — Сложность, знаете ли, полезна иногда. Она способствует классификации и идентификации.

— Ну хорошо... А теперь что будет?

— А теперь мы приступим к делу! — воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки. — Мы тут с коллегами подобрали некоторое количество миров. И, между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его можете только вы сами, конечно.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны вжиться в эти миры. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно, — согласился Кармоди. — А много у вас этих вероятных Земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только...

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу, — сказал Сизрайт. — И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноформные сцены» — я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно, безопасного убежища нет. Но вы меня спрашивали раньше о снах и действительности. Так вот, запомните: все доброе действует открыто; все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами.

— А вы можете что-нибудь предпринять против моего хищника? — спросил Кармоди.

— Нет, не могу. И ничего не сделал бы, даже если бы и мог. Хищничество — закон природы. Даже и боги иногда уничтожаются Роком. Вы не должны быть исключением из универсального закона природы.

— Так я и думал, что вы скажете что-нибудь в таком роде, — вздохнул Кармоди. — Но может быть, вы дадите мне намек, признак, укажете, как угадать моего хищника?

— Для меня-то отличие очевидно, — сказал Сизрайт. — Но мы с вами мир воспринимаем по-разному. Вам не помогут мои наблюдения, мне не помогут ваши. Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно.

— Да, мне везло. Пока...

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство, но нет везенья. И кто скажет, что важнее?

Не я, сэр. И конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете... э-э... планеты берет. Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что, если я прозеваю нечаянно?

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Только вы сами можете узнать свою настоящую Землю. Если же вы не найдете ее среди самых вероятных, будем искать среди менее вероятных, потом — среди наименее вероятных. Число возможных Земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала.

— Ну ладно, — неуверенно сказал Кармоди. — Видно, у меня нет другого пути.

— У меня нет другого способа помочь вам, — подтвердил Сизрайт. — И не думаю, что вообще есть другие способы. Если хотите, я наведу справки в соседней галактической системе. Но это потребует известного времени.

— Боюсь, что у меня нет времени, — вздохнул Кармоди. — Вероятно, мой хищник уже близко. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. Посылайте меня в ближайшую из вероятных Земель. И благодарю вас за внимание и терпение.

— Пожалуйста, — легко согласился Сизрайт, явно довольный — Будем надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

Он нажал кнопку на своем столе. В первый миг ничего не произошло. Но как только Кармоди мигнул, все свершилось. Его поставили на свое место — прямиком на Землю.

Часть IV. КАКАЯ ЗЕМЛЯ?

Глава 22

Кармоди оказался на опрятной, хорошо возделанной равнине под синим небом и с золотым солнцем над головой. Впереди в полумиле от него виднелся небольшой город. Он был построен не в обычной американской манере — с бензиновыми колонками на окраине, рядами сосисочных, мотелей и с крепостной стеной свалок. Скорее, он был похож на итальянский городок на вершине холма или же на швейцарскую деревню, которая возникает перед вами внезапно и так же внезапно обрывается без предупреждения.

Несмотря на такую чужеземную внешность, Кармоди был уверен все же, что городок этот американский. И он осторожно двинулся к городу со все возрастающим напряжением, готовый стремительно бежать, если что окажется не так.

Однако все, казалось, было в порядке. Город выглядел приветливо, улицы просторные. Свободное что-то ощущалось в широких эркерах на фасадах. И далее нашлось много приятного. В центре города Кармоди вышел на площадь, похожую на римскую «пьяццу». В середине ее был фонтан с мраморной копией мальчика с дельфином. Из пасти дельфина била чистая струя воды.

— Надеюсь, вам поравилось? — произнес голос за плечом Кармоди.

Он не отпрыгнул в ужасе. Даже не повернулся. Начал уже привыкать к голосам, раздающимся за спиной. В Галактике, видимо, многим нравилась такая манера обращения.

— Очень мило выглядит, — сказал Кармоди.

— Я сам построил все это, — продолжал голос. — Мне кажется, что фонтан, хотя назначение его уста-

рело, воздействует эстетически. А эта пьяцца со скамьями и тенистыми ореховыми деревьями — точная копия Болонской. Снова повторю: я не боюсь упреков в старомодности. Истинный художник, так кажется мне, использует все, что считает необходимым — тысячелетнее и сиюминутное.

— Я одобряю вас, — сказал Кармоди. — И позвольте представиться. Меня зовут Томас Кармоди.

Улыбаясь, он обернулся с протянутой рукой, но за спиной его не было никого. Вообще ни единого человека не было на площади, никого в поле зрения.

— Извините меня, — произнес голос. — Я не хотел напугать вас. Я думал, что вы знаете...

— Знаю что? — спросил Кармоди.

— Знаете обо мне.

— Понятия не имею. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос города, — сказал голос. — Или, выражаясь точнее, я и есть город. Город говорящий.

— Факт налицо, — сказал Кармоди насмешливо. — Слышу — говорящий. Итак, вы — город. Большое дело!

Кармоди даже не очень удивился. Ему надоело, по правде говоря. Столько он уже повстречал существ с чудесными силами, столько раз его швыряли из одного конца Вселенной в другой. Силы, твари и воплощения кидались на него со всех сторон, так что временами он терял хладнокровие. Кармоди был рассудительным человеком, он понимал, что существует межзвездная иерархия и человек в ней ценится не слишком высоко. Но у него была и гордость, он считал, что и человек чего-то стоит, и не только для себя самого. Самоуважения Кармоди пока не утратил.

И потому он отвернулся от фонтана, спокойно пересек площадь, как человек, который каждый день разговаривает с городами, чудеса такие ему наскучили. Он прошел по нескольким улицам, заглянул в витрины лавок, отметил размеры домов, постоял у скульптур, но не слишком долго.

— Ну? — спросил город через некоторое время.

— Что «ну»?

— Что вы думаете обо мне?

— Вы — о'кей.

— Только о'кей?

— Видите ли, — сказал Кармоди. — Город — это город. Когда знаете один, в сущности, вы знаете все города.

— Это неправда, — сказал город, явно уязвленный. — Я заметно отличаюсь от всех других городов. Я — уникум.

— В самом деле? — Кармоди пожал плечами. — А по-моему, вы выглядите, как конгломерат плохо подогнанных частей. У вас итальянская площадь, группа греческих статуй, ряд тюдоровских домов, нью-йоркские кварталы старого стиля, калифорнийские сосисочные, похожие на портовые буксиры, и Бог знает, что еще. Что тут уникального?

— Уникальна комбинация всех этих форм в осмысленном ансамбле, — возразил город. — У меня внешнее разнообразие во внутреннем единстве. Эти старые формы не анахронизмы, видите ли, они являются стилями жизни, хорошо организованной машиной для житья.

— Но это ваше личное мнение, — сказал Кармоди. — Между прочим, есть у вас имя?

— Конечно, есть. Мое имя Беллуэзер[1]. Беллуэзер, штат Нью-Джерси. А не хотите ли вы кофе, или же сэндвич, или свежих фруктов?

— Кофе хорошо бы, — охотно сказал Кармоди и позволил городу проводить себя за угол в кафе на открытом воздухе. Оно называлось «Ну-ка, мальчик!» и было точной копией салуна веселых девяностых, с пианино, лампами в стиле Тиффэни и канделябрами из резного стекла. Там было очень чисто, как и повсюду в этом городе, но людей не было совсем.

— Прекрасная обстановка, как по-вашему? — спросил город.

— Походная, — сказал Кармоди. — О'кей, если вам нравится такой стиль.

Дымящаяся кружка капуччино сама собой спустилась на стол на подносе из нержавеющей стали.

— По крайней мере обслуживают здесь хорошо, — добавил Кармоди и отхлебнул кофе.

— Хорошо? — спросил город.

— Да, очень.

---

[1] Беллуэзер означает «хорошая погода».

— Я горжусь моим кофе, — заявил Беллуэзер. — И моей кухней тоже. Хотите попробовать? Омлет, например, или суфле?

— Нет, спасибо, — сказал Кармоди твердо. И откинувшись на спинку стула, добавил: — Так что, вы — образцовый город?

— Я хотел бы заслужить такую честь, — сказал Беллуэзер. — Я новейшая, самая последняя модель и, надеюсь, наилучшая. Я был задуман объединенной исследовательской группой из университетов Дэйла и Чикаго, которая работала в фонде Рокфеллера. Большую часть деталей спроектировали в M.I.T, а некоторые специальные разделы пришли к нам из Принстона или из Рэнд Корпорейшен. Главным подрядчиком была компания «Дженерал электрик», а деньги пожертвовал фонд Форда, а также другие организации, которые я не имею права назвать.

— Интересная история, — заметил Кармоди с невыносимым безразличием. — А этот собор на той стороне готический, да?

— Да, готический целиком, — подтвердил Беллуэзер. — Но он межрелигиозный, открыт для верующих любой религии. Зал со скамьями для молящихся на триста мест.

— Не так уж много для такого здания, — сказал Кармоди.

— Конечно, не так много. Но я хотел сочетать благоговение с комфортом. Людям это нравится, — возразил город.

— А где люди, между прочим? — поинтересовался Кармоди. — Я не видел никого.

— Они ушли, — сказал город скорбно. — Все ушли.

— Почему?

Беллуэзер помолчал, затем выговорил через силу:

— Получился разлад. Непонимание или несчастливая цепь недоразумений. Подозреваю, что подстрекатели подстроили этот исход.

— Но что именно в точности произошло? — настаивал Кармоди.

— Не знаю, в самом деле не знаю, — сказал Беллуэзер. — Однажды они ушли все. Именно так. Но я надеюсь, что они вернутся назад.

— Возможно, вернутся, — согласился Кармоди.

— Я уверен, что вернутся, — сказал город твердо. — И между прочим, почему бы и вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

— Мне? Я как-то не думал об этом.

— Но похоже, что вы устали от путешествия. Уверен, что вам надо отдохнуть.

— Да, я немало постранствовал, — вздохнул Кармоди.

— Может быть, вам и понравится у меня, — сказал Беллуэзер. — И во всяком случае у вас будет уникальный опыт: самый современный город, и весь к вашим услугам.

— Звучит заманчиво, — протянул Кармоди. — Я должен подумать.

Его заинтересовал образцовый город Беллуэзер, но он насторожился все-таки. Ему хотелось точно знать, что именно случилось здесь, почему все жители покинули город.

Глава 23

По настоянию Беллуэзера Кармоди спал в эту ночь в роскошном свадебном номере отеля «Король Георг V». Проснулся поутру свежий, бодрый и благодарный.

Беллуэзер сервировал ему завтрак на террасе и исполнил веселый квартет Гайдна, пока Кармоди насыщался. Воздух был чистейший, он фильтровался. Сам Кармоди не догадался бы, но город не забыл пояснить. И температура, и влажность были идеальны. И вид с террасы открывался превосходный: приятный ансамбль из китайской пагоды, венецианских мостиков, японских каналов, норманнской башни и многого еще.

— Прекрасные виды у вас, — похвалил Кармоди.

— Я рад, что вам нравится, — отозвался тут же город. — Мой стиль обсуждался всесторонне с тех пор, как я был заложен. Одна группа зодчих стояла за единство, за гармонию форм, слитых в единое целое. Но это уже бывало в истории. И таких моделей совсем немного сейчас. Они скучны — эти искусственные творения, созданные одним человеком или одним комитетом. Они не похожи на живые города.

— Но вы и сами искусственное творение, — возразил Кармоди.

— Конечно — согласился город. — Но я и не претендую ни на что другое. Я не фальшивый «город будущего» и не смешной флорентинский ублюдок. Я — конгломерат. Я должен интересовать, волновать и вместе с тем быть практичным и функциональным.

— Для меня вы — о'кей, — констатировал Кармоди. И добавил: — А случалось вам беседовать с другими городами, похожими на вас?

— Нет, не случалось, — сказал Беллуэзер. — До сих пор другие образцовые города не могли произнести ни единого слова. Но жителям нравится это новшество. Они не любят городов, которые делают свое дело безмолвно. Вот почему я и был создан с искусственным интеллектом.

— Понимаю, — согласился Кармоди.

— Хорошо, что вы поняли. Искусственное сознание очень важно в эпоху всеобщего обезличивания. Оно позволяет творчески подходить к потребностям потребителей. Мы можем рассуждать совместно — я и мои жители, можем, постоянно ведя диалог, помочь друг другу в создании жизнеспособной обстановки. Можем изменять друг друга, не теряя индивидуальности.

— Звучит превосходно, — сказал Кармоди. — Но, к сожалению, вам не с кем вести диалог.

— Это единственная брешь в схеме. Но сейчас у меня есть вы.

— Да, я у вас, — повторил Кармоди. И удивился, почему эти слова звучат неприятно.

— И у вас есть я, само собой разумеется, — подхватил Беллуэзер. — Взаимные отношения, единственно достойные. А теперь, дорогой Кармоди, я считаю, что показал вам себя всесторонне. Теперь вы можете вселиться в меня, и все будет в порядке.

— Что именно будет в порядке?

— Я имел в виду слово в точном его значении. Это не слишком удачное научное выражение, но вы понимаете, наверное, что взаимные отношения требуют и взаимных обязательств.

— Но отношения могут быть и свободные.

— Мы стараемся уйти от этого, — сказал Беллуэзер. — Свободные отношения — это доктрина для эмоций, знаете ли, и они ведут к беззаконию, к вседозволенности. А сейчас, если вы пойдете по этой дороге...

Кармоди отправился, как ему посоветовал Беллуэзер, осматривать его достопримечательности. Он посетил силовые установки, водно-фильтрационную систему, заводской район, секцию легкой промышленности. Осмотрел Детский парк и Дворец Старости. Обошел музей и картинную галерею, осмотрел концертный зал, театр, цветочную аллею, бильярдную, автотрек и кино. Он устал, стоптал ноги, хотел уже было остановиться, но Беллуэзер настаивал на полной самодемонстрации. Кармоди пришлось еще осмотреть пятиэтажное здание Американского Образа и Португальскую синагогу, статую Бэкминстера Фуллера, автовокзал, междугороднюю автобусную станцию и многое другое. Он пришел к выводу, что чудеса образцового города не лучше и не хуже, чем чудеса Галактики. Поистине красотой наслаждаются глаза, а отвечают за это ноги.

— Небольшая закуска теперь, — предложил наконец Беллуэзер.

— Превосходно, — поддержал Кармоди.

Его проводили в модное кафе Рошамбо, где он начал с картофеля потаж о пти-фуа и закончил печеньем пти-фур.

— Не завершить ли хорошим сыром грюер? — предложил Беллуэзер.

— Нет, благодарю вас, — сказал Кармоди. — Я сыт, я очень сыт.

— Но сыр не переполняет желудок. Камамбер хотите?

— Спасибо, спасибо, я больше не могу.

— Фрукты, может быть? Фрукты освежают небо.

— Спасибо, мое небо не нуждается в освежении.

— По крайней мере хотя бы яблоко? Грушу? Кисть винограда?

— Спасибо, нет!

— Парочку вишенок?

— Нет, нет, нет!

— Трапеза не закончена без фруктов, — настаивал Беллузер.

— Моя трапеза закончена.

— Только во фруктах есть некоторые важные витамины.

— Я обхожусь без них.

— Может быть, половинку апельсина? Я очищу ее для вас. Цитрусовые не занимают никакого места в желудке.

— Не могу. Не в состоянии.

— Хотя бы четверть апельсина.

— Решительно: нет!

— Вы доставили бы мне удовольствие, — настаивал Беллуэзер. — У меня полный комплекс в меню, но никакая еда не завершена без кусочка фруктов.

— Нет! Нет! Нет!

— Ну ладно, не волнуйтесь так, — уступил Беллуэзер. — Если вам не нравится мое угощение, тогда все кончено у нас.

— Но мне все нравится.

— Если нравится, почему вы не хотите фруктов?

— Ну хватит, — сказал Кармоди. — Дайте мне винограда.

— Я не хотел бы заставлять вас силой.

— Вы не заставляете. Дайте, пожалуйста!

— Вы уверены, что вам хочется?

— Давай же! — закричал Кармоди.

— Так берите. — И Беллуэзер сотворил чудесную ветвь мускатного винограда. Кармоди съел все. Виноградины были очень хороши.

— Извините. Что вы делаете? — спросил Беллуэзер.

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Я вздремнул. Что тут плохого?

— Плохого ничего. Это так естественно.

— Спасибо! — Кармоди закрыл глаза снова.

— Но какой же сон сидя? — не успокаивался Беллуэзер.

— Я уже сплю.

— У вас будет растяжение мышц в спине, — предупредил город.

— Не беспокойтесь, — промычал Кармоди с закрытыми глазами.

— Почему бы вам не поспать с удобством, на кушетке.

— Я уже сплю с удобством.

— Нет, вам неудобно на самом деле. Человек не приспособлен к сидячему сну.

— В данный момент мой организм приспособился.

— Ну почему бы вам не прилечь на кушетку?

— Мне и на стуле хорошо.

— Но кушетка гораздо лучше. Пожалуйста, ложитесь, Кармоди. Кармоди!

— Э, что там? — спросил Кармоди, очнувшись.

— Кушетка! На кушетке отдыхать гораздо лучше.

— Ну хорошо, — сдался Кармоди. — Где кушетка?

Его проводили вниз по улице, за угол, в здание с вывеской «Дремотная». Там стояла дюжина кушеток. Кармоди двинулся к ближайшей.

— Нет, не эта, — предупредил Беллуэзер. — У нее плохие пружины.

— Неважно. Я улягусь между ними.

— Но у вас будет судорога в итоге.

— О Боже! — воскликнул Кармоди. — На какую же прикажете лечь?

— На ту, сзади, — указал Беллуэзер. — Это королевская кушетка, лучшая из всех. Эффективность ее проверена научно. Подушка...

— Хорошо, прекрасно, великолепно, — бурчал Кармоди, ложась на указанную кушетку.

— Хотите какую-нибудь музыку?

— Не беспокойтесь!

— Как вам угодно. Я потушу свет?

— Прекрасно!

— Дать вам одеяло? Я регулирую температуру, конечно, но у спящих иногда особенная чувствительность к холоду.

— Не имеет значения. Оставьте меня!

— Хорошо. К сожалению, я не могу последовать вашему примеру. Лично я не сплю никогда.

— Очень жаль.

— Нет, меня жалеть нечего. Тут все в порядке, — сказал Беллуэзер.

Наконец наступило молчание. Но через некоторое время Кармоди сел.

— В чем дело? — заволновался Беллуэзер.

— Не могу заснуть! — сказал Кармоди.

— Постарайтесь закрыть глаза и расслабить каждый мускул, начиная с большого пальца ноги и так вплоть до...

— Я не могу заснуть! — закричал Кармоди.

— Может быть, вы недостаточно хотите спать. Но тогда вы можете отдыхать с закрытыми глазами.

— Нет! — отрезал Кармоди. — Не хочу спать и не хочу отдыхать.

— Упрямец! — посетовал Беллуэзер. — Делайте, что вам хочется. Я старался как лучше...

— Э-эх! — вздохнул Кармоди, вставая на ноги и выбираясь из «Дремотной».

Стоя на горбатом мосту, Кармоди смотрел на голубую лагуну.

— Это копия моста Риальто в Венеции, — сказал Беллуэзер. — В уменьшенном масштабе, конечно.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я прочел вывеску.

— Очаровательно, не правда ли?

— Да, довольно красиво, — согласился Кармоди, зажигая сигарету.

— Вы ужасно много курите, — посетовал Беллуэзер.

— Знаю. Я люблю курить.

— Заботясь о вашем здоровье, я должен напомнить вам, что доказана связь между курением и раком легких.

— Знаю.

— Вы проживете дольше, если перейдете к трубке.

— Мне не нравится трубка.

— А как насчет сигары?

— И сигар не люблю. — Кармоди зажег еще одну сигарету.

— Это уже третья за последние пять минут.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько хочу! — взорвался Кармоди.

— Да, конечно, будете, — сказал город. — Но я старался для вашей же пользы. Разве вы хотите, чтобы я был тут рядом с вами и молча смотрел, как вы губите свое здоровье?

— И хочу, — сказал Кармоди.

— Не могу поверить, что вы на самом деле хотите этого. И тут налицо этический императив. Человек может действовать против самого себя, но машина не позволит дойти до такой степени извращенности.

— Уйдите прочь! Не стойте у меня за спиной! Вы совсем зажали меня.

— Зажал вас? Дорогой Кармоди, разве я рассердил вас? Что я делал? Только добрые советы давал.

— Слишком много советов! — Кармоди зажег очередную сигарету.

— Это уже четвертая за пять минут.

Кармоди открыл было рот, чтобы выругаться как следует, но передумал и пошел прочь.

— А это что? — спросил он.

— Автомат. Выдает сласти.

— Не похож с виду.

— И все же это автомат. Я скопировал проект силосной башни Сааринена. Уменьшил, конечно, и...

— А как он работает?

— Очень просто. Нажмите красную кнопку. Подождите немножко. Теперь надавите на этот рычажок в ряду А. И нажмите зеленую кнопку. Ту.

Плитка «Бэйб Рут» скользнула в руку Кармоди. Он сорвал обертку, откусил кусочек.

— Настоящая «Бейб Рут» или копия? — спросил он.

— Самая настоящая. Я заключил контракт с фирмой.

Кармоди хмыкнул и отлепил обертку от пальцев.

— А это уже, — сказал город, — постоянный пример непростительной беспечности.

— Кусочек бумажки всего лишь, — пожал плечами Кармоди, глядя на обертку, упавшую на безукоризненно чистую мостовую.

— Конечно, только кусочек бумажки, — посетовал Беллуэзер. — но если умножить его на сто тысяч жителей, что получится тогда?

— Сто тысяч кусочков бумажки, — пошутил Кармоди.

— Мне это не кажется смешным, — сказал город. — Вы сами не захотели бы жить среди всех этих бумажек, уверяю вас. Вы первый пожаловались бы, если бы все улицы были завалены мусором. Но разве вы убираете за собой? Конечно нет! Вы предоставляете это мне, хотя у меня достаточно дел в городе, дневных и ночных, по воскресным дням тоже.

— Вы так и будете продолжать? — спросил Кармоди. — Ладно, я подберу ее.

Он нагнулся за брошенной оберткой, но прежде, чем его пальцы прикоснулись к бумажке, щипцы

высунулись из ближайшего колодца, схватили бумажку и спрятались.

— Все в порядке, — сказал Беллуэзер. — Я привык убирать за людьми. Я делаю это всегда.

— Ох ты! — произнес Кармоди.

— Делаю, не ожидая благодарности, — заключил Беллуэзер.

— Я благодарен, благодарен!

— О нет!

— Ну ладно, я не благодарен. Что вы хотите сказать этим?

— Я ничего не хочу сказать. Будем считать, что инцидент исчерпан.

— Достаточно? — спросил Беллуэзер после обеда.

— В высшей степени.

— Вы едите немного.

— Я ел, сколько хотелось. Все было очень вкусно.

— Если все очень вкусно, почему вы не кушаете больше?

— Потому что больше не хочу.

— Если бы вы не перебили аппетит этой сладостью...

— О черт! Сладкое не портит мне аппетита. Как раз...

— Вы опять закуриваете?

— Ох!

— Вы не можете потерпеть немножко?

— Слушайте, — взорвался Кармоди. — Какого черта вы...?

— У нас есть более важные темы, — быстро перебил Беллуэзер. — Подумали вы, как зарабатывать на жизнь?

— У меня не было времени подумать.

— Хорошо. Но я подумал за вас. Неплохо было бы, если бы вы стали доктором.

— Я — доктором? Идти учиться в колледж и в Медицинский институт и так далее?

— Я все это устрою.

— Не интересуюсь.

— Ну... а стать юристом?

— Никогда!

— Инженером? Прекрасное дело...

— Не для меня.

— Бухгалтером?

— Нет! Даже для спасения вашей жизни.

— Так кем же вы хотите стать?

— Летчиком, — неожиданно выпалил Кармоди. — На ракетоплане.

— О, что вы?!

— Совершенно серьезно.

— У нас даже нет аэродрома.

— Тогда я буду летчиком в другом месте.

— Вы говорите это мне назло?

— Ничуть! Я хочу быть летчиком. На самом деле. Я всегда хотел быть летчиком. Честное слово.

Последовало долгое молчание. Затем Беллуэзер произнес:

— Выбор полность в ваших руках. — Сказано это было замогильным голосом.

— Куда вы идете?

— Погулять.

— Так поздно? В половине десятого?

— Ну да! А почему не пойти?

— Я думал, что вы устали.

— Раньше устал.

— Но мы могли бы поговорить немного.

— Давайте поговорим, когда я вернусь.

— Это не играет роли.

— Верно, гулянье не играет роли, — согласился Кармоди, усаживаясь. — Поговорим.

— У меня больше нет настроения. Пожалуйста, идите гулять.

— Ну, покойной ночи! — сказал Кармоди..

— Прошу прощения!

— Я сказал: «Покойной ночи».

— Вы идете спать?

— Ну да! Уже поздно. Я устал.

— Вы намерены лечь прямо так?

— А почему бы нет?

— Можно лечь, конечно. Но вы забыли помыться.

— О! Верно, забыл. Но я помоюсь утром.

— Когда вы принимали ванну в последний раз?

— Очень давно. Я приму утром.

— Не лучше ли принять ее прямо сейчас?

— Нет!

— Даже если я приготовлю ванну для вас?

— Нет! Нет, черт побери! Я иду спать.

— Делайте как хотите, — сказал Беллуэзер. — Не мойтесь, не учитесь, не соблюдайте диету. Но потом не корите меня.

— Вас корить? За что?

— За что-либо.

— Конкретно, что вы имеете в виду?

— Это неважно.

— Тогда зачем вы так настаиваете?

— Я думаю о вас, — сказал Беллуэзер.

— Я понимаю.

— Тогда вы должны понять, что я не стану счастливее от того, умылись вы или нет.

— Уверен, что не станете.

— Когда заботишься о ком-то, — продолжал Беллуэзер, — когда чувствуешь ответственность, неприятно выслушивать проклятия.

— Я не проклинал вас.

— Сейчас нет. Но раньше...

— Ну... я нервничал.

— Это из-за куренья у вас нервы не в порядке.

— Не начинайте опять.

— Я не начинаю, — сказал Беллуэзер. — Дымите сколько угодно, дымите как печная труба. Какое мне дело? Это же ваши легкие.

— Правильно, черт возьми, — согласился Кармоди, закуривая.

— Ваши легкие, но мой крах! — сказал Беллуэзер.

— Нет, нет. Не говорите так, пожалуйста.

— Забудьте, что я сказал.

— Хорошо, забыл.

— Иногда я бываю придирчив.

— Верно, это есть.

— И это особенно трудно, потому что я прав. Ведь я же прав, вы это знаете.

— Знаю! — крикнул Кармоди. — Вы правы, правы, вы всегда правы. Правы, правы, правы, правы, правы!

— Не перевозбуждайтесь перед сном. Хотите стакан молока?

— Не хочу.

— Вы уверены?

Кармоди закрыл руками глаза. Он чувствовал себя очень виноватым, хилым, грязным, болезненным и

неряшливым. Чувствовал себя скверным целиком и полностью и безнадежно... Но где-то в глубине души он нашел силы, чтобы крикнуть:

— Сизрайт!

— Кого вы зовете? — взволновался город.

— Сизрайт! Где вы?

— Почему я теряю вас? — спрашивал Беллуэзер. — Объясните!

— Сизрайт! — взывал Кармоди. — Возьмите меня отсюда! Это не та Земля!

Треск, хруст, щелк. И Кармоди оказался в другом месте.

Глава 24

Хушш! Крруш! Крроу! И вот мы попали куда-то, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, которые оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это Нью-Йорк? — спросил Кармоди.

— А черт его знает, — ответил кто-то.

— Вопрос был задан риторически, — сказал Кармоди.

— Я понимаю, — ответил голос. — Но поскольку я изучал риторику, вот я и отозвался.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из черного зонтика, который он держит в руке.

— Это ты, Приз?

— Конечно, я. А ты что подумал? Разве я должен быть на шотландского пони похож?

— А где ты был раньше, пока меня пичкали в этом образцовом городе?

— В отпуске. В коротком, но заслуженном отпуске, — сказал Приз. — И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Амальгамированными Призами Галактики и Лигой Получателей.

— Я и не жалуюсь, — сказал Кармоди. — Я просто так... А, неважно. Вот что важно: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь — Нью-Йорк!

Вокруг был город. Потоки людей и машин. Вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю закрытия. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, были еще «Северо-восточник», «Юго-западник», «Восток-северо-восточник» и «Запад-северо-западник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, красочней и увлекательней, чем «Библия»!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом была дискотека «Омфала», где выступала труппа народного рок-н-ролла по имени «Говнюки». И девчонки-подростки в платьицах «миддлесс» танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это — веселая жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе, — сказал Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой, — сказал Кармоди. — Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет, — возразил Приз. — Это место действует мне на нервы. Присмотрись как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди видел же своими глазами, что это угол Бродвея и 50-й улицы. Вот и вход в метро — прямо перед ним. Да-да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом...

— Ох! — вскрикнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем... Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и потянулся к нему, словно бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречных, но

они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди. — Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо это он искусно притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего! Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог и отлучиться: вышел пообедать, или же в уборную, или заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жидно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчанье и обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны как свиньи и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди. Липкий сок уже разъедал подметки. — Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал и Приз. — Или же, если это слишком трудно, помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я обещаю торжественно: я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотмщенным. И в дальнейшем я посвящу себя...

— Кончай болтать! — сказал голос Сизрайта. — Стыдно! Что же касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас из его зубов в самый последний момент.

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди.

— Уже сделано! — сказал Сизрайт.

И было сделано.

Глава 25

Сизрайт на этот раз неважно, должно быть, справился с перемещением. Только после длительной паузы Кармоди оказался в другом городе, очень похожем на Нью-Йорк, на заднем сиденье такси и в разгаре разговора с водителем.

— Чего сказал-та? — спрашивал тот.

— А ничего, — ответил Кармоди.

— А мне казалось, сказал-та. А я сказал-та. А я сказал-та — та новая махина — это Фламмарион.

— Знаю, — услышал свой голос Кармоди. — Это я строил его.

В нем сейчас жили два Кармоди. Слова эти и действия были естественны для одной части Я (активного Кармоди), в то время как другая (рефлективное Я) наблюдала сама за собой с некоторым удивлением.

— Правда, строили? — продолжал таксист. — А сейчас кончили, да?

— Да, кончил, — ответило активное Я. При этом он вынул сигарету изо рта, нахмурился и выбросил окурок в окно. — С этой дрянью я тоже кончил, — сказал он.

— Что же не сказал-та? — спросил таксист. — Попробуй мои.

Кармоди посмотрел на открытую коробку.

— Курите «Прохладные»?

— Только «Прохладные», — подтвердил таксист. — У них запах ментола и вкус что надо.

Кармоди поднял брови, изображая недоверие. Тем не менее, он взял коробку — забил еще один гвоздик в свой гроб. Водитель с улыбкой смотрел на него в заднее зеркало. Кармоди вздохнул, изобразил удивление и выдохнул медленно, с наслаждением.

— Хм! Тут что-то есть, — сказал он.

Таксист кивнул с умным видом:

— Все курильщики думают так. Ну вот мы и на месте, сэр. Отель «Уолдорф-Астория».

Кармоди расплатился и собрался выходить.

— Ну а как мои «Прохладные»? — напомнил водитель.

— Ах да! — Кармоди вернул коробку. Они улыбнулись друг другу, и машина отъехала.

Теперь Кармоди стоял перед отелем «Уолдорф-Астория». На нем было прочное пальто фирмы Барберри. Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротничком, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки были снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейдена, галстук от Графини Мары, костюм от Харта и Шаффнера, носки Ван Кампа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана, на руках перчатки оленьей кожи от Л. Л. Бина, на запястье — самозаводящийся хронометр с таймером, счетчиком затраченного времени, календарем и будильником — гарантия точности плюс-минус шесть секунд в год. А кроме того, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы Аберкомби и Фитч.

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик? А ведь он честолюбив, ему хотелось продвигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только на Рождество, которые носят рубашки от братьев Брукс, потребляют лосьон «Оникс» после бритья, белье покупают у «Кантри Уормер», жакеты у Поля Стьюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в категорию Потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекало скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он же был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов. Его лимузин «Додж-Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств. Так почему же ему не повысили категорию? Забыли? Не замечали?

Нет, пораженческой ереси не место в голове. У него заботы поважнее. Сегодня он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в

категорию НСТ-2 (нестандартные товары — сорт второй).

Было еще рано. Активное Я нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот еще и рта не успел открыть, а Кармоди уже крикнул:

— Повтори, дружище! (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак, — сказал бармен, улыбаясь. — Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди сам должен был сказать — его застали врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Найт Стин его окликнул, старый друг и сосед. Тоже из Нью-Джерси.

— А я пью колу, — сказал Стин. — После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом выпил пиво и крикнул:

— Эй, друг, повтори! Напритворяюсь до зари.

Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра в Майами, — сказал тот. — На неделю. Солнечный рейс — «Америкен Эйруэйс». Два часа и меньше даже — вот и сразу на пляже.

— Отлично! А я свою заслал на острова, — подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома). — Отправьте жену на Багамы, не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин. — Но если у вас недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Мариборо!..

— Верная мысль, — подхватил Кармоди. — А кроме того...

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи, — перебил Стин. — Живу на даче, не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул:

— Эй, друг, повтори!

Но не мог же он повторять до бесконечности. Что-то было не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Это он никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировал свои небесно-голубые подштанники, пришитые, конечно, снаружи и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй! — крикнул он, хихикнув. — А помнишь песенку: «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба неудержимо расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и приложил рукав своей рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови, открыл рот, изобразил сомнение, недоверие, удивление.

— Ага! — воскликнул он. — А моя рубашка все же белей.

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди. — Просто чудо! Стиральные машины у нас одной марки, и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро», — возразил Стин горделиво. — Рекомендую!

— Увы, — задумчиво вздохнул Кармоди. — Значит, «Невинность» меня подвела...

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди задумал, не заказать ли еще хваленого пива, но оно было пресным на вкус, да и Стин для него — слишком прыткий партнер сегодня.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж, № 666, 5-я авеню, приветствуя сотрудников с демократическим дружелюбием. Некоторые пытались втянуть его в саморекламные гамбиты, но он решительно уклонялся. Никак не мог он позволить себе отклоняться сегодня. Наступал решающий час. Кармоди понимал, что положение у него отчаянное. Всю ночь он перебирал варианты, встал с жесткой мигренью и коликами в животе. Жена его (которая никуда не уезжала) дала ему Алька-зельцерскую. Вода исцелила его в единый миг, они поехали на конкурс, как и планировали, и он выиграл первый приз благодаря зельцерской. Но

проблема осталась проблемой, и когда Элен сказала ему в три часа утра, что в этом году Томми и малютка Тинкер простуживались на 32 процента меньше, он сказал ей: «Знаешь ли, Элен, я думаю, что это от Всевышнего». Но душа его была холодна, хотя он и ценил Элен за постоянную заботу и поддержку. Он понимал, что поддержка жены ничего не изменит в его положении. Уж если вы отважились ввязаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарского шале в девственных дебрях штата Мэйн или лимузина «Порше 911-S», который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли, — ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, наконец, даже примитивная целеустремленность в деле — это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя, из Тех, Кто Может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о стол. — Сказано — сделано!

И он героически распахнул дверь мистера Юбермана, своего босса.

Кабинет был еще пуст. Но Юберман должен был появиться с минуты на минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет». И после паузы вот так: Скверно пахнет! А затем: «Но я нашел...»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал на себе глаза этих полулегендарных личностей — их величеств Промышленников. И если он действительно открыл...

— Приветик, Карми! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми седи-

ной, — благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман, — дрожащим голосом начал Кармоди. — Вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я...

— Кармоди, — прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Мерсонна» рассекает слабую плоть. — Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту «Поцелуй менестреля». Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Фантастическое невезение! Босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.

— Слыхали об этой пасте?.. — И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди иронически улыбнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему не сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош для людей иного склада, но Кармоди не из того текста. С некоторым сожалением подумал он, что ему придется расстаться со своими приобретениями: с купонами, со шведской замшевой шляпой, светящимся галстуком, с деловым кейзом «Все мое ношу с собой», со стереофоном KLH-24 и особенно с наимоднейшей импортной мягкой новозеландской дубленкой с шалевым воротником «Лэйкленд». Все это придется бросить.

— Э-э!.. И беда приносит добро иногда, — сказал сам себе Кармоди.

— Приносит добро? Так о чем же говорить тогда? — ответил Кармоди сам себе. — Смотри-ка! Не слишком ли быстро ты акклиматизировался здесь?

Два Кармоди поглядели друг на друга, сравнили наблюдения, приняли решение... и слились.

— Сизрайт! — крикнул единый Кармоди. — Заберите меня отсюда.

И верный Сизрайт забрал его.

Глава 26

Со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил Кармоди на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного, такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от самого себя: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, крохотное, но все же недопустимое. Однако Сизрайт все подчистил, и начальство ничего не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки на пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мейплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там от трех до восемнадцати. Да, это был его дом, если только вообще у него был родной дом где-нибудь.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мейплвуд-авеню — прямо перед ним был торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожная станция.

— Ну и как, путешественник? — произнес голос у его правого бедра. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять здесь? — заметил Кармоди.

— Я никуда не уходил.

— Но я не видел тебя на предыдущей Земле.

— Это потому, что ты не посмотрел как следует. Я был у тебя в кармане в образе поддельного динария.

— Как я мог догадаться?

— А ты бы спросил, — сказал Приз. — Знаешь, что я метафоричен по своей природе и изменяюсь непредсказуемо для себя самого. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Так было бы удобнее, — заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво, — сказал Приз. — Я откликаюсь, когда меня зовут. В последнем мире ты во мне не нуждался, поэтому я пошел закусить в ресторан «Стоклол», а затем заглянул в «Пропариум» выпить сухого, а

после этого уж в «Солар Викон паб» поболтать с дружком, который оказался по соседству, а потом уж...

— Как это ты успел? В этом мире я был полчаса, едва ли больше.

— Я говорил же тебе, что у нас время течет по-разному.

— Значит, успел. Ну а где все эти рестораны?

— Это долго объяснять, — уклонился Приз. — Попасть туда легче, чем объяснить дорогу. И вообще это неподходящее место для тебя.

— Почему?

— Ну... по многим причинам. Тебе, например, не понравилась бы еда в «Солар Викон паб».

— Я уже видел, как ты ел орити, — припомнил Кармоди.

— Да, конечно. Но орити — редкостный деликатес. Кусочек пробуешь раз или два во всей жизни. В «Викон паб» наше обычное питание.

— Какое же?

— Не надо бы тебе узнавать.

— Но я хочу знать.

— Я знаю, что ты хочешь, но когда узнаешь, захочешь, чтобы не знал бы.

— Ладно, кончай. Так какая же у вас там пища?

— Ну хорошо, мистер Нос-сующий, — сдался Приз. — Но заруби себе на этом длинном носу: ты настаивал. Так вот, мы едим сами себя.

— Что-что?

— Себя едим. Я предупреждал же, что тебе не понравится.

— Себя? То есть свое собственное тело?

— Точно.

— Чертовщина какая-то. Это и противно и невозможно. Нельзя жить за счет самого себя.

— Я могу и я живу, — настаивал Приз. — И горжусь этим. А с точки зрения морали это выдающийся пример. Полнейшая личная свобода.

— Но это невозможно, — настаивал Кармоди. — Это противоречит законам сохранения энергии или материи, чего-то такого. Противоречит законам природы в общем.

— Верно, но только в узком смысле, — согласился Приз. — А если бы ты изучал материю глубже,

ты увидел бы, что невозможное в природе встречается чаще, чем возможное.

— Как это понимать, черт возьми?

— Не знаю, — признался Приз. — Но это написано во всех наших учебниках. И никто не сомневался до сих пор.

— Но я хочу получить прямой, ясный ответ, — не уступал Кармоди. — Ты действительно и буквально съедаешь кусочек собственной плоти?

— Да, именно так. Хотя это не только моя плоть. Печенка моя очень вкусна с крутым яйцом и куриным жиром. А ребрышки хороши, чтобы перекусить в пути. Бедра же надо выдерживать несколько недель, прежде чем...

— Довольно! — закричал Кармоди.

— Извини, но...

— Нет, ты объясни все-таки: за счет чего же твое тело всю жизнь снабжает пищей твое тело? Даже звучит смешно.

— Ну я не слишком много ем.

— Может быть, я спросил не очень ясно, — поправился Кармоди. — Но ты не можешь же питать свою плоть, если ты эту плоть уничтожаешь.

— Боюсь, что я не совсем понял.

— Давай сначала. Если ты потребляешь свою плоть...

— Так я и делаю.

— Итак, если ты поглощаешь свою плоть для пропитания плоти... Минутку. Давай с цифрами. Если ты весишь, скажем, пятьдесят фунтов...

— Именно так. На родной планете я весил пятьдесят фунтов.

— Прекрасно. Идем дальше. И если ты весил пятьдесят фунтов, и если, скажем, за год ты съел для поддержания жизни сорок фунтов, сколько же останется?

— Десять фунтов? Правильно?

— Черт возьми, ты видишь, к чему я веду? Ты просто не сможешь долго кормить себя.

— Почему не могу?

— Просто по вычитанию. Совершенно очевидно, что ты съешь сам себя. Съешь, и ничего не останется. Тебе нечем будет кормить себя. Ты умрешь неизбежно.

— Совершенно верно. Но смерть неизбежна и для себяядных и для чужеядных. Умирают все, Кармоди, как бы они ни питались.

— Но если ты действительно ешь себя, ты умрешь через неделю.

— Есть насекомые, которые живут один день, — возразил Приз. — Но у нас — Призов — вполне разумная долговечность. Запомни правило: чем больше мы съедим, тем меньше надо кормить и тем больше получается срок жизни. Время — великий фактор автопоедания. Большинство Призов съедает свое будущее еще в ранней юности.

— А ты съел свое будущее?

— Не могу объяснить. Съедаем, и все. Я, например, слопал запас за двенадцать лет — от девяноста до восьмидесяти, старческие годы, когда от жизни нет удовольствия. А теперь, соблюдая рациональное самопотребление, я думаю дожить до семидесяти с лишком.

— У меня голова болит от тебя, — прервал Кармоди. — И тошнит заодно.

— В самом деле? — возмутился Приз. — Тошнит его по всякому поводу. А ты сам, кровавый мясник, сколько несчастных животных ты разгрыз и сожрал в своей жизни? Сколько слопал беззащитных яблок, сколько головок лука вырвал из их земляных постелек? Верно, я съел случайно попавшегося орити, но перед тобой в День Страшного Суда встанут целые стада, которые ты сожрал: сотни волооких коров, тысячи беззащитных курочек, бесконечные ряды кротких овечек, не говоря уже о целых садах, изнасилованных тобой, целых лесах ограбленных яблонь и вишен. Да, я отвечу там за съеденного орити, но ты как искупишь стоны всех этих животных, которых ты сожрал безжалостно? Чем искупишь, Кармоди, чем?

— Ладно заткнись! — рявкнул Кармоди.

— С большим удовольствием, — ответил Приз с иронией.

— Я ем, потому что я должен есть. Природа у меня такая.

— Ну, если ты так полагаешь...

— Закройся, наконец. Дай мне сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город. Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — удивился Приз. — Кто знает, как выглядит его город, тот узнает его без труда.

— Я не очень рассматривал его, когда жил здесь. А с тех пор, как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню, — сказал Кармоди. И начал медленно спускаться по Мэйплвуд-авеню, с внезапным ужасом думая, что любой выбор может стать роковым.

Глава 27

Все было как будто таким, как и должно было быть. В Театре Мэйплвуда днем на экране шла «Сага Элефантины» — итало-французский приключенческий фильм Жана Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — четырнадцать часов». На сцене выступала — «проездом, только один раз» — вокальная группа «Якконен и Фунги».

Кармоди заглянул в витрину галантереи Марвина. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди увидел свежий номер «Кольерс», перелистал «Либерти», заметил еще «Монси», «Черного Кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан».

— Ну? — спросил Приз. — Твой город?

— Рано говорить, — ответил Кармоди. — Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девушка. Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер! Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе, — объяснил Кармоди Призу, выходя из закусочной. — Забавно, когда все это припоминается.

— Забавно, забавно, — с сомнением сказал Приз. На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Мунтэйн-род, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер, — сказал Кармоди. — Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вот, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джейн Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она... — Кармоди понизил голос. — Все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа, — сказал Приз.

— Ну конечно! Я же вырос здесь. А это мисс Харлоу, она идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия?.. А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно, — скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. А вот еще знакомый!.. Добрый день, мистер мэр.

— Добрый день, Том, — ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредерик Марч — наш мэр, — объяснил Кармоди. — Грозная личность. Я помню его дебаты с нашим радикалом — Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то странное во всем этом, — сказал Приз. — Что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем самого себя. О, вот Полетт Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Хай, Полетт!

— Хай, Том! — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится, — настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко, — сказал Кармоди. — Она гуляла с парнем из Милборна по имени Хэмфри Богарт. У него был галстук с бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лэном Чэни — школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в это время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лэй, а Мирна знала Богарта и...

— Кармоди, — тревожно прервал Приз. — Остерегись! Ты слыхал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Не болтай курам насмех! Я говорю тебе, что знаю весь этот народ. Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник...

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане...

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, старые товарищи, все улыбались. Кармоди заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри Бэстера Крэбба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер.

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — уверял Кармоди. Кругом были друзья. Друзья протягивали руки. Никогда еще он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все оживало.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты не слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда звуки исходят.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем...

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди. — Все это дерьмо разыгрывается по нотам, а я не учуял!..

Но Франшо Тон уже коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегор облапил как медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу[1]. Остальные обступили плотной толпой, плотней и плотней, все еще улыбаясь...

— Сизрайт! — закричал Кармоди. — Сизрайт, Бога ради!..

И все произошло быстрее, чем Кармоди что-нибудь сообразил.

---

[1] Все иллюзорные «друзья детства» Кармоди — известные киноартисты. Ширли Темпл, например, девочкой играла маленьких девочек. Названия фильмов иногда перепутаны: вместо «Рим — 11 часов» — «Париж — 14 часов».

Часть V. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Глава 28

Кармоди снова оказался в Нью-Йорке, теперь на углу Риверсайд-драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце спускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска «Спрай». Легкие дуновенья выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился. Он превратился в часы «Диск Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой, — сказал Кармоди.

— Интересное место, — одобрил Приз. — Мне оно нравится.

— Угу, — неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства он испытывает, вдыхая дым отечества.

Он двинулся вверх — от реки. В Риверсайд-парке зажигали огни. Матери с колясочками спешили освободить его для громил и полицейских патрулей. Смог наползал бесшумно, по-кошачьи. Сквозь него дома казались заблудившимися великанами.

Сточные воды бежали в Гудзон, а Гудзон так же весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника, не из процветающих.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь.

— Откуда я знаю, когда твоя Элен не знает.

— Да ну?

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Будешь?

— Буду! А как Тэйт?

— Сам знаешь.

— Ох, знаю, — горестно сказал Кармоди. — А он все еще... того? Да?

— А ты как думал?

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись, — шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди. — Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Ты сам его программировал? Да?

— Я не запрограммирован, — сказал Приз. — Я автономен.

— Во дает! — воскликнул Марунди. — Нет, на самом деле дает! Эй ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты знаешь куда! — огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди. — Силен малыш! Правда, Карми?

— Силен! — согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что — уезжал? Так вот почему я не видел тебя чуть ли не полгода.

— Наверное, потому, — согласился Кармоди.

Кармоди уже собрался было ответить, что он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто-то за язык дернул.

— Я странствовал во Вселенной, — брякнул он. — Я был в глубинах Космоса. Видел неких избранных, пускай все знают об этом.

— Ах вот что! — Марунди кивнул понимающе. — Значит, и ты «пустился в странствие»!

— Да, да, я странствовал...

— Сила! Как забалдеешь, сразу полетишь. И в полете том ты нашел ключик к всемогуществу собственного тела?

— Не совсем так, — перебил Кармоди. — Мне открылась реальность других, но сущность я мог ощутить только собственную.

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящую «травку». Где достал? Или капельки, не разбавленную дрянь?

— Капли чистого опыта добывают из сорной травы бытия, — сказал Кармоди. — Суть вещей хочет познать каждый, а она открывается только избранным.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди. — Ладно, старина! Теперь все темнят. Ничего. Я и с тем, что попадается, залетаю неплохо.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с тобой. Ты куда — на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь? Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда. Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь. Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Комиссию и оставили под подозрением о новом ее сенсационном проекте замораживания людей; о том, что пять воздушно-десантных дивизий сумели убить целых пять партизан вчера; о диком успехе многосерийного телефильма «Нейшнл Броуди стинг» — «Чудесные приключения в золотом веке капитализма». Кармоди узнал также и о беспрецедентном патриотизме «Дженерал моторс», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы.

Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов, и на их месте выросло новое сооружение. Издалека оно выглядело как замок.

— Работа великого Дельваню, — сказал Марунди, — автора «Капкана Смерти–66» — знаменитой нью-йоркской эстакады, по которой еще никто не

проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал башни Флэш-Пойнт в Чикаго — единственные трущобы в мире, которые честно и гордо были задуманы именно как наисовременнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбанамерике.

— Да, помню. Уникальное достижение, — согласился Кармоди. — Ну а это новое как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус и гнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрасными пружинами. Над портиком глянцевитыми селедочными головками был выложен девиз: «Чревоугодие — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю, — замялся Кармоди. — А что это все такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу! И как восприняли эту идею?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика сразу ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе...

Марунди взглянул на него с сожалением:

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же именно такое?

— Потому что, друг мой Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство — отражение реальности. Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от помоев — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же — что такое помои? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать!» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «Зачем же все-таки об отбросах говорить?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, звучит разумно. Но все же...

— Иди за мной, смотри и думай, — приказал Марунди. — И понимание вырастет в твоей голове, так же в мире растет гора мусора.

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтомоторного самолета, тататаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь «Бум-рум» — магнитофонной, но Кармоди поспешно выскочил оттуда.

— И правильно, — заметил Марунди. — Это опасно для здоровья. Но многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— Уфф! — только и мог ответить Кармоди.

— А это гвоздь программы, — не унимался Марунди, — влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего помои. Прелестно, а? Дальше справа — выставка пустых винных бутылок. А наверху — копия метро. Она построена так, чтобы качаться на каждом шагу, а воздух кондиционирован всем дымом Весингауза.

— А там кто орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов, — пояснил Марунди. — Первый голос — Эда Брена, полузащитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот, пискливый, подвывающий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А после этого...

— Давай уйдем отсюда, — взмолился Кармоди.

— Обязательно. Только на минуточку заглянем сюда. Здесь галерея настенных рисунков и надписей. Слово — левее — копия старомодной квартиры (пример старомодного романтизма, по-моему). Наверху — коллекция телевизионных антенн — британская модель 1960 года, если не ошибаюсь. Отметь их суровую сдержанность и сравни с кембриджским стилем 1959 года. Видишь ты роскошную плавность восточных линий? Вот это и есть народная архитектура в зримой форме.

Тут Марунди обернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе вещь со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное — оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственного.

— Именно это мне и не по душе, — сказал Кармоди... — Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — удивился Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди. — Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано: «Маленький черный чемодан».

— Я врач, — сказал врач. — Позвольте вас осмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, м-да, — протянул доктор. — Симптомы резкого галлюцинаторного заболевания... М-да. Поверните голову. Большая твердая шишка на ощупь. Минуточку... М-да... Бедняга буквально создан для галлюцинаций.

— Док, вы можете помочь ему? — волновался Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя, — сказал доктор. — Положение поправимое. У меня как раз с собой волшебное средство. Просто волшебное!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из маленького черного чемодана шприц.

— Стандартное укрепляющее, — сказал он. — Не беспокойтесь, не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеваторов, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Возьмите меня скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно, — мурлыкал доктор, нацеливая шприц.

И в этот самый момент или примерно в этот момент Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, и продолжался он, пока все не успокоились. А успокоившись, тихо удалились.

Что же касается Кармоди, то священник сказал о нем: «О, достойнейший, рано твой дух вознесся в то царствие, где уготовано место всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных Земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз брюзжал, упрекая его:

— Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо предположил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все, — сказал Приз с горечью. — Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я уже все постиг. Нельзя уцелеть в этой Вселенной.

— Ты же все упустил, — сказал Приз. — Это неразумно.

— Не согласен, — усмехнулся Кармоди. — Позволь тебе заметить, что я жив пока что.

— Но только в данный момент.

— Я всегда был жив только в данный момент, — сказал Кармоди. — И не рассчитывал на большее. В том и была моя ошибка: я надеялся на большее. Возможности — возможностями, а реальности — реальностями. Такова истина.

— И что тебе даст данный момент, одно мгновение?

— Ничего, — сказал Кармоди. — И все!

— Я перестал тебя понимать, — сказал Приз. — Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость, — сказал Кармоди. — Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мое мгновение, и мне достаточно.

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз. — Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его, — сказал Кармоди. — А для чего существуют мгновения?

РОМАН

Хождение ДЖОЭНИСА

ПРОЛОГ

Невероятный мир Джоэниса существовал более чем тысячу лет назад, в глубоком и туманном прошлом. Известно, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось в начале современной эпохи. То время примечательно взлетом промышленной цивилизации: XXI век, век безумного увлечения техникой, породил странные творения, незнакомые читателю. И все же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под «управляемым снарядом» или «атомной бомбой». Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашней религии и этике, необходимо обратиться к Хождению Джоэниса.

Без сомнения, сам Джоэнис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нем историй. Некоторые из них — не изложение фактов, а, скорее, определенного рода моральные аллегории. Но даже и они отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, есть сборник сказаний о путешественнике Джоэнисе и об удивительном и трагическом XXI веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное изложение Путешествия появляется в недавно опубликованных «Фиджийских сказаниях», где, по очевидным причинам, роль Джоэниса отходит на задний план по сравнению с деяниями его друга

Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу Путешествия. Руководствуясь вышеприведенными соображениями, мы решили создать книгу, в которой была бы правдиво описана для грядущих поколений история Джоэниса.

Книга содержит также все написанное о Джоэнисе в XXI веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: «Лам встречается с Джоэнисом» (из «Книги Фиджи», каноническое издание) и «Как Лам поступил на военную службу» (также из «Книги Фиджи», каноническое издание).

Все остальные истории, от Джоэниса или его последователей, передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всем многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и т.д. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Маоа с Самоа,
Маубинги с Таити,
Паауи с Фиджи,
Пелуи с острова Пасхи,
Телеу с Хуахине.

Автор указывается в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник и чьи труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса, с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем читателя, чтобы он не ожидал последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла бы сократить или расширить определенные главы, приведя их к одинаковому объему и наделив своим собственным качеством порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием Хож-

дения, не прошедшим никакой цензуры. Это будет справедливо по отношению к рассказчикам и позволит передать правду о Джоэнисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джоэнисом и отравиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

ДЖОЭНИС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

(Записано со слов Маубинги с Таити)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять его, надо описать место, где он жил. Итак, начнем оттуда, стараясь как можно быстрее перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком атолле в Тихом океане, в двустах милях к востоку от Таити. Остров этот, имеющий две мили в длину и не более трехсот ярдов в ширину, назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простирались синие воды океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец стал работать один, а когда умер отец, Тихоокеанская электрическая компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с добрым лицом и хорошими манерами. Он взахлеб

читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера Джоэнис представлял себе положительные моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда только возвышенно.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити с трудом понимали таких людей. Они с готовностью признавали, что добродетели — это хорошо, но при малейшей возможности предавались порокам. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились веселый характер, щедрость и общительность манитуатуанцев. Не утруждая себя размышлениями о добродетелях, они тем не менее умудрялись вести вполне достойную и приятную жизнь.

Постоянное общение с местными жителями не могло не оказывать влияния на характер Джоэниса, который постепенно менялся. Как считают некоторые, он сумел выжить лишь благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но об этом можно лишь догадываться, влияние нельзя объективно измерить или оценить. Мы же ведем речь об исключительном событии, происшедшем в жизни Джоэниса, когда ему было двадцать с небольшим.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской электрической компании, расположенной в Сан-Франциско, на западном побережье Америки. Солидные мужчины в костюмах, ботинках, рубашках и галстуках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти Люди Красного Стола, как их называли, вершили в значительной степени человеческими судьбами. Председатель Совета Артур Пендрагон получил этот высокий пост по наследству, но сначала он выдержал тяжелую борьбу для того, чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет попечителей и назначил своих доверенных людей. Присутствовали: Билл Ланселот, финансовый воротила, Ричард Галахад, широко известный своей благотворительной деятельностью, Остин Мордред, человек с большими политическими связями, и многие другие.

Финансовая империя, которую возглавляли эти лица, в последнее время пошатнулась, поэтому все они голосовали за единение сил и немедленную продажу всех владений, не дающих прибыли. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, имело серьезные последствия.

На далеком Манитуатуа Джоэнис получил указание Совета остановить восточно-полинезийскую электростанцию и, таким образом, лишился работы. Что еще хуже, рухнул его привычный уклад жизни.

Всю следующую неделю он размышлял о своем будущем. Полинезийские друзья Джоэниса уговаривали его остаться с ними на Манитуатуа или переехать на один из больших островов, например на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Выслушав их, он удалился в уединенное место, чтобы поразмыслить над предложениями. Через три дня Джоэнис вернулся и объявил всем собравшимся о своем намерении отправиться в Америку, на родину предков, чтобы увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и, возможно, найти там свою судьбу. Если окажется, что судьба его не там, он вернется к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда услышали об этом, ибо американская земля слыла более неведомой и опасной, чем сам океан; а обитатели ее считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятьями изменить даже образ мышления человека. Им казалось невероятным, что можно разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы и остроносые каноэ. Тем не менее, такое случалось и раньше. Некоторые полинезийцы, отправившиеся в Америку, попадали под ее чары и никогда оттуда не возвращались. Один из них даже посетил легендарную Мэдисон-авеню; но что нашел он там, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее Джоэнис твердо решил ехать.

Он был помолвлен с Тонделайо — манитуатуанской девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами и точеной фигурой. Джоэнис предполагал послать за своей невестой, как только обоснуется в Америке, или вернуться, если

судьба окажется к нему неблагосклонной. Ни одно из этих предложений не встретило одобрения у Тонделайо, и она обратилась к Джоэнису на преобладавшем тогда местном диалекте со следующими словами:

— Эй, ты, глупый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длинней пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, там интересней чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься здесь, со мной, клянусь!

Вот таким образом красавица Тонделайо воззвала к разуму Джоэниса. Но тот ответствовал ей:

— Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть тебя, воплощение всех моих грез и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперед, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделайо внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джоэнису со словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времен:

— Послушай, малый, я думаю, все вы, белые, одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой wahino, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, к белой женщине. Клянусь! Хотя пальмы растут, и кораллы тоже, но такой мужчина должен умереть.

Джоэнис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Но решимость его не дрогнула. Он знал, что ему суждено посетить Америку, откуда прибыли его родители, и принять уготованную ему судьбу. Джоэнис поцеловал Тонделайо, и она заплакала, поняв, что слова ее бессильны.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джоэниса, где подавались островные деликатесы — консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла торговая шхуна с обычным еженe-

дельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джоэнисом.

На этой шхуне Джоэнис, в ушах которого все еще звучали туземные мелодии, прошел мимо Хаухине и Бора-Бора, мимо Таити и Гавайских островов и наконец прибыл в Сан-Франциско.

ЛАМ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДЖОЭНИСОМ

(Рассказано самим Ламом и записано в «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, вы знаете, как это бывает. Еще Хемингуэй говорил — выпивка ни к черту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать? Вот я и торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина[1], и, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Вы знаете, как это бывает. Я только что прикончил бутерброд — итальянская салями на тминном хлебе — и надеялся на скорое прибытие травки, а посему чувствовал себя не так уж паршиво. То есть я хочу сказать, что необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка — дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришел из дальних краев, и с него сошел парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрепанные штаны и вовсе никакой обувки. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошел к нему и спросил, пришел ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

— Меня зовут Джоэнис. Я здесь впервые.

Так я и понял, что он не в деле, и попросту отвел взгляд.

— Не знаете, где можно найти работу? — продолжал он. — Я первый раз в Америке и хочу узнать, что Америка может дать мне и что я могу дать Америке.

---

[1] *Мескалин* — наркотическое вещество. (Все примечания сделаны переводчиками.)

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен, что он в порядке. В наши дни не каждый работает под хиппи, а иногда, если молотишь под простачка, прямиком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец наркотиками из всех. И я сказал этому Джоэнису:

— Ищешь работу? А что ты умеешь?

— Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

— Потрясно.

— И играю на гитаре, — добавил он.

— Эй, парень! — воскликнул я. — Что же ты сразу не сказал! Я знаю одно местечко, где ты мог бы играть и клево калымить. Монета есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходилось ему все растолковывать. Но он быстро схватывал, насчет монеты и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка все равно дрянь, почему бы и нет? И этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал, конечно, он согласен. Еще он поинтересовался обстановкой, и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девчонки есть, а насчет других развлечений пускай пока держится меня, а потом видно будет. Он вроде усек, и мы двинули на хату. Я дал ему бутерброд с настоящим ржаным хлебом и куском швейцарского сыра — из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою гитару он оставил на островах, не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кафе.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, потому что пел на никому непонятном языке, и мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в поросячий восторг, будто им задаром отвалили акции «АТ и Т»[1]. Джоэнис сорвал восемь долларов, чего хватило на пузырь русской — только не надо зудеть мне про патриотизм — и еще кое-какую закусь. И к нему приклеилась одна крошка не более пяти футов роста, потому что таким уж был Джоэнис. То есть он был высокий и здоровый, с

[1] Американская телефонная и телеграфная компания.

широченными плечищами, да еще копна выгоревших волос. Для такого, как я, это посложнее, потому что хотя у меня и борода и сам я крепкого сложения, но порой мне приходится потратить на поиски немало времени. А к Джоэнису их тянуло прямо как магнитом.

И вот Джоэнис, и эта крошка по имени Диедри Фейнстейн, и еще одна подружка, которую она взяла на мою долю, — все пошли ко мне. Я показал Джоэнису, как разминать зернышки и все прочее, мы наширялись и забалдели. То есть у нас был нормальный приход, а вот Джоэнис засверкал, как тысячеваттная фара «Мазда». И хоть я предупредил его о фараонах, которые бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища, кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джоэнису было море по колено. Забрался он на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот жизнерадостный, улыбчивый парень из далекого захолустья действительно растрогался до глубины души. И сказал он так:

— Друзья мои, я пришел к вам из земли пальм и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер был представлен вашему кумиру, Королю Травке, и возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед моими глазами и низвергаются радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это битниковское действо. Моей новой возлюбленной, сладчайшей Диедри Фейнстейн, я позволю себе сказать, что вижу разгорающееся внутри меня великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чье имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю ее любовью брата, страстной и в то же время невинной, как новорожденный младенец. А...

Надо сказать, что у этого Джоэниса голос был неслабый, то есть он ревел как морской лев в брачный период, а такой звук никак не назовешь тихим. Соседи сверху — они у меня добропорядочные граждане, которые встают в 8 утра и отправлются на работу, — стали стучать в потолок и орать, что

чаша их терпения переполнилась и что они вызвали полицию, то есть фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, но я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы ни клубилось в легких и ни струилось в венах. Я хотел спустить оставшуюся травку в туалет, но Диедри, вконец рехнувшаяся от этого зелья, потребовала спрятать зернышки в самом интимном месте ее тела, где, по ее словам, они будут в полной безопасности. Я выволок их всех на улицу (причем Джоэнис не пожелал расстаться со своей гитарой) как раз вовремя. Подкатил фургон, и из него высыпали фараоны. Я настрополил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что лучше не шутить.

Мы шагали кое-как, а фараоны пристроились рядом и стали бросать нам замечания насчет битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали вперед, но с Диедри было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила все, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такое богатое воображение и такой лексикон, как у Диедри.

Их старший, сержант, сказал:

— Ладно, сестрица, пошли-ка с нами. Мы тебя забираем, усекла?

И они поволокли отбрыкивающуюся Диедри к своему фургону. Я заметил, что лицо Джоэниса принимает задумчивое выражение, и понял, что беды не миновать, потому что он, наширявшись, уж очень сильно возлюбил Диедри и вообще всех, кроме фараонов.

Я сказал ему:

— Парень, не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришел конец, а если Диедри с нами не будет, то на нет и суда нет. Она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор, как приехала изучать Дзен. Ее забирают все время, и ей это совершенно по нулям, потому что ее отец — Шон Фейнстейн, который может купить все, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядывайся, потому что твой отец — не Шон Фейнстейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слыхал.

Вот так я пытался успокоить и урезонить Джоэниса. Но он встал как вкопанный. В свете уличного фонаря, с гитарой в руке, он выглядел настоящим героем.

— Чего тебе надо, малый? — поинтересовался сержант.

— Уберите руки от этой девушки! — потребовал Джоэнис.

— Эта наркоманка, которую ты называешь девушкой, нарушила статью четыреста тридцать один дробь три Уголовного кодекса города Сан-Франциско. Так что не суй нос не в свое дело, приятель, и не вздумай бренчать на этой укулеле на улицах после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что по-своему этот сержант был совсем неплохим парнем.

Но здесь Джоэнис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, но смысл ее сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека, и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещенной души.

— А, красный... — пробормотал сержант. И в мгновение ока, а то и быстрей, они затащили Джоэниса в фургон.

Само собой, Диедри на следующее утро выпустили — может, из-за отца, а может, и из-за ее неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. Но Джоэнис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обожженным солнцем трубадуром с сердцем, большим как мир? Куда он пропал с моей гитарой и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, а они-то уж не скажут. Но я навсегда запомнил Джоэниса, который, как Орфей у врат ада, вернулся на поиски своей Эвридики и тем самым разделил судьбу златоголосого певца. То есть, конечно, это не совсем так, и все же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джоэнис с моей гитарой?

СЕНАТСКАЯ КОМИССИЯ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследование Сенатская Комиссия Американского Конгресса. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля, следователь привел его из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж У. Пелопс, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать о себе.

— Я ни в чем не виноват, — выпалил Джоэнис.

— Ага, — отреагировал Пелопс, — но разве вас в чем-то обвинили? Может быть, я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

— Нет, сэр, — молвил Джоэнис. — Я просто подумал...

— Мысли не являются уликами, — заявил Пелопс. Затем он поскреб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере.

— Этот человек, по его собственному признанию, не был обвинен ни в каком преступлении, совершенном злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И все же каждое его слово выдает сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

— Я желаю видеть адвоката, — сказал Джоэнис.

— Вам не полагается адвокат, так как это не судебный процесс, а слушание Комиссии Конгресса, только устанавливающей факты. Но мы обратим самое пристальное внимание на ваше требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно невиновному человеку требуется адвокат?

Джоэнис, прочитавший немало книг на Манитуатуа, пробормотал что-то о законности и своих правах. Пелопс ответствовал ему, что Конгресс является охранником его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джоэнису нечего бояться, если

он будет отвечать правду. Джоэнис принял это близко к сердцу и дал обещание отвечать правду.

— Благодарю вас, — сказал Пелопс. — Хотя обычно мне не приходится *просить*, чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, мистер Джоэнис, вы действительно верите во все то, что упомянули в своей речи прошлой ночью на улице Сан-Франциско?

— Я не помню никакой речи, — ответил Джоэнис.

— Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

— Я не могу ответить. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

— Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

— Кажется, с одним человеком по имени Лам и еще с девушкой, Диедри...

— Нам не нужны их имена, — торопливо перебил Пелопс. — Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен сказать, мистер Джоэнис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие, имевшие место в течение одного отрезка времени.

— То не факты, — возразил Джоэнис. — То люди.

— Комиссия не просит вас шутить, — сурово отчеканил Пелопс. — Официально предупреждаю вас, что уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы, а также молчание, будут рассматриваться, как неуважение к Конгрессу, что является нарушением федеральных законов и влечет за собой тюремное заключение сроком до одного года.

— Я не хотел сказать ничего такого, — поспешно заверил Джоэнис.

— Очень хорошо, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

— Нет, сэр, я не отрицаю этого.

— В таком случае, не отрицаете ли вы, мистер Джоэнис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтобы вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение

правительства, опирающегося на свои законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели, и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы, безусловно, не имели бы в Советской России? Смеете ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в каковой цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определенных лиц в нашем Государственном департаменте? И что, наконец, эта речь, произнесенная якобы в состоянии опьянения, но при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия, в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о правах, которые существуют не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а, напротив, для охраны свобод народа от таких наемников, как вы? Так это или не так, мистер Джоэнис? Я прошу дать простой и однозначный ответ.

— Мне бы хотелось прояснить...

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос, — ледяным тоном отрезал Пелопс. — Да или нет.

Джоэнис лихорадочно соображал, вспоминая все, что читал на родном острове об американской истории.

— Ваши утверждения чудовищны! — наконец воскликнул он.

— Мы ждем ответа! — провозгласил Пелопс.

— Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках, — сказал Джоэнис, — и, со всем уважением к вам, отказываюсь отвечать.

Пелопс зловеще улыбнулся:

— Этот номер у вас не пройдет, мистер Джоэнис, поскольку Конституция, за которую вы *сейчас* так цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кто дорожит ее неизменностью и оберегает ее от выхолащивания. Упомянутые вами

поправки, мистер Джоэнис, — или, может быть, мне следует называть вас *товарищем Джоэновым?* — не позволяет вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда — если бы вы удосужились спросить его!

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже видавшие виды репортеры, присутствующие в зале, были поражены до глубины души. Джоэнис сперва побагровел, а затем побелел как смерть. Поставленный в безвыходное положение, он все же раскрыл рот, чтобы отвечать, но в этот миг был спасен вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешеткинга.

— Прошу прощения, сэр, — обратился сенатор Зарешеткинг к Пелопсу, — прошу прощения также у всех, кто ждет ответа на вопрос. Я хочу лишь кое-что сказать и требую, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен говорить прямо, несмотря на то, что это может причинить ему боль и даже нанести политический и материальный ущерб. И все же такой человек, как я, обязан высказаться, когда долг велит ему высказаться, невзирая на последствия и полностью сознавая, что это может противоречить общественному мнению. Таким образом, я желаю сказать следующее: я — старый человек и многое повидал на своем веку. Мой долг заявить, что я — смертельный враг несправедливости. Меня называют консерватором, но, в отличие от некоторых, я не могу мириться с определенными вещами. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займет город Вашингтон. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джоэнова, но не как сенатор, а, скорее, как тот, кто ребенком резвился в холмистой местности к югу от Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно взрослел и, наконец, постиг, что значит для него Америка, кто осознал, что соседи послали его в Конгресс для того, чтобы он представлял там их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам со словами из Библии: «Зло есть грех!» Некоторые

умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верую.

Члены Комиссии разразились бурными аплодисментами. Хотя они много раз слышали речь старого сенатора, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелопс, сжав губы, повернулся к Джоэнису.

— Товарищ, — спросил он с легкой иронией, — являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

— Нет! — воскликнул Джоэнис.

— В таком случае, назовите ваших сообщников в то время, когда вы являлись членом коммунистической партии.

— У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

— Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду, — перебил Пелопс. — Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаетесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Так, тогда скажите нам, товарищ Джоэнов, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональд Блейк. Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блейком?

— Я никогда с ним не встречался, — ответил Джоэнис.

— Никогда? Это очень смелое заявление. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блейком? Не сталкивались с ним самым случайным образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, что никогда не встречался с Рональдом Блейком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

— Ну, знаете, возможно, я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка...

— Но вы допускаете такую возможность?

— Пожалуй, да...

— Прекрасно, — одобрил Пелопс. — Наконец-то мы добираемся до сути. Причем я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы встречались с Блей-

ком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал, и кому вы отдали эти документы...

— Я никогда не встречался с Арнольдом Блейком! — вскричал Джоэнис.

— Нам он был известен как Рональд Блейк, — сказал Пелопс. — Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а, ввиду вашей установленной партийной деятельности, эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блейк известен в партии, имя, которого до сих пор мы не знали. Полагаю, этого достаточно.

— Послушайте, — взмолился Джоэнис. — Я не знаю ни этого Блейка, ни того, что он сделал.

— Рональд Блейк был обвинен в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели «студебеккера» повышенной комфортности и в продаже этих чертежей советскому агенту, — сухим голосом констатировал Пелопс. — После объективного суда, в соответствии с законом, приговор был приведен в исполнение. Позже были разоблачены, осуждены и казнены тридцать его соучастников. Вы, товарищ Джоэнов, являетесь тридцать первым членом самой крупной из до сих пор нами раскрытых шпионских организаций.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясется от страха и не может выдавить ни слова.

— Данная Комиссия, — подытожил Пелопс, — наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаем секретного агента Джоэниса в ведомство Генерального прокурора с тем, чтобы он предстал перед справедливым судом и понес наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

(Рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный Прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазками и бескровными губами. Вообще его лицо казалось вырубленным из камня. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в своей черной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный Прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Поскольку он был слугой карающего органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушел от возмездия, и он добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального Прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины, штата Нью-Йорк, и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алквиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Греции, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта — милитаристское государство, главенствующее над городами Македонии в верхней части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость. Но и попав под власть Америки, они сохранили большой вес в ее делах.

Пока все выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратников и, казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный Прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь с тем, чтобы его дело слушалось в знаменитой Звездной Палате. Таким образом, буква закона будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вердикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звездной Палаты, бесконечно преданные идее искоренения зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный Прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на Электрическом Стуле в Дельфах, тем самым снискав благосклонность богов и людей.

Таков был его план. Но в ходе расследования выяснилось, что отец Джоэниса происходил из Механиксвиля штата Нью-Йорк, да к тому же еще был членом муниципального совета. А мать Джоэниса была ионийкой из Майами — афинской колонии в глубинах дикарской территории. Поэтому определенные влиятельные эллины потребовали прощения оступившегося отпрыска уважаемых родителей во имя эллинического единства — немаловажной силы в американской политике.

Генеральный Прокурор, сам уроженец Афин, счел за лучшее удовлетворить эту просьбу. Поэтому он распустил Звездную Палату и послал Джоэниса к Великому Оракулу в Сперри, что встретило всеобщее одобрение, ибо сперрийский Оракул, так же как Оракулы из Дженмоторса и Дженэлектрикса, славился объективностью суждений о людях и их делах. Оракулы вообще так вершили правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Сперри, и вскоре, с дрожью в коленках, он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления, или алтарем, которому прислуживало множество жрецов. Все жрецы были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же еще и ослеплен, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошел Верховный Жрец, Джоэнис пал перед ним на колени. Но жрец поднял его и сказал:

— Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

— Восемь долларов и тридцать центов, — ответил Джоэнис. — Но почему вы об этом спрашиваете, отец?

— Потому, — молвил жрец, — что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Но если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облига-

ции, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в бренном мире.

— У меня нет ничего подобного, — печально ответствовал Джоэнис.

— А земли в Полинезии?

— Мои родители получили землю от правительства, и к нему она должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

— Значит, у тебя ничего нет? — разочарованно спросил жрец.

— Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов, — сказал Джоэнис, — да гитары, которая принадлежит человеку по имени Лам из далекой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

— Разумеется, нет. Но и кибернетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно, когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судного дня и, следовательно, недостаточно благочестив. Но это не должно нас беспокоить. Сейчас мы представим твое дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального Прокурора и защитную речь адвоката Джоэниса и перевел их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришел ответ:

«ВОЗВЕДИТЕ В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ И ВЫЧТИТЕ КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ.

НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ. ДОБАВЬТЕ «X» КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО ВЗВЕШЕННУЮ, НЕВЛЮБЛЕННУЮ.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ, И Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН».

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ — значит исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ — есть условия содержания и срок, в течение которого проситель должен работать на каторге, чтобы исправить зло; а именно десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ — будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благоденствия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

«Х» ПЕРЕМЕННАЯ представляет воплощение земных фурий, среди которых будет обитать проситель и которые покажут ему всевозможные ужасы.

КОСИНУС — знак самой богини, оберегающей просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями; он обещает ему определенные земные радости.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ значит, что в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой виной.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН означает, что в дальнейшем проситель не должен обращаться к этому или другому Оракулу, так как решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам условно. И Генеральный Прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить Джоэниса.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил свое путешествие по земле Америки. Он торопливо покинул Сперри и добрался на поезде до города Нью-Йорк. О том, что делал он там и что с ним приключилось, пойдет рассказ в следующей истории.

ДЖОЭНИС, ЧЕВОИЗ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего, подобного великому городу Нью-Йорку. Бесконечные толкотня и спешка такого множества людей были ему незнакомы, они поражали воображение. Лихорадочная жизнь города не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за ньюйоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и варьете. Город не испытывал недостатка в культуре, ибо ог-

ромное число людей отдавало свое время утраченному ныне искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха стихла. Джоэнис увидел множество стариков и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. Их лица были ужасающе пусты, а когда Джоэнис обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные ньюйоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали друг друга, в судорожной спешке стараясь куда-то попасть и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого и остановил одного прохожего.

— Сэр, — обратился к нему Джоэнис, — не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

— Ты что, псих? — буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал свой ответ и произнес:

— Вы называете это деятельностью?

— Так мне кажется, — ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу. — Между прочим, меня зовут Джоэнис.

— А меня — Чевоиз.

— Чевоис?

— Нет, Чевойз: как в «Чево изволите?». В ответ на ваш вопрос я скажу вам, что то, что вы видите, — не деятельность. Это паника.

— Но чем вызвана такая паника? — поинтересовался Джоэнис.

— В двух словах объяснить это можно так: люди боятся, что если они прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мертвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счет, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался неправдоподобным, и он сказал:

— Мистер Чевоиз, эти люди не похожи на мертвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они не мертвы, правда?

— Я никогда не говорю без преувеличений, — сообщил ему Чевоиз. — Но так как вы приезжий, я постараюсь объяснить проще. Начнем с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение ее было примитивным: ты мертв, если не двигаешься в течение длительного времени. Но современные ученые внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мертвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

— Что же это за «важные отношения»? — спросил Джоэнис.

— Во-первых, — сказал Чевоиз, — ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции, подобно тому, как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во всех их действиях сквозит какая-то роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое дерганье цыпленка, которому только что отрубили голову. Из-за этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках, в парках или возле выхода метро...

— А-а, — перебил Джоэнис, — гуляя вчера поздно вечером по городу, я видел таких людей.

— Совершенно верно, — подтвердил Чевоиз. — Это те, кто уже не притворяются живыми. Но остальные копируют живых с умилительным старанием, в надежде остаться незамеченными. Но они частенько перебарщивают, и их легко определить либо по слишком оживленному разговору, либо по чересчур громкому смеху...

— Понятия не имел, — признался Джоэнис.

— Это большая проблема, — продолжал Чевоиз. — Власти изо всех сил стремятся решить ее, но она чудовищно разрослась. Я хотел бы поведать вам и о других чертах ходячих мертвецов, ибо уверен, что

вам будет интересно.Но к нам приближается полицейский, и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Чевоиз пустился бегом и исчез в толпе. Полицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джоэнису.

— Проклятье! — пожаловался он. — Опять его упустил.

— Он преступник? — удивился Джоэнис.

— Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей, — сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба. — Обожает притворяться битником.

— Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах, — заметил Джоэнис.

— Он вечно что-нибудь выдумывает, — посетовал полицейский. — Патологический лжец, вот кто он такой; причем сумасшедший. И опасный. Особенно опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по инструкции, а когда он не повинуется, стреляю. Пока я убил восьмерых прохожих. Если и дальше так будет продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

— Но если этот Чевоиз невооружен... — начал Джоэнис и тут же осекся. Лицо полицейского приобрело зловещее выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера. — То есть я хотел бы узнать, — спохватился Джоэнис, — есть ли правда в том, что рассказывал мне Чевоиз о ходячих мертвецах?

— Нет, это все его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он вор?

— Простите, забыл, — произнес Джоэнис.

— Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие, как Чевоиз, действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу домой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

— Разумеется, нет! — заверил Джоэнис.

— Этот парень, — продолжал полицейский, — твердит, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револь-

вер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам еще кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели энерганы и гравиножи и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверно, и пошел по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не хвалился, не задавался, он был словно один из нас, потому что знал, что только так его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налеты, и я не раз видел, как он потрошит кого-то своим маленьким ножиком, с которым никогда не расставался. Так свой в доску священник растолковал мне, что я впустую гроблю свою жизнь.

— Должно быть, воистину замечательный человек, — заметил Джоэнис.

— Он был святым, — задумчиво произнес полицейский печальным голосом. — Он был настоящим святым, потому что делал все наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути.

Полицейский посмотрел Джоэнису прямо в глаза и добавил:

— Именно благодаря ему я и пошел в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Чевоиза хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком, вроде Чевоиза. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почетных знака. А еще я убил двадцать семь ни в чем не повинных граждан, которые не сумели быстро убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но главное для меня — работа. Я не могу позволить кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И, что б там ни плели газеты, я в жизни не брал взяток, даже за стоянку в неположенном месте. — Рука полицейского судорожно сжала револьвер. — Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в неположенном месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что вы самоотверженный человек, — осторожно ответил Джоэнис.

— И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Чевоиз воображает, что он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые ублюдки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо еще, что я набожный человек.

— Безусловно, хорошо, — согласился Джоэнис.

— Я до сих пор навещаю каждую неделю священника, который вытащил меня из банды. Он все еще работает с подростками, такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому частенько приходится орудовать энерганом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я *чувствую* святость.

— По-моему, это чудесно, — заметил Джоэнис и начал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и начал им нервно поигрывать.

— Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями, — сказал полицейский, и подбородок его начал дергаться. — В конечном счете добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помогают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах, вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая одной рукой дубинку, а другой — револьвер и пристально глядя на Джоэниса, полицейский надвигался на него, излучая необузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте. Ему оставалось лишь надеяться, что полицейский не убьет его и не переломает ему кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то разморенный жарой горожанин, который сошел с тротуара до того, как

загорелся зеленый сигнал светофора. Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

ДЖОЭНИС И ДВА ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели двое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, поскольку им по пути.

Джоэнис с радостью забрался в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик — нудное занятие. Оказалось, что они любят беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать им, что приключилось с того момента, как он уехал из дома.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далекого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен Сенатской Комиссией. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где его чуть не убил полицейский. С тех пор как он покинул остров, все пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

— Мистер Джоэнис, — проникновенно сказал первый водитель грузовика, — на вашу долю безусловно выпало немало злоключений, но несчастнейшим из людей являюсь я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чем скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

ИСТОРИЯ УЧЕНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Адольфус Защитникус, по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Эта любовь жила во мне не сама по себе; я верил, что наука является первейшим слугой человечества, что она вырвет его из жестокости прошлого и поведет к миру и счастью. Несмотря на все зверства, чинимые людьми, даже несмотря на то, что моя собственная нейтральная страна наживалась на продаже оружия воюющим государствам, я верил в добрую натуру человека.

Из-за своего врожденного гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по Здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня: я жаждал сразиться с болезнями. И меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дюрр, умершего от укуса рогатой гадюки.

В той местности свирепствовало неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, так как я изучал их по книгам, другие же явились для меня откровением. Эти последние, как я узнал, распространялись искусственно. Мне неведомо, кто принял такое решение, но кое-кому на Западе позарез нужна была именно такая Африка, неспособная к самостоятельному развитию. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые должны были сделать и без того густые джунгли совершенно непроходимыми. Таким образом африканцев можно было отвлечь от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание. При этом многие виды животных погибли, зато некоторые процветали. Крысы, например, и змеи неимоверно размножались. Резко возросла численность насекомых, в частности мух и москитов, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообщения никто не обращает внимания, а диктату-

ра их попросту запрещает. Но мне самому пришлось увидать все эти ужасы. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по чьему-то умыслу, все эти области были абсолютно нейтральными, потому что последние силы их жителей уходили на борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они шли из джунглей, с помощью и поддержкой человека. Темпы роста всего живого в джунглях были фантастическими, такой же фантастической была и скорость разложения всего отмершего. В этих благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные микробы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращенное применение науки. И все же я верил в нее. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло; но гуманисты, рука об руку с наукой, исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением. Я побывал у всех племен своего района и обрушился на заболевания всеми имеющимися у меня лекарствами. Успех был потрясающим. Однако вскоре возбудители болезней стали невосприимчивы к моим средствам. Местное население страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые микробы и вирусы все-таки сохранились, и зараза вновь начала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни могут принимать новые, еще более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще, я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Естественно, что чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивлялись, изменялись и, в конце концов,

наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по восемнадцать часов в сутки, пытаясь спасти несчастное, терпеливое, страдающее население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощным перед этими новыми болезнями.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, в научном горении, я снова стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что микробы и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необходимостью с теми же результатами бороться с двенадцатой эпидемией, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую привели меня научное и общегуманистическое рвение. Но я смертельно устал и буквально валился с ног. У меня не было времени думать ни о чем, кроме сиюминутных проблем.

Но потом жители моего района сами освободили меня от непосильной ноши. Люди темные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор, как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они считали меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, которые лечат больных мазками глины и талисманами из кости и сваливают каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасенных мною детей выступали против меня. Они винили меня в том, что дети все равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли шаманы. Ирония судьбы — ведь я считал их своими ярыми противниками.

Они объяснили своим соплеменникам, что на мое место придет еще более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы стали раскланиваться со мной, потому что почитали меня за коллегу.

И все же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали в глубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал никаких уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль, вообще ничего. Вместо этого он каждый день напивался медицинским спиртом. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своем участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я стал размышлять о происшедшем.

Мне пришло в голову, что деревенские жители, которых я считал неразумными дикарями, вели себя как здравомыслящие люди. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им еще большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и тем самым нарушал равновесие сил на Земле.

Осознав все это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:

— Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало немало бед, Джоэнис, но пережитое вами не идет ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь я — самый несчастный среди людей. Я утратил

нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джоэнис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

ИСТОРИЯ ЧЕСТНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Рамон Дельгадо. Родился я в Мексике и больше всего гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили Наказанием, дабы повиновались все, а не только готовые к соблюдению законов добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в нее, а, стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в Наказание, насаждающее законность. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства.

Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вел честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал увидеть великий город, откуда исходила справедливость в моей стране. Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя, на платной стоянке со счетчиком и зашел внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счетчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьей, который обвинил меня в нарушении правил стоянки, потому что я не опустил монету в счетчик; в воровстве, потому что я взял песо из кассы хозяина; в бродяжничестве, потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту, потому что я спорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков, потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, все это было правдой, и я не посчитал несправедливым, когда меня осудили. Я даже

восхищался рвением судьи на службе закону. И не выражал недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством применения сурового и бескомпромиссного Наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Морелос. Я понимал, что мне пойдет на пользу знакомство с местом, где осуществляется Наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

По пути в Каторжную Тюрьму я обратил внимание на множество людей, прячущихся рядом в лесу. Я не придал этому особого значения, потому что часовой как раз читал мои бумаги. Он изучил их с большим внимание, а затем открыл ворота.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперед и с силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но, прежде чем часовой сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

— Разве возможно, — спросил я его, — чтобы эти люди специально хотели попасть в тюрьму?

— Именно так, — ответил часовой.

— Но я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, чем предохранения от попадания снаружи, — заметил я.

— Да, так было, — сказал часовой. — Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди рвутся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Мы не в силах удержать их. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены оставлять их там.

— Возмутительно! — воскликнул я. — Но при чем тут вообще иностранцы?

— С них все и началось, — объяснил часовой. — В их странах царит голод, а они знают, что у нас в Мексике — лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают в тюрьму. Но на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже и не лучше наших собственных граждан, которые делают то же самое.

— В таком случае, — удивился я, — как может правительство соблюдать закон?

— Лишь скрывая истинное положение вещей, — сказал часовой. — Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо оставлять снаружи. До тех пор необходимо хранить все в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем часовой провел меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по Амнистии. Находившийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что пока не могу сказать определенно.

— Что ж, — промолвил тот человек, — ваше поведение за все время пребывания здесь было воистину примерным. Наша цель — перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленной амнистии?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

— Не торопитесь, подумайте, — посоветовал он, — и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели еще два моих соотечественника и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один американец. Американец спросил, согласился ли я на амнистию, и я ответил, что пока еще нет.

— Чертовски умно для новичка! — одобрил американец по имени Лифт. — Некоторые из только что осужденных ничего не понимают. Они соглашаются — и бац! — оказываются за воротами у разбитого корыта.

— А это плохо?

— Еще бы! — воскликнул Лифт. — Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил поведения отпущенного под честное слово и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего не сделаешь, потому что полицейские переломают тебе руки.

— Лифт прав, — заметил один из французов. — Согласиться выйти под честное слово — крайне опасно. Я — живое тому свидетельство. Мое имя

Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условное освобождение. Будучи зеленым юнцом, я согласился. Но затем снаружи я понял, что все мои друзья остались в тюрьме и там же собранные мною книги и пластинки. По юношеской опрометчивости, я оставил там также свою возлюбленную, заключенную под номером 43 422 231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме находится вся моя жизнь, теперь я навсегда лишен тепла и надежности этих гранитных плит.

— Что же вы сделали?

— Я наивно полагал, что преступление принесет мне заслуженное вознаграждение, — печально улыбнувшись, произнес Дантес. — Ну, и убил человека. Но судья просто-напросто продлил срок моего условного заключения, а полиция сломала мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад.

— Это, должно быть, оказалось очень трудно, — вставил я.

Дантес кивнул:

— Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет жизни, чтобы попасть в тюрьму.

Старый Дантес вздохнул и продолжал рассказ при полном молчании остальных заключенных:

— В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, как вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я в одиночку прорыл подземный ход. Трижды я выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать все сначала. Один раз я почти уже проник во внутренний дворик, но меня засекла охрана. Они сделали контрподкоп и оттеснили меня назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на парашюте, но внезапный порыв ветра отнес меня в сторону. С тех пор самолетам запретили пролетать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы. — Старик печально усмехнулся. — После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и безрассудная храбрость. И все же я попытался. Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам.

Сперва охрана не хотела меня впускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключенными. Меня пропустили, и тогда я открыл свое инкогнито. Они вынуждены были позволить мне остаться. Потом ко мне пришел какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь, что он записал ее правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. Но я глубоко убежден, что отважные люди всегда преодолевают препятствия, которые воздвигает общество на пути к достижению их цели. Если проявить достаточно упорства, в тюрьму *можно* попасть.

Когда старый Дантес закончил свой рассказ, наступило молчание.

— А возлюбленная ваша была еще там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

— Заключенная под номером 43 422 231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу все время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обреченной любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний прием пищи и потом еще долгие часы пребывали в подавленном настроении.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от неотвязных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал об этом, тем становился растерянней. Поэтому я очень робко поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода, разве не томятся они тоской по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

— Свобода? — переспросил Лифт. — Ты говоришь об *иллюзии* свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведешь речь, существование опасно, там царят ужас и страх, за каждым углом поджидает смерть.

— А упомянутые вами цветущие поля и леса еще хуже, — заметил второй француз. — Мое имя Руссо.

В молодости я по наивности написал несколько книг, где превозносил природу и человека как венец ее творения. Но потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие в ту самую природу, о которой так уверенно распространялся.

Тогда-то я понял, как она ужасна и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для ходьбы и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посевы человека — это жалкие изгои растительного мира, лишенные силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями.

Попав в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; все живое бежало меня. Я узнал, что как бы ни радовали глаз прекрасные голубые озера, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы, наконец, добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод — все это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниет пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мерзнут его конечности.

Причем это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь и ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет свое ожесточение.

Единственное спасение человечества от кошмаров — в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И, естественно, самый далекий от природы тип поселения — это тюрьма. К такому выводу привели меня многие годы исследований. Вот почему я отрекся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зеленого.

С этим Руссо отвернулся и погрузился в созерцание стальной стены.

— Видишь, Дельгадо, — сказал Лифт, — единственная настоящая свобода — здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал на то, что мы находимся взаперти, а это противоречит понятию свободы.

— Но мы все взаперти на этой земле, — возразил мне старый Дантес. — Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя.

Лифт пожурил меня за неблагодарность.

— Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда ринулись бы сломя голову все остальные. Надо радоваться, что мы находимся здесь и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

— Но сейчас ситуация меняется, — заметил заключенный-мексиканец. — Несмотря на то, что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

— Это ставит правительство в затруднительное положение, — вставил другой мексиканец. — До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму — в то единственное место, куда они и хотят попасть.

Все заключенные тут засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось величайшим извращением — совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец в отчаянии я воскликнул:

— Возможно, вы свободны и живете в наилучшем уголке Земли, но у вас нет женщин!

Заключенные нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, но Лифт спокойно сказал:

— Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

— Несущественно? — поразился я.

— Абсолютно, — подтвердил Лифт. — Может быть, некоторые и ощущают поначалу определенное неудобство; но люди всегда приспосабливаются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили свое согласие.

— Настоящие мужчины, — продолжал Лифт, — нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Батч, он объяснил бы это гораздо лучше; но, к великому сожалению его многочисленных друзей и поклонников, Батч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют от нас особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чем.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть тюрьму как можно скорее.

— Я устрою тебе побег сегодня вечером, — сказал Лифт. — Пожалуй, это хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто ее не ценит.

Вечером, когда выключили свет, Лифт поднял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней был тоннель. И, пораженный, сбитый с толку, я оказался на улице города.

Долгие дни я размышлял над происшедшим. Наконец я понял, что моя честность была не чем иным, как глупостью, поскольку основывалась на невежестве и неправильном представлении о жизни. Честности вообще не может быть, так как она не предусматривается никаким законом. Закон просто-напросто не сработал, потому что все человеческие представления о справедливости оказались ложными.

Следовательно, справедливости не существует — как не существует никаких ее производных, в том числе и честности.

Это было ужасно. Но ужаснее было другое: раз нет справедливости, то не может быть свободы или человеческого достоинства, есть лишь искаженные иллюзии, подобные тем, что владели умами моих товарищей по камере.

Так я потерял вдруг честность, которая была для меня дороже золота. И эту утрату я буду оплакивать до конца своих дней.

Джоэнис молча сидел с водителями грузовика, не зная, что сказать. Наконец они доехали до развилки дорог, и машина остановилась.

— Мистер Джоэнис, — молвил первый водитель грузовика. — Здесь вам придется нас покинуть. Мы свернем на восток, к нашему складу, а там лишь океан и леса.

Джоэнис сошел с машины. Но на прощанье он задал попутчикам последний вопрос:

— Каждый из вас утратил то, что было ему дороже всего на свете. Но откройте мне, удалось ли вам обрести что-нибудь взамен?

Дельгадо, который некогда верил в честность, ответил:

— Ничто не может возместить мне потерю. Однако я должен признаться, что меня начинает занимать наука, которая, мне кажется, предлагает целостную и логичную картину мира.

Защитникус — швед, проклявший науку, — сказал:

— Ничто не может утешить меня в моем горе. Но время от времени я думаю о честности. Она создает законы и чувство собственного достоинства.

Джоэнис понял, что водители грузовика не слышали друг друга, так как каждый был слишком занят своей бедой. И так Джоэнис распрощался с ними, помахал рукой и пустился в путь, размышляя над их рассказами.

Но вскоре он обо всем забыл, потому что увидел впереди большой дом. На его пороге стоял мужчина и жестами приглашал Джоэниса войти.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОЭНИСА В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис подошел ко входу в дом и остановился, чтобы прочитать надпись над дверью. Надпись гласила:

ДОМ «ХОЛЛИС»
ДЛЯ НЕВМЕНЯЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Пока Джоэнис размышлял над тем, что бы это значило, к нему подскочил человек, делавший ему знаки, и схватил за обе руки. Джоэнис уже приготовился защищать свою жизнь, но тут увидел, что человек этот — не кто иной, как Лам, его друг из Сан-Франциско.

— Джонсик! — восторженно заорал Лам. — Ну, парень, и попортил же ты мне кровь! Жуть берет, как подумаю, что ты — чужеземец, причем малость простоватый по натуре, — будешь крутиться в нашей стране. Ведь Америка — не то место, где можно спать спокойно. Но Диедри сказала, чтобы я за тебя не беспокоился, и она оказалась права. Я вижу, что ты все-таки пришел сюда.

— Куда сюда? — спросил Джоэнис.

— В Уютноград, — ответил Лам. — Входи.

Джоэнис вошел в «Дом «Холлис» для Невменяемых Преступников». В гостиной Лам представил его группе людей. Джоэнис смотрел и слушал очень внимательно, но не мог обнаружить в них ничего ненормального и поделился своими наблюдениями с Ламом.

— Разумеется, в них нет ничего ненормального! — возмутился Лам. — Вывеска — всего-навсего официальное название. Мы, обитатели, предпочитаем называть свой дом «Поселение «Холлис» для писателей и художников».

— Так, значит, это не лечебница для душевнобольных?

— Нет, это лечебница, но только формально.

— А сумасшедшие здесь есть? — спросил Джоэнис.

— Послушай, старина, — сказал Лам, — сюда мечтают попасть люди искусства со всего Восточного

побережья. Конечно, у нас найдется парочка психов — надо же чем-то занять докторов. Да к тому же мы потеряем правительственную дотацию и освобождение от налогов, если у нас не будет ни одного чокнутого.

Джоэнис быстро огляделся, поскольку никогда в жизни не видел сумасшедшего. Но Лам покачал головой и сказал:

— Тут их не ищи. Сумасшедших, как правило, приковывают цепями в подвале.

К их разговору прислушивался высокий бородатый врач. Теперь он обратился к Джоэнису:

— Да, мы пришли к выводу, что подвал — самое подходящее для них место. Он сырой и темный, а это успокаивающе действует на буйных.

— Но почему вы держите их на цепи? — поинтересовался Джоэнис.

— Тогда у них складывается впечатление своей исключительности, — ответил врач. — Кроме того, не следует недооценивать воспитательного значения цепей. Воскресенье у нас день посещений, и когда люди проходят мимо ревущих, покрытых нечистотами безумцев, это производит на них неизгладимое впечатление. Психиатрия занимается предупреждением заболеваний в меньшей степени, чем их лечением. Выборочные статистические данные показывают, что посетители, видевшие наши подземные камеры, гораздо реже сходят с ума, чем остальные американцы.

— Очень интересно, — заметил Джоэнис. — И что, вы так же обращаетесь со всеми сумасшедшими?

— Боже упаси! — с улыбкой воскликнул врач. — Мы, работники сферы психологии, не имеем права допустить косность в подходе к душевным расстройствам. Каждая конкретная форма сумасшествия требует своего собственного, особого лечения. Так, в отношении меланхоликов мы установили, что желаемый результат в плане поднятия общего тонуса приносит удар по лицу платком, пропитанным луком. Что касается паранойи, то мы считаем, что лучше всего как бы войти в манию больного. Собственно, мы устанавливаем за ними слежку, приставляем шпиков, используем подслушивающую аппаратуру и прочие подобные устройства. Пациент перестает быть сумасшедшим, ибо мы преобразуем

окружающий его мир таким образом, что бывшие необоснованные страхи становятся вполне реальными. Этот метод лечения — одно из наших лучших достижений.

— Что происходит потом? — спросил Джоэнис.

— Войдя в мир параноика и превратив его из иллюзии в реальность, мы затем стремимся изменить картину действительности так, чтобы больной вернулся в норму. Пока мы не добились положительных результатов, но теория обещает многое.

— Как видишь, — заметил Лам, — наш док — настоящий мудрец.

— Ну что вы, — скромно улыбнулся врач. — Я лишь стараюсь не закоснеть. Мой ум готов принять любое предположение. Уж такой я есть, и тут совершенно нечем восхищаться.

— А, бросьте, док, — сказал Лам.

— Нет-нет, в самом деле. Я всего лишь из тех, кого называют «пытливым умом». В отличие от некоторых моих коллег, я задаю вопросы. Например, при виде мужчины, свернувшегося калачиком с закрытыми глазами, подобно зародышу в утробе, я не тороплюсь лечить его массированной шоковой радиотерапией. Скорее я спрошу себя: «А что, если создать большую искусственную матку и поместить его внутрь?» Кстати, такой случай действительно имел место.

— И что произошло? — поинтересовался Джоэнис.

— Несчастный малый задохнулся, — со смехом ответил Лам.

— Я никогда не утверждал, что хорошо разбираюсь в технике, — надменно проговорил врач. — Метод проб и ошибок сопряжен с риском. Однако я рассматриваю данный случай как успех.

— Почему? — спросил Джоэнис.

— Потому что перед кончиной пациент *выпрямился*. До сих пор не знаю, что явилось причиной исцеления — искусственная матка, смерть или сочетание обоих факторов; но эксперимент, безусловно, имеет важное теоретическое значение.

— Я просто пошутил, док, — извинился Лам. — Я знаю, что вы отличный специалист.

— Благодарю вас, Лам, — произнес врач. — А теперь прошу прощения, мне надо навестить одного

пациента. Любопытная мания. Он верит, что является физическим воплощением Бога. Причем вера его столь сильна, что он каким-то непонятным образом заставляет черных мух образовывать нимб вокруг его головы; крысы падают пред ним ниц, а птицы лесов и полей слетаются со всех сторон петь у решетки его камеры. Этим феноменом заинтересовался один из моих коллег, так как он предполагает неизвестный канал общения человека с животными.

— Как вы его лечите? — спросил Джоэнис.

— Потакая мании. Я притворяюсь его поклонником и учеником. Каждый день в течение пятидесяти минут я сижу у его ног. Когда ему кланяются звери, я тоже кланяюсь. По четвергам я отвожу его в лазарет и позволяю лечить больных, потому что это доставляет ему удовольствие.

— Он в самом деле исцеляет их?

— Пока неудач у него не было, — ответил доктор. — Но, разумеется, ни для религии, ни для медицины эти так называемые чудеса не являются чем-то новым. Мы ведь не претендуем на всеведение.

— Можно мне увидеть этого пациента? — попросил Джоэнис.

— Конечно. Он очень любит посетителей. Я устрою вам встречу сегодня днем.

И с бодрой улыбкой доктор заспешил прочь.

Джоэнис разглядывал светлую, хорошо обставленную гостиную, прислушиваясь к бурлящим вокруг интеллектуальным спорам, и «Дом «Холлис» для Невменяемых Преступников» уже не казался ему неприятным. А через минуту он стал и того лучше, ибо навстречу Джоэнису шла Диедри Фейнстейн.

Прелестная девушка кинулась ему на шею, и аромат ее волос был подобен меду.

— Джоэнис, — произнесла она дрожащим голосом. — Я думаю о тебе с того момента нашей преждевременной разлуки в Сан-Франциско, когда ты встал так отважно и любяще между мной и полицейскими. Ты являлся мне во сне и наяву, и я перестала различать, где сон, а где явь. Мы с отцом искали тебя по всей Америке. Отчаявшись увидеть тебя, я приехала сюда, чтобы успокоить нервы. О Джоэнис, как ты думаешь, судьба или случайность свела нас сейчас снова вместе?

— Ну, — молвил Джоэнис, — мне кажется...

— Я так и знала! — воскликнула Диедри, прижимая его к себе еще крепче. — Мы поженимся через два дня, четвертого июня, так как за время твоего отсутствия я стала патриоткой. Тебя устраивает эта дата?

— Э-э... — начал Джоэнис, — я полагаю, нам следует принять во внимание...

— Я не сомневаюсь, — сказала Диедри. — Знаю, я была не из самых примерных, если вспомнить бурное прошлое, как мы ширялись на вечерниках, как месяц я пряталась в мужском общежитии в Гарварде, и то время, когда я была королевой вестсайдских хулиганов и убила прежнюю королеву велосипедной цепью, и другие детские шалости. Я не горжусь этим, любимый, но и не стыжусь своей естественной неукротимой юности. Вот почему я призналась тебе в этих вещах и буду признаваться по мере того, как буду вспоминать. Ведь между нами не должно быть секретов. Ты согласен со мной?

— Ну, — произнес Джоэнис, — я думаю...

— Я была уверена, что ты того же мнения. К счастью для нас, все это уже в прошлом. Я повзрослела и посерьезнела, вступила в Лигу молодых консерваторов, в Совет против антиамериканизма в любой форме, в Общество друзей Салазара и в Крестовый Поход Женщин Против Иностранных Веяний. И это не поверхностные изменения. Я чувствую глубокое отвращение ко многим моим бывшим занятиям и, в частности, к искусству, которое часто не что иное, как порнография. Ты видишь, я выросла, перемены внутри меня самые настоящие, и я буду тебе хорошей и верной женой.

Джоэнис представил на миг свою жизнь с Диедри, в которой отвратительные признания будут чередоваться с невыносимой скукой. Диедри долго еще лепетала о приготовлениях к свадьбе, а потом побежала звонить отцу.

— Как можно отсюда выбраться? — спросил Джоэнис.

— Послушай, дружище, — сказал Лам, — но ведь ты только что сюда попал.

— Знаю. Но как мне смыться? Можно просто выйти?

— Конечно, нет. Это ведь, в конце концов, «Дом для невменяемых преступников».

— Нужно разрешение врача?

— Безусловно. Но на этой неделе к нему лучше не соваться. Он в полнолуние всегда очень раздражительный.

— Мне надо уйти сегодня же, — тревожно сказал Джоэнис. — Или завтра утром самое позднее.

— Довольно неожиданно, — заметил Лам. — Уж не крошка ли Диедри со своими матримониальными планами заставляет тебя нервничать?

— Она, — признался Джоэнис.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Лам. — Я возьму на себя Диедри и завтра же тебя отсюда вызволю. Доверься мне, Джонсик, и ни о чем не волнуйся. Лам все устроит.

Позже днем вернулся доктор, чтобы повести Джоэниса на встречу с пациентом, возомнившим себя воплощением Бога. Они прошли несколько массивных стальных дверей и остановились в конце мрачного серого коридора.

— Для пользы дела будет лучше, если вы к моменту встречи освоите наши психотерапевтические методы, — предупредил врач. — Пусть пациент думает, что вы разделяете его заблуждение.

— Хорошо, — согласился Джоэнис и внезапно почувствовал прилив волнения и надежды.

Врач отомкнул дверь, и они ступили в камеру. Но в ней никого не оказалось. Напротив зарешеченного окна у стены стояла аккуратно застеленная койка. У маленького деревянного столика заходилась душераздирающим плачем полевая мышь. На столике лежала записка.

— Крайне странно, — проговорил врач, беря записку. — Полчаса назад, когда я запирал дверь, он казался в хорошем настроении.

— Но каким образом ему удалось выбраться? — удивился Джоэнис.

— Безусловно, он использовал некую форму телекинеза, — сказал врач. — Я не претендую на то, что много знаю об этих так называемых психических феноменах; но это ярко демонстрирует, сколь далеко может зайти потерявший ориентацию человек в стремлении себя оправдать. Сама интенсивность по-

пытки бегства от реальности показывает степень умственного расстройства. Очень жаль, что мы не смогли помочь бедняге.

— А что говорится в записке? — поинтересовался Джоэнис.

Врач взглянул на клочок бумаги и сказал:

— Похоже на список необходимых покупок. Правда, весьма странный список. Не представляю себе, где он сумеет купить...

Джоэнис попытался заглянуть в записку через плечо доктора, но тот резко отдернул руку и убрал записку в карман.

— Привилегия врачей, — объяснил он. — Мы не можем позволить посторонним читать подобные вещи. По крайней мере, сначала записку надо тщательно проанализировать и снабдить пояснениями, а также заменить некоторые ключевые термины для сохранения в тайне имени пациента. А теперь не вернуться ли нам в гостиную?

У Джоэниса не оставалось другого выхода, как последовать за доктором в гостиную. Он разглядел первое слово записки: «Помни». Совсем немного, но Джоэнис запомнил это слово навсегда.

Джоэнис провел беспокойную ночь. Его тревожило, сможет ли Лам выполнить свои обещания, касающиеся Диедри и освобождения Джоэниса из сумасшедшего дома. Но он еще не знал о всех способностях своего друга.

С надвигающимся бракосочетанием Лам разобрался, сообщив Диедри, что у Джоэниса третья стадия сифилиса. Курс лечения займет много времени; а если он не принесет успеха, заболевание поразит нервную систему и превратит Джоэниса в безмозглое и беспомощное создание.

Диедри опечалили эти известия, но она заявила, что все равно выйдет замуж за Джоэниса четвертого июня. Диедри сказала Ламу, что с тех пор, как она изменилась, половые отношения стали ей глубоко противны. Поэтому недуг Джоэниса скорее можно считать положительным фактором, так как он неизбежно ограничит их связь лишь духовным единением. Что касается замужества с безмозглым и беспомощным созданием, то таковая жизнь не является оттал-

кивающей для девушки с возвышенными мыслями, и вообще она всегда мечтала стать сестрой милосердия.

Тогда Лам сказал, что людям, страдавшим таким заболеванием, не положено выдавать брачные свидетельства. Это вынудило Диедри сдаться, так как недавно обретенная ею гражданская зрелость не допускала даже мысли о чем-то запрещенном федеральным или государственным законом.

Таким образом Джоэнис был спасен от союза, не сулившего ему ничего хорошего.

Что касается выхода из психиатрической лечебницы, то Лам побеспокоился и об этом. Вскоре после полдника Джоэниса позвали в комнату для посетителей. Там Лам представил его декану Гарнеру Дж. Глупсу, который, вместе с несколькими своими коллегами, составлял факультетский комитет университета Сент-Стивенс Вуд (УССВ).

Декан Глупс был высоким жилистым человеком с мягким взглядом ученого, ироничным улыбчивым ртом и сердцем, большим как мир. Замечанием о погоде и цитатой из Аристофана он помог Джоэнису освоиться и почувствовать себя как дома. А потом изложил причину, побудившую его к знакомству с Джоэнисом.

— Вы должны понять, мой дорогой Джоэнис, если я могу вас так называть, что мы, работники сферы — ну, скажем, просвещения — постоянно находимся в поисках таланта. Нас нередко уподобляют, причем, как правило, в положительном аспекте, тем лицам в бейсболе, которые осуществляют аналогичную функцию.

— Понимаю, — сказал Джоэнис.

— Также следует добавить, — продолжал декан Глупс, — что мы ценим не столько обладателя ученых степеней, отвечающего формальным академическим требованиям, как я и мои коллеги, сколько человека с абсолютным понимание своего предмета и динамичным подходом к передаче знаний своим студентам. Не слишком ли часто мы, люди академического склада, оказываемся оторванными от главной — да позволю себе выразиться — струи американской жизни? Не слишком ли часто игнорируем мы тех, кто, не имея педагогического опыта, блестяще ведет свою работу? Впрочем, я уверен, что мой

добрый мистер Лам объяснит все это, причем куда убедительнее, чем когда-либо удастся сделать мне.

Джоэнис перевел взгляд на Лама, и тот сказал:

— Как ты знаешь, два семестра я преподавал в УССВ «Взаимосвязь между джазом и поэзией». Потрясный курс, дружище. Клевые ударные и прочее. Народ балдел.

— Лекции мистера Лама имели грандиозный успех, — добавил Глупс. — И мы с радостью их повторим, если мистер Лам...

— Нет, старина, — отрезал Лам. — Мне не хочется вас огорчать, но вы знаете, что я пас.

— Разумеется, — торопливо сказал Глупс, — если вы выразите желание преподавать что-нибудь другое...

— Может быть, я дам семинар по Дзену, — неуверенно произнес Лам. — Дзен-буддизм сейчас снова в силе. Но я должен подумать.

— Ну конечно. — Декан Глупс повернулся к Джоэнису: — Как вам, безусловно, известно, мистер Лам вчера вечером мне позвонил и проинформировал меня о вашем опыте.

— Весьма любезно с его стороны, — осторожно сказал Джоэнис.

— У вас великолепные данные, — продолжал Глупс. — Я уверен, что курс, который вы собираетесь у нас прочесть, будет иметь успех в полном смысле этого слова.

Джоэнис уже понял, что ему предлагают работать в университете. К сожалению, он понятия не имел, чему он должен учить и, между прочим, чему он вообще может научить. Лам, погруженный в мысли о буддизме, сидел глаза долу и не подавал никаких намеков.

— Я счастлив преподавать в таком славном учебном заведении, как ваше, — заверил Джоэнис. — Что касается курса, который мне предстоит вести...

— Пожалуйста, поймите меня правильно, — горячо произнес декан Глупс. — Мы ясно представляем себе узкий, специальный характер вашего предмета и все трудности, связанные с его изложением. Предлагаем вам для начала полную профессорскую ставку, то есть тысячу шестьсот десять долларов в год. Я понимаю, что это не очень большие деньги.

Иногда я с грустью думаю, что какой-нибудь помощник водопроводчика зарабатывает у нас не меньше восемнадцати тысяч. И все же университетская жизнь имеет свои преимущества.

— Я готов отправиться сейчас же, — заявил Джоэнис, боясь, что декан изменит свое решение.

— Чудесно! — вскричал Глупс. — Я восхищаюсь душевной бодростью нашей молодежи. Должен сказать, что в поисках подходящих талантов в таких артистических поселениях, как это, нам всегда сопутствовала удача. Мистер Джоэнис, пожалуйста, следуйте за мной!

Вместе с деканом Глупсом они подошли к старинному автомобилю. Сделав прощальный жест рукой Ламу, Джоэнис сел в машину, и вскоре сумасшедший дом скрылся из виду. Джоэнис снова был свободен. Его беспокоили лишь данное им обещание преподавать в университете Сент-Стивенс Вуд и мысль о том, что он не знает, чему, собственно, должен учить.

КАК ДЖОЭНИС ПРЕПОДАВАЛ В УНИВЕРСИТЕТЕ И ЧТО ОН ПРИ ЭТОМ УЗНАЛ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Через некоторое время Джоэнис прибыл в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где находился университет Сент-Стивенс Вуд. На обширном зеленом пространстве были раскиданы низенькие, приятных очертаний здания. Глупс по очереди называл строения: корпус Гретца, корпус Ваникера, общага, столовая, физическая лаборатория, ректорат, библиотека, часовня, химическая лаборатория, новое крыло и старый корпус. За университетом протекала река Ньюарк, ее серо-бурые воды отливали оранжевыми сбросами с плутониевого завода, расположенного выше по течению. Неподалеку громоздились фабрики промышленного Ньюарка, а прямо перед университетом проходило скоростное восьмиполосное шоссе. Все это, сказал декан Глупс, привносит дыхание реальности в уединенную академическую атмосферу.

Джоэнису предоставили уютную комнату, а затем пригласили его на коктейль, на вечеринку факультетских преподавателей.

Там он встретил своих коллег.

Профессор Придир, заведующий кафедрой английского языка, вынул на минуту трубку изо рта и проговорил: «Добро пожаловать, Джоэнис. Если могу быть чем-то полезен, я к вашим услугам».

Лавочникер, кафедра философии, сказал: «Ну что ж...»

Хилякс, кафедра физики, сказал: «Надеюсь, вы не принадлежите к числу тех гуманитариев, которые считают своим долгом нападать на формулу $E=MC^2$? Уж так оно есть, черт побери, и мы ни перед кем не обязаны извиняться. Я выразил свои взгляды в книге «Совесть физика-ядерщика» и буду отстаивать их до конца».

Хенли, кафедра антропологии: «Я уверен, что вы будете желанным гостем на моей кафедре, мистер Джоэнис».

Дальтон, кафедра химии: «Рад вас видеть в нашей компании, Джоэнис, и милости прошу на мою кафедру».

Джефрард, кафедра античности: «Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я».

Шулерис, кафедра политических наук: «Ну что ж...»

Свободолюдинг, кафедра изящных искусств: «Добро пожаловать, Джоэнис. У нас довольно разнообразная программа, не правда ли?»

Шкодборн, кафедра музыки: «По-моему, я читал вашу диссертацию, Джоэнис, и должен вам сообщить, что не вполне согласен с той аналогией, которую вы проводите касательно Монтеверди. Разумеется, я не специалист в вашей области, но ведь и вы не специалист в моей, так что нам обоим, очевидно, трудно проводить аналогии, не так ли? Тем не менее, приветствую вас в нашей компании».

Птоломей, кафедра математики: «Джоэнис? Кажется, я читал вашу докторскую работу по системам бинарно-сенсорных величин. Мне она показалась весьма любопытной. Хотите еще выпить?»

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Рад с вами познакомиться, Джоэнис. Разрешите наполнить ваш бокал?»

Весь вечер проходил в подобных и даже еще более приятных разговорах. Джоэнис пытался ненавязчиво выяснить, какой же предмет ему предстоит вести, беседуя в теми из профессоров, которые, казалось, были в курсе. Но эти люди, возможно из деликатности, не касались предмета Джоэниса, а предпочитали рассказывать истории, близкие им самим.

Поняв, что его попытки тщетны, Джоэнис вышел в фойе и оглядел доску объявлений. Но единственое объявление, которое имело к нему отношение, гласило, что занятия мистера Джоэниса начнутся в 11.00 в аудитории 143 нового крыла вместо аудитории 341 корпуса Ваникера, как было сообщено ранее.

Джоэнис подумал, не отвести ли ему в сторону одного из профессоров, например мистера Лавочникера с кафедры философии (науки, безусловно, не чуждой подобных деликатных сомнений), и не спросить в лоб, что ему, Джоэнису, надо преподавать. Но этому мешала его врожденная стеснительность. Вечеринка закончилась, и Джоэнис удалился к себе в комнату, так ничего и не узнав.

На следующее утро, стоя у входа в аудиторию 143 нового крыла, Джоэнис испытал типичный страх начинающего актера перед выходом на сцену. Он даже подумал, не удрать ли из университета. Но ему так пришлась по душе университетская жизнь, судя по первым о ней впечатлениям, что было очень жаль лишаться ее из-за такого пустяка. Поэтому, придав лицу строгое выражение, он решительно вошел в аудиторию.

Разговоры стихли, студенты с жадным интересом рассматривали нового преподавателя. Джоэнис собрался с мыслями и обратился к классу с той напускной уверенностью, которая нередко лучше уверенности подлинной.

— Вот что, класс, — сурово начал он. — Я полагаю, что вам следует немедленно уяснить некоторые вещи. Ввиду определенной необычности моего курса, кое-кто из вас, вероятно, считает, что тут нечего делать и что занятия наши будут носить развлекательный характер. Тех, кто так думает, предупреж-

даю сразу: лучше переводитесь на другой курс, более соответствующий вашим ожиданиям.

В аудитории воцарилось напряженное молчание. Джоэнис продолжал:

— До некоторых, возможно, дошли слухи, будто бы у меня легко получить положительную оценку. Советую побыстрее избавиться от этого заблуждения. Я отношусь к ответам беспристрастно, но строго. Знайте, что, если потребуется, я без колебания завалю весь поток.

Легкий вздох, почти что отчаянная мольба, сорвался с губ студентов. По жалобным взглядам Джоэнис понял, что стал хозяином положения. Поэтому он продолжал уже более мягко:

— Теперь, когда мы познакомились поближе, мне остается только сказать вам — тем, кто выбрал курс из искренней жажды знаний, — добро пожаловать в нашу компанию!

Студенты, как единый гигантский организм, разом облегченно выдохнули. Следующие двадцать минут Джоэнис занимался тем, что записывал фамилии и места слушателей. Когда он довел список до конца, его осенила счастливая идея.

— Мистер Ристократ, — обратился Джоэнис к серьезному и знающему на вид студенту, сидящему в первом ряду, — будьте любезны, подойдите ко мне и напишите на доске крупными буквами, чтобы всем было видно, название нашего курса.

Ристократ с трудом сглотнул, заглянул в свою тетрадку и вывел на доске: «Острова юго-западной части Тихого океана: мост между двух миров».

— Очень хорошо, — сказал Джоэнис. — А теперь вы, мисс Хуа, пожалуйста, возьмите мел и запишите краткий перечень тех вопросов, которые освещает наш курс.

Мисс Хуа оказалась высокой скромной девушкой в очках, и Джоэнис интуитивно почувствовал в ней хорошую студентку. Она написала: «Данный курс затрагивает вопросы культуры островов юго-западной части Тихого океана, с уделением особого внимания искусству, науке, музыке, ремеслам, фольклору, психологии и философии. Будут проведены аналогии между изучаемой культурой, ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы».

— Отлично, мисс Хуа, — сказал Джоэнис.

Теперь он знал, что должен преподавать. Разумеется, осталось еще немало трудностей. Он жил на Манитуатуа, в самом сердце южной части Тихого океана. О юго-западной части, куда, как ему казалось, входили Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова, он имел крайне слабое представление. И уж вовсе ничего он не знал о культурах Европы и Азии, с которыми ему предстояло проводить параллели.

Это, конечно, несколько обескураживало, но Джоэнис был уверен, что сумеет преодолеть все трудности. Кроме того, он с облегчением заметил, что время занятия истекло.

— Что ж, на сегодня достаточно, — сказал он студентам. — До свидания, или, как говорят полинезийцы, aloha. И еще раз добро пожаловать в нашу компанию!

С этими словами Джоэнис распустил свой класс. Когда все разошлись, в аудиторию вошел декан Глупс.

— Не вставайте, пожалуйста, — сказал он. — Я к вам, если можно так выразиться, неофициально. Я стоял за дверью и слушал, и хочу признаться — восхищен вашим подходом. Вы увлекли их, Джоэнис. По чести говоря, я опасался, что вам придется несладко, так как на курс почти целиком записалась наша баскетбольная команда. Но вы продемонстрировали ту самую гибкую твердость, которая является вершиной истинной педагогики. Я поздравляю вас и предсказываю вам долгую и блестящую карьеру в нашем университете.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Джоэнис.

— Не надо меня благодарить, — мрачно произнес декан Глупс. — Мое последнее предсказание относилось к профессору барону Мольтке, выдающемуся специалисту в области теории ошибок. Я пророчил ему великое будущее, но через три дня после начала семестра бедняга Мольтке свихнулся и убил пять членов университетской футбольной команды. В тот год мы проиграли Амхерсту, и больше я своей интуиции не доверяю. Но желаю вам удачи, Джоэнис. Я всего лишь простой администратор, однако я хорошо знаю, что мне нравится.

Глупс отрывисто кивнул и покинул аудиторию. Выждав для приличия некоторое время, Джоэнис поспешил в книжную лавку, чтобы приобрести необходимую для курса литературу. К несчастью, она была распродана, и ближайшее поступление ожидалось не раньше, чем через неделю.

Джоэнис пошел в свою комнату, лег на постель и погрузился в размышления об интуиции декана Глупса и о сумасшествии, постигшем бедного профессора Мольтке. Он проклинал злую судьбу, позволившую купить книги студентам и обошедшую куда более остро в них нуждающегося преподавателя. А еще он пытался придумать, что делать на следующем занятии.

Но когда пришло время и Джоэнис стал лицом к классу, на него снизошло озарение.

— Сегодня я вас учить не буду. Поступим наоборот — вы будете учить меня. О культуре юго-западной части Тихого океана, как вам, безусловно, известно, распространено множество искаженных представлений. В связи с этим, перед тем как мы начнем формальное изучение предмета, я бы хотел послушать вас. Говорите прямо и открыто, не бойтесь высказывать собственное мнение, даже если вы в чем-то не уверены. Наша цель на данном этапе — со всей откровенностью поделиться своими суждениями, чтобы впоследствии переориентироваться, если, конечно, это будет необходимо. Таким образом, отбросив ложные представления, мы сможем со свежей головой воспринять эту великую культуру, по праву именуемую «мостом меж двух миров». Надеюсь, вам это предельно ясно. Мисс Хуа, не начнете ли вы нашу дискуссию?

Джоэнису удалось использовать этот прием на протяжении следующих шести занятий и собрать массу противоречивых сведений о Европе, Азии и юго-западной части Тихого океана. Когда студенты интересовались, верно ли то или иное суждение, Джоэнис улыбался и говорил:

— Оставляю за собой право вернуться к этому вопросу позднее. А пока продолжим наше обсуждение.

На седьмом занятии студенты уже больше ничего не смогли ему рассказать. И тогда Джоэнис стал читать лекцию о воздействии электрических транс-

форматоров на культуру атолловых островов. С помощью анекдотов он растянул этот материал на несколько дней. А если студент задавал вопрос, на который Джоэнис не знал ответа, он неизменно говорил: «Прекрасно, Умникер! Вы попали в самую суть проблемы. Подготовьте-ка, пожалуйста, самостоятельно ответ к следующему занятию и изложите в письменной форме объемом, скажем, в пять тысяч слов, через два интервала».

Таким образом Джоэнис отвадил излишне любопытных, особенно из числа игроков в баскетбол, боящихся перенапрячь пальцы и выбыть из состава команды.

Но даже несмотря на эти уловки, Джоэнис вскоре опять исчерпал материал. В отчаянии он дал контрольную работу, предложив студентам оценить обоснованность ряда своих собственных суждений. Джоэнис со всей честностью пообещал, что результаты контрольной не отразятся на оценках.

Он понятия не имел, что делать дальше. Но, к счастью, подоспели долгожданные учебники, и в распоряжении Джоэниса оказались суббота и воскресенье для их изучения.

Весьма полезной была книга «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров», написанная Хуаном Диего Альваресом де лас Вегасом де Ривьерой. Автор когда-то был капитаном одного из перевозивших сокровища кораблей испанского флота, базировавшегося на Филиппинах, и, если не считать выпадов против сэра Фрэнсиса Дрэйка, давал полную и содержательную информацию.

Равно полезной оказалась книга, озаглавленная «Культура островов юго-западной части Тихого океана (искусство, наука, музыка, ремесла, фольклор, нравы, психология и философия), связь между ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы». Книга была написана пэром, достопочтенным Алланом Флинт-Скрягтером, кавалером орденов Бани (женское отделение), Д.Д.Т., И.Т.Д., И.Т.П., бывшим генерал-губернатором Фиджи и руководителем карательной экспедиции на Тонго.

С помощью этих книг Джоэнис стал опережать студентов по крайней мере на одно занятие. Если по той или иной причине ему это не удавалось, он

всегда мог дать контрольную работу по пройденному материалу. Но самым лучшим было то, что высокая очкастая мисс Хуа вызвалась проверять контрольные работы. Джоэнис испытывал глубокую признательность к преданной науке девушке, освободившей его от утомительнейших и скучнейших педагогических трудов.

Жизнь вошла в спокойное русло. Джоэнис читал лекции и устраивал контрольные работы, а мисс Хуа правила и ставила оценки. Студенты быстро усваивали материал, писали контрольные и с легким сердцем забывали пройденное. Как и прочие молодые, здоровые организмы, они быстро освобождались от всего вредного, раздражающего или просто надоедливого. Разумеется, они освобождались и от всего полезного, стимулирующего мысль или дающего пищу для размышлений. Об этом, возможно, стоило бы пожалеть, но такова уж неизбежная сторона процесса образования, с которой должен свыкнуться всякий преподаватель. Как сказал Птоломей с кафедры математики: «Ценность университетского образования заключается в том, что оно приближает молодежь к знаниям. Студента, проживающего в удобно расположенном общежитии, отделяют лишь тридцать ярдов от библиотеки, менее пятидесяти ярдов от лаборатории физики и всего-навсего десять ярдов от лаборатории химии. Я полагаю, что все мы можем по праву этим гордиться».

Однако возможностями, которые давал университет, в первую очередь пользовались все-таки преподаватели, соблюдавшие, правда, осмотрительность. Университетский врач строжайшим образом предупредил их об опасности злоупотребления знаниями и лично отмеривал им еженедельные дозы информации. Но несмотря на все предосторожности, несчастные случаи все-таки происходили. Старый Джефрард получил шок, когда читал в оригинале «Сатирикон», полагая, что это папская энциклика. Потребовалось две недели отдыха, прежде чем он окончательно пришел в себя. А Девлин, самый молодой профессор английского языка, перенес частичную потерю памяти, когда он, прочитав «Моби Дика», обнаружил, что не в состоянии дать сколько-нибудь логичную и здравую религиозную интерпретацию этого труда.

Таковы были опасности, свойственные их профессии. Но преподаватели не только не боялись их, но даже гордились ими. Как сказал Хенли с кафедры антропологии: «Землекопы рискуют быть засыпанными мокрым песком; мы рискуем жизнью, зарываясь в старые книги». Хенли изучал землекопов в полевых условиях и знал, что говорит.

Студенты, за редким исключением, не подвергались подобным опасностям. Они вели жизнь, резко отличавшуюся от жизни профессорско-преподавательского состава. Некоторые из более молодых сохранили ножи и велосипедные цепи, оставшиеся со школьных дней, и по вечерам выходили на улицу в поисках подозрительных личностей. Другие, как правило, проводили время в оргиях (вследствие чего в «Зале Свободы» еженедельно приходилось устраивать судебные заседания). Кое-кто увлекался спортом. Например, баскетболитов днем и ночью можно было видеть на тренировках, где они кидали мячи с механической регулярностью промышленных роботов.

И, наконец, были такие, кто проявлял рано пробудившийся интерес к политике. Эти, как их называли, интеллектуалы стояли на либеральных или консервативных позициях, в зависимости от воспитания и темперамента. Именно университетские консерваторы едва не добились успеха, выдвинув Джона Смита на пост президента Соединенных Штатов во время последних выборов. То обстоятельство, что Смит был мертв вот уже двадцать лет, ничуть не охлаждало их пыла; напротив, многие считали это важнейшим достоинством кандидата.

Они непременно победили бы, если бы большинство избирателей не опасалось создания прецедента. Этим страхом умело воспользовались либералы. Они заявили: «Мы не возражаем против Джона Смита (да покоится его душа в мире), который, возможно, явился бы украшением Белого Дома. Но подумайте, что произойдет, если в неопределенном будущем президентское кресло займет *недостойный* покойник?»

Этот аргумент решил дело.

Либералы из студентов, однако, оставляли разговоры старшим. Сами они предпочитали посещать специальные занятия по партизанским методам ведения

войны, изготовлению бомб и применению огнестрельного оружия.

Университетские консерваторы, уступившие победу на выборах либералам, делали вид, что в мире ничего не изменилось с тех пор, как генерал Паттон разбил персов в сорок пятом году. Они частенько посиживали в пивных и распевали «Балладу о побережье Омахи». Самые эрудированные могли исполнить ее в оригинале на древнегреческом.

Джоэнис наблюдал все это и продолжал преподавать культуру островов юго-западной части Тихого океана. Ему нравилась университетская обстановка. Постепенно коллеги стали принимать его как своего. Сперва, конечно, были некоторые возражения.

Придир, кафедра английского языка: «Мне кажется, что Джоэнис не воспринимает «Моби Дика» как составную часть культуры юго-западной части Тихого океана».

Шкодборн, кафедра музыки: «Как я понимаю, он совсем не освещает важнейшую роль псалмов в народной музыке того района. Но это, в конце концов, его курс».

Хилякс, кафедра физики: «На мой взгляд, большим упущением с его стороны является то, что он не подчеркивает отсутствие влияния современной квантовой теории на жизнь островитян. Это наводит меня на кое-какие мысли».

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Насколько мне известно, Джоэнис не посчитал нужным отметить вторичное и третичное влияние французского на отглагольные формы в языках юго-западной части Тихого океана. Я, разумеется, всего лишь простой лингвист, но, по-моему, это весьма существенно».

Были и другие нарекания — со стороны профессоров, которые считали, что Джоэнис исказил или вообще игнорировал их специальности. Подобные трения, вполне возможно, могли бы привести со временем к натянутости в отношениях. Однако решающую роль сыграли слова Джефрарда с кафедры античности:

— Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я. Но, черт побери, я думаю, что он мировой парень!

Сердечный отзыв Джефрарда сослужил Джоэнису добрую службу. Профессора стали менее отчужденными и высказывли чуть ли не дружеское расположение. Все чаще Джоэниса приглашали на вечеринки и приемы в домах коллег, и вскоре он, как равный, вошел в жизнь УССВ.

Авторитет Джоэниса упрочился после завершения весенних студенческих соревнований. Но уже тогда он начал задумываться о трудностях человеческого существования, а в скором времени окончательно пришел к выводу, что ему лучше оставить уединенную университетскую жизнь.

КАК ДЖОЭНИС ПОПАЛ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Возможность покинуть университет представилась Джоэнису, когда кампус посетил правительственный агент по найму кадров. Чиновника звали Заммот; он носил титул Помощника Министра по Надзору за Распределением Государственных Должностей. Это был человек лет пятидесяти, невысокий, с коротко подстриженными седыми волосами и красным лицом, напоминавшим бульдожью морду. Его динамичность и целеустремленность взволновала Джоэниса до глубины души.

Помощник Министра Заммот произнес перед преподавателями короткую речь:

— Большинство из вас знают меня, поэтому я не стану тратить время на красивые слова. Я просто напомню вам, что правительству нужны талантливые, преданные люди для работы в различных службах и ведомствах. Мое дело — найти этих людей. Всех заинтересованных лиц милости прошу ко мне в корпус «Старый Скармут», в комнату 222, которой мне любезно разрешил воспользоваться декан Глупс.

Джоэнис отправился туда немедленно. Помощник Министра сердечно приветствовал его.

— Присаживайтесь, — сказал Заммот. — Курите? Пьете? Рад, что хоть кто-нибудь заглянул. Я уж

думал, здесь все такие умники, в этом вашем Сент-Стивенс Вуде, что прямо у каждого есть свой собственный план спасения мира, и в то же время никому нет дела до государственных проблем.

Джоэнис удивился: оказывается, Заммот был хорошо осведомлен о настроениях в университете.

— Мы держим ухо востро, — сказал Заммот. — На сегодняшний день преподавательский состав УССВ на две трети состоит из тайных агентов. Как только мы соберем достаточно компрометирующих материалов, то сразу же нанесем удар. Впрочем, к вам это не относится. Я так понимаю, что вы интересуетесь государственной службой?

— Интересуюсь. Меня зовут Джоэнис. Я...

— Знаю, все знаю, — перебил Заммот. Он отомкнул большой портфель и вынул записную книжку. — Ну-ка, посмотрим, — сказал он, перелистывая страницы. — Джоэнис. Арестован в Сан-Франциско по подозрению в произнесении речи подрывного характера. Предстал перед Комиссией Конгресса, где ему было предъявлено обвинение в непочтительности и отказе от дачи свидетельских показаний, в особенности по вопросу связей с Арнольдом и Рональдом Блейками. После расследования приговорен Оракулом к десяти годам тюремного заключения условно. Провел короткое время в «Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников», после чего устроился на работу в данный университет.

Заммот закрыл книжку и спросил:

— Все более или менее правильно?

— Более или менее, — сказал Джоэнис, чувствуя, что спорить или объяснять что-либо бесполезно. — Полагаю, что досье свидетельствует о моей полной непригодности к государственной службе.

Заммот от души расхохотался. Отсмеявшись и утерев слезы, он заявил:

— Джоэнис, по-моему, здешняя обстановка слегка размягчила вам мозги. В вашем досье нет ничего страшного. Подрывной характер вашей речи в Сан-Франциско никем не доказан, это лишь подозрение. Ваша непочтительность к Конгрессу говорит только об обостренном чувстве личной ответственности — совсем как у наших величайших президентов. Ваш отказ свидетельствовать против Арнольда и Рональ-

да Блейков, несмотря на угрозу, нависшую над вами лично, демонстрирует врожденную лояльность. Ваш отход от коммунизма очевиден. ФБР утверждает, что после того, как вы в первый и последний раз по заблуждению столкнулись с Блейками, вы решительно отвернулись от агентов мировой революции. Нет ничего постыдного и в том, что вы побывали в «Доме для Невменяемых Преступников»; если бы вы ознакомились со статистикой, то увидели бы, что большинство из нас рано или поздно начинает нуждаться в помощи психиатра. Мы, в правительстве, вовсе не лицемеры, Джоэнис. Мы знаем, что никто из нас не может быть совершенно чист, и каждый человек, хоть в мелочи, а допустил что-то такое, что вряд ли может вызвать прилив гордости. Если оценивать происшедшее с этих позиций, то вы вообще ни в чем не замешаны.

Джоэнис поспешил выразить свою глубочайшую признательность по поводу доверия, оказываемого ему правительством.

— Человека, которого вы действительно должны благодарить, зовут Шон Фейнстейн, — сказал Заммот. — Занимая пост Специального Помощника Президента, он-то и выдвинул эти соображения в вашу защиту. Мы тщательно изучили ваше дело и пришли к выводу, что вы как раз тот самый человек, который нам нужен в правительстве.

— Кто? Я? — спросил Джоэнис.

— Вне всякого сомнения. Мы, политики, мыслим реалистически. Мы отдаем себе отчет, что нас осаждают мириады проблем. Для того чтобы решать эти проблемы, нам нужны самые дерзкие, непредубежденные, бесстрашные мыслители. Лишь лучшие из лучших могут нам подойти, и никакие побочные соображения нас не остановят. Нам нужны люди вроде ВАС, Джоэнис. Ну как, идете на службу в правительство?

— Иду! — закричал Джоэнис, пылая энтузиазмом. — И я постараюсь быть достойным того доверия, которое вы и Шон Фейнстейн мне оказали.

— Я знал, что вы так ответите, Джоэнис, — сказал Заммот дрогнувшим голосом. — Все так говорят. От всего сердца благодарю вас. Подпишите здесь и здесь.

Заммот вручил Джоэнису стандартный формуляр правительственного контракта, и тот расписался. Помощник Министра сунул бумагу в портфель и горячо пожал Джоэнису руку.

— Считайте, что с этого момента вы приступили к своим обязанностям в правительстве. Да благословит вас Господь! Помните, что мы целиком полагаемся на вас.

Заммот направился было к двери, но Джоэнис окликнул его:

— Стойте! В чем же заключаются мои обязанности и где именно я должен их выполнять?

— Вас известят, — сказал Заммот.

— Когда? И кто?

— Я только агент по найму кадров, — сказал Заммот. — Следить за тем, что происходит с людьми, которых я вербую, — это совершенно вне моей компетенции. А теперь прошу меня извинить: меня ждут в Радклиффе для очень важного разговора.

Помощник Министра Заммот удалился. Джоэнис был чрезвычайно взволнован открывающимися перед ним перспективами. Уже на следующее утро он получил официальное письмо, присланное с курьером по особым поручениям. Ему было приказано прибыть за распоряжением в комнату № 432, Восточное крыло Портико-Билдинг, Вашингтон, округ Колумбия, и сделать это с предельной срочностью. Письмо собственноручно подписал не кто иной, как Джон Мадж, Специальный Помощник Начальника Управления по Координации Взаимодействий Родов Войск.

Джоэнис немедленно распростился со своими коллегами, бросил последний взгляд на зеленые лужайки и бетонные дорожки университета и сел на первый же самолет в Вашингтон.

И вот наконец наступил долгожданный момент — Джоэнис прибыл в столицу. По улицам из розового мрамора он спустился к Портико-Билдингу, миновав по пути Белый Дом — очаг американской имперской власти. Слева остались обширные угодья Октагона, построенного на месте маленького и тесного Пентагона. Еще дальше возвышались здания Конгресса.

Вид этих зданий особенно взволновал Джоэниса. По его представлениям, они воплощали в себе романтику истории. Перед глазами Джоэниса поплыли

картины апофеоза Старого Вашингтона, бывшего столицей Эллинской Конфедерации вплоть до разрушительной Гражданской Войны. Он словно воочию увидел потрясшие мир дебаты между Периклом, представителем лобби резчиков по мрамору, и Фемистоклом, неистовым командиром подводной лодки. Он представил себе Клеона, покинувшего уютный домик в Аркадском Нью-Гемпшире, и пришедшего сюда, чтобы в нескольких скупых словах изложить свои мысли о ведении войны. Одно время здесь жил философ Алкивиад, представлявший в Конгрессе свой родной город Луизиану, по этим ступеням поднялся Ксенофонт и все, стоя, устроили ему овацию за то, что он без потерь провел десять тысяч воинов от берегов Ялу до убежища в Пусане.

Воспоминания теснились, набегали одно за другим. Здесь Фукидид написал свой окончательный вариант истории трагической Войны между Штатами. Гиппократ — Начальник Медицинской Службы — победил здесь желтую лихорадку и, верный клятве, которую сам же придумал, никогда об этом не распространялся. Наконец, Ликург и Солон, первые судьи Верховного Суда, затеяли здесь свою известную дискуссию о природе правосудия.

Все эти знаменитости словно толпились вокруг Джоэниса, когда он шествовал по широким вашингтонским бульварам. Перебирая в памяти их образы, Джоэнис преисполнился решимости сделать все возможное, дабы доказать, что он достоин своих предшественников.

Пребывая в таком восторженном состоянии духа, Джоэнис и вошел в комнату № 432, расположенную в Восточном крыле Портико-Билдинга. Специальный Помощник Джон Мадж принял его радушно и без малейших отлагательств. Несмотря на свою колоссальную загруженность, Мадж был сердечен, любезен и, казалось, никуда не спешил. Джоэнис сразу уяснил, что в Управлении по Координации Взаимодействий Мадж единолично ведал всеми вопросами политики, поскольку его начальник дни и ночи трудился над составлением бесполезных прошений о переводе в армию.

— Ну, Джоэнис, — сказал Мадж, — мы очень рады, что вас определили к нам. Думается, мне луч-

ше сразу объяснить, чем занимается наше управление. Мы функционируем как межведомственное агентство, которое призвано устранять дублирование усилий, предпринимаемых полуавтономными военными соединениями под началом военных властей. Кроме того, мы выступаем также как разведывательное и информационное агентство, обеспечивающее оперативными данными программы обслуживания всех родов войск, и как государственная организация, занимающаяся планированием психологической и экономической войны.

— Что-то многовато всего, — заметил Джоэнис.

— Это еще далеко не все! — воскликнул Мадж. — И тем не менее, наша работа абсолютно необходима. Возьмем, например, основную задачу Координации Взаимодействий Родов Войск. Не далее как в прошлом году, еще до того, как было создано это управление, части нашей армии вели трехдневные бои в непролазных джунглях северного Таиланда. Вообразите их разочарование, когда дым рассеялся и они обнаружили, что все это время вели наступление против хорошо окопавшегося батальона морской пехоты США! Вы только представьте, как это повлияло на моральный дух войск! А если учесть, что наши военные обязательства тонкой паутиной опутали весь земной шар, то мы должны быть постоянно начеку, чтобы подобные инциденты не повторялись.

Джоэнис утвердительно кивнул. Мадж пустился рассуждать о необходимости выполнения агентством его прочих обязанностей.

— Возьмите, к примеру, разведку. Когда-то она была исключительно в ведении Центрального Разведывательного Управления. Но сейчас ЦРУ категорически отказывается рассекречивать свою информацию и вместо этого запрашивает все более крупные контингенты войск для решения задач, с которыми оно сталкивается.

— Прискорбно, — согласился Джоэнис.

— И, конечно, то же самое в еще большей степени относится к разведке сухопутных войск, военно-морской разведке, разведывательной службе ВВС, разведке морской пехоты, разведке военно-космических сил и всем прочим. Разумеется, никто не ставит под

сомнение патриотизм людей, несущих службу в этих родах войск. Однако каждый из них, заполучив средства ведения самостоятельных боевых действий, видит в командовании своего собственного рода войск единственную и последнюю инстанцию, которая способна оценить опасность и довести конфликт до победного конца. Конечно, при таком положении дел любая информация о противнике обретает противоречивый и подозрительный характер. А это, в свою очередь, парализует правительство, ибо оно не располагает достоверной информацией, на которой можно было бы строить проведение политической линии.

— Я и понятия не имел, что проблема настолько трудна, — сказал Джоэнис.

— Трудна и неразрешима, — ответил Мадж. — По моему разумению, порок гнездится в размерах правительственных организаций, штаты которых раздуты самым беспрецедентным образом. Один мой ученый друг как-то сообщил мне, что организм, который перерос свои естественные пределы, имеет тенденцию распадаться на составные части, чтобы со временем снова вступить в стадию роста. Мы разрослись сверх всякой меры, и процесс дробления уже начался. Тем не менее, наш рост был продиктован духом эпохи, поэтому мы не имеем права допустить какого бы то ни было распада. Холодная война все еще продолжается, и мы обязаны латать, штопать, чинить наши войска и держать их хотя бы в условных рамках порядка и взаимодействия. Мы, в Управлении Координации, обязаны разузнать правду о противнике, передавать эти сведения на рассмотрение правительству в виде разработанной политической линии и заставлять рода войск действовать в соответствии с этой линией. Мы должны сохранить себя для будущих времен, когда внешняя угроза благополучно канет в прошлое, и тогда, надо надеяться, мы сократим размеры нашей бюрократической системы прежде, чем силы хаоса сделают эту работу за нас.

— По-моему, я вас понимаю, — сказал Джоэнис. — И я полностью разделяю ваше мнение.

— Я так и знал, — ответил Мадж. — Я знал это с того самого момента, как прочел ваше досье и распорядился, чтобы вас назначили сюда. Я сказал

себе: этот человек, очевидно, прирожденный координатор. И, несмотря на многочисленные трудности, я добился, чтобы вас допустили к государственной службе.

— А я думал, что это работа Шона Фейнстейна, — сказал Джоэнис.

Мадж улыбнулся:

— Шон — чисто номинальная фигура. Он только подписывает бумаги, которые мы ему подсовываем. Он, конечно, первостатейный патриот и потому добровольно вызвался играть секретную, но очень важную роль правительственного козла отпущения. Прикрываясь именем Шона, мы проворачиваем все двусмысленные, непопулярные или подозрительные делишки. Когда они заканчиваются благополучно, все заслуги приписываются Начальству. Когда же дело оборачивается плохой стороной, всю вину берет на себя Шон. Таким образом, репутация Начальства остается незапятнанной.

— Шону, должно быть, приходится очень нелегко, — заметил Джоэнис.

— Конечно. Но если бы он не испытывал трудностей, он и не знал бы, может быть, что такое счастье. Так утверждает один из моих друзей-психологов. А другой мой знакомый психолог — человек мистического склада ума — считает, что Шон Фейнстейн выполняет необходимейшую историческую функцию: ему предначертано быть первичным двигателем людей и событий. Такие решительные личности рождались во все исторические периоды, они — жизненная сила, оплодотворяющая ниву просвещения. И именно по этим причинам Шона ненавидят и поносят народные массы, которым он служит. Впрочем, где бы ни коренилась истина, я считаю, что Шон — фигура крайне полезная.

— Я хотел бы повидать его и пожать ему руку, — сказал Джоэнис.

— Как раз сейчас это невозможно, — сказал Мадж. — В настоящее время Шон отбывает срок одиночного заключения, сидя на диете из хлеба и воды. Его признали виновным в краже двадцати четырех атомных гаубиц и ста восьмидесяти семи атомных гранат из наших армейских арсеналов.

— Он дейтвительно украл все это? — спросил Джоэнис.

— Да, но по нашей просьбе. Мы вооружили ими одно из подразделений войск связи, после чего парни одержали победу в битве за Розовое ущелье в юго-восточной Боливии. Должен добавить, что войска связи давно уже требовали удовлетворить их заявку на вооружение — но тщетно.

— Мне очень жалко Шона, — сказл Джоэнис. — Какой же ему вынесен приговор?

— Смертная казнь, — ответил Мадж. — Но его помилуют. Его всегда прощают. Шон слишком важная персона, чтобы ему отказать в помиловании.

Мадж некоторое время смотрел в сторону, затем снова повернулся к Джоэнису:

— Ваше конкретное задание представляет собой поручение величайшей важности. Мы посылаем вас в поездку на Восток с целью анализа и инспекции. Разумеется, в прошлом предпринималось много таких поездок. Но... либо брало верх предвзятое мнение одной из разведок, и в этом случае поездка теряла смысл, либо отправным пунктом для поездки служила все-таки точка зрения Управления Координации, но тогда все данные получали гриф «совершенно секретно» и непрочитанными складывались в досье в Комнате Высшей Секретности, которая расположена под Форт-Ноксом[1]. Но в вашем случае все будет иначе. Шеф лично заверил меня, а я заверяю вас, что отчет, который составите вы, такая судьба не постигнет. Его прочитают и на его основании начнут действовать. Мы полны решимости придать Управлению Координации большой вес, поэтому все, что вы расскажете о противнике, будет принято к сведению и использовано на практике. А теперь, Джоэнис, вы должны пройти полную проверку на благонадежность, затем инструктаж, после чего получите последние распоряжения.

Сказав все это, Мадж отвел Джоэниса в Службу Безопасности, где полковник, руководитель группы френологии, ощупал его голову на предмет подозрительных шишек. Затем Джоэнис прошел сквозь строй государственных астрологов, гадателей на картах,

[1] *Форт-Нокс* — место, где хранится золотой запас США.

гадателей на спитом чае, физиогномистов, психологов, казуистов и компьютеров. В конце процедуры он был признан лояльным, почтительным гражданином, в здравом уме, ответственным за поступки, заслуживающим доверия и, главное, счастливчиком. На основании этого ему выдали Пропуск на Вход с Чемоданом и допустили к чтению секретных документов.

У нас имеется только частичный список материалов, которые Джоэнис прочитал в серой стальной Секретной Комнате. Там за его спиной постоянно стояли два вооруженных охранника с завязанными глазами — необходимая мера, чтобы они не бросили нечаянный взгляд на драгоценные документы. Но мы точно знаем, что Джоэнис прочитал:

«Как я был невестой военного времени» — сокрушительное публичное разоблачение противоестественной практики, укоренившейся в Вооруженных Силах.

«Сиротка Энни встречается с человеком-волком» — детальное руководство по шпионажу, написанное одной из самых опытных шпионок всех времен.

«Тарзан и Черный город» — потрясающий доклад о действиях партизан в Восточной Африке.

«Песни» (автор неизвестен) — шифрованный, полный загадок отчет о денежной и расовой теориях противника.

«Бак Роджерс вступает в Мунго[1]» — документальный отчет о героизме парней из военно-космических сил, с иллюстрациями.

«Основные принципы» Спенсера, «Апокрифы» (автор неизвестен), «Республику» Платона и «Малеус Малифакарум» — труд, написанный в соавторстве Торквемадой, епископом Беркли и Гарпе Маркузом. Эти четыре сочинения были душой и острием коммунистической доктрины, и мы уверены, что Джоэнис прочитал их с великой пользой для себя.

И, конечно, он прочитал «Плейбоя Западного Мира» — сочинение Иммануила Канта, которое решительно опровергало вышеупомянутые труды коммунистических авторов.

Все эти документы для нас утеряны — по причине того огорчительного обстоятельства, что они были

---

[1] *Бак Роджерс* — популярный герой американских фантастико-приключенческих комиксов 20-х годов.

напечатаны на бумаге, а не выучены наизусть. Многое мы бы дали за то, чтобы уяснить суть этих произведений, в которых, как в тиглях, выкристаллизовалась блистательная и сумасбродная политика того времени. И нам не остается ничего другого, как задаться вопросом: читал ли Джоэнис те немногие классические произведения двадцатого века, которые дошли до наших дней? Внимательно ли он рассматривал бередящую душу скульптуру «Бутсы», отлитую в бронзе? Читал ли «Наставления для практичных людей, владеющих недвижимостью» — полную изумительной фантазии книгу, которая — практически в одиночку — сформировала нравы двадцатого века? Встречался ли со своим современником — досточтенным Робинзоном Крузо, величайшим из поэтов двадцатого столетия? Беседовал ли с кем-нибудь из представителей знатного швейцарского рода Робинсонов, скульптурные портреты которых можно видеть во многих наших музеях?

Увы, Джоэнис никогда не распространялся на темы культуры. Зато в его рассказах освещались вопросы куда более важные для того тревожного времени.

Закончив чтение документов, которое длилось три дня и три ночи, Джоэнис встал и покинул серую стальную Секретную Комнату и ее стражей с завязанными глазами. Теперь он был хорошо осведомлен о состоянии дел не только в своей стране, но и за ее пределами. С трепетной надеждой и ужасным предчувствием вскрыл он конверт с приказом.

Приказ предписывал Джоэнису прибыть за распоряжениями в Октагон, в комнату 18 891, этаж 12, уровень 6, крыло 63, подсекция АДжБ-2. К приказу был приложен план здания, чтобы Джоэнис не заблудился внутри колоссального строения. А дальше... дальше все просто: когда Джоэнис доберется до комнаты 18 891, высокопоставленный октагонский чиновник, известный только под инициалом — мистер М., даст ему последние наставления и организует его отлет на специальном реактивном самолете.

Сердце Джоэниса переполнилось радостью, когда он прочитал приказ: наконец-то ему выпал шанс принять участие в великих делах. Он помчался в

Октагон, чтобы получить последние инструкции и пуститься в путь. Однако задача, стоявшая перед ним, была не из тех, что решаются с налету и в лоб.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОКТАГОНЕ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Сгорая от нетерпения, Джоэнис влетел в Октагон и на минуту застыл от изумления. Он даже не представлял, что на свете может существовать такое великолепие. Наконец Джоэнис пришел в себя и устремился вперед по коридорам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам и снова по коридорам.

Когда воодушевление несколько улеглось, он наконец сообразил, что его план, мягко говоря, неточен, поскольку указания на нем не носили даже следов привязки к тому, что он видел вокруг. Казалось, что это план совсем другого здания. Джоэнис был теперь в самом центре Октагона. Он понятия не имел, что ждет его впереди, и сильно сомневался в своей способности вернуться назад тем путем, по которому уже прошел. Поэтому Джоэнис засунул план в карман и решил спросить совета у первого встречного.

Вскоре он нагнал шедшего по коридору мужчину в форме полковника Картографической Службы. Он производил впечатление человека доброжелательного и исполненного достоинства.

Джоэнис остановил полковника, объяснив, что он заблудился и что его план, похоже, никуда не годится.

Полковник взглянул на план Джоэниса и заявил:

— О, что вы, он в полном порядке. Это схема Октагона из серии А433-321Б, которую моя служба пустила в обращение только на прошлой неделе.

— Но в ней невозможно разобраться, — сказал Джоэнис.

— Совершенно верно, черт побери! — гордо ответствовал полковник. — Вы хоть представляете себе, какое важное значение имеет это здание? Знаете ли вы, что здесь размещаются все высшие государственные организации, включая самые секретные?

— Я понимаю, — пытался возразить Джоэнис. — Но...

— Тогда вы можете оценить и то положение, в котором мы окажемся, если наши враги разберутся в структуре здания и размещения его кабинетов, — продолжил полковник. — В наши коридоры просочатся шпионы. Переодетые в солдат и конгрессменов, они получат доступ к важнейшей информации. Никакие меры безопасности не помогут изолировать шпиона, вооруженного подобной информацией. И тогда нам конец, дорогой сэр. А план, который вы держите в руках и который собьет с толку любого шпиона, — это одна из важнейших гарантий сохранности наших секретов.

— Думаю, что так оно и есть, — вежливо согласился Джоэнис.

Полковник картографии любовно погладил лист бумаги с изображенным на нем планом и сказал:

— Вы даже не представляете себе, насколько трудно составить такой план.

— Да что вы?! — изумился Джоэнис. — Я-то думал, что это очень просто: достаточно нарисовать план воображаемой территории.

— Непрофессионалы всегда так думают. Только наш брат картограф — или шпион! — способен должным образом оценить наши проблемы. Создать план, который ничего не раскрывает и в то же время вызывает ощущение правдоподобия, — это, дружище, требует высочайшего искусства!

— Не сомневаюсь, — сказал Джоэнис. — Но зачем вам вообще понадобилось создавать фальшивый план?

— В целях безопасности, — ответил полковник.

Это объяснение окончательно завело Джоэниса в тупик, и некоторое время они с полковником стояли в полном молчании. Наконец Джоэнис вымолвил:

— И часто вы вылавливаете шпионов в Октагоне?

— До настоящего времени, — сказал полковник, — ни один шпион не смог совладать с нашими наружными мерами безопасности и проникнуть внутрь здания.

Должно быть, полковник уловил тень разочарования на лице Джоэниса, потому что он быстро добавил:

— Поверьте, шпионы еженедельно попадаются в сети нашей наружной охраны.

— Я не заметил вообще никакой охраны, — сказал Джоэнис.

— Конечно, не заметили. С одной стороны, вы — не шпион. С другой стороны, служба безопасности хорошо знает свое дело и не обнаруживает своего присутствия. Она действует только по необходимости. По крайней мере, ныне дела обстоят именно так. Но, предвидя, что в будущем появятся более коварные шпионы, мы в Картографии заготовили фальшивые планы.

Джоэнис кивнул. Теперь ему не терпелось заняться своими собственными делами, но он не очень-то понимал, куда направить стопы. Решив действовать окольным путем, он спросил полковника:

— Вы убеждены, что я не шпион?

— Любой человек в каком-то смысле шпион, — сказал полковник. — Но поскольку вы вкладываете в это слово конкретный смысл, отвечу: да, я убежден, что вы не шпион.

— Тогда сообщаю вам, что я нахожусь здесь в соответствии с особыми инструкциями и обязан явиться в определенный кабинет.

— Могу я взглянуть на эти ваши инструкции? — попросил полковник.

Джоэнис передал ему бумагу. Полковник изучил документы и вернул их.

— На вид — в полном порядке, — сказал он. — Вам следует немедленно явиться в указанный кабинет.

— Тут-то и зарыта собака, — сказал Джоэнис. — По правде говоря, я заблудился. Я пытался воспользоваться одним из ваших блистательных фальшивых планов и, вполне естественно, так никуда и не пришел. Поскольку вы теперь знаете, что я не шпион, и видите, что нахожусь здесь по служебному вопросу, я был бы в высшей степени признателен, если бы вы оказали мне посильную помощь.

Джоэнис сформулировал свою просьбу в осторожных и окольных выражениях, полагая, что это более соответствует строю мыслей полковника. Но полковник отвел глаза, на его лице отразилось сильнейшее замешательство.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Я не имею ни малейшего понятия, где расположен тот самый кабинет, и даже не могу посоветовать, в каком направлении вам надлежит двигаться.

— Не может быть! — вскричал Джоэнис. — Вы ведь картограф! И хотя вы чертите в основном фальшивые планы, я уверен, что вы создаете и подлинные, поскольку это заложено в самой природе вашей профессии.

— Все, что вы говорите, совершенно правильно, — сказал полковник. — Ничто не может удержать настоящего картографа от создания истинных карт. Я стал бы заниматься этим, даже если бы мне строго-настрого запретили. Но, к счастью, никто ничего подобного не запрещал. Более того, я получил на этот счет точный приказ.

— От кого? — спросил Джоэнис.

— От высшего начальства в этом здании, — ответил полковник. — Те, кто возглавляют службу безопасности, пользуются подлинными планами, чтобы легче было дислоцировать и размещать вверенные им силы. Но, разумеется, подлинные планы служат им только для удобства — это всего лишь клочок бумаги, с которым сверяются столь же небрежно, сколь небрежно мы поглядываем на часы: сколько там натикало — полчетвертого или без двадцати четыре. Если нужно, они могут обходиться вовсе без планов, полностью полагаясь на собственные знания и власть.

— Если вы чертите для них настоящие планы, — сказал Джоэнис, — то наверняка можете подсказать мне, в какую сторону надобно двигаться.

— Нет, не могу, — возразил полковник.— Только высшие чины знают это здание настолько хорошо, чтобы ходить, куда им вздумается.

Полковник поймал недоверчивый взгляд Джоэниса и добавил:

— Я знаю, что мои слова кажутся вам неправдоподобными, но, видите ли, за один прием я вычерчиваю лишь небольшую часть всего здания. Никакой другой метод не дает благоприятных результатов, ибо здание очень велико и запутано. Чертеж я посылаю в вышестоящую инстанцию со специальным курьером. Затем я вычерчиваю следующую секцию, и

так далее. Вероятно, вы думаете, что я могу мысленно объединить мои знания об отдельных секциях и составить представление о всем здании в целом? Скажу вам сразу: нет, не могу. Существуют еще и другие картографы; они вычерчивают те части здания, которые я так никогда и не видел. Но даже если бы я лично собрал по кусочкам всю структуру здания, я ни за что не смог бы сложить все части в целостную картину. Любая секция здания кажется доступной моему пониманию, и я с величайшей точностью отображаю ее на бумаге. Но когда речь заходит о том, чтобы охватить разумом все вычерченные мною бесчисленные секции, я совершенно теряюсь и не могу отличить одну от другой. А если я размышляю об этом слишком долго, у меня пропадают сон и аппетит, я начинаю много курить, ищу утешения в выпивке, и это плохо сказывается на моей работе. Порой я допускаю ошибки и не осознаю нанесенного ущерба, пока начальство не спускает мне часть плана на переработку. Это подрывает мою веру в собственные способности, и тогда я погружаюсь в работу: продолжаю мастерски вычерчивать по одной секции в один прием и не мучаюсь домыслами о здании в целом.

Полковник сделал паузу и потер глаза.

— Я говорил уже, что секции общего плана, которые мы вычерчиваем, иногда возвращают нам для переработки. Но когда мы — картографы — обмениваемся мнениями, то порой обнаруживаем, что двое из нас чертили одну и ту же секцию, причем каждый запомнил ее и отобразил по-своему. Разумеется, подобные ошибки — в природе человека, и их следует ожидать. Но что приводит нас в замешательство — так это те случаи, когда начальство принимает обе версии. Можете вообразить себе чувства картографа, когда он узнает о чем-либо подобном!

— У вас есть какие-нибудь объяснения этому? — спросил Джоэнис.

— Ну, с одной стороны, у каждого картографа свой индивидуальный стиль, свои особенности метода; а отсюда — и вполне объяснимые расхождения. С другой стороны, даже самая блестящая память — ненадежный инструмент, поэтому вполне вероятно, что мы чертили совсем не ту секцию. Однако, по

моему разумению, этих объяснений недостаточно, и только одно соображение представляется здравым.

— Какое же? — спросил Джоэнис.

— Мне думается, что рабочие, выполняя приказ высокого начальства, постоянно перестраивают отдельные части здания. Я даже мельком видел людей, очень похожих на рабочих. Но если бы я и не видел их, то все равно считал бы, что этим все объясняется. Вы только вдумайтесь. Начальство озабочено соображениями безопасности, а лучшая из возможных мер безопасности — держать здание в постоянном тонусе перемен. Далее, если бы здание пребывало в статике, достаточно было бы провести одну-единственную картографическую съемку, между тем мы только и делаем, что чертим да перечерчиваем. Наконец, чем занимается большое начальство? Оно пытается управлять очень сложной и постоянно меняющейся мировой системой. Следовательно, если меняется система, то должно меняться и здание. Кое-где ремонт делается открыто, у всех на глазах, но иные перестройки совершаются сугубо в тайне. Именно по этим причинам охватить структуру здания в целом совершенно невозможно.

— Как же вы отыскиваете дорогу в собственный кабинет? — удивился Джоэнис.

— Увы, стыдно признаться, но в данной ситуации опыт картографа мне не помощник. Я нахожу свой кабинет таким же образом, каким все здесь отыскивают свои кабинеты — руководствуясь особым чутьем, которое сродни инстинкту. Большинство сотрудников не подозревает об этом. Они считают, что в выборе дороги каким-то образом участвует интеллект, что память подсказывает им: «поворот направо», «поворот налево». Вы расхохотались бы, а может, и разрыдались, если бы послушали, что эти люди твердят о нашем здании, хотя ни один из них в жизни не осмелился высунуть нос дальше коридора, ведущего к его кабинету. Только я, картограф, брожу по всему зданию, ибо такова моя работа. Иногда на территории, которую я уже миновал, происходят грандиозные перемены, неузнаваемо преображающие ее облик. Что делать? Каким путем возвращаться? И тогда какое-то чувство — не разум и не

знание — направляет меня к кабинету, точно так же, как управляет оно и прочими чиновниками.

— Понятно, — произнес Джоэнис, хотя на самом деле ничего не понял и пребывал в полном замешательстве. — Значит, вы не знаете, как я должен поступить, чтобы попасть в указанный кабинет?

— Не знаю.

— Может быть, вы посоветуете, на что я должен обращать внимание в поисках дороги? Может быть, есть какие-нибудь ориентиры?

— Я крупнейший знаток этого здания, — грустно промолвил полковник. — И мог бы рассказывать о нем целый год, ни разу не повторившись. Но, к несчастью, я не знаю ничего такого, что могло бы помочь вам в вашей исключительной ситуации.

— Как вы думаете, я найду когда-нибудь кабинет, в который меня послали? — спросил Джоэнис.

— Если поручение, ожидающее вас, на самом деле важное, — сказал полковник, — и если большое начальство заинтересовано в том, чтобы вы нашли этот кабинет, — я уверен, перед вами не возникнет никаких трудностей. Но, с другой стороны, может статься, что ваше дело представляет важность только для вас самого и больше ни для кого другого, — тогда поиски, вне всякого сомнения, затянутся надолго. Правда, у вас есть официальные инструкции, но я подозреваю, что большое начальство время от времени посылает людей в воображаемые кабинеты — просто чтобы проверить надежность внутренней системы безопасности. Если вас постигла такая участь — тогда, действительно, шансы на успех крайне малы.

— Так или иначе, перспективы у меня не очень-то радужные, — уныло произнес Джоэнис.

— Ну, дорогой мой, это риск, на который в данных условиях должен идти каждый из нас, — сказал полковник. — Шпионы подозревают, что руководители посылают агентов с опасными заданиями только для того, чтобы избавиться от них, а картографы подозревают, что их заставляют чертить планы только для того, чтобы занять их работой и отвратить от злонамеренной праздности. У каждого — свои сомнения, и я могу только пожелать вам успехов и выразить надежду на то, чтобы ваши сомнения никогда не подтвердились.

Сказав все это, полковник учтиво поклонился и пошел дальше по коридору.

А Джоэнис отправился куда глаза глядят. И пока он, движимый надеждой, бродил по коридору, его не оставляла мысль, что тому отрезку пути, по которому он недавно прошел, уже придали новый вид.

Джоэнис шагал по огромным залам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам, и снова по коридорам. Он подавлял в себе желание свериться с замечательным фальшивым планом, но в то же время не мог заставить себя выкинуть эту бумажку.

Непонятно, сколько прошло времени, но в конце концов Джоэнис смертельно устал. Теперь он находился в старинной части здания. Полы здесь были большей частью из дерева, а не из мрамора, доски сильно прогнили, и каждый шаг грозил опасностью. Стены, покрытые скверной штукатуркой, облупились, в них зияли дыры. В некоторых местах обнажилась проводка; было видно, что изоляция превратилась в труху — того и жди пожара. Даже потолок не внушал доверия: местами он угрожающе вспучился, и Джоэнис опасался, что перекрытия обрушатся прямо ему на голову.

Когда-то здесь размещались различные отделы и службы, но теперь все исчезло, и помещения срочно нуждались в капитальном ремонте. Джоэнис даже углядел на полу брошенный рабочими молоток. Это вселяло надежду на то, что ремонтные работы когда-нибудь возобновятся, но пока он не встретил ни одного рабочего.

Окончательно заблудившись и крайне устав, он растянулся во весь рост на полу и через минуту заснул глубоким сном.

РАССКАЗ ТЕЗЕЯ

Джоэнис проснулся от неясного беспокойства и тут же вскочил на ноги. Он услышал чьи-то шаги, а затем увидел человека, идущего по коридору.

Это был высокий мужчина с умным, но очень нервным лицом, которое выражало крайнюю подо-

зрительность. Мужчина держал в руках большой моток тонкой проволоки, насаженный на спицу. Двигаясь по коридору, он разматывал проволоку, которая ложилась на пол и змеилась там, тускло поблескивая.

При виде Джоэниса лицо его исказилось гневом, на нем пролегли жесткие складки. Мужчина вдруг выхватил из-за пояса револьвер и прицелился.

— Стойте! — закричал Джоэнис. — Я не сделал вам ничего плохого!

С видимым усилием взяв себя в руки, человек засунул револьвер за пояс. Глаза его, еще секунду назад безумно горевшие, обрели нормальное выражение.

— Извините великодушно. По правде говоря, я принял вас за другого.

— Я так похож на него? — спросил Джоэнис.

— Не совсем, — сказал мужчина. — Но в этом чертовом здании у меня что-то распустились нервы и появилась привычка сначала стрелять, а потом думать. Впрочем, моя миссия имеет настолько важное значение, что эти порывы горячей и чувствительной души, конечно же, простительны.

— Какова же ваша миссия? — поинтересовался Джоэнис.

— Моя миссия, — гордо заявил незнакомец, — заключается в том, чтобы принести людям мир, счастье и свободу.

— Немало, — заметил Джоэнис.

— Меньшим я бы ни за что не удовлетворился, — сказал человек. — Хорошенько запомните мое имя. Меня зовут Джордж П. Тезей. Без ложной скромности я надеюсь остаться в людской памяти как герой, сокрушивший диктатуру и освободивший народ. Мой подвиг навеки останется символом мужества и по праву будет считаться добродетельнейшим и справедливейшим деянием.

— Какой подвиг вы намереваетесь совершить? — спросил Джоэнис.

— Я собираюсь собственноручно убить тирана, — сказал Тезей. — Этому человеку удалось добраться до вершин власти, и множество легковерных дураков считают его благодетелем, потому что он отдает приказы о строительстве дамб на строптивых реках, и финансирует медицинскую помощь страждущим, и раздает пищу голодающим, и творит множество дру-

гих подобных дел. Кое-кого это может обмануть, но меня вокруг пальца не обведешь.

— Если он действительно все это делает, — заметил Джоэнис, — тогда получается, что он на самом деле благодетель.

— Вы попались на удочку тирана, — сказал Тезей с горечью. — Но смею надеяться, что вы перемените свою точку зрения. Я не силен в науке убеждать, между тем как у этого человека состоят на службе лучшие пропагандисты. Мой единственный защитник — это будущее. В данный же момент я могу лишь рассказать вам, что знаю сам, — рассказать правду, какой бы грубой и отталкивающей она ни была.

— Буду вам очень признателен, — сказал Джоэнис.

— Для того чтобы вершить добрые дела, этот человек должен был достичь высокого положения. Для того чтобы достичь высокого положения, он раздавал взятки и сеял раздоры, убивал тех, кто вставал у него на пути, подкупал властительное меньшинство и обрекал на голод бедствующие массы. Наконец, когда он возымел поистине беспредельную власть, он занялся общественным переустройством. Но, разумеется, не из любви к обществу. Нет, он занялся этим, как вы или я занялись бы прополкой сада — единственно ради того, чтобы глаза могли отдыхать на чем-то приятном, а не созерцали бы уродства. Тираны всегда идут на все, чтобы добраться до власти, и потому порождают и увековечивают то самое зло, которое они якобы призваны искоренять.

Джоэнис был тронут словами собеседника, однако тревога его не улеглась: глаза Тезея бегали и зловеще блестели. Поэтому Джоэнис заговорил как можно осторожнее:

— В общем-то, я понимаю, почему вы хотите убить этого человека.

— Нет, не понимаете, — мрачно заявил Тезей. — Вы, наверное, думаете, что я всего лишь хвастливый болтун, обуреваемый сумасбродными идеями, безумец с револьвером в руке. Вы ошибаетесь. Моя акция против тирана носит преимущественно личный характер.

— Вот как? — удивился Джоэнис.

— Этот тип, — начал Тезей, — в частной жизни проявляет вкусы столь извращенные, что они могут сравниться лишь с тем звериным инстинктом, который влек его к власти. Обычно информацию, подобную этой, держат в тайне или же высмеивают, объявив ее бреднями завистливых идиотов. Но я знаю правду.

Однажды тиран проезжал через мой родной город в своем бронированном черном «кадиллаке». Он сидел за пуленепробиваемым стеклом, попыхивая большой сигарой, и время от времени взмахом руки приветствовал толпу народа. Вдруг его взгляд упал на маленькую девочку, и он приказал шоферу остановиться.

Его телохранители разогнали людей, и лишь немногие — те, кто наблюдали из окон подвалов и с крыш домов, — остались свидетелями последовавшей сцены. Он предложил ей мороженое и конфеты и стал просить ее сесть с ним в автомобиль.

Некоторые из свидетелей поняли, что происходит, и бросились, чтобы спасти ребенка. Но телохранители открыли по ним огонь. Они стреляли из бесшумных пистолетов, чтобы не испугать девочку. Ей они сказали, что, мол, эти дяди решили немного поспать на улице.

И все же в девочке проснулись какие-то подозрения. Что-то напугало ее: то ли красное, обливающееся потом лицо тирана, то ли его толстые трясущиеся губы. Задумчиво посмотрев на сласти и отметив нервические судороги исходящего похотью тирана, она сказала, что сядет в машину только вместе со своими подругами. Ужасно, до чего простодушна невинность: девочка считала, что она будет в безопасности среди своих друзей.

Тиран расцвел от радости. Было ясно, что он получил больше того, на что рассчитывал. «Чем больше — тем веселее» — так гласил его зловещий лозунг. Дети стайкой слетелись к черному «кадиллаку». Они прибежали бы и без приглашения, потому что тиран включил автомобильный приемник на полную громкость, и из машины доносилась чарующая музыка.

И вот тиран усадил всех детей в автомобиль и захлопнул дверцу. Телохранители на мощных мото-

циклах окружили машину тесным кольцом. Затем все умчались, спеша предаться позорнейшей оргии в одной из потайных комнат тирана, специально предназначенных для развлечений. О тех детях никто больше никогда не слышал. А девочка, как вы, наверное, уже догадались, была моей родной сестрой.

Тезей вытер глаза — слезы из них лились уже потоком.

— Теперь вы знаете те подлинные причины личного характера, по которым я собираюсь убить тирана, — сказал он Джоэнису. — Я должен искоренить зло, отомстить за павших товарищей, спасти бедных детей и, главное, отыскать мою несчастную сестру.

Джоэнис — а его глаза тоже были далеко не на сухом месте — обнял Тезея и воскликнул:

— От всего сердца желаю удачи в вашем нелегком поиске!

— Спасибо, — сказал Тезей. — Мне не занимать решимости и коварства, столь необходимых в этом трудном деле. Начать с того, что я разыскал дочь тирана. Я втерся к ней в доверие, призвал на помощь все свое обаяние, и наконец она влюбилась в меня. Тогда я совратил ее и даже испытал некоторое удовлетворение от содеянного, ибо она не особенно отличалась по возрасту от моей несчастной сестры. Она жаждала выйти за меня замуж, и я обещал жениться на ней, хотя скорее перерезал бы себе горло. Далее я, хитроумно выбрав подходящий момент, объяснил ей, что за человек ее отец. Поначалу она не хотела мне верить — эта маленькая идиотка страстно любила своего отца-тирана! Но меня она любила еще сильнее. И вот финальный шаг: я попросил, чтобы она помогла мне в деле убийства ее отца. Можете представить, как это было трудно! Эта ужасная девчонка не желала, чтобы ее папочку убивали: неважно, что он — само воплощение зла, неважно, что он творит жуткие вещи. Но я пригрозил, что брошу ее навсегда, и она, разрываясь между любовью ко мне и любовью к отцу, едва не сошла с ума. Снова и снова она умоляла меня забыть прошлое: ведь ни один акт мести не может стереть содеянного. Много дней подряд она удерживала меня, думая, что сможет убедить, заставить действовать так, как хочет она. Без конца объяснялась в любви, истерически

клялась, что никогда и ни за что не допустит разлуки, а если случится так, что меня постигнет смерть, то она тогда убьет себя тоже. И говорила еще много подобных глупостей, которые я, как человек здравомыслящий, находил совершенно отталкивающими.

Наконец я отвернулся от нее и стал прощаться. И тут вся ее непреклонность рухнула. Это маленькое чудовище согласилось помочь мне в убийстве — при том условии, что я дам клятву никогда не бросать ее. Конечно, я дал такую клятву. Я пообещал бы что угодно, лишь бы добиться требуемой помощи.

Она выдала мне то, что знала только она одна: а именно — рассказала, как в этом огромном здании найти кабинет ее отца. Еще она дала мне моток проволоки, чтобы я мог отмечать свой путь, а потом быстро вернуться, как только подвиг будет совершен.

— Вы еще не нашли тирана? — спросил Джоэнис.

— Нет, еще не нашел, — ответил Тезей. — Как вы сами могли заметить, здешние коридоры очень длинные и извилистые. К тому же мне не везет. Вот совсем недавно я встретил и убил человека в офицерской форме. Он внезапно вышел на меня, и я, не успев подумать, открыл огонь.

— Это был картограф? — спросил Джоэнис.

— Не знаю, кто он такой, — ответил Тезей, — но у него были полковничьи знаки различия, а лицо вроде бы доброе на вид... Но еще больше я сожалею о той троице, которую застрелил в здешних коридорах. Должно быть, я очень невезучий человек.

— Кто они? — поинтересовался Джоэнис.

— К моей величайшей скорби, это были трое из тех детей, ради спасения которых я и пришел сюда. Должно быть, они улизнули из покоев тирана и пытались выбраться на свободу. Я застрелил их, так же как застрелил офицера и так же как едва не застрелил вас. Я невыразимо сожалею о случившемся, и решимость моя только возросла: тиран должен заплатить за все.

— Что вы сделаете с его дочерью?

— Я не стану прислушиваться к своим естественным побуждениям и поэтому не убью ее, — сказал Тезей. — Но эта уродина, эта сучка меня никогда

больше не увидит. И я буду только Богу молиться, чтобы у тиранского отродья разорвалось сердце.

Сказав так, Тезей обратил свой гневный лик к тускло освещенному коридору, уходящему вдаль.

— А теперь я должен идти, — сказал он. — Пора заканчивать работу. До свиданья, друг мой. Пожелайте мне .удачи.

Тезей быстро пошел прочь, разматывая на ходу поблескивающую проволоку, и вскоре скрылся за поворотом. Некоторое время еще слышались его удаляющиеся шаги, затем все стихло.

Внезапно за спиной Джоэниса в коридоре появилась женщина.

Она была очень молода, совсем еще ребенок; глаза ее безумно блестели. Она молча шла следом за Тезеем и сматывала проволоку, которую тот укладывал на пол. Миновав Джоэниса, она обернулась и окинула его диким взглядом, полным ярости и тоски. Она не произнесла ни слова, только приложила палец к губам, призывая его к молчанию, и исчезла так же быстро, как и появилась. Джоэнис потер глаза, снова улегся на пол и заснул крепким сном.

РАССКАЗ МИНОТАВРА

Джоэнис проснулся оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо. Он вскочил на ноги и увидел, что коридор, в котором он заснул, превратился из старого, запущенного помещения в светлый, современного вида вестибюль. Человек, который разбудил Джоэниса, был необъятных размеров, на его широком суровом лице читалось: «Без дураков!» Совершенно очевидно, что это мог быть только большой начальник.

— Вас зовут Джоэнис? — спросил начальник. — Что ж, если вы проснулись окончательно, полагаю, мы можем приступить к работе.

Джоэнис выразил глубочайшее сожаление, что он спал вместо того, чтобы разыскивать кабинет, в который его послали.

— Пустяки, — сказал начальник. — Мы, конечно, соблюдаем здесь определенный протокол, но, помоему, ханжами нас не назовешь. В сущности, даже

хорошо, что вы спали. Я размещался в совершенно другой части здания и вдруг получаю срочный приказ от начальника Службы Безопасности перенести мой кабинет именно сюда и произвести любые ремонтные работы.

В кабинете был большой стол, заваленный грудами бумаг, и три беспрестанно звонящих телефона. Начальник предложил Джоэнису присесть, пока он разберется с абонентами, и ответил на звонки с предельной оперативностью.

— Говорите! — заревел он в трубку первого телефона. — Что? Миссисипи опять выходит из берегов? Постройте дамбу! Постройте десять дамб, но наведите порядок! Когда закончите, направьте мне докладную.

— Да, слушаю вас! — закричал он во второй телефон. — Голод в Кастрюльной Ручке[1]? Немедленно начинайте раздавать продукты! Крупно напишите мое имя на государственном складе!

— Успокойтесь, иначе я ни черта не разберу! — зарычал он в третий телефон. — Чума косит Лос-Анджелес? Немедленно доставьте туда вакцину и телеграфируйте мне, как только эпидемия будет под контролем.

Начальник бросил последнюю трубку и заметил:

— Эти идиоты помощники впадают в панику по каждому пустяку. Ребенок будет тонуть в ванночке — и эти рохли не вытащат его, не испросив прежде моей санкции!

Джоэнис слушал краткие и решительные разговоры начальника по телефонам, и в душу его закралось сомнение.

— Я не вполне уверен, — начал он, — но, кажется, есть тут один обиженный молодой человек, который...

— ...Который собирается убить меня, — закончил начальник. — Правильно, не так ли? Что ж, я позаботился об этом еще час назад. Не так-то просто застать врасплох Эдвина Дж. Минотавра! Того парня забрали мои телохранители. Вероятнее всего, его ждет пожизненное заключение. Только никому не говорите об этом.

---

[1] *Кастрюльная Ручка* (амер. шутл.) — название штата Западная Виргиния.

— Почему? — удивился Джоэнис.

— Плохая реклама, — пояснил Минотавр. — Особенно эта интрижка с моей дочерью, которую парень между делом обрюхатил. Сколько раз я говорил этой блаженной, чтобы она приводила друзей в дом, но нет, ей приспичило украдкой бегать на свидания с анархистом!.. Мы опубликуем специально сфабрикованное сообщение, будто бы этот парень, Тезей, тяжело ранил меня и будто бы он сбежал из-под стражи и женился на моей дочери. Вы-то по достоинству можете оценить такое сообщение.

— Не совсем, — сказал Джоэнис.

— Черт побери, да ведь оно вызовет рост симпатий в мой адрес! — вскричал Минотавр. — Люди будут искренне сочувствовать мне, когда узнают, что я на грани смерти. И они будут еще больше мне сочувствовать, когда услышат, что моя единственная дочь вышла замуж за убийцу. Видите ли, несмотря на то, что всем известны лучшие стороны моего характера, которые я продемонстрировал в деле, все-таки чернь меня недолюбливает... Эта история должна помочь мне завоевать их сердца.

— Замысел очень остроумный, — согласился Джоэнис.

— Спасибо, — сказал Минотавр. — Откровенно говоря, я уже довольно давно забочусь о моей общественной репутации. И если бы не вылез этот кретин со своей проволокой и револьвером, мне пришлось бы кого-то нанять для той же цели. Надеюсь, что газеты подадут эту историю должным образом.

— А разве на этот счет есть какие-то сомнения? — спросил Джоэнис.

— О, они напечатают все, что я им прикажу, — заявил Минотавр с угрозой в голосе. — Найму человека, чтобы он написал об этом книгу, и еще будет пьеса, и кинофильм, снятый по книге. Будьте уверены, я выдою из этой истории все, что только можно.

— А что вы приказали им написать о вашей дочери? — спросил Джоэнис.

— Ну, как я говорил, она выходит замуж за этого молодчика. Затем, через год-другой, мы опубликуем сообщение об их разводе. Кстати, надо бы дать ребенку имя... Однако Бог знает, что эти идиоты напишут о моей бедной толстой маленькой Ари-

адне. Может быть, превратят ее в красавицу, рассчитывая, что мне это понравится. А всякие грязные подонки, которые любят читать такого сорта статейки, будут проливать слезы и просить еще. Человеческая раса в значительной степени состоит из лживых, ни на что не способных дураков. Я могу управлять ими, но будь я проклят, если понимаю их.

— А как там насчет детей? — спросил Джоэнис.

— Что вы имеете в виду — «насчет детей»? — вопросил Минотавр, свирепо уставившись на него.

— Ну, это... Тезей говорил, что...

— Этот человек талантливый враль, — заявил Минотавр. — Если бы только не мое высокое положение, я возбудил бы против него дело за диффамацию. Надо же — дети! Разве я похож на извращенца? Полагаю, мы можем благополучно опустить вопрос о детях. А теперь не пора ли нам вернуться к вашему заданию?

Джоэнис кивнул.

— Самая главная сейчас проблема — это информация. На что противник способен? Что там вообще, черт побери, происходит? Я знаю, что Джон Мадж из Координации Родов Войск объяснил вам, до какой степени нам нужна правда — пусть даже самая ужасная. И об этой правде нам должен прямо и откровенно доложить человек, которому мы можем доверять. Осознаете ли вы всю серьезность задачи, которую мы ставим перед вами, Джоэнис?

— Думаю, что да, — сказал Джоэнис.

— Вы служите не какой-нибудь отдельной группе или фракции. Не нужно ни преуменьшать, ни преувеличивать то, что увидите. Наоборот — излагайте события как можно проще и объективнее.

— Я сделаю все от меня зависящее, — пообещал Джоэнис.

— Вряд ли я имею право требовать большего, — проворчал Минотавр.

Минотавр передал Джоэнису деньги и документы, которые могут понадобиться ему во время путешествия, а затем вместо того, чтобы выставить Джоэниса в коридор, где тот сам дожен был бы искать дорогу к выходу, он открыл окно и нажал на кнопку.

— Я лично всегда пользуюсь только таким способом, — сказал он, помогая Джоэнису занять место

рядом с пилотом вертолета. — С этими чертовскими коридорами одни хлопоты. Желаю удачи, Джоэнис. Помните о том, что я вам сказал.

Джоэнис заверил его, что будет помнить об этом всегда. Он был глубоко тронут доверием, оказанным ему Минотавром. Вертолет оторвался от здания и взял курс к Вашингтонскому аэропорту, где Джоэниса должен был ждать специальный реактивный самолет с автопилотом. Когда вертолет набирал высоту, Джоэнису показалось, что он услышал детский смех, доносившийся из комнаты, которая примыкала к кабинету Минотавра.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис сел на специальный реактивный самолет, и скоро он был высоко в воздухе.

Печально рассказывать о том, что было дальше... Когда Джоэнис пролетал над Калифорнией, автоматическая радарная станция приняла его самолет за вторгшийся самолет противника и открыла огонь, выпустив по нему серию ракет класса «воздух — воздух». Этим трагическим инцидентом и открылась начальная стадия великой войны.

История войн изобилует ошибками подобного рода. И в Америке двадцать первого века, когда доверие и привязанность людей к машинам стали поистине безграничными, такая ошибка должна была привести к самым страшным последствиям.

Объятый ужасом, Джоэнис зачарованно следил, как ракеты на полной скорости неслись к его самолету. Затем он ощутил, что самолет резко лег на крыло — это автопилот, обнаружив опасность, дал залп своими антиракетами в целях самозащиты.

Этот удар вызвал ответную атаку со стороны ракетных станций наземного базирования. Некоторые из этих станций были автоматическими, другие — нет, но все мгновенно отозвались на сигнал «чрезвычайной обстановки». А тем временем самолет Джоэниса израсходовал весь свой боезапас.

Впрочем, что касается запаса коварства, которым его снабдили проектировщики, то самолет не потерял его ни в малейшей степени. Автопилот переключил радиостанцию на волну, на которой шел радиообмен между землей и ракетами, и объявил, что его атакуют и что все ракеты, находящиеся в воздухе, суть вражеские цели, которые следует уничтожить.

Эта тактика имела определенный успех. Те ракеты, что постарше, не отличались хитроумием и не могли атаковать самолет, который они считали своим. Однако новые ракеты, более искушенные и изощренные, были обучены ждать от неприятеля именно таких коварных трюков. Поэтому они усилили натиск, в то время как старые ракеты отчаянно бились на стороне одиночного самолета.

Когда битва между ракетами была в полном разгаре, самолет Джоэниса сделал маневр и благополучно ушел от огня. Оставив зону боя далеко позади, он молнией понесся к своему родному аэропорту в Вашингтоне, округ Колумбия.

Прибыв туда, Джоэнис отправился на эскалаторе в Главный Командный Пункт, располагавшийся под землей на глубине семисот футов. Здесь его сразу же подвергли допросу. От Джоэниса добивались, чтобы он рассказал о характере совершенного на него нападения и опознал противника. Но единственное, что Джоэнис знал наверняка, — это то, что какие-то одни ракеты его атаковали, а какие-то другие держали оборону.

Об этом Командный Пункт уже знал, и офицерам не оставалось ничего другого, как приняться за допрос автопилота, который вел самолет Джоэниса.

Поначалу автопилот давал уклончивые ответы, поскольку никто не мог вспомнить нужный секретный код, на который автомат отзывался. Но после того как код подобрали, он заявил, что над Калифорнией их самолет атаковали ракеты наземного базирования, и некоторые из этих ракет принадлежали к совершенно не известному ему типу.

Все эти, а также прочие данные, касающиеся ракетного боя, были заложены в Калькулятор Вероятности Войны, который сразу же выдал следующие варианты, приведенные здесь в порядке убывающей вероятности:

1. На Калифорнию напал Коммунистический Блок.

2. На Калифорнию напали нейтральные страны.

3. На Калифорнию напали члены Западного Альянса.

4. На Калифорнию напали пришельцы из космоса.

5. На Калифорнию вообще никто не нападал.

Калькулятор также выдал все вероятные комбинации и перестановки этих пяти возможностей и выстроил из них систему альтернативных подвозможностей.

Офицеры, обслуживающие Калькулятор, были совершенно ошеломлены огромным количеством вероятностей и подвероятностей, возможностей и подвозможностей, свалившимся им на голову. Они надеялись выбрать наиболее вероятное утверждение и, основываясь на нем, действовать. Но Калькулятор не дал им этого сделать. По мере поступления новых данных вычислительная машина пересматривала и уточняла вероятности и, не останавливаясь ни на секунду, перестраивала и перегруппировывала их, добиваясь все новых сочетаний. Листки уточненных данных, помеченные грифом «КРАЙНЕ СРОЧНО», машина изрыгала со скоростью десяти штук в секунду, и среди них, к полной досаде обслуживающего персонала, ни один не повторял другого.

И все же машина делала только то, что делал бы на ее месте идеальный офицер разведки: рассматривала все проверенные донесения, схватывала их суть, оценивала вероятность, выдавала рекомендации на базе той информации, которая относилась к делу и поддавалась вторичной проверке, и никогда не настаивала на прежней точке зрения из чистого упрямства или гордости — напротив, охотно шла на пересмотр любого суждения, если к тому побуждали новые данные.

Разумеется, Калькулятор Вероятности Войны не отдавал приказов; это оставалось делом чести мужчин, и ответственность всегда возлагалась на человека. Равным образом нельзя было винить компьютер и в том, что он не мог явить целостную правдивую и непротиворечивую картину боевых действий над Калифорнией: такую картину просто невозможно бы-

ло явить. И эта невозможность проистекала из самого характера ведения войны в двадцать первом веке.

Давно уже командир собственной персоной не выступал во главе своих войск и не обозревал взглядом ряды противостоящей армии, сомкнувшейся за спиной вражеского генерала. И форма противных сторон не отличалась резко по цвету, и враг не размахивал боевыми знаменами, не распевал воинственные песни, и все это не складывалось в безошибочную картину чувственного восприятия идущего боя, не оставлявшую ни малейших сомнений в физическом присутствии противника, его сущности и опознании характерных черт.

Те дни давно канули в прошлое. Приемы войны шли нога в ногу с промышленной цивилизацией, становясь все более сложными и все более машинизированными, а военная техника все больше и больше обособлялись от людей, которые были призваны ею командовать. Генералам приходилось удаляться от передовой на все большие и большие расстояния, дабы поддерживать надежную связь со всеми людьми, вступившими в схватку, и со всеми машинами, брошенными в бой.

Не удивительно, что офицеры группы обслуживания в конце концов вернулись к тем пяти главным возможностям, которые Калькулятор выдал в самом начале, признали их равновероятностными и вынесли на рассмотрение генерала Пустойга, Главнокомандующего Вооруженными Силами. Он и должен был принять окончательное решение.

Пустойг был в курсе всех проблем современной войны. Изучив пять вариантов выбора, отданного в его руки, он с великой тоской осознал, насколько же зависит человек, обязанный принять разумное решение, от базисной информации. Он понимал также, что информация поступает к нему от чрезвычайно дорогостоящих машин, которые порой не могут отличить гуся от ракеты, машин, которым требуются в помощь целые полки высококвалифицированных специалистов, обученных обслуживать, чинить, улучшать и ублажать их любыми способами. И еще Пустойг знал, что при всей заботе, которой люди окружали машины, — а может быть, именно благодаря этой заботе, — машинам нельзя по-настоящему до-

верять. Эти создания были ничем не лучше своих создателей, в сущности, они даже походили на своих творцов, переняв у них множество худших черт. Как и люди, машины часто бывали не в духе или начинали вдруг проявлять чрезмерное усердие, а иные даже впадали в кататонический ступор. Кроме того, машины еще имели слабость оказываться под эмоциональным влиянием работающих на них людей — операторов. Фактически те из машин, которые сильнее других поддавались внушению, были не более чем продолжением личности оператора.

Но это обилие проблем не смутило генерала Пустойга, так как он был специально обучен умению принимать решения. И вот, наконец, в последний раз окинув взором все пять вариантов выбора, быстро прогнав в памяти свой жизненный опыт и перебрав различные точки зрения, Пустойг снял телефонную трубку и отдал приказ.

Мы так и не знаем, какую из пяти возможностей выбрал генерал и в чем заключалась суть приказа. Это не имеет никакого значения. Боевые действия совершенно вышли из-под контроля генерала, и он уже был не властен ни довести атаку до конца, ни дать отбой, он вообще был не в силах оказать хоть какое-то влияние на ход сражения. Бой развивался неуправляемо, и обстановка менялась с нарастающей быстротой — ведь машины были как-никак наполовину самостоятельными организмами.

Подбитая калифорнийская ракета пронзительно завыла высоко в небесах, рухнула на мыс Канаверал во Флориде и стерла с лица земли половину военно-воздушной базы. Оставшаяся половина собралась с силами и нанесла ответный удар по врагу, явно окопавшемуся в Калифорнии. Прочие ракеты, поврежденные, но не уничтоженные, рвались по всей стране. Командующие войсками в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и многих других штатах также нанесли ответные удары. По правде говоря, перед тем как линии связи оборвались окончательно, на тех и других обрушился просто шквал донесений, предусматривающих любые повороты событий.

По всей Калифорнии и по всей Западной Америке этот ответный удар вызвал новый ответный удар — встречный. Здешние военачальники решили, что

враг — кто бы он ни был — захватил плацдармы на американском восточном побережье. Они спешили ликвидировать эти плацдармы и без колебаний пускали в ход атомные боеголовки, если таковые действия представлялись им необходимыми.

События развивались с ужасающей быстротой. Местные войска и машины, подвергшиеся чудовищному обстрелу, старались продержаться как можно дольше. Может быть, кто-то еще и ждал особых распоряжений, но под конец дрались уже все, кто только мог драться, а неразбериха приводила к новым разрушениям. И вскоре процветающая машинная цивилизация полностью исчезла с лица земли.

В то время, как происходили все эти события, Джоэнис — совершенно ошарашенный — стоял в Главном Командном Пункте и наблюдал, как одни генералы отдавали приказы, а другие генералы отменяли их. Джоэнис с самого начала видел все собственными глазами, но так до сих пор и не разобрался, кто же противник или хотя бы где он находится.

В этот момент Командный Пункт сотрясся от мощного толчка. Хотя он находился во многих сотнях футов под землей, он тоже подвергся нападению — в атаку пошли особые землеройные машины.

Джоэнис взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и вцепился в плечо какого-то молоденького лейтенанта. Лейтенант обернулся, и Джоэнис сразу же узнал его.

— Лам! — вскричал он.

— Привет, Джонсик! — выпалил в ответ Лам.

— Как ты здесь оказался? — спросил Джоэнис. — И что ты делаешь в армии? Да еще в лейтенантской форме?

— Ну, старик, — сказал Лам, — это необыкновенная история. И тем более странная, что я, в общем-то, не из тех, кого называют «военной косточкой». Впрочем, я очень рад, что ты задал мне этот вопрос.

Командный Пункт тряхнуло еще раз, и многих офицеров швырнуло на пол. Но Лам умудрился сохранить равновесие и не сходя с места поведал Джоэнису о том, как он поступил на военную службу.

КАК ЛАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

(Записано со слов самого Лама, текст приводится по «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, старик, значит, утек я из «Дома «Холлис» для Невменяемых Преступников» вскоре после тебя, подался в Нью-Йорк и сразу же затесался в одну компашку. С ходу накокаинился на всю катушку и полетел высоко-высоко. Я ведь, понимаешь, всю жизнь был на короткой ноге с мескалином, вот и подумал, что кокаин — это так, старомодная штучка, а в тот вечер попробовал, ну и забалдел.

Привиделось мне, будто я вроде Флоренс Найтингейл[1] и должен лечить всю страждущую боевую технику в мире. Чем больше я размышлял, тем больше укреплялся в этом решении и тем тоскливее мне становилось, — я все думал о бедных, несчастных, старых пулеметах с прогоревшими стволами, о танках с проржавленными звеньями гусениц, об истребителях с поломанными шасси и о всем таком прочем. Я думал об ужасных муках, через которые прошла вся эта бессловесная боевая техника, и пришел к выводу, что я просто обязан лечить и утешать ее.

Можешь представить, я был под хорошими парами и вот в этом состоянии направился маршевым шагом к ближайшему вербовочному пункту и с ходу записался, чтобы быть поближе к несчастным машинам.

Наутро проснулся, смотрю — уже в казарме. Ну, конечно, я сразу очухался, если не сказать — перетрусил. Выскочил наружу и бросился искать этого чертового сержанта-вербовщика, который воспользовался тем, что я был под балдой. Но, оказывается, он уже вылетел в Чикаго, чтобы провести агитацию в каком-то борделе, расписывая прелести военной службы. Тогда я бегу к командиру части — сокращенно КЧ — говорю, мол, помимо прочего, я наркоман и совсем недавно содержался в заведении для невменяемых преступников, могу, мол, документально

---

[1] *Флоренс Найтингейл* (1820—1910) — популярная в Великобритании сестра милосердия.

подтвердить и то и другое. Дальше — больше. Говорю, дескать, у меня всякие нехорошие наклонности, и я страх как боюсь огнестрельного оружия, и еще слеп на один глаз, и вообще спина болит. Плюс ко всему, говорю, меня по закону нельзя зачислять в армию, смотри закон о поступлении на военную службу, страница 123, параграф «С».

КЧ посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся так, как могут улыбаться только кадровые вояки да еще «фараоны». И говорит: «Солдат! Сегодня первый день твоей новой жизни, поэтому я склонен смотреть сквозь пальцы на то, что ты нарушил устав и обратился ко мне не по форме. А теперь, будь добр, катись отсюда к черту и ступай к сержанту за распоряжениями».

Когда я не сделал ни того, ни другого, он перестал улыбаться и заявил: «Слушай, солдат, никому нет дела до причин, которые побудили тебя поступить на военную службу. И точно так же никому нет дела до того, что ты вчера, так сказать, нанюхался до чертиков. Что касается многочисленных немощей, о которых ты упомянул, то можешь не беспокоиться. Наркоманы прекрасно управляются с делами в органах стратегического планирования. Все, что от тебя требуется, — это быть хорошим солдатом, и тогда ты увидишь, что армейский распорядок — это лучший образ жизни. И не цитируй на каждом углу закон о воинской службе, словно ты «гаупвахтный юрист», это может не понравиться моим сержантам, и они сделают из твоей башки котлету. Понял? Вижу, что понял. Теперь мы разобрались, что к чему, и я на тебя зла не держу. В сущности, я хочу поздравить тебя и поблагодарить за тот патриотический пыл, который побудил тебя подписать вчера вечером специальный контракт на пятьдесят лет службы без всяких оговорок. Отлично, солдат! А теперь катись к черту...»

И вот, значит, вышел я из кабинета и думаю, что же мне теперь делать: ведь это из тюрьмы или из сумасшедшего дома можно сбежать, а из армии — никогда. Я уж совсем было пал духом, и вдруг меня вызывают, производят в лейтенанты и включают в состав личного штаба генерала Пустойга, а это в здешнем начальстве самый главный начальник.

Поначалу я думал, что всему причиной — моя смазливая внешность, но потом выяснилось, что дело совсем не в этом. Оказывается, когда я записывался в армию — залетев высоко-высоко под «кокой», — то указал в графе «специальность»: «сводник». Эта запись попалась на глаза офицерам, которые занимаются комплектацией особых групп по специальностям. Они доложили генералу Пустойгу, и тот немедленно отдал приказ о моем переводе.

Поначалу я понятия не имел, что мне делать, поскольку никогда в этой области не подвизался. Но другой генеральский сводник — или офицер по особым поручениям, как его культурно называют, — подсказал мне, что и как. С тех пор я по четвергам организую для генерала Пустойга вечеринки, ибо ночь с четверга на пятницу — единственное «окно», когда генерал свободен от своих военных обязанностей. Работа непыльная, потому как все, что от меня требуется, — это позвонить по одному из телефонов, указанных в «Руководстве по отдыху и развлечениям личного состава Вашингтонского района обороны». Или же, в случае крайней нужды, я посылаю срочную депешу в Управление Поставок для Вооруженных Сил, которое имеет отделения во всех крупных городах. Генерал выразил мне сердечную благодарность за квалифицированную работу, и я должен признаться, что армия — вовсе не столь мрачное и ужасное место, как мне ранее представлялось.

Вот, Джоэнис, теперь ты знаешь, что привело меня сюда. Как адъютант и близкий друг генерала Пустойга, могу тебе доложить, что эта война — с каким бы дьяволом мы там ни воевали, — не могла попасть в более надежные руки. Думаю, это важно знать всем, поскольку о людях, занимающих высокое положение, сплошь и рядом врут напропалую.

Кроме того, Джонсик, по-моему, мне следует обратить твое внимание на то, что на Командном Пункте только что произошел взрыв — не иначе как намек на грядущие большие перемены. Так, погасли несколько лампочек и вроде дышать становится чуть труднее. Ну что же, поскольку в наших услугах здесь явно не нуждаются, предлагаю выйти из игры и побыстрее унести отсюда ноги, если это еще в наших возможностях.

Ты со мной, Джонсик? Старик, ты в порядке?

БЕГСТВО ИЗ АМЕРИКИ

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис был контужен — по той причине, что рядом с его головой произошел небольшой взрыв. Лам оттащил его к лифту, который увлек друзей еще глубже в недра земли. Когда дверь лифта открылась, они очутились в широком коридоре. Прямо перед ними была надпись: «Подземная аварийно-спасательная магистраль, только для особо уполномоченных».

— Не знаю, можем ли мы считать себя особо уполномоченными, — сказал Лам, — однако времена такие, что о формальностях лучше позабыть. Джоэнис, ты в состоянии разговаривать? Там впереди должна быть тележка, которая домчит нас до... черт побери, до такого места, где мы, как я от души надеюсь, будем в безопасности. Я доверяю старому хрену. Вроде бы он ни капельки не шутил.

Они нашли тележку в том месте, где Лам и предполагал, и много часов ехали под землей, пока наконец не выскочили на поверхность на восточном побережье штата Мэриленд. Перед ними открылся Атлантический океан.

Здесь энергия Лама иссякла: он решительно не знал, что делать дальше. Зато к Джоэнису полностью вернулись присутствие духа и способность соображать. Взяв Лама под руку, он направился к пустынному берегу. Там друзья повернули на юг и шли несколько часов, пока не вышли к заброшенной маленькой гавани.

Из множества парусных судов, которые покачивались на волнах в акватории порта, Джоэнис выбрал одну яхту и принялся переносить на нее продукты, воду, карты и навигационные приборы — все, что обнаружилось на прочих судах, снаряженных когда-то для дальних плаваний. Работа не была закончена и наполовину, когда над головами друзей с завыванием пронеслись ракеты, и Джоэнис решил отчаливать, не теряя больше ни секунды.

Судно уже было в нескольких милях от берега, когда Лам встрепенулся, огляделся по сторонам и вопросил:

— Эй, старик, куда это мы направляемся?

— На мою родину, — ответил Джоэнис. — На остров Манитуатуа в южной части Тихого океана.

Лам поразмыслил немного над услышанным и кротко сказал:

— Вроде как неслабое путешествие получается, а? Я к тому, что придется ведь огибать мыс Горн, и тогда вся эта музыка растянется примерно на восемь — десять тысяч миль, верно?

— Что-то вроде этого, — согласился Джоэнис.

— Может, передумаешь, и вместо этого поплывем в Европу? Так-то будет всего-навсего три тысячи миль?

— Я плыву домой, — твердо заявил Джоэнис.

— Ага. Ну ладно, — сказал Лам. — В гостях хорошо, а дома лучше. Но для такого путешествия у нас вроде не очень здорово с водой и продуктами, а по пути вряд ли что-нибудь попадется. К тому же у меня лично нет полной уверенности в непотопляемости этого судна. По-моему, оно уже дало течь.

— Все правильно, — сказал Джоэнис. — Но кажется, течь можно заделать. А что касается воды и продуктов, то будем надеяться на лучшее. Честное слово, Лам, я не знаю другого места, куда бы стоило плыть.

— Порядок, — сказал Лам. — Я же не выпендриваюсь. Просто пришли в голову кое-какие мыслишки, и я подумал, может, удастся их обсосать. Нет — так нет. Стало быть, я, как и ты, буду надеяться на лучшее. И вот еще какая идея: может быть, пока мы совершаем этот увеселительный круиз, ты начнешь писать мемуары? Во-первых, не исключено, что получится увлекательное чтение, а во-вторых, они помогут опознать наши несчастные иссохшие трупы, когда кто-нибудь наткнется на это суденышко.

— Я вовсе не убежден, что нам придется погибнуть, — сказал Джоэнис. — Хотя должен признать, что вероятность этого весьма велика. А почему ты сам не хочешь писать мемуары?

— Может, и набросаю главу-другую, — ответил Лам. — Но большую часть пути я собираюсь провести в размышлениях о людях и правительствах и о том, как их можно улучшить. На эту задачу я брошу все резервы моих пропитанных наркотиками мозгов.

— По-моему, это просто замечательно, Лам! — воскликнул Джоэнис. — У нас, у обоих, есть много чего рассказать людям. Если только, конечно, мы найдем людей, которым можно все это рассказать.

Вот так, в полном согласии, и пустились Джоэнис и его верный друг в плавание по темнеющему морю, вдоль опасных берегов, навстречу далекой и неопределенной цели.

КОНЕЦ ХОЖДЕНИЯ

(Написано Издателем с привлечением всех доступных источников)

Излишне распространяться о путешествии друзей вдоль берегов двух Америк, вокруг мыса Горн и затем на северо-запад, к островам, лежащим в южной части Тихого океана. Достаточно лишь упомянуть о том, что испытания, выпавшие на долю Джоэниса и Лама, были суровы, а опасности, с которыми они сталкивались, многочисленны. Но то же самое можно сказать и о великом множестве моряков, плавающих по океанам во все времена — включая и наше собственное. Что, как не глубочайшее сочувствие, могут вызвать у нас рассказы о том, как Джоэнис и Лам страдали от лучей тропического солнца, как их швыряли ураганы, как у них кончились продукты и вода, как их суденышко получило пробоину, потеряло мачту, как с подветренной стороны они увидели опасные рифы, и так далее и тому подобное. Однако, отдав дань сопереживаниям, попутно отметим, что все эти детали мы встречали и в бесчисленном множестве других рассказов о переходах на малых судах. Это единообразие, конечно, не умаляет ценности приобретенного опыта, но зато вполне может вызвать определенное падение читательского интереса.

Сам Джоэнис никогда не распространялся об этом ужасном путешествии, поскольку его интересовали совершенно иные вещи. А что касается Лама, то, говорят, единственным его ответом на вопрос, какие

ощущения он испытывал во время плавания, было: «Ну, старик, знаешь ли!..»

Мы-то знаем. Потому и переходим сразу к финалу путешествия, когда Джоэниса и Лама, изголодавшихся, но живых, целехоньких, но бесчувственных, волны выбросили на берег, и заботливые обитатели Манитуату́а вернули их к жизни.

Придя в себя, Джоэнис сразу осведомился о своей возлюбленной Тонделайо, которую он оставил на островах. Но эта пылкая девушка устала его ждать, вышла замуж за рыбака с острова Туамоту и теперь растила двух сыновей. Джоэнис с достоинством воспринял этот факт и переключил свое внимание на мировые события.

Он обнаружил, что война оказала весьма малое воздействие на Манитуатуа и соседние архипелаги. Эти острова, которые давно уже не поддерживали контактов с Азией и Европой, вдруг потеряли связь с Америкой. Поползли слухи один нелепее другого. Кто-то утверждал, что приключилась большая война, в которой все крупные государства Земли уничтожили друг друга. Иные возлагали вину на пришельцев из космоса, обладавших якобы невероятно злобным нравом. Третьи говорили, что никакой войны не было вовсе, а случился великий мор, который и привел к общему краху всей Западной цивилизации.

Эти и многие другие теории прежде вызывали жаркие дискуссии, спорят о них и теперь. Ваш издатель придерживается той же точки зрения, что и Джоэнис: это была спонтанная и хаотическая вспышка военных действий, кульминационным пунктом которых стало самоуничтожение всей Америки, последней из великих цивилизаций Старого Света.

Слухи множились с неудержимой силой. Высоко над головой иногда пролетали ракеты. Большинство из них безобидно плюхалось в воду, но одна ракета упала на Молотеа и полностью разрушила восточную половину этого атолла, унеся семьдесят три жизни. Американские ракетные базы, расположенные в основном на Гавайях и Филиппинах, ждали распоряжений, которые так и не пришли, и командиры баз неустанно бились над проблемой опознания противника. Последняя ракета плюхнулась в море, и больше

их не стало. Война закончилась. Старый Свет сгинул без следа, словно его никогда и не было.

Все эти дни Джоэнис и Лам пребывали в сознании, но по-прежнему испытывали сильнейшую слабость. Только спустя несколько месяцев после окончания войны они смогли восстановить силы. И наконец настал день, когда каждый ощутил в себе готовность сыграть свою роль в формировании новой цивилизации.

Как ни печально, но они смотрели на свое призвание с разных точек зрения и так и не смогли прийти к полному согласию. Они пытались сохранить дружеские узы, но с каждым днем это становилось все более затруднительно. Их последователи пытались сглаживать острые углы, но многие из них считали, что эти два человека, столь страстно ненавидевшие войну, вполне могли начать ее между собой.

Однако этого не случилось, так как влияние Джоэниса на островах южной части Тихого океана — от Нукухивы на западе до Тонга на востоке — было неоспоримым. Тогда Лам со своими последователями загрузил продовольствием несколько каноэ и отплыл на восток, направившись к Фиджи, туда, где идеи Лама вызвали неподдельный интерес. К тому времени и Джоэнис, и Лам уже достигли зрелого возраста и распрощались друг с другом, охваченные великой печалью, не надеясь более свидеться.

Последние слова Лама, обращеные к Джоэнису, были таковы:

— Что же, старик, как я понимаю, каждый лабух должен знать, когда ему пора лабать. Но, веришь ли, если по правде, то я готов шизануться, видя, как мы с тобой пляшем в разные стороны. Ведь мы с тобой, Джонсик, прошли через все это с самого начала, и мы единственные, кто об этом знает. Поэтому, хотя я и думаю, что ты не прав, бей всю дорогу в одну точку, паря, и время от времени давай о себе знать. Мне будет не хватать тебя, старик, поэтому не перегибай палку.

Джоэнис рассыпался примерно в таких же выражениях. Затем Лам уплыл на Фиджи, где его идеи упали на благодатнейшую почву. Даже в наши дни Фиджи остаются центром Ламизма, и фиджийцы говорят не на диалекте английского языка, основы

которого заложил здесь Джоэнис, а предпочитают диалект, на котором говорил Лам. Многие эксперты считают, что это самая чистая и наиболее древняя форма английского языка.

Основную идею философии Лама лучше всего передать его собственными словами — в том виде, в каком они записаны в «Книге Фиджи»:

Слушай, вся эта история приключилась так, как она приключилась, не почему-то там, а из-за машин.

Стало быть, машины плохие.

Они к тому же сделаны из металла.

Так что металл еще хуже. То есть в металле — все зло.

Значит, как только мы избавимся от всего этого чертового металла, всюду будет полная лафа.

Это, конечно, только часть учения Лама. Он также выдвинул четкие теории о пользе интоксикации и исступленного веселья («Давайте кайфовать!»); об идеальном поведении («Не будем липнуть друг к другу»); о границах влияния общества на личность («Не давайте обществу ездить на вас»); о пользе хороших манер, терпимости и взаимоуважения («Не следует лажать ближних»); о значимости объективно обусловленных ощущений («Я секу в корень, без понта»); о кооперации в рамках общественной структуры («Клево, когда все лабухи трубят дружно»)... и о множестве прочих вещей, так что эти теории охватывали почти все стороны человеческой жизни. Эти примеры взяты из «Книги Фиджи», где полностью собраны все изречения Лама вкупе с примечаниями.

В те ранние дни Нового Мира фиджийцев больше всего интересовала теория Лама о природе зла: будто бы зло изначально коренится во всех металлах. Будучи от природы людьми предприимчивыми и склонными к далеким путешествиям, они снарядили большие флотилии и пустились на них в плавания под предводительством Лама, чтобы топить в море металл всюду, где только он отыщется.

Во время этих экспедиций фиджийцы собрали под свои знамена новых сторонников зажигательного ламистского вероучения. Идея уничтожения металлов облетела все острова Тихого океана, и фиджийцы,

проповедуя ее, добирались и до Австралии, и до побережья Америк. Их подвиги увековечены во множестве песен и устных рассказов. Особенно это касается работы, проделанной ими на Филиппинах, и с помощью маори — в Новой Зеландии. Только в конце столетия, через много лет после смерти Лама, фиджийцы смогли завершить свое титаническое предприятие на Гавайях — таким образом, острова Тихого океана простились примерно с девятью десятыми своих запасов металлов.

К тому времени, когда слава фиджийцев достигла апогея, они уже завоевали многие острова и вошли в контакт с жителями. Однако этот малочисленный народ не смог долго удерживать под своей властью другие народы. Какое-то время фиджийцы правили на Бора-Бора, Райатеа, Хуахине и Оаху, но затем они были или ассимилированы местным населением, или изгнаны с островов. Словом, большинство фиджийцев наконец в полной мере постигли выражение Лама, гласившее: «Сделал дело — и свали со сцены: главное, не околачивайся где не надо и не будь букой».

Так закончилась фиджийская авантюра.

В отличие от Лама, Джоэнис не оставил нам собрания философских трудов. Он никогда не выражал своего отрицательного отношения к металлам, напротив, был к ним совершенно равнодушен. Он с недоверием относился к законам, даже к самым удачным, хотя и признавал, что они необходимы. По Джоэнису, закон мог быть хорошим только тогда, когда проистекал из самой природы людей, отправляющих правосудие. Если природа этих людей менялась — а Джоэнис полагал, что сие неизбежно, — менялась и природа законов. А когда это происходило, следовало искать новые законы и новых законодателей.

Джоэнис учил, что люди должны активно стремиться к добродетели, и в то же время признавал, что это крайне трудно. Самая большая трудность, как считал Джоэнис, заключалась в том, что все в мире, включая людей и их добродетели, постоянно меняется, и человек, взыскующий добра, вынужден, таким образом, расстаться с иллюзией неизменности всего сущего, разобраться в переменах, происходящих

в нем самом и в ближних, и сосредоточить свои усилия на беспрестанном поиске островков преходящей стабильности в бурном море жизненных метаморфоз. Этот поиск, указывал Джоэнис, мог оказаться успешным лишь при большом везении — объяснить сей феномен невозможно, но, безусловно, элемент удачи играет очень важную роль.

Джоэнис всегда придавал особое значение превосходству добродетели над пороками, подчеркивал настоятельную потребность человека в волевом действии и недостижимость совершенства. Но некоторые утверждают, что в старости Джоэнис стал проповедовать совершенно иные идеи. К примеру, что мир — это не более чем страшная игрушка, которую злые боги смастерили в виде театра, чтобы ставить для своего развлечения бесконечные пьесы, создавая людей и используя их в качестве действующих лиц и исполнителей. Когда актеры должным образом подготовлены, боги получают колоссальное удовольствие, наблюдая за спектаклем марионеток, разгуливающих с напыщенным видом, преисполненных сознанием собственной значимости и убежденных в том, что они занимают важное место в миропорядке. Они даже пытаются это научно доказать и трудятся в поте лица, чтобы разрешить проблемы, которые поставили перед ними боги. А боги покатываются со смеху, взирая на спектакль, и ничто не может доставить им большего наслаждения, чем вид какой-нибудь марионетки, вдруг вознамерившейся прожить безгрешно и умереть достойно. Но даже и это не самое страшное. Со временем боги устанут от своего театра и от маленьких марионеток-человечков, они уберут их подальше, снесут театрик и обратятся к иным развлечениям. Пройдет еще немного времени, и даже сами боги не вспомнят, что где-то когда-то существовал такой народец — люди.

Но мы считаем, что эта концепция не характерна для Джоэниса, и ваш издатель полагает, что она недостойна его. Мы всегда будем хранить в памяти образ Джоэниса в расцвете сил и лет, когда он шел к людям с проповедью надежды.

Джоэнис прожил достаточно долго. Он видел смерть старого мира и рождение нового, он помнил,

что многие наши предки прибыли из Европы, Америки или Азии. Но несмотря на это смешение рас, мы чувствуем себя полинезийцами, меланезийцами и микронезийцами. Ваш издатель, живущий на острове Гаваики, считает, что современный мир процветанием обязан малым размерам наших островов, их многочисленности и удаленности друг от друга. Потому что это делает совершенно невозможным тотальное завоевание одних островов другими и в то же время позволяет отдельно взятой личности с легкостью покинуть данный остров, если он ей чем-либо не нравится. Таковы наши преимущества, которых были лишены обитатели континентов в прошлом.

Конечно, у нас есть свои трудности. Между архипелагами по-прежнему вспыхивают войны, но масштаб их несоизмеримо скромнее по сравнению с войнами прежних эпох. Все еще существуют социальное неравенство, несправедливость, преступления и болезни; но эти несчастья никогда не вырастут до таких размеров, чтобы сокрушить островные сообщества. Жизнь меняется, но в наши дни перемены происходят гораздо медленнее, чем в прошлые лихорадочные времена.

Возможно, эта неспешность перемен отчасти объясняется великим дефицитом металлов. На наших островах металлов всегда было очень мало, а фиджийцы к тому же уничтожили большую часть того, что было в наличии. Небольшое количество металла все еще добывают на Филиппинах, но он крайне редко поступает в обращение. Ламистские общины все еще активны, они крадут весь металл, который только удается найти, и топят его в море. Многие из нас чувствуют, что эта иррациональная ненависть к металлу — лишь прискорбное наследие прошлого; но мы по-прежнему не можем найти ответ на старинный вопрос Лама, который до сих пор звучит едкой насмешкой в устах ламистов.

Вопрос этот гласит: «Послушай, парень, ты когда-нибудь пробовал построить атомную бомбу из кораллов и кокосовой скорлупы?»

Так и течет жизнь в наши дни. Мы осознаем, что, как это ни грустно, наши мир и процветание покоятся на развалинах общества, самоуничтожение ко-

торого и сделало возможным наше существование. Но такова судьба всех обществ, и мы не можем здесь ничего изменить. Тем, кто оплакивает прошлое, следовало бы заглянуть в будущее. Некоторые фиджийские ламисты, отваживающиеся пускаться в дальние морские путешествия, сообщают о каком-то движении диких племен, населяющих ныне Американский континент. В настоящий момент этих разрозненных пугливых дикарей еще можно игнорировать; но кто знает, что принесет нам будущее?

Что касается финала Хождения Джоэниса, то о нем рассказывают следующее. Лам встретил смерть в возрасте шестидесяти девяти лет. Он возглавлял очередной поход разрушителей металла, и ему проломил голову дубинкой некий здоровенный гаваец, который пытался защитить свою швейную машинку. Падая, Лам произнес: «Ну что ж, ребята, я отправляюсь на Большой Балдеж на Небесах, где заправляет Самый что ни на есть Великий Наркоман на свете».

Это было последнее запротоколированное выступление Лама по вопросу религии.

Джоэниса ожидал совершенно иной конец. На семьдесят третьем году жизни Джоэнис, находясь с официальным визитом на богатом острове Моореа, увидел на берегу какое-то движение и направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Там он обнаружил человека, принадлежавшего к его собственной расе, который приплыл на плоту. Одежда незнакомца была в лохмотьях, тело жестоко обожжено солнцем, но он пребывал в добром состоянии духа.

— Джоэнис! — вскричал человек. — Я знал, что вы живы, и был уверен, что найду вас. Ведь вы Джоэнис, не так ли?

— Так, — сказал Джоэнис. — Но боюсь, что мы с вами не знакомы.

— Я Чевоиз, — сообщил человек. — Как в «Чево изволите?». Я тот самый похититель бриллиантов, которого вы встретили в Нью-Йорке. Теперь вспомнили меня?

— Вспомнил, — сказал Джоэнис. — Но зачем вы разыскивали меня?

— Джоэнис, наша беседа тогда длилась всего несколько мгновений, но она оставила неизгладимый

след в моей душе. Делом моей жизни стали вы и только вы. Потребовалось много сил и много времени, чтобы собрать воедино все, что вам может понадобиться, но я ни перед чем не останавливался. Мне оказывали помощь, я получал знаки внимания на высшем уровне и был доволен. Затем грянула война, и трудностей стало намного больше. Я вынужден был многие годы скитаться по изуродованному лику Америки, разыскивая то, что вам могло бы потребоваться в будущем, и наконец завершил свой труд и прибыл в Калифорнию. Оттуда я отправился под парусом к островам Тихого океана и в течение многих лет переезжал от острова к острову. Я часто слышал о вас, но никак не мог найти. Но я не падал духом. Я всегда помнил о всех трудностях, с которыми пришлось столкнуться вам, и в этих воспоминаниях черпал свои силы. Я знал, что ваша работа имеет отношение к завершающей стадии истории человечества, но моя работа имела отношение к завершающей стадии вашей истории.

— Все это в высшей степени поразительно, — сказал Джоэнис совершенно спокойно. — Но мне кажется, дорогой Чевоиз, что вы, вероятно, не совсем в своем уме, правда, для меня это не имеет никакого значения. Мне очень жаль, что я причинил вам столько хлопот. Но я понятия не имел, что меня разыскивают.

— А вы и не могли иметь такого понятия, — возразил Чевоиз. — Даже вы не в состоянии знать, кто и зачем вас разыскивает, пока вас не нашли.

— Хорошо, — сказал Джоэнис, — вот вы и нашли меня. Кажется, вы упомянули, что у вас для меня что-то есть?

— Несколько вещичек, — сказал Чевоиз. — Я преданно хранил и лелеял их, поскольку они совершенно необходимы для завершения вашей истории.

С этими словами Чевоиз извлек клеенчатый сверток, который был примотан к его телу. Сияя от счастья, он передал сверток Джоэнису.

Джоэнис развернул пакет и нашел там следующее:

1. Записку от Шона Фейнстейна, который сообщал, что взял на себя издержки по пересылке этих вещей, а также по снаряжению Чевоиза, которому

выпала роль связника. Он выражал надежду, что у Джоэниса все в порядке. Что касается его самого, то он вместе с дочерью Диедри спасся от катастрофы, бежав на остров Сангар, расположенный в двух тысячах миль от побережья Чили. Там он стал торговцем и со временем добился на этом поприще неплохих успехов; а Диедри вышла замуж за местного парня, человека прилежного и с широким кругозором. Шон Фейнстейн искренне надеялся, что приложенные к записке документы будут для Джоэниса ценным подарком.

2. Короткую записку от доктора, с которым Джоэнис встретился в «Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников». Доктор писал, что он хорошо помнит интерес Джоэниса к пациенту, который возомнил себя Богом и исчез как раз перед встречей с Джоэнисом. Однако, поскольку Джоэнис проявил в этом вопросе искреннюю любознательность, доктор прилагал к записке единственное письменное свидетельство, которое оставил после себя тот сумасшедший, — клочок бумаги, что был найден на его столе.

3. План Октагона, заверенный официальной печатью Управления Картографии и подписями высших начальников. Рукой самого Главы Октагона на плане было начертано: «Точный и окончательный». План гарантировал любому посетителю быстрый доступ в любую часть здания.

Пока Джоэнис разглядывал все эти вещи, лицо его каменело, обретая сходство с выветрившимся гранитным останцом. Он долго стоял неподвижно и пошевелился лишь тогда, когда Чевоиз попробовал заглянуть в бумаги из-за его плеча.

— Я же хочу по справедливости! — вскричал Чевоиз. — Всю дорогу я вез эти бумаги и ни разу не заглянул в них. Да, мой дорогой Джоэнис, я имею полное право хотя бы мельком увидеть план и просто обязан хоть одним глазком заглянуть в бумажку, оставленную сумасшедшим.

— Нет, — ответствовал Джоэнис. — Эти документы были посланы не вам.

Чевоиз пришел в ярость, и жителям деревни пришлось сдерживать его, чтобы он не вырвал бумаги силой. Несколько деревенских жрецов, умоляюще

глядя в глаза Джоэнису, направились было к нему, но он попятился от них с выражением такого ужаса на лице, что люди подумали — еще секунда, и он швырнет бумаги в море. Однако Джоэнис не сделал этого. Он судорожно прижал документы к груди и бросился бежать по крутой тропе, поднимавшейся в горы. Жрецы последовали за ним, но вскоре потеряли Джоэниса из виду в густом подлеске.

Они спустились к морю и сказали людям, что Джоэнис скоро вернется, что он просто ненадолго отлучился, чтобы изучить бумаги в одиночестве. Люди ждали и не теряли надежды еще много лет, даже после смерти Чевоиза. Но Джоэнис так никогда и не спустился с гор.

Почти через два столетия некий охотник отправился полазить по крутым склонам Моореа в поисках горных козлов. Вернувшись с охоты, он заявил, что видел очень старого человека, который сидел перед входом в пещеру и разглядывал какие-то бумаги. Охотник заметил, что бумаги, которые старик держал в руках, давно выгорели на солнце и вылиняли под дождем, так что на них остались лишь неясные каракули, совершенно не поддающиеся чтению, да и старик, кажется, давным-давно ослеп от неустанного вглядывания в тексты.

— Как вы можете читать эти бумаги? — спросил охотник.

— Мне незачем читать, — ответил старик. — Я выучил их наизусть.

Тут старик поднялся на ноги и направился в пещеру, и через несколько мгновений ничто уже здесь не напоминало о старике — будто его никогда и не было.

Правдива ли эта история? Мог ли Джоэнис — несмотря на невероятный возраст — все еще жить в горах и размышлять о высших секретах ушедшей эпохи? А если даже и так, могут ли записки сумасшедшего и план Октагона иметь какое-нибудь значение для наших дней?

Этого мы никогда не узнаем. Три экспедиции были посланы в то место, и ни одна из них не нашла следов человеческого обиталища, хотя пещера существует на самом деле. Исследователи считают, что

охотник, скорее всего, был пьян. Они резонно доказывают, что Джоэнис от тоски и печали повредился в уме, поскольку слишком поздно получил важнейшую информацию; что он убежал от жрецов и жил отшельником наедине со своими выцветшими бесполезными бумагами; и что в конце концов он умер в каком-нибудь недоступном месте.

Это объяснение представляется вполне благоразумным. Но обитатели Моореа воздвигли возле пещеры скромную усыпальницу.

ПОВЕСТЬ

Билет на планету

ТРАНАЙ

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного бюро путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-II и подошел к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай, — сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет, — ответил молодой человек. — Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал. — Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так, — сказал агент уверенным голосом. — Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне проезд? — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой:

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся:

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай, — угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться, — терпеливо начал объяснять агент. — Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна. — Могу предложить планету Африканус-II — доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай, — сказал Гудмэн.

— Гм, — клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента. — Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звездного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай, — повторил Гудмэн. — До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре-IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

— Отлично, — сказал Гудмэн. — Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн, — спросил он в отчаянии, — все-таки что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия, — сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против

гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикирской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикирская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон, и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Она сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой вина начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Венеры.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм, — бросил бармену старый космонавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж, — ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский», — сказал капитан. — Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр, — признался Гудмэн.

— Так вот, сынок, — сказал капитан Сэвидж. — Что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков еще промышляла вдоль Звездного пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар», — назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой:

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современ-

ной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикирской строительной корпорации, — вздохнул старик. — Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселенной, найден модус вивенди — реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический вихрь и наконец добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай оказался довольно приятным городком. Улицы полны народу, и в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И все же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и, что более странно, все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или была эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам инземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай, — сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Г-н министр... — официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо, — сказал Гудмэн, слегка ошарашенный. — Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал, — сказал министр. — Довольно нервное, суетливое место, не правда ли? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да, да. Я придерживаюсь того же мнения о Земле. Причина, по которой я приехал... — Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо. — В общем, я слыхал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел к выводу, что все это, наверное, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно, — великодушно сказал Мелит. — Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет, — поправил его Мелит. — Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся, — объяснил Мелит, — потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал, — сказал Гудмэн, — что на Транае нет нищеты.

— О нищете я и не слыхивал, — сказал весело Мелит. — Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо. — Гудмэн в возбуждении наклонился вперед. — Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно, — сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул:

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой, — сказал Мелит. — Видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. — Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится, — сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету. — У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей для работы много. — Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один синий потек.

— Анкету заполним в следующий раз, — сказал он. — Я сейчас не в настроении этим заниматься. — Он откинулся на спинку кресла. — Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете,

в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать (это, конечно, не приказ) их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать, — с чувством сказал Гудмэн. — Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчет нас, — весело улыбнулся Мелит. — Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она Мелиту.

— Скоро вечер, — сказал Мелит. — Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Г-жа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам, — ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой, — сказала г-жа Мелит мужу. — Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена, — сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят, — извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчет Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну. — Очаровательная молодая женщина. — Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну. — Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, — сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием, — ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать, — заметил Мелит, взглянув на часы. — Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия, — сказал он себе. — Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-стасисного поля; он узнал характерное голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако, если все жены на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной паранджи?

И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим, чужой планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь, — сказал маленький человек с довольной улыбкой. — Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично, — сказал человек. — Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, — весело говорил незнакомец. — Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать, — изумленно спросил он, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец. — Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение, — сказал Гудмэн. — Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек. — Я и есть Верховный Президент Борг.

Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

— Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Борг, — сказал портье. — Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он

нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина, — сказал Аббаг. — Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу. — Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте, — предложил Аббаг.

Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно, — осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы, — сказал Аббаг. — Очень медленно. Лично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг. — Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите, — сердито спросил Аббаг, — разве мы можем замедлить его еще больше без удорожания

стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это еще не все, — продолжал жаловаться Аббаг. — Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жесть. Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок, — сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает покупатель?

— Подождите, — запротестовал Гудмэн. — Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови:

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок, — сказал Аббаг. — А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул:

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаенное недоверие к маши-

нам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться, — сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, — педантично продолжал Аббаг. — Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! — взмолился Гудмэн. — Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий, — беспощадно докончил Аббаг. — Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковыми бывают жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на роботочасы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транае мы даем конкретный выход этому беспокойству и

открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет в магазин и купит нового робота. И в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы все понять, — признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он кончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети иг-

рают в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин. Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов, дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая, — сказал рыжий. — Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть, — сказала г-жа Влэй. — Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля, — сказал мистер Влэй. — Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так, — согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, — сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго-II, губы нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь, — сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно, — сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой стрелке, где кровожадные скарбики охотились вдоль Звездного пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Гэнн «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду, — задумчиво сказала она.

— Не очень, — сказал Гудмэн. — Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... — Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн проводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра, — улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправданно. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кей, парень, — сказал незнакомец, — давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права, — сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить. — На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец. — Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей, — сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь. — Гудмэн вытащил бумажник, содержавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по темной улице.

Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска «Китти Кэт Бар». Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок, — сказал бармен, взглянув наконец на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да, да, — сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев. — Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул:

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Странный метод взимания налогов, — пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог, с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал, — сказал Гудмэн, — что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно, — подтвердил бармен. — Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно еще? — попросил он. — Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно, — приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Черный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. — Бармен закивал головой. — Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так, — согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. — Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно, — подтвердил бармен. — Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул:

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно, — пообещал Гудмэн. — И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Его хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро он услышал шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна:

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-3, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен, — сказал Гудмэн, — давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно, — задумчиво протянул транаец. — Лично я рекомендовал бы вам иглолучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги, — отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся:

— Главный дефект вашего Дрог-3 заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель. — Транаец шагнул вперед и выбил пистолет из руки Гудмэна. — Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. — Он повернулся и пошел.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх, — приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой, — бросил через плечо транаец, даже не обернувшись. — Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень, — окликнул он, — руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер, — взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула теплая волна удовлетворения.

— Не двигаться, — предупредил он. — Предохранители сняты.

— Вижу, — выдавил из себя толстячок. — Осторожнее с этой штукой, мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег, — заскулил транаец. — Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты, — поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гудмэн. — Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит, — сказал Гудмэн. — Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потертый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил одно дигло, эквивалент земного доллара.

— Это все, что у меня есть, — продолжал всхлипывать транаец, — но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь...

— Оставьте его себе, — сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжелым сердцем он возвратился в «Китти Кэт Бар» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся:

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет, — признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся, — сказал бармен. — Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпусов робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похватил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидал большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путем нажатия кнопки выражают свое недобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали много аспектов культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы, научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и следовал немедленно желанный результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер, — прервал его раздумье чей-то голос. — Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло, — жалобным тоном пропел старик. — Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар, — заскулил старик. — Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр, — сказал нищий. — Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них, — сказал старик. — Смотрите. — Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR-43241-3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься, — подчеркнул старик. — Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, не здешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества, — сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквах или театрах. Других влечет беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. Лично мне нравится работать на улице. Такая работа позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться

и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что еще я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда, — обиделся государственный нищий. — Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется сделать), он поглубже разберется в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно, — сказал он. — Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн. — Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная, — сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-XI.

— Что за просвещенный подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите. — Мелит подмигнул. — Старый чудак любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн. — Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится, — заверил его Мелит. — А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. — Он задумался на мгновение. — Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры... — запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращенный рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посте? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором?

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нем жену, — ответил Мелит. — Я думал, это вам известно.

— Да, — сказал Гудмэн. — Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову. — Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, — заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся:

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним как к низшим существам, — сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

— Конечно, нет. Просто согласно обычаю каждую неделю в течение некоторого минимального времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно, нет, — саркастически заметил Гудмэн. — Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно, — сказал Мелит, не заметив сарказма. — Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

— Это все?

— Думаю, что да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас, — сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Борг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я все еще его обдумываю, — сказал Гудмэн. — По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ... но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход, — одобрительно сказал Борг. — У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь, — ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами:

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл. — Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет, — сказал Борг. — Торопитесь, ваша невеста ждет!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна. — Опоздаем на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Борг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути на космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на ее координации, нанесет ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля сразу на целый день или даже на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, и вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

Правительственный совет
по бракосочетаниям

Гудмэн немедленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьезный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы, — ответил Гудмэн. — Милая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать, — заявил Гудмэн. — Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся в нашем доме.

— Тебе лучше знать, дорогой, — послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолет.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюбленных, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолетных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускаются лишь парочки, веселые и влюбленные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зеленых рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные темные озера, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюбленной парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и наконец вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

— Дорогая, — сказал он, — до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнерам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи, — сказала Жанна, нахмурив красивое лицо.

— Подумай, — настаивал Гудмэн. — В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит, так и есть.

«Вне всякого сомнения, — подумал Гудмэн, — она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и

позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам.) Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дата Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствование, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, — глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. — Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы ее узаконили, — заявил Гудмэн. — Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй, — сказал Мелит. — Но, на мой взгляд... — Он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. — Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумленный Гудмэн.

— Потенциальный убийца, — ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых, — заявил Мелит.

— Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил несколько раздосадованный Мелит. — У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг — защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал в свою очередь Мелит. — Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое! — усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. — Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова, — сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. — Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совер-

шения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, — упрямо отстаивал свои доводы Мелит. — И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьете невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да, — бросил Мелит. — Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся:

— А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем доме.

— Да, хочу, — проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебираться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей, — ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота. — Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

— Я согласен, — сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость, — заговорил Мелит. — Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобрят, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начиненный определенным количеством тессиума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства. — Мелит вздохнул. — Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Борга.

— Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен, — возразил Мелит. — Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали, — сказал Мелит с еле заметной улыбкой. — Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый зна-

ет, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян, — грустно заметил Мелит. — Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы, — сказал Гудмэн. — Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он отправился домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай? Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть, заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычайно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, — от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват, — пробормотал незнакомец. — Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, — это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна. — Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна, — тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову. — Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чем не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна, — заговорил он нежно, — такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно, — возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это ее право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино. — Она снова зарыдала. — Но ты хитрый. Тебе надо было все переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину. Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это еще не все. Женщина должна быть

также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как все мои друзья были бы все еще молодыми.

— Все еще молодыми, — тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется, — сказал мужчина. — В дерсинполе женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн. — Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, — сказала Жанна.

— А как насчет тебя? — спросил Гудмэн. — Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он все еще не понял, — заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чье единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны, — когда ты умрешь, я все еще буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать, — вымолвил Гудмэн. — Еще один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать, — жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь, — ответила Жанна, — раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. — Она грустно улыбнулась. — Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принес образцы кондитерских изделий фирмы Греа. Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелестную молодую женщину вне ста-

сиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да, — сказала Жанна. — Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела, — сухо сказал Гудмэн, — я, конечно, вам мешать не буду. В конце концов, я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов, — сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад. — Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин, — сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо. — Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал тратить

время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оуме перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикирской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели наконец истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не смо-

жет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищенных слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикирскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

ПОВЕСТЬ

Обмен РАЗУМОВ

I

На рекламной полосе в «Стэнхоуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуться телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов, любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие — книги, третьи — женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп — милое, пасторальное селеньице, расположенное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколике, Стэнхоуп упорно

цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны — суперстолицы. Линия метро ИРТ — Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до усаженной вязами Мейн-стрит — главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодромы — Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку вымирающей сельской Америки — одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Миами, полюбовался Висячими Садами Лондона и поклонился идолам в храме Бах-ай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал Леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури[1], пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе — столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по-настоящему.

То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови — удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается. Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

---

[1] Итури — правый приток реки Конго.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов, он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование — начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последипломной практики, — и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации «Рик-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить Нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное.

В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо того он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

II

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрапп с ЛСД[1].

— Как ты сегодня, старая сводня? — приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

— Полон сил, как крокодил, — традиционной формулой ответил Марвин.

---

[1] Л С Д — наркотик.

— Ду коомен[1], мучо-мучо ралидо?[2] — спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.)

— Я, минхеер, — с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кин-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

— Отчего скуксился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации — проектоскопического фильма «Дакотский диалог»; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Аптеки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

— Э, минхеер, кверен зи томар ля клопье иммenса де ла кабеца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

— Шнелль[3], — оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых,

---

[1] Ты пришел (*голл.*).

[2] Очень-очень быстро (*испан.*).

[3] Живо (*нем.*).

— Ну, знаете ли, — только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая — десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, по-прежнему как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:

— Марвин, в чем дело?

Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Ойра[1], омбре, айн клейннахтмузик эс демасиадо[2], нихт вар? Дер Тодт ты руве коснуться...

— Попроще, — прервал Билли не по возрасту солидно.

— Извини, — продолжал Марвин открытым текстом. — У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какою страстью одержим его друг.

— Ясно, — сказал он. — Мне тоже.

— Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.

— Мира[3], Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и... черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Проциона-четыре, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-два, да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.

— Точно, — согласился друг. — Я бы тоже хотел их повидать.

---

[1] Слушай (*испан.*).

[2] Это уж слишком (*испан.*).

[3] Здесь: «знаешь» (*испан.*).

— Нет, ничего ты не понимаешь, — возразил Марвин. — Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девчонками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью, неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

— Марвин, — сказал он мягко, — это все ясно как дважды два, ей-Богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

— Все возможно, — ответил Марвин, — если пойти на Обмен Разумов.

— Марвин! Ты этого не сделаешь! — вырвалось у шокированного друга.

— Нет, сделаю! — настаивал Марвин. — Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени Божьего всуе.

— Как ты можешь?! — не унимался Билли. — Обмен Разумов — грязное дело!

— Каждый понимает в меру своей испорченности.

— Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтоб у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

— Мира, — сказал он. — Рекуэрдо ке[1] на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

— Марсиане не испытывают неловкости, — сказал Билли.

— Неправда, — не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась

---

[1] Здесь: «Не забывай, что...» *(испан.)*.

Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друга, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет — с тех пор, как он научился читать, — Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони. — Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

III

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента — маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса — высоченного детины атлетического сложения, в расцвете лет; в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Бландерс. — Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-Скернского университета.

— На что он похож? — спросил Марвин.

— Судите сами, — ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илистой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае — лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

— Симпатичный парень, — заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

— Живет он в Уогомстамке, — продолжал Бландерс, — на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Крагташ жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие — здоровое тело и здоровый дух.

— Что ж, — сказал Марвин, — не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

— Это видно с первого взгляда, — ответил мистер Бландерс. — У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

— Да неужели?

— Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищущие грязных и недозволительных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

— Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? — сказал Марвин со сдавленным смешком.

— Смело могу заявить, что нет, — заверил его мистер Бландерс. — Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком; даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам — самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее

щепетильных наших конкурентов; или, упаси Боже, вас могло угораздить на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

— А теперь, — сказал мистер Бландерс, — прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

— Формальности? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование — телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете Акт об Ответном Ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2) ответно причинен другому телу, согласно lex talionis[1].

— Как, как? — не понял Марвин.

— Око за око, зуб за зуб, — пояснил мистер Бландерс. — Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

— Даже если это произошло случайно?

— Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что Акт об Ответном Ущербе заметно уменьшил число таких случайностей.

— Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно, — сказал Марвин.

— Всякое направленное действие содержит элемент опасности, — ответил мистер Бландерс. — Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

— Я очень мало знаю об Искаженном Мире, — признался Марвин.

— Все знают столько же, — ответил Бландерс. — Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

---

[1] Закон талиона (*латин.*).

Марвин в задумчивости кивнул:

— А еще что?

— Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

— Ладно, — сказал Марвин. — Давайте я послушаю.

— Да я же вас только что предостерег, — удивился Бландерс. — Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

— Я бы с радостью, — ответил Марвин, — но мне ведь неизвестно, что это такое.

— В сущности, это совсем простая штука, — сказал Бландерс. — Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими. Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансаизм». Теперь вам ясно?

— Нет, — ответил Марвин. — Почему это называется «пансаизм»?

— Объяснение заложено в самом названии, — сказал Бландерс. — Дон Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление — пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

— Значит, — уточнил Марвин, — я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле предо мной альтаирец?

— Именно, — подтвердил Бландерс. — Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

IV

Марсианин — одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам, с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него словно шавка набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью — цветов кричащих. На Марсе природным краскам недоставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот — ни дать ни взять дробь тамтама. Он оглядел-

ся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце — такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов — «автоматическое обучение». На профессиональном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении — общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу» или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции:

между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

— Слабого ветра, — произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

— И безоблачного неба, — ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

— Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо, — сказал Флинн. — Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

— Знаю, — отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись чьи-то возбужденные голоса. — Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

— Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя, — сказал Флинн. — И, конечно, Говорящий Океан.

— Обе идеи превосходны, — одобрил чиновник. — Но прежде две или три мелкие формальности.

— Формальности?

— Ничего особенного, — сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке. — Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

— Эти бумаги я подписывал на Земле, — заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

— Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил — пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

— Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жажду-

щий выпить пять глотков рапи, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним — третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

— Вот! — вскричал старик. — Вот оно, и клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

— Сэр, — одернул его Марвин, — я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

— Я говорю не о вас, — ответил престарелый марсианин. — Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

— Что вы хотите сказать?

— Этот джентльмен, — вмешался первый чиновник, — утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. — Он дважды сплюнул на пол. — Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

— Путаница! — взвыл престарелый марсианин. — Это махровое надувательство.

— Сэр, — с холодным достоинством возразил Марвин, — вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

— Жаба чешуйчатая! — вскричал старик. — Пустите меня!

Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, едва их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской пустыни.

— Джентльмены, — сказал полисмен, — взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата

мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

— Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

V

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэянин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством — скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

— Пусть будет что будет, — сказал фулжимэянин-телепат, когда все выстроились перед ним. — Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

— Сэр, — от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост, — я не кто-нибудь, а полисмен.

— Это очень интересно, — ответил телепат. — Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

— Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении, — отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

— Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

— Так, — подтвердил полисмен.

— Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

— Виновности? — переспросил полисмен. — От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

— Да, от вас, — повторил телепат. — И нечего удивляться. Крупные хищения — это такая штука, после которой чувствуют вину почи все разумные существа.

— Но постойте! — воскликнул полисмен. — Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

— В суде ясновидение не считается доказательством, — провозгласил полисмен. — Более того, заглянуть в будущее — значит прямо нарушить закон о свободе воли.

— И это верно, — признал телепат. — Приношу извинения.

— Ничего, ничего, — сказал полисмен. — Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

— Месяцев через шесть, — ответил телепат.

— И меня арестуют?

— Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

— Гм, занятно, — сказал полисмен. — А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить, кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

— Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

— Благодарю вас, — сказал телепат, когда Марвин кончил рассказ. — А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию:

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

— Право, не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени — меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности — немукфянский адвентист и занятия — владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подраться, хоть я и чужд расовых предрассудков.

Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава Богу), и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фаброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых сыновей, один работает врачом в Сидипорте, другой — тренер кланнтов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочки нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадумаешься.

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений, — не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням. Например, в прошлом году ухватился он за новинку — дворовый тучедел, а я ему и говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план — на сей раз дешевые изделия из перелив-

чато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твиловые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычаи? Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?»

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь полгалактики и попасть на Марс, в Гелигопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь по доброй воле на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул — сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный дискомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не приготовлено! Все сбились с ног, пытаясь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию — охотиться на кваренгов.

Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на кратко-

срочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту.

Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью — обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес таковые слова:

— Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно — телесную оболочку Зе Кратгаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Кратгашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Кратгаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Кратгаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

— По-моему, — сказал он, — лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

— Это самое мудрое решение, — одобрил телепат. — К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

— Не представляется? Почему?

— Потому что, — ответил телепат, — по сообщению земных органов власти, чью телепатему я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают тревогу, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

VI

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу — эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультатной. Вместо того чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и

скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

— Ага! — пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатушке, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов — тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатушке не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точной копией места действия повестей Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

— Давно пора. Я вас ждал.

— Серьезно? — не поверил Марвин.

— Ну, не то чтобы уж совсем, — признался марсианин. — Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

— Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

— Все мы далеки от совершенства, — пожал плечами марсианин. — Я всего лишь простой труженик — сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

— Какой меховой шубки? — удивился Марвин.

— Вы разве не мадам Риппер де Лоу — травести, которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

— Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

— Да, да, разумеется, — энергично закивал сыщик Урдорф. — Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А

может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

— Вообще-то оно не то чтобы пропало, — сказал Марвин. — По-настоящему — его украли.

— Так бы и говорили с самого начала, — обиделся Урдорф. — Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

— Очень жаль, — сказал Марвин.

— Мне тоже жаль, — сказал сыщик Урдорф. — Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

— Да, так оно и было.

— Представляю, каково вам теперь.

— Спасибо, — поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

— Ну?

— Прошу прощения? — ответил сыщик.

— Я говорю «ну»?

— А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

— Это ничего.

— Спасибо.

— Ради Бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?», а Урдорф ответил: «Прошу прощения?»

— Я хочу, чтобы мне его вернули, — сказал Марвин.

— Кого?

— Мое тело.

— Что, что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели, — подхватил сыщик с понимающей улыбкой. — Но это, конечно, не так-то легко, правда?

— Откуда мне знать, — ответил Марвин.

— Да, знать вам, пожалуй, неоткуда, — согласился Урдорф. — Но смею вас уверить, это не так-то легко.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание.

Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две: к концу

этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

— Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

— Конечно, я намерен вернуть вам тело, — сказал сыщик. — Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я, в конце концов, не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

— Это действительно так? — смягчился Марвин.

— Право же, так. — В кротком голосе сыщика не было и следа затаенной обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин спросил:

— Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?

— Есть, и большая, — ответил сыщик Урдорф. — Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.

— А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? — осведомился Марвин.

— Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности — АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

— Ни единого?

— Ни единого, — решительно подтвердил Урдорф. — Любопытно, не правда ли?

— Да, наверное, — сказал Марвин. — Но ведь это значит...

— Это значит, — перебил его сыщик, — что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот кончиться.

Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

— А что, если полоса все же не кончится?

— Не будьте суеверным, — ответил сыщик. — Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше — сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

— На то, что и дальше будет так продолжаться, — сказал Марвин.

— Я тоже, — признался сыщик с виноватой улыбкой. — Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета. — Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку. — Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна кончиться! Скорее всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

— Да, сэр, — вежливо согласился Марвин. — Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

— Да нет, — сказал Урдорф. — Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

— Извините? — пролепетал Марвин.

— Вам совершенно не в чем извиняться, — заверил его сыщик. — Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций считает, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

— Нет, нет, я не извинялся, — сказал Марвин. — Я просто...

— Вполне понимаю, — прервал его сыщик. — Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

— Я все пытаюсь вам втолковать, — сказал Марвин, — что сексуальное преступление здесь ни при чем.

— Все так говорят, — задумчиво произнес сыщик. — Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

— Вот что, — сказал Марвин, — если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления — деньги и самоувековечение.

— Это-то я знаю, — ответил сыщик. — И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

— Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

— Самыми очевидными, — сказал Урдорф. — Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

— Не понимаю, — пробормотал Марвин.

— С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются, — утешил его сыщик.

— А что это значит?

— Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

— Ладно, — смирился Марвин. — Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

— Вообще-то нет, — сказал сыщик. — Но это нам поможет его понять.

— Когда вы приступите? — спросил Марвин.

— А я уже приступил, — ответил сыщик. — Пошлю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно — отправлюсь на край Вселенной. Это преступление я раскрою!

— Рад, что вы так настроены, — заметил Марвин.

— Сто пятьдесят восемь дел подряд, — размышлял Урдорф вслух. — Слыханная ли штука — такая

полоса неудач? Но теперь она кончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

— Наверное, не может, — согласился Марвин.

— Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения, — хмуро сказал сыщик. — Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови — все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

— Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

— Рад стараться, — ответил Марвин. — Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

— Чертовски досадно, — рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину. — Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

— Не знаю, какие меры тут можно принять, — угрюмо ответил Марвин.

— Ну, об этом не стоит препекаться, — сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом. — Найдите где-нибудь другое тело, а главное — оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

— Обещаю, — сказал Марвин.

— А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что-нибудь сообщить.

— Но как вы меня отыщете? — спросил Марвин. — Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

— Вы забываете, что я сыщик, — с бледной улыбкой ответил Урдорф. — Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: останьтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

VII

Заметка в «Марс-Солнце-Ньюз» (печатный орган трех планет):

СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разыгравшемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с «Двухголовым Эдди» в начале 90-х годов, когда...

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.

— Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня, — сказал Флинн.

— Что ж, послушаем, какая именно, — сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане — народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и

безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам своей религии имели право путешествовать только in corpore[1].

Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас»; того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас», что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую галактику, прозванную людьми «смерть».

— Ух ты! — сказал эрланин. — Ты случайно не жалеешь ли себя?

— Конечно, черт побери, я-то себя жалею, — вспылил Флинн. — Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

— Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар, — ответил эрланин. — Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!»

Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимелодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

— Бодрись, — посоветовал эрланин. — При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?

— Пять.

— Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

— Да, навряд ли, — сказал Марвин. — А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.

— Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

---

[1] Здесь: «в собственном теле», то есть собственной персоной (*латин.*).

— Это же, наверное, опасно, — возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся:

— Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!

— Постойте! — вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги. — Как зовут вашего приятеля?

— Джеймс Праведник Мак-Хоннери, — ответил эрланин. — Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Куэйну, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газеты в вечную и таинственную пустыню.

— Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим — новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали

уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

— Нужны сборщики урожая на поля Дрогхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц, и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрогхеду!

— Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

— А платить-то сколько будут? — спросил какой-то человек у продавца.

— Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

— И, — повысил голос зазывала, — неограниченное право грабежа и мародерства.

— Ну, это хоть на что-то похоже, — проворчал человек. — Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

— Мы все это коренным образом изменяем, — сказал продавец. — Вы, видно, опытный покупатель?

— Верно, — ответил человек. — Я Шон фон Ардин, побывал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

— Последнее воинское звание?

— Джевальдер армии графа Ганимедского, — отчеканил фон Ардин. — А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

— Ишь ты, — продавец был явно ошеломлен. — Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность манатея второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

— Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Да, но вы не выслушали до конца, — продолжал продавец. — В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений, — о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-суперионом, а это даст вам реальную надежду стать временным мечом-джумбайя, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

— Что ж, — фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять, — сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

— Пройдемте в помещение, — сказал продавец. — Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами — представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

— Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

— Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

— Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

— Нужен опытный кандальщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать... но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать

жизнь афидмена, узнать, каково быть кандальщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, видавший виды, надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни, коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

VIII

Они очутились лицом к лицу — Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

— Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь — ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ — ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

— Я... я клиент, — выдавил из себя Флинн.

— Повезло же мне, — съязвил Мак-Хоннери. — Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

— Через час-другой меня лишат вот этого тела, — объяснил Марвин. — Поскольку мое собствен-

ное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

— Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

— Да кем угодно.

— Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с эспресс-сепаратором частиц, работая на заводах компании «Новые Редкоземельные Элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов — старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-два, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

— Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

— Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь, — сказал Мак-Хоннери. — А хоть что-нибудь ты умеешь?

— Да вот я в колледже изучал...

— К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

— Собственно, — сказал Марвин, — если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

— Знаю, — вздохнул Мак-Хоннери. — Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано.

Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нерезаных. Рынок ими затоварен, Вселенная забита — по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

— Очень жаль, сэр, — с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

— Минутку, — сказал Мак-Хоннери. — Если не ошибаюсь, ты искал работу.

— Но вы же сами говорили...

— Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

— Ага! — сказал Марвин.

— Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

— Ну что ж, это все-таки утешительно, — с сомнением произнес Флинн. — И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

— Стой, что такое? — встрепенулся Мак-Хоннери. — Ты друг Пороха?

— Считайте, что так, — ответил Флинн, избегая грубой лжи.

— Так бы и говорил с самого начала, — сказал Мак-Хоннери. — Не то чтоб от этого многое изменилось — ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть неквалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

— Надеюсь, что так, сэр. — Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился. — У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

— Вообще-то да, — сказал Мак-Хоннери. — Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

— Звучит заманчиво, — сказал Флинн. — А в чем здесь подвох?

— В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть, — ответил Мак-Хоннери. — Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.

— А что за должность? — спросил Марвин.

— Официально она называется «индигатор уфики, второго класса».

— Звучит внушительно.

— Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

— За яйцами?

— За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грачаганзера. Думаешь, справишься?

— Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике собирания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.

— Тебе нужна работа?

— Есть у вас что-нибудь другое?

— Нет.

— Беру.

— Умное решение, — сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу. — Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроумельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-два, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

— К сожалению, нет.

— Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... Фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует Бог твою душу.

— Как, как? Повторите, — попросил Флинн.

— Последняя фраза — просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и

так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

— Да, вот, — сказал Флинн, — насчет всех этих обязательств...

— Это неважно, — отмахнулся Мак-Хоннери. — Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

IX

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковатой траве. Капли воды с мучительным трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ференгол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловещий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги, — он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться.

Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлись почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менаджер — усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд — планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна-Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

— Не такое место, — сказал менаджер, — которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

— Тем не менее, — продолжал менаджер, — этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во Вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менаджер:

— Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров — единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров — жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

— Создалось любопытное положение, — отметил менаджер, — не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте — один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме — если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных рабочих опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

— Инструкций? — переспросил десятник. — Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

— В смысле, что я должен делать? — уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и наконец отреагировал:

— Ты должен собирай яйца ганзер.

У него получилось «ганьсер».

— Это-то понятно, — сказал Флинн. — Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

— Не волновайтесь, — ответил десятник. — Ты знай, когда увидеть без ошибка, да.

— Есть, сэр, — выпалил Марвин. — А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ними обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

— Обращаться, — сказал десятник, — ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

— Конечно, понимаю, — заверил Марвин. — Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

— А! — сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение. — Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

— Ясно, — без запинки ответил Марвин.

— Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?

— По-моему, да, — ответил Марвин. — Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка, я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу,

именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

— Один минута, — десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: — Ты меня разыгрывай, малыш?..

— Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

— Ты шутки шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

— Прошу прощения, — сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

— Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?

— Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

X

Марвин Флинн бесшумно несся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная апписфиамом, нервно подрагивала — так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы — оранжевого хлысткин-жала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие

страусиного яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.

Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем.

Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо ганзера увернулось, рикошетировало и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо ганзера попалось в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился — он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо ганзера заговорило.

— Слушай-ка, мистер, — сказало оно сдавленным голосом, — что это на тебя нашло?

— Как, как? — переспросил Марвин.

— Слушай, — сказало яйцо ганзера. — Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрасьте — ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя как псих. Ну, я, естественно, разгорячился. А кто бы не разгорячился? Вот я и решил отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте — ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

— Видишь ли, — ответил Марвин, — ты ведь яйцо ганзера.

— Это мне известно, — сказало яйцо ганзера. — Я яйцо ганзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего это запрещается законом?

— Конечно, нет, — ответил Марвин. — Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами ганзеров.

Последовала недолгая пауза. Затем яйцо ганзера попросило:

— Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо ганзера сказало:

— М-да, мне так и послышалось. — И рассмеялось почти беззвучно. — Вы шутите, не правда ли?

— К сожалению, нет.

— Конечно, шутите, — с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо ганзера. — Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

— Извините...

— Выпустите меня!..

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я охочусь за яйцами ганзеров.

— О господи, — сказало яйцо ганзера, — большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

— Меня наняли охотиться за яйцами ганзеров, — пояснил Марвин.

— Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами ганзеров? Тебе безразлично, за какими именно?

— Точно.

— И действительно, не ищешь какое-то определенное яйцо ганзера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

— Нет, нет, — заверил Марвин. — Я в жизни не встречал ни одного яйца ганзера.

— Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и, глазом не моргнув, заявляет: «Я

вообще-то охочусь за яйцами ганзеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился, раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо ганзера заткнулось. Он грубовато сказал:

— Я вовсе не валяю дурака. Моя работа — собирать яйца ганзеров.

— Собирать... яйца ганзеров! — простонало яйцо ганзера. — Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

— Не распускайся! — прикрикнул Марвин: яйцо ганзера явно готово было впасть в истерику.

— Спасибо, — проговорило яйцо ганзера, помолчав. — Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

— Только поживей, — ответил Марвин.

— Я вот что хочу спросить, — сказало яйцо ганзера, — тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

— Ничего, — ответил Марвин. — Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

— Тебе неприятно! — взвизгнуло яйцо ганзера. — А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

— Спокойней, — попросил Марвин.

— Бешеный, — пробормотало яйцо ганзера в сторону. — Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?

— Некогда, — твердо ответил Марвин.

— Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

— Валяй молись, — сказал Марвин. — Только побыстрее закругляйся.

— О Господь Бог, — нараспев затянуло яйцо ганзера, — не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старался быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера — в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, Господь, отчего караешь ты так жестоко? И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешни-

ка, например закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю, что ты добр, и значит, есть к тому причина... хоть я и слишком глуп, чтобы ее разгадать. Слушай, Боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях. А особенно о младшеньком. — Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой. — Особенно молю тебя о младшем, Боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

— Теперь я готов, — сказало оно Марвину. — Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щеточки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Ты... ты всерьез? — спросило оно.

— Всерьез, — ответил Марвин. — Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

— Благословенно будь имя Божие, — тихо проговорило яйцо ганзера. — На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза-щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомца не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкуру Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком...

XI

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

— Сыщик Урдорф! — вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

— Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив, — сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

— Слава Богу, что вы здесь! — ответил Марвин. — Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

— Вы уж извините, — сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь, — но этого я, к сожалению, сделать не могу.

— Почему?

— Против правил, — объяснил сыщик Урдорф. — Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить Вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в размере тысячи долларов.

— А-а, я этого не знал.

— Да, к сожалению, это так, — сказал сыщик.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете, — сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

— Ну?

— Что вы сказали?

— Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

— А-а, — протянул сыщик. — Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

— Валяйте, задавайте, — сказал Марвин.

— Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

— Голубой.

— Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

— Цвета воробьиного яйца.

— Угу. — Сыщик занес это в свой блокнот. — А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

— 87792,3, — без колебаний ответил Марвин.

— Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

— «Рапсодия орангутанга», — ответил Марвин.

— Угу. Отлично, — сказал Урдорф, захлопнув блокнот. — Кажется, у меня все.

— А какова цель ваших вопросов?

— Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулмена на проверку самоличности.

— Вот как, — сказал Марвин. — А вообще как идут дела, удачно?

— Об удаче пока и речи нет, — ответил Урдорф. — Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в грузе быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса — там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

— А потом? — спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд — это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

— Безнадежная, судя по вашим словам, — сказал Марвин.

— Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас

преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

— Что же теперь будет? — спросил Марвин.

— Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

— Разумеется, — сказал Марвин. — Вы действительно надеетесь задержать преступника?

— Я нисколько не сомневаюсь в результатах, — ответил сыщик Урдорф. — Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления — область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

— Придется, видно, верить вам на слово, — сказал Марвин. — А насчет моего нынешнего положения...

— Именно от такого положения я вас и предостерегал, — строго ответил сыщик. — Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

XII

— Погоди! — заорал Марвин.

— Зачем? — спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

— Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

— Я не хочу умирать, — сказал Марвин.

— Я и не думаю, что ты хочешь, — ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном. — И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

— Ты говоришь — работа?

— Конечно, работа, — сказал ганзер. — В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился — видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

— Работа! Твоя работа — охотиться за мельдянами, так ведь?

— Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

— Но зачем за ними охотиться? — спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

— Полно, — сказало яйцо ганзера, перекатываясь в смущении, — стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о *твоих* естественных отправлениях, верно?

— А во-вторых, — продолжал ганзер, — у нас единственный предмет экспорта — шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо — амулеты, а на Крейслере-30 — чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян — единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

— Мне говорили в точности то же самое! — воскликнул Марвин и быстро повторил слова менаджера.

— Вот те на! — сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая — скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

— Это ставит меня в несколько затруднительное положение, — сказал ганзер чуть погодя. — Естественный мой порыв — отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

— Значит, ты не настоящий ганзер?

— Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.

— Моя планета! — вскричал Марвин.

— Я уж и сам догадался, — ответил ганзер. — Ты американец. Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

— Штат Нью-Йорк! — вскричал Марвин. — Я из Стэнхоупа!

— А я из Саранак-Лейка, — сказал ганзер. — Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

— Мы соседи, — тихо произнес он. — Поэтому я не могу тебя убить, точно так же как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, навряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а за ослушание фирма-на-

ниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

— Не вижу выхода, — сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию. — Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера:

— Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Марвин.

— Да вот, — сказало яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия, — я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

— Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет, — сказало оно зловеще.

— Ничего не может быть хуже, — отозвался Отис.

— Вы еще удивитесь, — напрямик сказало яйцо ганзера. — Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

— Но куда мы идем? — спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику, — ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно покатилось вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

XIII

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

— Вот Отшельник, — сказало яйцо ганзера. — Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

— А ну стоп, постой, остановись! Откройтесь моему разумению!

— Я — Марвин Флинн, — сказал Марвин, — а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

— Пришел тот час, когда навеет скорбь
Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
Сова-беглянка минет стороной
Печальный мой приют, лишенный благ, —
Что дарит небо, отнимают люди!
Мерцают звезды, молча глядя в окна.
О бегстве королей вещает шумом лес.

— Он говорит, — перевело яйцо ганзера, — что предчувствовал, что вы придете именно этой дорогой.

— Он что, с приветом? — спросил Отис. — Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

— Теперь прочти мне вслух! Не потерплю,
Чтоб ложь змеей вползла
В мой разум, мне измену предвещая!

— Он не желает, чтоб вы шептались, — перевело яйцо ганзера. — Шепот наводит его на подозрения.

— Это-то я и без тебя мог сообразить, — сказал Флинн.

— Ну и сиди голодный, — оскорбилось яйцо ганзера. — Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

— Что чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

— Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

— Речь варвара! Паршивая овца
И та пристойней блеет!

— На что он намекает? — спросил Марвин.

— Ты такой умный, догадайся сам, — ответило яйцо ганзера.

— Извини, если я тебя чем обидел, — сказал Марвин.

— Ничего, ничего.

— Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

— Ладно, — сказало яйцо ганзера по-прежнему хмуро. — Он говорит, что не понимает тебя.

— Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

— Не для него, — сказало яйцо ганзера. — Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

— Я? Никогда в жизни! — воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах. — Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

— Нет уж! — в панике отозвался Отис.

— Молчание сгущается. Теперь
Пусть муж честной уста свои разверзнет.
Мне оборот событий не по нраву.

— Он начинает злиться, — прокомментировало яйцо ганзера. — Попробуй, попытка не пытка.

— Может, ты ответишь вместо нас, — предложил Отис.

— Я вам не шестерка, — возмутилось яйцо ганзера. — Хотите говорить — говорите сами за себя.

— Единственное, что я помню еще со школьной скамьи, — это «Рубаи» Омара Хайяма, — признался Марвин.

— Ну и валяй, — подбодрило его яйцо ганзера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

— Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?
На расу раса ополчилась без причин...
Пришли мы получить совет, поддержку, помощь —
Не обращай надежды нашей в дым.

— Размер ломается, — шепнуло яйцо ганзера. — Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

— Изложено отменно, чужестранец!
Сверх ожидания, найдешь ты помощь:

Мужчины, невзирая на обличье,
Всегда в беде друг друга выручают.
Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:
— Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
Заря роскошна, сумрачен закат.
Найдет ли бедный пилигрим спасенье
Там, где у сильного бессильный виноват?
Отшельник сказал:
— Зело способен; в тощие года
Худому языку навлечь недолго
Беду на голову злосчастного владельца.
Марвин сказал:
— Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
Мне дела нет, что скажут пустомели, —
Бери меня и мной хоть затыкай дыру.
Отшельник сказал:
— За мною, господа! Расправьте плечи!
Мужайтесь!
И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.

Неэтично, но как выразился Отшельник:
— Пусть вам приспособленье не по нраву —
Зачем хулой уста вы осквернили?
Свет истины не меркнет, если даже
Лучи его на вас не пролились.
Мозгами пораскиньте: сколь разумно
Пренебрегать дурным вином в пустыне,
Где губы запекаются от жажды?
Зачем же избавителей своих
Вы судите сурово? Грех великий —
Неблагодарность: кто укусит руку,
Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом

человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-IX.

Яйцо ганзера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

— А теперь, — сказал Отшельник, — займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

— Во мне? — поразился Марвин.

— Да, в тебе, — ответил Отшельник.

— К жертвенности?

— Именно к жертвенности.

— Не уверен, — заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

— Зато я уверен, — сказал Отшельник. — И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

— Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

— Конечно, — сказал Отшельник. — С какой стати мне продолжать?

— Потому что раньше вы говорили только стихами, — ответил Марвин.

— Но это же совсем другое дело, — сказал Отшельник. — Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

— Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

— А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

— Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

— Черт меня побери, если я сам это понимаю, — сказал Отшельник. — Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохо-

той, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

— А вам не приходило в голову произвести опыт? — спросил Марвин. — Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

— Возможно, — ответил Отшельник. — А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

— Это не совсем одно и то же, — возразил Марвин.

— Это абсолютно одно и то же, — сказал Отшельник. — Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

— Не интересуюсь, — уперся Марвин. — А еще что у вас есть?

— Больше ничего! — отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

— Работу я принимаю, — сказал Марвин. — Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

XIV

На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немыслимо: такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще «серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком — она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целых две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае — предупреждение, серый дар. В худшем — черный: миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое? — спрашивал себя Мардук. — Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, Боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

— Голодранцы тупые! — прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов — и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность, и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая — оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия. Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так — никто не знает доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других — меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (Тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он полежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кривая была до нелепости эллиптичной, а УИТ (универсальные игрек-точки) — не трапециевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа ЗВ; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем с таким комплексом «тело — среда — культура — роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса — оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится, — к вашим услугам. Тело — также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливо оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг МАРДУК КРАС

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Цельсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки — пентабрахия — отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обхо-

дились системой трех-четырех галерей, а в трущобах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно- и двухгалерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и рениксы. Была консервированная «казарка белощекая под ротифероорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главного — ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империал» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял микрофон «Вихрь» с сороканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплавковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий — генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смешения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трахейное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов — спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это

был специально выведенный дискант для техничного исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил en grosse[1] по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представителен и смахивает на

---

[1] На манер малярной кисти (*франц.*).

ученого-гуманитария. Звезды с неба навряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем мириад огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в переплетении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытье под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве — выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

XV

Стремительной, размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

— Что-нибудь неладно, чужестранец? — нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой — дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немытом лбу.

— Да, что-то очень и очень неладно, — ответил Марвин. — Все кажется каким-то чудным.

— Не стоит волноваться, — заверил его ковбой-бродяга. — У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит Бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться дол-

жен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

— А что плохого было в моих ассоциациях? — возразил Марвин. — В конце концов я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

— Ну и что? — сказал ковбой-бродяга. — Разве у тебя нет воображения?

— Воображения у меня хоть отбавляй, — вознегодовал Марвин. — Но не том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

— Ничего не попишешь, — сказал ковбой-бродяга. — Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно, твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неощутимая.

— Когда же я начну видеть вещи такими, как они есть на самом деле? — спросил Марвин.

— Вот вопрос, достойный философа, — ответил ковбой-бродяга. — Но применительно к твоему случаю синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать — процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков — ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятным, но неопасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

— Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и нечего тут всю ночь пререпираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

— Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

— Так цыганки говорят, — презрительно сказал Марвин.

— Извини, — ответил ковбой-бродяга без тени смущения. — Сигаретки не найдется?

— Табачок найдется, — сказал Марвин и протянул ему кисет с «Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил: — Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

— Браво, — серьезно проговорил ковбой-бродяга. — С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

— Я так понимаю, ты это капельку загнул, — хладнокровно сказал Марвин. — Куда мы теперь двинем, прохвессор?

— В путь-дорогу, — ответил ковбой. — В ближайший салун сомнительной репутации.

— Гип-гип ура! — гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчерненные глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размалевано лживыми иероглифами оживления.

— Пошли со мной наверх, детуля, — вскричала омерзительная красотка. — Гулять будем, веселиться будем!

— Самое забавное, — сказал бродяга, — что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы

сами святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

— Твой друг — большой шутник, точно? — сказала накрашенная ведьма. — Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками — черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

— Что это такое? — полюбопытствовал Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

— Итак, — нараспев произнес ковбой-бродяга, — перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

— Пшли! — воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

— Большое вам, э-э... спасибо, — промямлил Марвин, — но сейчас я, пожалуй, не...

— Ты не жаждешь любви? — недоверчиво переспросила женщина.

— Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому плащу-панчо, она вцепилась ему в горло.

— Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинуясь если не природным склонностям, то по крайней мере велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно скло-

нился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

— Не смей делать ему больно! — приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

— Да, скажи ей, чтоб перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал...

— Не плачь, Бога ради, не плачь! — прервал его ковбой-бродяга. — Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

— Я не плачу! — насморочно всхлипнул Марвин. — Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

— Подарю другую! — утешил ковбой. — Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга опрометью метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным потоком, расположенным чуть пониже и левее подпищеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями: их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягания их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу — жертва сверх-

остроты своих эмоциональных рецепторов — свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

XVI

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел, как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь втрое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

«Всякий мост — единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор — смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты — побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он

заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

— Стой! Погоди! — вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкнулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоском в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз — отпустил предплюсну, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

— Дурак несчастный! — закричал он. — Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

XVII

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

— Вы ведь правы, — сказала она. — Мой поступок — поступок идиотки, или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов.

Пусть она незадачливая самоубийца — для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

— Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

— Марвин Флинн, — представился Марвин.

— Фристия Хелд, — назвалась молодая женщина.

— Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете, — сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

— Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

— Конечно, — ответил Марвин, тоже вставая. — Когда мы увидимся?

— Никогда, — проговорила она тихо.

— Но мне это необходимо! — воскликнул Марвин. — Я хотел сказать — теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

— Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? — прошептала она.

— Мы не должны расставаться! — сказал Марвин.

— Ничего, переживете, — ответила она вовсе не в строгом тоне.

— Я теперь никогда больше не улыбнусь, — пригрозил Марвин.

— Кто-нибудь займет мое место, — предсказала она.

— Вы просто демон-искуситель! — вскричал он в ярости.

— Мы разошлись, как в море корабли, — поправила она.

— Неужели мы не встретимся? — осведомился Марвин.

— Время покажет.

— Я бы ходил за вами как тень, — с надеждой сказал Марвин.

— К востоку от солнца и к западу от луны, — произнесла она нараспев.

— Как вы немилостивы, — надулся Марвин.

— Я забыла про время, — сказала она. — Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.

Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

— Один за мою крошку, другой на дорожку, — бросил он бармену.

— Все бабы фальшивые, — сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

— При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня, — пожаловался Марвин.

— Парню нужна девушка, — изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

— Розовый коктейль за мою голубую мечту, — распорядился он.

— Может, она устала, — предположил бармен.

— Не знаю, за что я ее так люблю, — констатировал Марвин. — Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как бренчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраню в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:

— Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.

— Чего тебе? — грубо спросил Марвин.

— Вы хотеть видеть тот очень красивый мучача еще раз?

— Да, хочу. Но что ты можешь...

— Я частный сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.

— Что за странный у тебя говор? — поразился Марвин.

— Ламбробианский, — ответил сыщик. — Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда, в большой город Норт, я приехал сколотить состояние.

— Чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Какая вещь ты меня назвать? — с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробианин.

— Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Так я и услышать, — сказал Вальдец. Он потянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.

— Я человек кроткий, сеньор, — обратился он к Марвину. — Я не легко обижаться. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не просить, только разводить пейотовый побеги в высокий горах Ламбробии под сень того дерева, что называться «шляпа

от солнца», ибо то есть лучшие в мире пейотовые побеги.

— Вполне сочувствую.

— И все же, — продолжал Вальдец с нажимом в голосе, — когда эксплойтатар дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.

— С каждым может случиться, — сказал Марвин.

— А ведь несмотря на острое чувство чести, — заявил Вальдец, — я в общем-то как дитя — порывист и беспечен.

— Я, собственно, успел это заметить, — отозвался Марвин.

— Но хватит об этом. Так вы хотеть нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад?[1]

— Си, омбре, — со смехом ответил Марвин. — И эль дезео венсе аль миедо![2]

— Луэс, аделанте![3]

И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

XVIII

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвидиус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдец мысленно начертил крест с учетом ветра (дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час) и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность — один фут на милю (снос) и южную погреш-

[1] Хороший урожай продается на корню, не так ли? *(испан.).*

[2] И желание побеждает страх! *(испан.).*

[3] Итак, вперед! *(испан.).*

ность — пять дюймов на сто ярдов (совокупность эффектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-западном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они вышли из городской черты на покрытые жнивьем поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.

Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

— Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? — спросил он наконец.

Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии цвета сиены:

— Искать вашу Кэти.

— Неужто она живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет, — пожал плечами Вальдец.

— Не имеете?

— Да, не имею.

Марвин остолбенел:

— Но вы же говорили, будто знаете.

— Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно, — сказал Вальдец, наморщив темно-коричневый лоб. — Я говорил, что помогу вам искать ее.

— Но если вы не знаете, где она живет...

— Совершенно неважно, — заявил Вальдец, строго подняв куцый палец. — Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче — найти саму Кэти. По крайней мере, так я вас понял.

— Да, конечно, — сказал Марвин. — Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

— Туда, куда она будет, — безмятежно ответил Вальдец.

— Ага, — сказал Марвин.

Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и наконец пришли к низкорослым холмам, что, как усталые моржи, залегли вокруг искрящегося голубого кита — величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.

— А вы давно знаете Кэти? — спросил он.

— Ни разу не имел удовольствия встретиться, — ответил Вальдец.

— Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

— К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь допплеровский эффект, созданный красным турникетом.

— Значит, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

— Только то немногое, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.

— Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? — возмутился Марвин.

— А очень просто, — ответил Вальдец. — Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

— Будем рассуждать логически, — сказал Вальдец. — Какая передо мной задача? НАЙТИ КЭТИ. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то вы меня обнадеживаете.

— Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?

— Что?.. — спросил Марвин.

— Представьте, об отыскании мне известно решительно все, — торжествующе объявил Вальдец, размахивая изящными терракотовыми руками. — Ибо я специалист по теории поисков!

— По чему? — переспросил Марвин.

— По теории поисков, — повторил Вальдец уже не так торжествующе.

— Понятно, — сказал Марвин, ничуть не потрясенный. — Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

— Дружище, если бы вам было известно о Кэти все — ее привычки, друзья, желания, антипатии,

надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное, — как по-вашему, удалось бы вам ее найти?

— Наверняка удалось бы, — ответил Марвин.

— Несмотря на то, что вы ничего не знаете о теории поисков?

— Да.

— Что ж, — сказал Вальдец, — а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лизандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской milieu[1], Гордон Слай разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, Бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

— Из этих примеров, — говорил Вальдец, — мы строим общую концепцию поисков, и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

— Как ни смешно, — продолжал Вальдец, — теория поисков навязывет нам немедленный вывод: ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

---

[1] Среда *(франц.)*.

— Но ведь, если Кэти по-настоящему не потерялась, — сказал Марвин, — значит, ее нельзя по-настоящему найти.

— Суждение само по себе справедливое, — ответил Вальдец. — Но это, конечно, всего-навсего ИДЕАЛЬНОЕ суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

— Звучит страшно путано.

— Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию, — успокоил Марвина Вальдец. — А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будут активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой — позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

— Так что же будем делать?

— Я ведь вам твержу! — вскричал Вальдец. — Один должен искать, другой — ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

— Ждать? Только и всего? — переспросил Марвин.

— Вот именно.

— И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

— Ручаюсь жизнью.

— Что ж... Ладно. Но куда же мы, в таком случае, направляемся?

— В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов — в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил подробнее:

— Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.

— И какой же вы выбрали пункт обнаружения? — спросил Марвин.

— Поскольку это роли не играет, — ответил Вальдец, — я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

— Это, кажется, ваша родина? — спросил Марвин.

— Вообще-то да, — сказал Вальдец, несколько удивленный и сконфуженный. — Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

— Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

— Порядочно, — признался Вальдец. — Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

— Это нечестно.

— Дружище, — сказал ему на это Вальдец, — когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью — черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

XIX

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдец сносил все с равнодушием святого.

— Это есть трудно, — ухмыльнулся он. — Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не раскаиваться, си?

— Да, уж конечно, — пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.

— За всеми препятствиями, — нараспев произнес он, — вас ждет вершина мироздания — лицо и фигура возлюбленной.

— Да, уж конечно, — откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копья ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

— По-моему, — сказал Марвин, — нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

— Дружище, — сказал он, — я знаю, почему вы так говорите.

— Знаете? — переспросил Марвин.

— Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своей жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные, поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

— Вы так считаете? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности, — такой уж у вас железный характер. Точно так же ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

— Да вот, — начал Марвин, — я не уверен...

— Зато я уверен, — спокойно заявил Вальдец. — И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви — она не ведает границ».

— Что ж, это очень мило с вашей стороны, — сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва. — Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и

не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

— Вашим словам недостает убеждения, дружище, — рассмеялся Вальдец. — Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

— Собственно говоря, — возразил Марвин, — я тревожусь о своей безопасности.

— Пустое! — весело вскричал Вальдец. — Жар страсти обличает наигранную холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход — нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин бочком подался вперед.

Вальдец попятился.

— О нет, дружище! — вскричал он. — Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя пташкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно так же никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме, пришел к пылкой привязанности, затем к любви и, наконец, к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но наконец оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

— Это... это не... — начал Марвин.

— Да, сын мой, — тихо сказал Вальдец. — Это село Монтана де лос трес Пикос, провинция Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру[1] — никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом, — и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

XX

Монтана де лос трес Пикос! Здесь среди прозрачных озер и высоких гор простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

— А это действительно лучшее место для ожидания? — спросил Марвин.

— Нет, не лучшее, — с всеведущей улыбкой ответил Вальдец. — Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки «мнимооптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривался двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска

---

[1] Г у р у — наставник (*инд.*).

приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно — стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

— Дядя Макс! — закричал Марвин.

— А-а, Марвин, здравствуй, — отвечал дядя Макс. — Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

— Что с тобой приключилось? — спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке угодил в искривление времени, — ответил дядя Макс. — Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

— Конечно, поговорю, — сказал Марвин. — Но, дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

— У меня свидание в Самарре[1], — отвечал дядя Макс. — Спасибо за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

---

[1] Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» — «Я его не пугала, — ответила Смерть. — Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре».

— Знаю, — сказал Марвин. — Это бомба.

— Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках, — сказал дядя Макс. — До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка № 2 была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

— Далеко ты забралась от дома, мамуля, — сказал он спокойно.

— Знаю, Марвин, — откликнулась мать. — Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

— Господи, мамуля! Как это случилось?

— Видишь ли, Марвин, — рассказала мать, — я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вырвиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я побаловаться. А когда я сказала «нет», он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

— Ух ты! А что потом?

— Да что ж, — сказала мать, — на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за одним, и вот я здесь.

— Вина выпьешь? — предложил Марвин.

— Спасибо за внимание, — сказала мать, — но мне, право же, пора.

— Куда ты?

— В Гавану, — ответила мать. — У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

— Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

— Побереги себя, Марвин, — сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графином Сангре ди Омбре урожая ...36-го года и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

— Отец! — закричал Марвин.

— Добрый день, Марвин, — поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен. — Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

— Могу сказать о тебе то же самое, — ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

— В том, что я здесь, нет ничего удивительного, — сказал он сыну. — Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

— Понятно, — произнес Марвин.

— Признаться, — продолжал отец, — кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, а то и больше.

— Папа, — сказал Марвин, — только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

— Не вижу в твоей шутке ничего смешного, — заметил отец. — Я, бесспорно, дал кругаля, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что, если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Эннендейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

— Наверное, ты прав, — сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

— Мне пора, — сказал отец. — Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

— Да, сэр, — отвечал Марвин. — Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелил сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

— Не понимаю, — делился позднее Марвин с Вальдецом. — Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

— Противоестественно, — заверил его Вальдец. — Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

— Может, и неизбежно, — сказал Марвин. — Но и в высшей степени невероятно.

— Факт, — согласился Вальдец. — Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — сказал Марвин.

— Все довольно просто. Теория поиска — чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых — явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант — когда теория поиска действует во Вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где е с т ь теория поиска, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект» или «эффект удвоения самое себя».

— Гмм... — промычал Марвин.

— Конечно, — прибавил Вальдец, — надо принимать в расчет лямбду-ши — выражение, обозначающее обратно пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

— Означает ли это, — спросил Марвин, — что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

— Именно, — ответил Вальдец. — Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение или на протяжении периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

— Теперь понятно, — сказал Марвин. — Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

— Да, — подхватил Вальдец. — Вы обязательно найдете Кэти; больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение — коэффициент раскрытия системы, или РС.

— Вот оно что, — протянул Марвин.

— Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды до 1005,34543 года.

— А в моем случае сколько будет длиться РС? — спросил Марвин.

— Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос, — искренне развеселился Вальдец.

— Этого-то я и боялся, — поскучнел Марвин.

— Наука — жестокий хозяин, — согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал: — Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

— Вы хотите сказать, что решение есть? — вскричал Марвин.

— К несчастью, не академическое, — ответил Вальдец.

— И все же, — сказал Марвин, — если оно правильное, то давайте попробуем.

— По-моему, не стоит, — ответил Вальдец.

— Я настаиваю, — сказал Марвин. — В конце концов в поиске заинтересован именно я.

— С точки зрения математики это к делу не относится, — заметил Вальдец. — Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса клочок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

— Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

— Восемь.

Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

— Ну? — поторопил его Марвин.

— Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность, — сказал Вальдец, — и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдец продолжал:

— В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посаде медленно движется какая-то фигура.

— Кэти! — закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

— Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС, — констатировал Вальдец. — Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупо улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

XXI

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения; и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся принять вызов древней непознаваемой Вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что наконец пришла к нему — человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршанье черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным. Их игрушками были горы, сте-

пи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех.

Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению Вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

XXII

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристецас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неописуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали: «Увы, сеньор, мы не видали та женьчина ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и нашел на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти, — она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то

трубочист подглядел, как она покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, которая начиналась словами: «Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...»

Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина — все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничто не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его закадычному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вывести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

— Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдец испробовал грубость:

— Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

— Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему:

— Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

— Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдец качнулся к гиперстрацианской этике:

— Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана; а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии.

— Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность от всех

человеческих ценностей казалась необратимой; такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

— Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же, как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день вопреки всем ожиданиям произошло новое событие; оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настежь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей — неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм Вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна — ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался; благоразумие подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она — Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед — лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела risus sardonicus[1], точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита — часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

XXIII

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

---

[1] Саркастическая усмешка (*лат.*).

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу — такой он был каменнобрюхий и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души — промозглый гранит леденил как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Краггаш.

— Похоже на то, — неторопливо произнес он, — что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

— Вы, значит, срепетировали последний акт? — хладнокровно спросил Марвин.

— Актеры знают роли наизусть, — ответил Краггаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов вступила Кэти.

— Это выше моего разумения, — сказал Марвин просто.

— Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? — вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы. — Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Краггашем?

— Брак! — воскликнул Марвин.

— Я не смела признаться раньше — боялась, что ты рассердишься, — жалобно сказала Кэти. — Но, поверь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покорил темной силой — не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

— Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти! — твердил Марвин плачущей девушке.

— Ха, ха, ха! — засмеялся Краггаш. — Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Краггаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног закутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

— Здрав будь, палач, — протянул Краггаш. — Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и — о ужас! — захихикал.

— Руби! — взвыл Краггаш. — Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

— Сыщик Урдорф! — закричал Марвин.

— Да, это я, — сказал марсианский сыщик. — Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько треволнений, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

— С коллегой? — переспросил Марвин.

— Я имею в виду, — криво усмехнулся Урдорф, — чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейви.

— Я... я, кажется, понимаю, — промямлил Марвин.

— Вообще-то все довольно просто, — сказал сыщик Урдорф. — Работая над вашим делом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агентств. Трижды мы чуть не схватили преступника; но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здравой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя.

Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное — детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

— Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

— Осмелюсь сделать одно-два замечания, — сказал Краггаш. — Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

— Забавное рассуждение, — вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами:

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходимцу, а свой разум — в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

— Вот классическая апология преступника, — заметил сыщик Урдорф.

— То, что совершает один человек, вы называете преступлением, — возразил Краггаш, — а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

— Мы можем тут играть словами целый год, — сказал сыщик Урдорф. — Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

— В самом деле? — холодно вымолвил Краггаш. — По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

— Держи его! — заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

— Если я вам нужен, — поддразнил он преследователей, — то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы — только огненный круг.

— Скорей! — орал Марвин. — Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаянья.

— Скорее! — крикнул Марвин.

— Бесполезно, — сказал Урдорф. — Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

— Что теперь делать? — взревел Марвин.

— Ничего, — сказал Урдорф. — Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

— Но ведь можно последовать за ним! — объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

— Нет! Нельзя! — объявил Урдорф. — Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у вас до того малы...

— Не меньше, чем у Краггаша, — прокричал Марвин и вступил в круг.

— Погодите, вы все еще не понимаете! — прокричал Урдорф. — У Краггаша нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искаженного Мира.

XXIV

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...Итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была наконец математически доказана теоретическая необходимость твистермановой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что зону можно рассматривать как участок Вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним».

Статья «Искаженный Мир», «Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний», издание 483-е

«...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином «зеркальная деформация». В самом деле, как мы убедились, Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая Вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика», Эдгар Хоуп Гриф, «Эвклид-Сити Фри Пресс»

«Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно

(это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование: как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: «Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?» Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного»
Зе Краггаша (библиотека имени Марвина Флинна)

XXV

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый проситель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноящимся фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед слева был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

— Как вы думаете, долго еще придется ждать? — спросил Марвин у толстяка не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

— Долго? Долго ли? — ответил толстяк. — Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь, в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя поторопить, даже если у вас и дела-то всего — продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся — словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

— Долго же тебе придется ждать, малыш, — сказал он, — ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

— К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента, рыбной ловли. И, по-моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогооплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений — иголка на стог сена.)

Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.

— Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? — спросил он.

— Это я, — отвечал Марвин. — И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

— Да ладно, — сказал клерк, — это потому, что еще не получены машины. — Он заглянул в бумаги. — Вы подавали прошение о трупе?

— Совершенно верно, — подтвердил Марвин.

— И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

— Обязуюсь.

— Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.

— Я намерен использовать его как украшение.

— По какому праву?

— Я специально изучал оформление интерьеров.

— Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.

— Таракан, — выпалил Марвин. — Номер 3(32)А5345.

— Кто умертвил?

— Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.

— Цель последнего умерщвления?

— Ритуальное очищение.

— Прошение удовлетворено, — сказал клерк. — Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

— Я выбираю вас.

— Так и запишем, — сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

— Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает, — поддразнил он. — Но не достаточно, верно? Желание придает плоти нужную форму, но хозяином положения остается скульптор — смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

— Не переживай всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармахер — это я.

— А я труп, — сказал труп клерка. — Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

— Я пришел сюда продлить водительские права, — сказал толстяк. — Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

— Безусловно, сэр, — заверил его труп клерка. — Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.

— Живая, дохлая, какая мне разница? — сказал толстяк. — Главное — рыбалка, а кого ты поймал — это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину — может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.

И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Краггаш.

— Опыт 342, — решительно заговорил Краггаш нараспев. — Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда

прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копье. Он отскочил (неуклюже — мешала больная нога), и копье просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комнату залило водой — вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копья, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением — обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто — второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином,

четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Моррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

— Ладно, хватит, — сказал Первый начальственным тоном. — Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

— Еврейский акцент здесь не поможет, — туманно изрек Третий.

— Слушай-ка, — сказал Первый, — а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

— Где я? — проговорил Второй. — Что со мной стряслось, о Господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

— Заткнись, макаронник, — цыкнул Четвертый.

— Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, — мрачно ответил Второй. — Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

— Умойся, — хмуро сказал Третий. — Никакой ты не итальяшка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

— Слушайте, — сказал Первый, — я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

— Память, память, — пробормотал Второй. — Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

— Ну, знаешь! — возмутился Келли. — Это дурной тон, старина!

— Это есть чертовски нечестно, — пробормотал Луиджи.

— Призыв не есть созыв, — изрек Третий.

— Но я действительно не помню, — упорствовал Второй.

— Я тоже не больно-то хорошо помню, — сказал Первый. — Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека.

Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

— Святая правда! — взревел Луиджи. — И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

— А я-то думал, ты итальянец, — упрекнул его Келли.

— Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

— Не страннее моей, — сказал Келли. — Вот вы кличете меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в меблирашках Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлевцам в Мавритании. Потому-то и...

— Пфуй, алор! — вскричал Четвертый. — Не могу молчать! Одно дело — подвергать сомнению мою личность, другое — чернить мое отечество!

— Твое негодование ничего не доказывает! — вскричал Третий. — Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.

— Пассивное сопротивление есть форма нападения, — откликнулся Четвертый.

— Недопустимое доказательство есть все же доказательство, — парировал Третий.

— Не пойму, о чем это вы толкуете, — объявил Второй.

— Недалеко ты уйдешь со своим невежеством, — окрысился Четвертый. — Я категорически отказываюсь быть Марвином.

— Никто не может отказаться от того, чего не имеет, — ехидно вставил Келли.

— Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! — пылко воскликнул Четвертый. — Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаюсь диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бах-ае.

— Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре, — сказал Третий. — Кто из вас будет Келли?

— Я, — сказал Келли.

— Ты хоть понимаешь, — спросил Луиджи, — что имена есть только у нас с тобой?

— Это верно, — сказал Келли. — Мы с тобой не такие, как все!

— Эй, минуточку! — сказал Первый.

— Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!

— Держи язык за зубами!

— Держи голову в холоде!

— Держи карман шире!

— Так вот, я и говорю, — продолжал Луиджи. — Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!

— Заметано! — гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Краггаш ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенные природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы — позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.

Вслед за дождем пошел снег, а за ним — два дурака.

Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммураби писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал: «Все брамины — дерьмо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они...

Схватились...

...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая, единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберийских обезьян, а Краггаш пересек северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией — страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный лежал Краггаш — олицетворение зла, — сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и размозжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котлетою». И схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггаши.

Уголок этот тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим случаю почтением надел.

XXVI

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношениях отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай — Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искаженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера — крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима; корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не обязательно, ничто не необходимо.

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире и Земля, воспринимаемая его сознанием, — всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе, — обречена с минуты на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом; отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия — Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии — Скенектеди, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоупа и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопро-

вождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

ПОВЕСТЬ

Четыре СТИХИИ

Элистер Кромптон был стереотипом, и это постоянно возмущало его самого. Но что поделаешь? Хочешь не хочешь, а он моноличность, однолинейный человек, все желания которого нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. Но хуже всего было то, что и внешность его как нельзя более соответствовала его характеру.

Был он среднего роста, болезненно худощав, остронос, его губы были всегда поджаты, уже появились большие залысины надо лбом, а за толстыми линзами его очков скрывались водянистые, тусклые глаза, лицо его покрывала редкая растительность.

Словом, Кромптон выглядел клерком. Он и был клерком.

Посмотришь на него и скажешь: ну и тип, мелочный, пунктуальный, осторожный, нервный, пуританского склада, злопамятный, забитый, осмотрительный и сдержанный. Диккенс изобразил бы его человеком с повышенным чувством собственной значимости, который вечно торчит в конторе, взгромоздившись на высокий табурет, и царапает в пыльных скрижалях историю какой-нибудь старой респектабельной фирмы.

Врач XIII века углядел бы в Кромптоне воплощение одного из четырех темпераментов, соответствующих свойствам основных стихий, а именно: меланхолического темперамента Воды. Причина этого — в избытке холодной, сухой, черной желчи, которая порождает брюзгливость и замкнутость.

Более того, сам Кромптон мог бы стать доказательством правильности теории Ломброзо и Крэтшмера, притчей-предупреждением, гиперболой католицизма и печальной карикатурой на человечество.

И опять-таки, хуже всего то, что Кромптон полностью сознавал всю аморфность, слабость, тривиальность своей натуры и, сознавая это, негодовал, но ничего не мог изменить, только ненавидел досточтимых докторов, которые сделали его таким.

Кромптон с завистью наблюдал, что его окружают люди во всей манящей сложности своих противоречивых характеров, люди, восстающие против тех банальностей, которые общество пытается навязать им. Он видел отнюдь не добросердечных проституток; младших офицеров, ненавидевших жестокость; богачей, никогда не подававших милостыни; он встречал ирландцев, которые терпеть не могли драк; греков, которые никогда не видели кораблей; французов, которые действовали без расчета и логики. Казалось, большинство людей живет чудесной, яркой жизнью, полной неожиданностей, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в странную тишину, поступая вопреки собственным словам, отрекаясь от своих же доводов, сбивая тем самым с толку психологов и социологов и доводя до запоя психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого в свое время врачи ради сохранения рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою жизнь день за днем ровно в девять часов утра Кромптон с непреклонной методичностью робота добирался до своего стола. В пять пополудни он уже аккуратно складывал гроссбухи и возвращался в свою меблированную комнатку. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. Каждую субботу вечером, пробившись сквозь толчею легкомысленных, веселых подростков, Кромптон смотрел кино. По воскресеньям и праздничным дням Кромптон изучал геометрию Эвклида, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон прокрадывался к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. В уединении своей комнаты он с жадностью поглощал его, а потом в экстазе самоуничижения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, знал, что врачи превратили его в стереотип ради его собственного блага, он пы-

тался примириться с этим. Какое-то время он поддерживал компанию с подобными себе, плоскими и мелкими, глубиной в сантиметр, личностями. Но все они были высокого мнения о себе и оставались самодовольными и чопорными в своей косности. Они были такими с самого рождения, в отличие от Кромптона, которого врачи перекроили в одиннадцать лет. Скоро он понял, что для окружающих такие, как он, да и сам он, просто невыносимы.

Он изо всех сил старался вырваться из удручающей ограниченности своей натуры. Одно время он серьезно подумывал об эмиграции на Венеру или Марс, но так ничего и не предпринял для этого. Обратился он как-то в Нью-Йоркскую Контору Бракосочетаний, и они устроили ему свидание. Кромптон шел на встречу со своей незнакомой возлюбленной к театру Лоу Юпитера, воткнув в петлицу белую гвоздику. Однако за квартал до театра его прохватила такая дрожь, что он вынужден был поспешить домой. В тот вечер, чтобы немного прийти в себя, он разгадал шесть кроссвордов и разложил девять пасьянсов. Но даже эта встряска была кратковременной.

Несмотря на все старания, Кромптон мог действовать только в узких рамках своего характера. Его ярость против себя и досточтимых докторов росла, и соответственно росло его стремление к самопреобразованию. Но у Кромптона был лишь один путь к достижению удивительного многообразия человеческих возможностей, внутренних противоречий, страстей — словом, всего человеческого. И ради этого он жил, работал, и ждал, и наконец достиг тридцатипятилетнего возраста. Только в этом возрасте согласно федеральному закону человек получал право на Реинтеграцию личности.

На следующий день после этой знаменательной даты Кромптон уволился с работы, взял в поте лица заработанные сбережения — результат семнадцатилетнего труда — и отправился с визитом к своему врачу, твердо решив вернуть себе то, что в свое время было у него отнято.

Старый доктор Берренгер провел Кромптона в свой кабинет, усадил в удобное кресло и спросил:

— Ну, парень, давно я тебя не видел, как дела?

— Ужасно, — ответил Кромптон.

— Что тебя беспокоит?

— Я сам, — ответил Кромптон.

— Ага, — сказал старый доктор, внимательно глядя в лицо Кромптона, типичное лицо клерка. — Чувствуешь себя немного ограниченным, э?

— Ограниченный — не совсем то слово, — натянуто возразил Кромптон. — Я машина, робот, ничто...

— Ну, ну, — сказал доктор Берренгер. — Все не так уж плохо, я уверен. Чтобы приспособиться, нужно время...

— Меня тошнит от самого себя, — решительно заявил Кромптон. — Мне необходима Реинтеграция.

На лице доктора отразилось сомнение.

— И к тому же, — продолжал Кромптон, — мне уже тридцать пять. По федеральному закону я имею право на Реинтеграцию.

— Имеешь, — согласился доктор Берренгер. — Но, как твой друг, как врач, я настоятельно советую тебе, Элистер: не делай этого.

— Почему?

Старый доктор вздохнул и сложил пальцы рук пирамидкой.

— Это опасно для тебя. Чрезвычайно опасно. Это может стать роковым шагом.

— Но хоть один шанс у меня есть или нет?

— Почти нет.

— Тогда я требую осуществить мое право на Реинтеграцию.

Доктор снова вздохнул, подошел к своей картотеке и вынул толстую историю болезни.

— Ну что ж, обратимся к твоему случаю, — сказал он.

Элистер Кромптон родился в Амундсвилле на Земле Мари Берд в Антарктиде, родителями его были Лиль и Бесс Кромптоны. Отец работал техником на Шотландских плутониевых рудниках, мать была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на одном маленьком радиозаводе. У обоих зарегистрировано вполне удовлетворительное умственное и физическое развитие. Маленький Элистер проявил все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые девять лет жизни Элистер рос нормальным во всех отношениях ребенком, если не считать некоторой угрюмости; но дети нередко бывают угрюмыми. А в остальном Элистер был любознательным, живым, любящим, добродушным созданием, а в смысле интеллектуальном стоял гораздо выше своих сверстников. Когда ему исполнилось десять лет, угрюмость заметно возросла. Иногда часами ребенок оставался сидеть в своем кресле, глядя в пустоту и порой даже не откликаясь на собственное имя.

Эти «периоды зачарованности» появлялись все чаще и становились интенсивнее. Мальчик сделался раздражителен — местный врач выписал успокаивающее. Однажды, когда Элистеру было десять лет и семь месяцев, он без видимой причины ударил маленькую девочку. Та закричала — он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял школьный учебник, самым серьезным образом намереваясь раскроить им череп девочки. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

Когда Элистера расспрашивали об этом инциденте, он утверждал, что ничего такого не делал. Может быть, это сделал кто-нибудь другой. Он никогда никому не причинил бы зла и, уж во всяком случае, не этой маленькой девочке, которую он очень любил. Дальнейшие расспросы привели к тому, что Элистер впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Если бы тогда кто-нибудь сумел распознать во всем этом симптомы вирусной шизофрении, Элистера можно было бы спасти. Даже у очень молодых эта болезнь легко поддавалась правильному лечению.

В средней зоне вирусная шизофрения была распространена уже в течение многих веков, и бывали случаи, когда она принимала размеры подлинных эпидемий, как, например, классическое помешательство на танцах в Средние Века. Иммунология еще не нашла вакцины против вируса. Поэтому стало обычным немедленно прибегать к Полному Расщеплению, пока шизоидные компоненты еще податливы; затем находили и сохраняли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты через Проектор

Миккльтона помещали в инертное вещество Тел Дюрьера.

Тела Дюрьера — это андроиды[1], рассчитанные на сорок лет существования. Они, конечно, нежизнеспособны. Но Федеральный закон разрешал Реинтеграцию личности по достижении ею тридцати пяти лет. Шизоиды, развивавшиеся в Телах Дюрьера, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело и разум, где точно по прогнозу происходили Реинтеграция и полное слияние...

Но это получалось, если Расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмораживаниями, снежной слепотой, раком, спиральной меланхолией и другими обычными заболеваниями морозного юга, но о болезнях средней зоны не знал ничего.

Элистера положили в городскую больницу на исследования.

В течение первой недели он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь временами прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживавшей за ним няне, которая в нем души не чаяла и называла очаровательным ребенком. Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова станет самим собой.

На тринадцатый день своего пребывания в больнице Элистер исполосовал лицо нянечки разбитым стаканом, потом сделал отчаянную попытку перерезать себе горло. Когда его госпитализировали, чтобы залечить раны, началась каталепсия, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим для него.

Две недели Элистер находился в кататоническом состоянии, характеризуемом мертвенной бледностью, полным оцепенением. Болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в известную клинику Ривера в Нью-Йорке. Там не замедлили поставить диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

---

[1] **Андроид** — биологический человекоподобный робот.

Элистер, одиннадцатилетний мальчик, мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы в нем выявился активный базис для специалистов. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты застыли в своей несовместимости. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом для других сумеречном мире, и единственно, что заполняло ее, — это кошмары. Специалисты пришли к выводу, что Полное Расщепление едва ли поможет в этом запущенном случае. Но без Расщепления Элистер был обречен провести остаток своей жизни в клинике, никогда более не приходя в сознание, оставаясь навеки погребенным в сюрреалистических темницах своего сознания.

Его родители выбрали меньшее из зол и подписали бумаги, разрешающие врачам предпринять запоздалую, отчаянную попытку Расщепления.

Элистер перенес эту операцию, когда ему было одиннадцать лет и один месяц. Под глубоким гипнозом специалисты выявили у него три независимых одна от другой личности. Врачи разговаривали с ними и сделали выбор. Две личности были помещены в Дюрьеровы Тела. Третью личность, которую сочли наиболее для этого подходящей, оставили в первоначальном теле. Все три личности были травмированы, но операция была признана до известной степени удачной.

Доктор Власек, лечащий нейрогипнотизер, отметил в своем отчете, что для всех трех компонентов, поскольку они неадекватны, не соответствуют друг другу, даже по достижении законного возраста — тридцати пяти лет — надежды на успех последующей Реинтеграции нет. Слишком поздно произведено было Расщепление, и шизоидные компоненты потеряли те жизненно необходимые качества, то взаимное согласие, без которых невозможно их слияние, их совместное существование. В своем отчете он настаивал на необходимости лишения их права на Реинтеграцию, чтобы в дальнейшем они существовали только в их новом, разрозненном состоянии.

Двое в Дюрьеровых Телах получили новые имена и сопровождаемые наилучшими пожеланиями докторов были помещены в детские приюты — один на

Марсе, другой на Венере — почти без всякой надежды на что-либо путное в жизни.

Элистер Кромптон, собственно доминирующая личность в его подлинном обличии, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных вместе с шизоидными его частями, ему недоставало. Ему недоставало некоторых чисто человеческих черт, эмоций, способностей, и их уж ему никогда не вернуть, не заменить другими.

Кромптон рос, обладая только теми качествами, которые были присущи собственно его личности: чувством долга, аккуратностью, упорством и осторожностью. Неизбежное в таких случаях разрастание этих качеств привело к тому, что он стал стереотипом, ограниченным человеком, сознающим, однако, свои недостатки и страстно стремящимся к полному выявлению своей личности, к слиянию, Реинтеграции...

— Вот как обстоят дела, Элистер, — сказал доктор Берренгер, захлопывая фолиант. — Доктор Власек решительно возражал против Реинтеграции. Весьма сожалею, но я с ним согласен.

— Но это же мой единственный шанс, — сказал Кромптон.

— Никаких шансов, — возразил ему доктор Берренгер. — Ты можешь заключить эти личности в себя, но у тебя не хватит твердости держать их в узде, слиться с ними. Элистер, мы спасли тебя от вирусной шизофрении, но предрасположение к ней у тебя осталось. Прибегни к Реинтеграции — и тебя ждет функциональная шизофрения, и это уже навсегда.

— Но у других-то получалось! — воскликнул Кромптон.

— Конечно, и у многих. Но не было случая, чтобы это была запущенная шизофрения, чтобы шизоидные компоненты закоснели.

— Я должен использовать последнюю возможность, — сказал Кромптон. — Я требую имена и адреса моих Дюрьеров.

— Да слышишь ли ты, что я тебе говорю? Всякая попытка реинтегрировать приведет либо к тому, что ты сойдешь с ума, либо к еще худшему. Как твой лечащий врач, я не могу...

— Дайте адреса, — холодно потребовал Кромптон. — Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь со своими компонентами. Когда они будут в моем подчинении, произойдет слияние. Мы будем действовать как единое целое. И я наконец стану полноценным человеком.

— Да ты даже не представляешь себе, что такое эти Кромптоны! — воскликнул доктор. — Ты думаешь, что это ты неполноценный? Да ты вершина этой кучи хлама!

— Мне все равно, что они собой представляют, — сказал Кромптон. — Они часть меня. Пожалуйста, адреса и имена.

Устало покачав головой, доктор написал записку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, нечего рассчитывать на успех. Прошу тебя, подумай хорошенько...

— Спасибо, доктор Берренгер, — коротко поклонившись, сказал Кромптон и вышел.

Стоило Кромптону очутиться за порогом кабинета, как вся его самонадеянность словно растаяла. Он не посмел признаться доктору Берренгеру в своих сомнениях, не то добрый старик непременно отговорил бы Элистера от Реинтеграции. Но теперь, когда адреса и имена лежали у него в кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера захлестнула тревога. Он только дрожал с головы до ног. Он справился с приступом, но ненадолго, лишь до тех пор, пока на такси не добрался до своей комнаты, а там сразу же бросился на кровать.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, как утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ прошел. Он сумел унять дрожь в пальцах настолько, чтобы вытащить из кармана и рассмотреть записку, которую вручил ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса из Элдерберга на Марсе. Вторым — имя Дэна Стэка, Восточные Болота, на Венере. Больше в записке ничего не было.

Что собой представляли эти самостоятельно существующие компоненты его, Кромптона, личности? Какие характеры, какие формы приняли его отторгнутые сегменты?

В записке об этом не было сказано ни слова. Ему самому предстояло поехать и все выяснить.

Кромптон разложил пасьянс и прикинул, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный рассудок был явно одержим манией убийства. Предположим, слияние состоится, изменится ли что-нибудь к лучшему? Имеет ли он право выпускать в мир это, по всей вероятности, чудовище? Благоразумно ли предпринимать шаги, которые могут привести его к умопомешательству, кататонии, смерти?

До поздней ночи думал об этом Кромптон. Наконец врожденная осторожность взяла верх. Он аккуратно сложил записку, спрятал ее в ящик стола. Как бы ни хотел он Реинтеграции и целостности, риск был слишком велик, и он предпочел свое теперешнее состояние сумасшествию.

На следующий день он нашел себе место клерка в одной старой респектабельной фирме.

Он был сразу же захвачен привычным ходом дел. Снова с непреклонной методичностью робота каждое утро ровно в девять часов он добирался до своего стола, в пять пополудни он уходил и возвращался в свою меблированную комнату, съедал свой невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. И снова в субботу вечером он смотрел кино, по воскресеньям изучал геометрию и один раз в месяц покупал, читал и затем рвал на куски журнал непристойного содержания.

А отвращение к самому себе росло. Он попробовал коллекционировать марки, но вскоре отказался от этого занятия; вступил в Объединенный Клуб Счастья — ушел с первого же чопорного и томительного бала; попробовал овладеть искусством игры в шахматы — бросил. Все это не спасало его от чувства собственной неполноценности.

Он видел вокруг себя бесконечное многообразие человеческих отношений. Недоступное ему пиршество жизни развертывалось перед его взором. Его преследовало видение: еще двадцать лет жизни проходят в монотонных занятиях клерка, а потом еще тридцать и сорок, и так без отдыха, без срока, без надежды — и только смерть положит этому конец, освободит его.

Шесть месяцев, изо дня в день, методически обдумывал эти проблемы Кромптон. Наконец он решил, что все-таки умопомешательство лучше его нынешнего состояния.

Он ушел с работы и снова забрал все свои старательно накопленные сбережения. На этот раз он купил билет до Марса, чтобы отыскать там Эдгара Лумиса из Элдерберга.

Точно в назначенное время Кромптон, вооруженный толстым томом кроссвордов, был уже на космодроме Айдлуайлд. Затем он преодолел трудный из-за перегрузок подъем на Станцию № 3 и короткорейсовым кораблем «Локхид-Лэкавона» добрался до пересадочного пункта, здесь он сел в хоповер, который доставил его на Марс, Станция № 1, где Кромптон прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности, а потом прибыл в Порт Ньютон. За три дня он акклиматизировался, научился дышать дополнительным желудочным легким, стоически перенес инъекции стимулятора и наконец получил визу, дающую право путешествовать по всей планете Марс. Таким образом, уже во всеоружии он сел в ракету, следующую до города Элдерберга, расположенного недалеко от Южного полюса Марса.

Ракета медленно ползла по плоским однообразным марсианским равнинам, покрытым низким серым кустарником, который как-то умудрялся выжить в этом холодном разреженном воздухе, через болота скучной зеленой тундры. Кромптон был погружен в свои кроссворды. Когда кондуктор объявил, что они проезжают Великий Канал, Кромптон, заинтересованный, на минуту оторвался от своего кроссворда. Но Канал оказался всего лишь мелким, с отлогими берегами руслом давно исчезнувшей реки. Растения на грязном дне были темно-зеленого, почти черного цвета. Кромптон вновь погрузился в свои кроссворды.

Они проезжали Оранжевую Пустыню и останавливались на маленьких станциях, где бородатые иммигранты в широкополых шляпах заскакивали в ракету, чтобы получить свои витаминные концентраты и «Сандей Таймс» в микрофильмах.

Но вот и предместья Элдерберга.

Город был центром всех деловых операций рудников и ферм Южного полюса. Он служил и курортом для богатых, которые приезжали сюда, чтобы принять Ванны Вечности или просто ради новых впечатлений. Благодаря вулканической активности температура в этом районе поднималась до 67 градусов по Фаренгейту. Это было самое теплое место на Марсе. Жители Марса называли этот район Тропиками.

Кромптон остановился в маленьком мотеле. Он вышел на улицу и слился с толпой ярко одетых мужчин и женщин, прогуливавшихся по странным, неподвижным тротуарам Элдерберга. Он заглядывал в окна игорных домов, разинув рот, глазел на лавки Подлинных ремесленных изделий Исчезнувшей Марсианской Цивилизации, всматривался в блистающие огнями рестораны и коктейль-холлы — новинку сезона. Он в ужасе отпрянул от накрашенной молодой женщины, когда она пригласила его в Дом Мамы Тиль, где пониженная гравитация позволяет испытывать куда большие наслаждения, чем в обычных условиях. От нее и еще от дюжины таких же Кромптон укрылся в маленьком садике, присел там на скамью, пытаясь немного привести в порядок мысли.

Вокруг него раскинулся Элдерберг — яркий, полный наслаждений, вопиющий о своих грехах, — накрашенная Иезавель, которую Кромптон отвергал презрительным изгибом своих тонких губ. Но за этим изгибом губ, за отведенным в сторону взглядом и вздрагивающими от возбуждения ноздрями — за всем этим скрывалась та часть его существа, которая жаждала этой греховной человечности как противопоставления тоскливому, бесплодному существованию.

Но как ни печально, Элдерберг, так же как и Нью-Йорк, не мог склонить Элистера к греху. Возможно, Эдгар Лумис возместит недостающее.

Кромптон стал опрашивать все отели города в порядке алфавита. В первых трех ответили, что понятия не имеют, где может быть Лумис, но уж коли он найдется, то им надо уладить пустяковый вопрос о неоплаченных счетах с ним. В четвертом отеле высказали предположение, что Лумис присоединился к большой поисковой партии на Горной Седловине. В пятом, вполне современного вида отеле никогда не слыхали о Лумисе. В шестом молодая, слишком ярко

и нарядно одетая женщина рассмеялась слегка истерически при упоминании Лумиса, но дать какую-либо информацию о нем отказалась.

Только в седьмом отеле клерк сообщил Кромптону, что Эдгар Лумис занимает триста четырнадцатый номер. Сейчас его дома нет, скорее всего он находится в Салуне Красной Планеты.

Кромптон расспросил, как туда пройти. И с сильно бьющимся сердцем отправился в старый район Элдерберга.

Отели здесь были какие-то вылинявшие, потрепанные, их пластиковые стены были побиты пыльными осенними бурями. Игорные дома сгрудились в кучу, а танцевальные залы днем и ночью выплескивали свое буйное веселье на улицы. В поисках местного колорита толпы богатых туристов сновали со своими видеозвуковыми аппаратами в надежде наткнуться на непристойную сценку и запечатлеть ее с достаточно близкого, но безопасного расстояния — такие снимки и позволяли дотошным искателям приключений называть Элдерберг «Откровением Трех планет». Встречались здесь и охотничьи магазины, снабжавшие туристов всем необходимым для спуска в знаменитые Пещеры Ксанаду или для долгого путешествия в пескоходе к Витку Сатаны. Были здесь также скандальной известности Лавки Грез, в которых торговали любыми наркотиками, и, сколько ни пытались покончить с ними законным путем, они продолжали действовать. Тут же какие-то бездельники продавали подделки под марсианскую резьбу по камню и все другое прочее — чего только душа пожелает.

Кромптон разыскал Салун Красной Планеты, вошел и ждал, пока глаза привыкнут и можно будет что-нибудь разглядеть в облаках табачного дыма и винных паров. Он смотрел на туристов за длинной стойкой бара в их пестрых рубашках, на говорливых гидов и суровых рудокопов. Он смотрел на карточные столы и на болтающих женщин, на мужчин с их знаменитым нежно-апельсиновым марсианским загаром — чтобы его приобрести, требуется, говорят, не меньше месяца.

И тут — ошибки быть не могло — он увидел Лумиса.

Лумис сидел за карточным столом и играл в фараон в паре с цветущей блондинкой, которой на первый взгляд можно было дать тридцать, на второй — сорок, а если присмотреться, то и все сорок пять. Играла она с азартом, и Лумис забавлялся, с улыбкой наблюдая за нею.

Он был высок и строен. Его костюм и саму манеру одеваться лучше всего передает слово из кроссворда «ворсистый». Узкий череп покрывали прилизанные волосы мышиного цвета. Не очень разборчивая женщина могла бы назвать его довольно красивым.

Внешне он нисколько не походил на Кромптона. Однако существовало между ними какое-то влечение, притяжение, мгновенное созвучие — этим чувством обладали все части индивидуума, перенесшего операцию Расщепления. Разум взывал к разуму, части требовали целого, стремились к нему с неведомой телепатической силой. И Лумис, ощутив все это, поднял голову и открыто взглянул на Кромптона.

Кромптон направился к нему. Лумис что-то шепнул блондинке, вышел из-за карточного стола и встретил Кромптона посреди зала.

— Кто вы? — спросил Лумис.

— Элистер Кромптон. Вы Лумис? Я обладатель нашего подлинного тела, а вы... вы понимаете, о чем я толкую?

— Да, конечно, — сказал Лумис. — Я все думал, появитесь ли вы когда-нибудь. Хм!.. — Он оглядел Кромптона с головы до ног, и нельзя сказать, чтобы остался доволен тем, что увидел.

— Ну ладно, — сказал Лумис, — пойдемте в мой номер, там поговорим. Может быть, сразу и покончим с этим.

Он снова посмотрел на Кромптона с нескрываемой неприязнью и вышел с ним из салуна.

Номер Лумиса удивил Кромптона, явился для него прямо-таки откровением. Кромптон чуть не упал, когда его нога утонула в мягком восточном ковре. Свет в комнате был золотистый, тусклый, по стенам непрерывной чередой корчились и извивались бледные, тревожащие тени, они то принимали человеческие очертания, сближались, сплетались в кольца, то превращались в тени животных или беспорядочные кошмары из детских снов, затем медленно исчезали

в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

— Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Картерум». Как вам нравится? — спросил Лумис.

— Довольно трогательно, — ответил Кромптон. — Но, должно быть, это ужасно дорогое удовольствие?

— Пожалуй, — небрежно произнес Лумис. — Это мне подарили. Присаживайтесь.

Кромптон уселся в глубокое кресло, оно сразу приняло форму его тела и начало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить? — спросил Лумис.

Кромптон молча кивнул. Теперь он чувствовал запах духов — сложную летучую смесь аромата специй и пряностей с легким налетом запаха тления.

— Этот запах...

— К нему нужно привыкнуть, — сказал Лумис. — Это обонятельная соната, задумана как аккомпанемент к песне теней. Я сейчас выключу.

Он выключил сонату и включил что-то другое. Кромптон услышал мелодию, которая как будто сама возникала у него в голове, — медленную, чувственную, мучительно волнующую; Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другое время, в другом месте.

— Она называется «Deja vu», — объяснил Лумис. — Прямая передача на слушателя. Симпатичная вещица, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старается произвести на него впечатление. И надо отдать Лумису должное — это у него получалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон оглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель и все прочее; профессионально быстро вычислил он в уме цену, стоимость доставки с Земли, пошлины и получил результат.

Он пришел к ужасному выводу: только то, что было в комнате Лумиса, стоило больше, чем он, Кромптон, мог бы заработать в качестве клерка, живи он хоть три жизни с четвертью.

Лумис протянул стакан Кромптону.

— Это мед, — сказал он. — Крик моды этого года в Элдерберге. Скажите, как он вам понравится.

Кромптон отхлебнул медового напитка.

— Восхитительно, — сказал он. — Наверно, дорого?

— Довольно-таки. Но ведь за такое ничего не жаль отдать, не правда ли?

Кромптон не ответил. Он пристально рассматривал Лумиса и заметил признаки разрушения в его Дюрьеровом Теле. Он внимательно исследовал правильные, красивые черты его лица, марсианский загар, гладкие мышиного цвета волосы, небрежное изящество одежды, тонкие лапки морщинок возле глаз, впалые щеки, на которых видны были следы косметики. Он рассматривал улыбку Лумиса — обычную улыбку баловня судьбы, — надменный изгиб губ, нервные пальцы, поглаживающие кусок парчи, всю его фигуру, самодовольно развалившуюся в изысканном кресле.

Вот, думал он, стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Это само воплощение сангвинического темперамента, в основе которого лежит Огонь — потому что слишком горяча его кровь, она рождает в человеке беспричинную радость и чрезмерную привязанность к плотским удовольствиям. Но Лумис, так же как и Кромптон, всего лишь стереотип, с душою мелкой, глубиной всего в сантиметр, все желания которого легко предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого.

В Лумисе сосредоточились те неосуществленные стремления Кромптона к наслаждениям, которые в свое время были отторгнуты и теперь предстали перед ним как самостоятельная сущность. Этот единственный принцип — наслаждение в чистом виде, — которым Лумис руководствовался в своей жизни, был совершенно необходим Кромптону, его телу и духу.

— Как вам удается сводить концы с концами? — резко спросил Кромптон.

— Я получаю деньги, оказывая услуги, — улыбаясь, ответил Лумис.

— Попросту говоря, вы вымогатель и паразит, — сказал Кромптон. — Вы наслаждаетесь за счет богачей, которые толпами стекаются в Элдерберг.

— Вам, брат мой трудяга и пуританин, все это представляется именно в таком свете, — сказал Лу-

мис, закуривая сигарету цвета слоновой кости. — Но я смотрю на вещи иначе. Подумайте сами. Сегодня все делается во имя бедных, будто непредусмотрительность — это какая-то особая добродетель! Но ведь и у богатых есть свои нужды! Их нужды совсем не похожи на нужды бедняков, но от этого они не менее настоятельны. Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Правительство превосходно справляется с этим. А как же нужды богачей? Людей смешит сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. Но разве оттого, что у человека есть кредит, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это, в свою очередь, ведет к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат.

— В таком случае почему бы ему не отказаться от богатства? — спросил Кромптон.

— А почему бедняк не отказывается от своей нищеты? — парировал Лумис. — Нет, этого нельзя делать, мы должны принимать жизнь такой, как она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им ее оказать.

Богатым нужно сочувствие, и я им чрезвычайно сочувствую. Богатым нужно общество людей, способных наслаждаться роскошью; у богатых есть потребность *учить*, как ею наслаждаться; и, мне кажется, немного найдется таких, которые ценят роскошь, наслаждаются роскошью так, как я!.. А их женщины, Кромптон!.. У них ведь тоже есть *свои* нужды — настоятельные, срочные, а мужья часто не могут удовлетворить их в силу своей занятости. Эти женщины не могут довериться первому встречному, какому-нибудь простофиле. Они нервозны, хорошо воспитаны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны нюансы, утонченность. Им нужно внимание мужчины с высоким полетом фантазии и в то же время чрезвычайно благоразумного. В этом скучном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось: у меня талант именно в этих делах. Вот я его и применяю. И конечно, как всякий трудящийся человек, имею право на вознаграждение.

Лумис с улыбкой откинулся в кресле. Кромптон смотрел на него, испытывая что-то похожее на страх. Ему трудно было поверить, что этот растленный, самодовольный альфонс, это существо с моралью кобеля было частью его самого. Но оно все же было его частью, и частью, необходимой для Реинтеграции.

— Так вот, — сказал Кромптон, — ваши взгляды меня не касаются. Я представляю собой основную личность Кромптона и нахожусь в подлинном теле Кромптона. Я прибыл сюда для Реинтеграции.

— Мне это ни к чему, — сказал Лумис.

— То есть вы хотите сказать, что не согласны?

— Абсолютно верно.

— Вы, по-видимому, не понимаете, что вы неукомплектованный, недоделанный экземпляр. У вас должно быть то же стремление к самоосуществлению, которое постоянно испытываю я. А это возможно только путем Реинтеграции.

— Безусловно, — сказал Лумис.

— Значит...

— Ничего это не значит, — сказал Лумис. — Я очень хотел бы укомплектоваться. Но еще больше мне хочется продолжать жить так, как я жил до сих пор, то есть самым удовлетворительным, самым замечательным образом. Знаете, роскошь позволяет мириться со многим...

— А вы не забыли, — сказал Кромптон, — что вы пребываете в Дюрьеровом Теле, а срок его существования всего сорок лет? Без Реинтеграции вам осталось жить только пять лет. Поймите, *максимум* пять. Бывает, что Дюрьеровы Тела ломаются и раньше срока.

— Да, верно, — сказал, слегка нахмурившись, Лумис.

— В Реинтеграции нет ничего плохого, — продолжал Кромптон самым, как ему казалось, убедительным тоном. — Ваша страсть к наслаждениям не пропадет, просто она станет несколько умереннее.

Лумис как будто задумался всерьез, попыхивая своей бледно-кремовой сигаретой. Потом взглянул Кромптону в лицо и произнес:

— Нет!

— Но ваше будущее?..

— Я просто не тот человек, который беспокоится о будущем, — с самодовольной улыбкой возразил Лумис. — Мне бы прожить сегодняшний день, да так, чтобы чертям тошно стало. Пять лет... Кто знает, что еще случится за эти пять лет! Пять лет — ведь это целая вечность! Может, что-нибудь и изменится.

Кромптон подавил в себе сильное желание вколотить в этого Лумиса хоть немного здравого смысла. Конечно, сластолюбец всегда живет только сегодняшним днем, не предаваясь мыслям о далеком и неопределенном будущем. Для Лумиса, поглощенного сегодняшним днем, пять лет — срок почти немыслимый. Ему, Кромптону, следовало бы знать это.

По возможности спокойным голосом Кромптон сказал:

— Ничего не изменится. Через пять лет — коротких пять лет — вы умрете.

Лумис пожал плечами:

— Я следую правилу — никогда не загадывать дальше четверга. Вот что я тебе скажу, старик: приезжай через три или четыре года, тогда поговорим.

— Но это невозможно, — объяснил ему Кромптон. — Вы тогда будете на Марсе, я — на Земле, а наш третий компонент — на Венере. Нам уж ни за что не встретиться в нужный момент. А кроме того, вы даже не вспомните.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Лумис, поглядывая на свои часы. — А теперь, если ты не возражаешь, я жду гостя, который, наверное, предпочтет...

Кромптон встал.

— Если вы передумаете, я остановился в мотеле «Голубая Луна». И пробуду здесь еще день или два.

— Желаю приятно провести время, — сказал Лумис. — Не забудь посмотреть Пещеры Ксанаду — сказочное зрелище!

Совсем потеряв дар речи, Кромптон покинул роскошный номер Лумиса и вернулся в свой мотель.

В этот вечер, ужиная в буфете, Кромптон отведал Марсианских ростков и Красного Солодина. В киоске он купил книжечку акростихов. Вернувшись домой, он разгадал три кроссворда и лег спать.

На следующий день Кромптон попытался разработать план дальнейших действий. Убедить Лумиса он

уже не надеялся. Ехать ли ему на Венеру разыскивать Дэна Стэка, третью утраченную часть своей личности? Нет, это более чем бесполезно. Даже если Стэк захочет реинтегрировать, им все равно будет недоставать их исконной трети — Лумиса, важнейшего источника наслаждений. Две трети будут еще более страстно желать укомплектования, чем одна треть, и будут еще больше страдать от ощущения своей неполноценности. А Лумиса, видно, не убедить.

При сложившихся обстоятельствах единственное, что оставалось Кромптону, — это вернуться на Землю нереинтегрированным и жить там по мере возможности. В конце концов, есть какая-то радость и в напряженном труде и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надежности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные достоинства.

Но нелегко ему было примириться с этим. С тяжелым сердцем позвонил он на станцию и заказал себе место на вечерней ракете до Порта Ньютона.

Когда Кромптон упаковывал вещи и до отправления ракеты оставался всего час, дверь его номера распахнулась. Вошел Эдгар Лумис, огляделся вокруг, закрыл и запер за собой дверь.

— Я передумал, — сказал Лумис. — Я согласен на Реинтеграцию.

Внезапное подозрение загасило первый порыв радости Кромптона.

— А почему вы передумали?

— Какое это имеет значение? — возразил Лумис. — Разве мы...

— Я хочу знать почему, — сказал Кромптон.

— Ну, это трудновато объяснить. Понимаете, я только...

Раздался громкий стук в дверь. Сквозь апельсиновый загар на щеках Лумиса проступила бледность.

— Ну, пожалуйста, — попросил он.

— Рассказывайте, — неумолимо потребовал Кромптон.

Лоб Лумиса покрылся крупными каплями пота.

— Случается, что мужьям не нравятся небольшие знаки внимания, которые оказывают их женам. Порой даже богатый может быть потрясающим обыва-

телем. В моей профессии встречаются подводные камни — мужья, например. Поэтому раз или два в год я считаю полезным провести некоторое время в Бриллиантовых Горах, в пещере, которую я там себе оборудовал. Она в самом деле очень удобна, правда, приходится обходиться простой пищей. Но несколько недель — и опять все в порядке.

Стук в дверь повторился с новой силой. Кто-то кричал басом:

— Я знаю, что вы здесь, Лумис! Выходите, или я сломаю эту проклятую дверь и сверну вашу мерзкую шею!

Лумис никак не мог унять дрожи в руках.

— Больше всего на свете боюсь физического насилия, — проговорил он. — Не лучше ли просто реинтегрировать, и тогда я вам все объясню?

— Я хочу знать, почему на сей раз вы не скрылись в своей пещере? — настаивал Кромптон.

Они услышали, как кто-то всем телом налег на дверь. Лумис пронзительным голосом закричал:

— Это все ваша вина, Кромптон! Ваше появление выбило меня из седла. Я лишился своего необыкновенного ощущения времени, своего шестого чувства грядущей опасности. Черт вас побери, Кромптон, я не успел смыться вовремя! Меня захватили на месте преступления! Я просто сбежал, а за мной по всему городу мчался этот кретин, этот здоровый неандерталец, выскочка-муж, он заглядывал во все салуны и отели, обещая переломать мне ноги. У меня не хватило денег на пескоход и не было времени заложить свои драгоценности. А полицейские только ухмылялись и отказывались защитить меня. Пожалуйста, Кромптон!

Дверь трещала под бесчисленными ударами, и замок начал поддаваться. Кромптон, благодарный судьбе за то, что чувство недостаточности так вовремя заговорило в Лумисе, повернулся к нему, к этой части своей особы.

— Ну что ж, давайте реинтегрировать, — сказал Кромптон.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу — две части целого, жаждущего единства, возможность, превращающаяся в мостик через пропасть. Затем Лумис тяжело вздохнул, и его Дюрьерово Тело рухнуло,

сложившись пополам, как тряпичная кукла. В тот же миг колени Кромптона подогнулись, словно на его плечи взвалили тяжелый груз.

Замок сломался, и дверь распахнулась. В комнату влетел маленький, красноглазый, коренастый брюнет.

— Где он? — закричал брюнет.

Кромптон показал на распростертое на полу тело Лумиса.

— Разрыв сердца, — сказал он.

— О! — растерянно (то ли гневаться, то ли сострадать) сказал брюнет. — О!.. Да... О!..

— Он, конечно, заслуживал этого, — холодно заметил Кромптон, поднял чемодан и вышел из комнаты, чтобы успеть на вечерний рапидо.

Долгое путешествие по марсианским равнинам пролетело, как мимолетное мгновение, как облегченный вздох. Кромптон и Лумис получили наконец возможность поближе познакомиться друг с другом и решить кое-какие основные проблемы, которые неизбежно возникают, когда в одном теле объединяются два сознания.

Вопрос о главенстве в этом содружестве не вставал. Верховная власть принадлежала Кромптону, который вот уже тридцать пять лет был хозяином ума и тела подлинного Кромптона. При создавшихся условиях Лумис никак не мог взять верх, да и не хотел этого. Его вполне устраивала пассивная роль, и поскольку по натуре своей он был добрым малым, то согласился стать просто комментатором, советчиком и доброжелателем.

Но Реинтеграции не произошло. Кромптон и Лумис существовали в одном разуме подобно планете и луне — независимые, но, по сути, неразделимые, осторожно прощупывающие друг друга, не желающие, да и не способные поступиться каждый своей автономией. Конечно, какое-то взаимопонимание происходило, но слияния, в результате которого из двух самостоятельных элементов образовалась бы устойчивая, единая личность, быть не могло, пока к ним не присоединился Дэн Стэк, третий недостающий компонент.

Но даже в случае его присоединения, напоминал Кромптон оптимистически настроенному Лумису, Реинтеграция может не состояться. Допустим, Стэк за-

хочет реинтегрировать (а может, и не захочет), но три шизоидных компонента вдруг воспротивятся слиянию или не сумеют его достичь, тогда их борьба внутри единого мозга быстро приведет к безумию.

— Стоит ли об этом беспокоиться, старина? — спросил Лумис.

— Стоит, — сказал Кромптон. — Может случиться так, что мы все трое реинтегрируем, а полученный в результате разум не будет стабильным. Психопатические элементы возьмут верх, и тогда...

— Так или иначе, нам придется просто смириться, — возразил Лумис. — Стерпится — слюбится, как говорят.

Кромптон согласился. Его вторая натура Лумис — спокойный, добродушный, жизнелюбивый Лумис — уже оказывал на него свое действие. С некоторым усилием Кромптон заставил себя не тревожиться. Вскоре он смог заняться своим кроссвордом, а Лумис принялся сочинять первый куплет песенки.

Рапидо прибыл в Порт Ньютон. Кромптон пересел в короткорейсовый до станции Марс-1. Здесь он прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности и затем на ховере добрался до пересадочного пункта. Ему пришлось прождать еще пятнадцать дней корабля, следующего на Венеру. Разбитной молодой кассир говорил ему что-то о всяких помехах, об «оппозиции» и «экономических орбитах», но ни Кромптон, ни Лумис так и не поняли, о чем он толковал.

Задержка оказалась очень кстати. Лумис смог рукой Кромптона проставить довольно приемлемо свою подпись в письме, в котором он просил своего друга в Элдерберге превратить все имущество в наличные деньги, раздать долги, расплатиться с комиссионером, а остаток переслать своему наследнику Кромптону. В результате через одиннадцать дней Кромптон получил три тысячи долларов, в которых он очень нуждался.

Наконец венерианский корабль стартовал из пересадочного пункта. Кромптон сразу же серьезно занялся изучением Бейзик Игтдры — основного языка аборигенов Венеры. Лумис, впервые в жизни, тоже попробовал работать: отложил в сторону песенку и

взялся за трудные правила Игтдры. Скоро, однако, ему надоели ее сложные спряжения и склонения, но, восхищаясь прилежанием работяги Кромптона, он в поте лица продолжал начатое.

Кромптон, в свою очередь, попытался немного продвинуться в науке понимания прекрасного. В сопровождении Лумиса, который не оставлял его своими советами, Кромптон посещал все концерты на корабле, смотрел картины в Главном Салоне и долго и добросовестно разглядывал из обзорного зала корабля яркие сияющие звезды. Хотя это и представлялось ему пустой тратой времени, он упорно занимался самообразованием.

На десятый день пути союз Кромптона и Лумиса подвергся серьезному испытанию; причиной конфликта стала жена венерианского плантатора второго поколения. Кромптон встретил ее в обзорном зале. На Марсе она лечилась от туберкулеза и теперь возвращалась домой.

Это была небольшого роста стройная молодая женщина, очень живая, с сияющими глазами и блестящими черными волосами. Она призналась, что устала от долгого космического путешествия.

Они прошли в кают-компанию. После четырех мартини Кромптон слегка расслабился и разрешил Лумису взять инициативу в свои руки, что тот и сделал с большой охотой. Лумис танцевал с нею под фонограф корабля; потом он великодушно уступил поле боя Кромптону. У Кромптона от волнения заплетались ноги, он краснел, бледнел, но наслаждался до бесконечности. И провожал ее к столу уже *Кромптон,* и тихо разговаривал с нею тоже *Кромптон,* и касался ее руки *Кромптон,* а удовлетворенный Лумис только смотрел на все это.

Около двух часов ночи девушка ушла, многозначительно назвав номер своей каюты. Кромптон, шатаясь, доковылял до палубы «В» и вне себя от счастья свалился в постель.

— Ну? — спросил Лумис.

— Что «ну»?

— Пошли. Мы же приглашены совершенно недвусмысленно.

— Да никто нас не приглашал, — в недоумении возразил Кромптон.

— Но она же назвала номер каюты, — объяснил Лумис. — Это вкупе со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера может быть истолковано только как приглашение, если не приказание.

— Не верю! — воскликнул Кромптон.

— Даю слово, — сказал Лумис. — У меня в этой области есть некоторый опыт. Приглашение налицо, путь открыт. Вперед!

— Нет, нет, — сказал Кромптон. — Не хочу... То есть не .буду... Не могу...

— Отсутствие опыта не извиняет, — твердо заявил Лумис. — Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. Ты только подумай — бобры, еноты, волки, тигры, мыши и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, запросто решают проблему, которая тебе кажется непреодолимой. Но ты, конечно, не позволишь, чтобы какая-то мышь переплюнула тебя!

Кромптон поднялся, отер со лба обильный пот и сделал два неуверенных шага по направлению к двери. Затем круто повернул назад и сел на кровать.

— Абсолютно исключено, — твердо заявил он.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Замужество, — терпеливо разъяснил Лумис, — это дело рук человеческих. Еще задолго до того, как появилось замужество, существовали мужчины и женщины и между ними были известные взаимоотношения. Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих.

— Это аморально, — не очень уверенно возразил Кромптон.

— Совсем наоборот, — уверил его Лумис. — Ты не женат, значит, *твои* действия не вызовут никаких нареканий в твой адрес. Молодая леди *замужем*. Это ее дело. Вспомни: она же не просто собственность своего мужа, но человек, имеющий право на самостоятельные решения. И она уже приняла решение, нам остается только проявить свое уважение к цельности ее натуры, иначе мы ее оскорбим. Ну и, наконец, есть муж. Поскольку он ничего не будет знать, он не пострадает. Более того, он от этого выиграет: жена будет с ним необычайно нежна, чтобы загладить свою измену, а он все это отнесет за

счет своей сильной личности, и его «я» взыграет. Итак, Кромптон, как видишь, всем будет от этого только лучше, и никто не пострадает.

— Пустая софистика, — сказал Кромптон, вставая и снова направляясь к дверям.

— Молодец! — сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. Потом будто что-то ударило ему в голову: он захлопнул дверь и лег в постель.

— Абсолютно невозможно, — сказал Кромптон.

— Ну что еще стряслось?

— Твои аргументы, — сказал Кромптон, — могут быть одинаково справедливы и несправедливы — не мне о том судить, у меня для этого просто не хватает жизненного опыта. Но одно я знаю твердо: *ничего такого я делать не собираюсь, пока ты за мною наблюдаешь!*

— Но, черт возьми, я — это ты! Ты — это я! Мы две части одного целого!

— Нет, еще нет, — сказал Кромптон. — Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два человека в одном теле. Потом, когда произойдет Реинтеграция... Но при существующем положении вещей элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это немыслимо! И я не желаю больше говорить на эту тему!..

Тут Лумиса прорвало. Оскорбленный в лучших своих чувствах, он бушевал, орал, осыпал Кромптона ругательствами, самым невинным из которых было: «засранец желторотый!» Гнев его возмутил ум Кромптона и эхом отозвался во всем его раздвоенном организме.

Раскол между Лумисом и Кромптоном стал глубже; появились новые трещины, и пропасть обещала стать такой же глубокой, как между доктором Джекилом и мистером Хайдом в известном романе Стивенсона.

Главенствующее положение Кромптона ставило его как бы выше всего этого. Но неистовая ярость выработала в его мозгу противоядие в виде крошечных, не до конца изученных нами антител типа лейкоцитов в крови, которые имеют основной своей задачей — удаление из организма болезней и изоляцию воспаленного участка мозга.

Когда эти антитела стали строить cordon sanitaire вокруг Лумиса, тесня его, загоняя в угол и окружая стеной, Лумис в испуге отступил.

— Кромптон, пожалуйста!..

Над Лумисом нависла опасность быть полностью, навсегда заключенным, безвозвратно затерянным в темном, дальнем уголке кромптоновского сознания. И тогда — прощай Реинтеграция! Но Кромптон вовремя сумел восстановить равновесие. Сразу иссяк поток антител, стена растаяла, и пристыженный Лумис снова неуверенно занял свое место.

Некоторое время они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день и клялся, что никогда не простит Кромптону его жестокости. Но все же он прежде всего был сенсуалистом, и всегда жил данной минутой, и не помнил прошлых обид, и не умел задумываться над будущим. Его негодование быстро улеглось, и он снова стал веселым и безмятежным, как всегда.

Кромптон не был таким отходчивым; но он, как личность главенствующая, сознавал свою ответственность. Он делал все, чтобы восстановить союз, и скоро оба они действовали в полном согласии друг с другом.

Они решили в дальнейшем избегать общества молодой леди. Остаток путешествия промелькнул незаметно, и наконец ракета достигла Венеры.

Они опустились на Спутнике № 3, где прошли таможенные, иммиграционные и санитарные формальности. Им сделали инъекции против Ползучей Лихорадки, Венерианской Чумы, Болезни Найта и Большой Чесотки. Им дали порошки против Инфекционной Гангрены и профилактические пилюли от Черной Меланхолии. Наконец им разрешили сесть в ракету, следующую до станции Порт Нью-Харлем.

Этот порт, расположенный на западном берегу медлительной Инланд Зее, находился в умеренной зоне Венеры. Однако Лумису и Кромптону он показался жарким после прохладного, бодрящего климата Марса. Здесь они впервые увидели аборигенов Венеры — целыми сотнями, не на арене цирка, а в естественной обстановке. Средний рост местных жи-

телей составлял пять футов, а чешуйчатая панцирная шкура выдавала их происхождение: их далекими предками были ящерицы. По тротуарам они ходили в вертикальном положении, но некоторые, чтобы уйти от толчеи, двигались прямо по стенам домов, держась с помощью круглых присосков, расположенных у них на ступнях, ладонях, коленях и предплечьях.

Кромптон провел в городе один день, затем сел на вертолет до Восточного Болота: согласно последним сведениям, Дэн Стэк находился именно там. Полет состоял из сплошного жужжания и порхания среди плотных туч и облаков, из-за которых совершенно не видно было поверхности Венеры. Локатор тонко пищал, разыскивая зоны перемещающихся инверсий, где часто вспыхивали страшные венерианские ураганы *зикры*. Но погода была тихая, и Кромптон проспал большую часть пути.

Восточное Болото — это крупный порт торгового флота на притоке реки Инланд Зее. Здесь Кромптон разыскал дряхлых восьмидесятилетних стариков, усыновивших Стэка. Они рассказали Кромптону, что Дэн был рослый, здоровый мальчик; немного вспыльчивый, но всегда доброжелательный. Старики заверили Кромптона, что история с дочкой Моррисона выдумана, должно быть, Дэна обвинили по ошибке. Дэн не мог причинить вреда этой бедной, беззащитной девушке.

— Где мне искать Дэна? — спросил Кромптон.

— Так разве вы не знали, что Дэн уехал отсюда? — спросил старик, смаргивая слезу. — Это было лет десять назад, а то и все пятнадцать.

— Восточное Болото показалось ему слишком скучным, — с обидой сказала старушка. — Он позаимствовал у нас некоторую толику денег и ушел среди ночи, пока мы спали.

— Не захотел нас беспокоить, — поспешно объяснил старик. — Пошел искать свое счастье наш Дэн. И уж будьте спокойны, он его найдет. Он ведь настоящий мужчина, наш Дэн.

— А куда он уехал? — спросил Кромптон.

— Точно не скажу, — ответил старик. — Он нам никогда не писал. Не любит он этого дела, наш Дэн.

Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Пять, а то и шесть лет назад, — сказала старушка. — Тогда мы последний раз и слышали о Дэне. Венера велика, мистер.

Кромптон поблагодарил стариков. Он попытался найти Билли Дэвиса, чтобы пополнить информацию о Дэне Стэке какими-нибудь новыми фактами, но узнал, что Билли работает третьим помощником капитана маленького грузового корабля, а судно ушло месяц назад и плыло теперь по Южной Инланд Зее, заходя во все маленькие сонные городки на своем пути.

— Ну что ж, — сказал Кромптон, — нам остается только одно: едем в У-Баркар.

— Пожалуй, верно, — сказал Лумис. — Но, честно говоря, старик, не нравится мне что-то этот парень Стэк.

— Да и мне тоже, — согласился Кромптон. — Но он ведь часть нас, и он нам просто необходим для Реинтеграции.

— Что поделать! — сказал Лумис. — Веди меня, о старший брат мой!

И Кромптон повел. Он успел на вертолет до Депотсвилла, потом сел в автобус до Сент-Дэннис. Там ему посчастливилось стать попутчиком возницы, который на своей полутонке вез в У-Баркар груз дезинсекторов. Возница был рад компании — уж очень безлюдны эти Болота Мокреши.

За четырнадцать часов пути Кромптон многое узнал о Венере. Огромный, теплый, влажный мир — вот чем был новый фронтир Земли, сказал возница. Марс — это всего лишь драгоценная находка для туристов, а у Венеры самые реальные перспективы. На Венеру устремились люди типа американских пионеров, настоящие деятельные наследники духа американских фронтьеров, буров-земледельцев, израильских кеббуцников и австрийских скотоводов. Они упрямо сражаются за место под солнцем на плодородных землях Венеры, в золотоносных горах, на берегах теплых морей. Они бьются с аборигенами, существами каменного века, потомками ящериц Аисами. Их великие победы на Перевале Сатаны у

Скверфейса, у Альбертсвилла и у Раздвоенного Языка и поражения у Медленной Реки и на Голубых Водопадах уже вошли в историю человечества наравне с такими событиями, как Ченселлорсвилл, Маленький Большой Рог и Дьенбьенфу. Войны на этом не кончились. Венеру, сказал возница, еще нужно завоевать.

Кромптон слушал и думал, что и он был бы не прочь принять участие в такой жизни. Лумиса же явно утомил весь этот разговор, ему было тошно от приторных запахов болота.

У-Баркар представлял собою группу плантаций в самой глубине континента Белых Туч. Пятьдесят землян присматривали здесь за работой двух тысяч аборигенов, которые сажали, растили и собирали урожай дерева ли — дерево это могло расти только в этой части планеты. Ли — фрукт, созревающий два раза в год, — стал основной специей, приправой, без которой не обходилось ни одно блюдо землян.

Кромптон встретился со старшиной, крупным, краснолицым человеком по имени Гаарис; у него на бедре болтался пистолет, а опоясан он был бичом из черной змеи.

— Дэн Стэк? — переспросил старшина. — Ну как же, работал здесь почти год. Потом пришлось дать ему пинка под зад, чтобы катился подальше.

— Если вам нетрудно, расскажите почему, — попросил Кромптон.

— Отчего ж, пожалуйста, — сказал старшина. — Только об этом лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун и там, потягивая пшеничное виски, рассказал ему о Дэне Стэке.

— Он явился сюда с Восточного Болота. Что-то у него там было, кажется, с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Мы здесь, по крайней мере большинство из нас, далеко не сахар, и я так думаю, что там, в городах, были рады-радехоньки избавиться от нас. Да, так я поставил Стэка надсмотрщиком над пятьюдесятью Аисами на ли-поле в сто акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с работой.

Старшина покончил с заказанной Кромптоном выпивкой. Кромптон повторил заказ и расплатился.

— Я говорил Стэку, — продолжал Гаарис, — что надо их погонять, чтобы добиться работы: у нас обычно работают парни из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный, зато, правда, крепкий. Их вождь снабжает нас рабочей силой по контракту на двадцать лет, а в обмен получает ружья. Так они этими ружьями чуть нас всех не перестреляли поодиночке. Ну, это уже другой разговор. Мы тут сразу два дела не делаем.

— Контракт на двадцать лет? — спросил Кромптон. — Выходит, Аисы фактически ваши рабы?

— Так оно и есть, — согласился старшина. — Кое-кто из хозяев пытается приукрасить это дело, называет его временной кабалой, возвращением к феодальной экономике. Но это рабство, и почему не называть его своим именем? Да и нет иного способа цивилизовать этот народец. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый и с бичом управлялся дай Бог каждому! Я думал, у него дело пойдет.

— И что же?.. — подзадорил старшину Кромптон и заказал еще виски.

— Сначала он был просто молодцом, — сказал Гаарис. — Лупил их своим черным змеем, исправно получал свою долю в доходе и все прочее. Но не было на него никакой управы. Стал насмерть убивать парней бичом, а ведь замена тоже денег стоит. Я его уговаривал не налегать. Не внял. Однажды его чипетцы взбунтовались, он прикончил из ружья восьмерых — они и убежать не успели. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил ему, что наша задача — заставить Аисов работать, а убивать их ни к чему. Конечно, мы рассчитываем, что какой-то процент погибнет. Но Стэк зашел слишком далеко и лишал нас наших доходов.

Старшина вздохнул и закурил сигарету.

— Стэку просто нравилось пускать в ход бич. Да и многие из наших парней любят это дело. Но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова взбунтовались, и ему пришлось прикончить что-то около дюжины их. Но в драке он потерял руку. Ту, в которой бич. Наверно, чипетцы ее и откусили.

Ну, я поставил его на работу в сушильню, но и тут он затеял драку и убил четырех Аисов. Терпение мое лопнуло. В конце концов, рабочие денег стоят, и нельзя, чтобы какой-то бешеный идиот, стоит ему выйти из себя, убивал их. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда он собирался путь держать? — спросил Кромптон.

— Он заявил, что Аисов надо уничтожать, чтобы освободить место для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил старшину и спросил, где может размещаться штаб Бдительных.

— Сейчас их лагерь расположен на левом берегу Реки Дождей, — сказал Гаарис. — Они там пытаются навязать свои условия Сериидам. А вам уж больно нужен этот Стэк?

— Он мой брат, — сказал Кромптон, чувствуя внезапную слабость.

Старшина жестко посмотрел на него.

— Да, — сказал старшина, — родственнички есть родственнички, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего братца я в жизни никого не видел, а я-то уж насмотрелся всякого. Оставьте его лучше в покое.

— Я должен найти его, — сказал Кромптон.

Гаарис безразлично пожал плечами.

— Переход до Реки Дождей далекий. Я продам вам вьючного мула и провизию и пришлю местного мальчишку, он вас проведет. Вы пойдете по мирным районам, так что доберетесь до Бдительных, будьте спокойны. Надеюсь, что район все еще мирный.

В этот вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от поисков. Ясно ведь, что Стэк вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким?

Но Кромптон чувствовал, что все не так просто. Прежде всего рассказы о Стэке сами по себе могли быть преувеличением. Но даже если все в них было правдой, это могло означать только одно: Стэк — еще один стереотип, неполноценная моноличность, так же как сами Кромптон и Лумис, не считающаяся с обычными человеческими условностями. Их объединение, слияние изменит Стэка. Он всего лишь

восполнит то, чего недостает в Кромптоне и Лумисе, — внесет должную толику агрессивности, жесткости, жизненных сил.

Лумис думал иначе, но согласился молчать до встречи с недостающим компонентом.

Утром Кромптон за непомерную цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении юноши из чипетцев по имени Рекки.

Через девственные леса вслед за своим проводником Кромптон поднялся на острые горные хребты Томпсона; через покрытые снегами вершины перевалил в узкие гранитные ущелья, где ветер завывал, как мученик в аду; потом спустился еще ниже, в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону гор. Лумис, напуганный лишениями долгого пути, отступил в самый дальний уголок сознания Кромптона и возрождался к жизни только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и гамак был подвешен. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, спотыкаясь, брел сквозь пылающие дни, таща на себе весь груз лишений и поражаясь своей способности так долго переносить тяготы пути.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть Река Дождей. В двух милях от этого места они обнаружили лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, был высоким, худощавым, сероглазым человеком со всеми признаками недавно перенесенной изнуряющей лихорадки. Он очень хорошо помнил Стэка.

— Да, некоторое время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. Прежде всего, его репутация. К тому же однорук... Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем иные делают это правой, а его правую культю прикрывал бронзовый зажим. Он сам его сделал и приспособил паз для мачете. Сильный был малый, скажу я вам! Он был с нами почти два года. Затем я его отчислил.

— За что? — спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул:

— Вопреки общему мнению мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы казнить и уничтожать туземцев. Мы

здесь не для того, чтобы под тем или иным предлогом захватывать новые территории. Здесь мы для того, чтобы провести в жизнь договор, который основывался бы на глубоком доверии между Аисами и поселенцами, не допускал бы набегов ни со стороны Аисов, ни со стороны землян, и, главное, чтобы сохранялся мир. Стэку с его тупой головой трудно было понять это.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, потому что командир сочувственно кивнул:

— Вы ведь знаете его, э? Тогда вы сможете представить себе, как это случилось. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, искусным в лесной и горной науке, чувствующим себя в джунглях как дома. Пограничные патрули расставлены редко, и у нас каждый человек на счету. Стэк был ценным солдатом. Я приказывал сержантам следить за его поведением и не допускать жестокости в отношении туземцев. В течение какого-то времени это действовало. Стэк очень старался. Он изучал наши правила, наш кодекс, наш образ жизни. Его репутация стала безупречной. И вдруг этот случай на Вершине Тени, о котором вы, я полагаю, слышали.

— Нет, не слыхал, — признался Кромптон.

— Да ну! Я думал, на Венере все знают о нем. Ну, так вот как было дело. Патруль, в котором находился тогда Стэк, окружил племя Аисов, оставшееся вне закона и причинявшее нам много хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на Вершине Тени. На марше они учинили беспорядок, драку. У одного из Аисов был нож, он рубанул им Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять и вторую. Рана была пустяковая, но Стэк впал в неистовство. Из автомата он застрелил аборигена, а потом перестрелял и всех других. Остановить его не могли, и лейтенанту пришлось ударить его дубинкой; он потерял сознание. Этим поступком Стэка был нанесен ни с чем не соизмеримый ущерб отношениям землян с Аисами. Оставить такого человека в своей группе я не мог. Он нуждается прежде всего в психиатре. Я его отчислил.

— А где он теперь? — спросил Кромптон.

— Но почему вы так интересуетесь этим человеком? — резко спросил командир.

— Он мой сводный брат.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в Порт Нью-Харлем и какое-то время работал в доках. Сошелся там с парнем по имени Бартон Финч. Оба попали в тюрьму за пьянство и дебош; потом их выпустили, и они вернулись на границу в Белые Тучи. Сейчас Стэк и Финч — владельцы маленькой лавки где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и сказал:

— Как туда добраться?

— На каноэ, — ответил командир. — Нужно спуститься по Реке Дождей до развилки. Левый рукав и есть Кровавая Река. До самой Кровавой Дельты она судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это чрезвычайно рискованно. Во-вторых, это бесполезно, вы ничем не поможете Стэку. Он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, где он не может причинить большого вреда.

— Я должен добраться до него, — сказал Кромптон, чувствуя, как неожиданно пересохло у него во рту.

— Законом это не возбраняется, — сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Кромптон обнаружил, что Кровавая Дельта — самая крайняя граница освоенного человеком района Венеры. Город находится в центре расположения враждебных людям племен грелов и тэнтцы; с ними был заключен непрочный мир, но приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В Дельта-краю можно было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями или случайные находки, резьбу по дереву из затерянного города Алтерна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое затем энергично использовали против тех же торговцев или друг против друга. Таким образом, в Дельте можно было найти и состояние, и смерть, смерть медленную и мучительную. На Кровавой Реке, что тихим потоком кралась сквозь сердце края, таились свои особые опасности, которые уноси-

ли в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плаванье по этой реке.

Кромптон решительно отказался от всех разумных доводов. Теперь до их недостающего компонента Дэна Стэка было рукой подать. Виден стал конец их странствий, и Кромптон твердо решил достичь его. Он купил каноэ, нанял четырех гребцов-аборигенов, приобрел оборудование, ружья, снаряжение и условился, что выходят они на рассвете.

Но в ночь перед отъездом взбунтовался Лумис.

Они находились в маленькой палатке на краю лагеря, которую полковник предоставил в распоряжение Кромптона. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронташ патронами и настолько углубился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего другого.

Тут Лумис подал голос:

— А ну-ка послушай меня. Я признал тебя господином в нашем союзе. Я не предпринял ни одной попытки завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять хорошее расположение духа, пока мы тащились по этой Венере. Верно?

— Да, верно, — неохотно согласился Кромптон, откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но это уж слишком. Я согласен на Реинтеграцию, но не с маньяком-убийцей. И не говори мне об однобокости! Стэк убийца, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Он часть нас, — возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон! Из нас троих ты, по-видимому, больше всех соприкасался с действительностью. А теперь ты как одержимый готов послать нас на смерть в этой паршивой реке!

— Все будет хорошо, — не очень убежденно сказал Кромптон.

— Будет ли? — усомнился Лумис. — Ты слышал, что рассказывают об этой Кровавой Реке? Но, предположим, мы пройдем эту реку, что нас ждет в Дельте? Маньяк-убийца! Он уничтожит нас, Кромптон!

Подходящего ответа Кромптон не нашел. Раскрывшиеся в процессе поисков черты характера Стэка все

больше ужасали Кромптона, зато все сильнее захватывала его мысль, что Стэка необходимо разыскать. Лумис никогда не хотел Реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. А у Кромптона вся жизнь была подчинена одной страсти — достичь человеческой полноты, выйти за искусственные рамки своей личности. Без Стэка слияние было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть крошечная.

— Мы едем, — сказал Кромптон.

— Элистер, пожалуйста! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Марс или на Землю.

Кромптон покачал головой. Он уже чувствовал, что между ним и Лумисом существуют глубокие, непримиримые разногласия. Он понимал, что наступит время, когда эти трещины расползутся во всех направлениях, и тогда без Реинтеграции он и Лумис станут развиваться каждый по-своему — и это в одном-то общем теле!

Такое могло кончиться только безумием.

— Ты не хочешь вернуться? — спросил Лумис.

— Нет.

— Ну, держись!

Личность Лумиса внезапно перешла в атаку и захватила частичный контроль над двигательными функциями тела. На какое-то время Кромптон был оглушен. Потом, почувствовав, как из его рук уплывает власть, он свирепо схватился с Лумисом, и битва началась.

Это была война в безмолвии, война при свете коптящей керосиновой лампы, который все больше бледнел с наступлением утра. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу служило тело Кромптона. Оно лежало, содрогаясь, на подвесной парусиновой койке, пот стекал с его лба, ничего не выражающие глаза уставились на лампу, на лбу, не переставая, дергалась жилка.

Личность Кромптона была главенствующей, но разногласия с Лумисом и чувство вины ослабили его, а груз собственных сомнений угнетал. Лумис, хоть и слабее по своей натуре, на этот раз, уверенный в

собственной правоте, боролся отчаянно; он сумел овладеть жизненными и двигательными центрами организма и заблокировать поток опасных для него антител.

На долгие часы две личности сплелись в поединке, и тело Кромптона как в лихорадке стонало и корчилось в подвесной койке. Наконец, когда серый рассвет заглянул в палатку, Лумис начал одолевать. Кромптон весь подобрался в последнем броске, но у него не хватило сил. Тело Кромптона уже угрожающе перегрелось в этой битве; еще немного — и ни для одной из личностей не останется оболочки.

Лумис, которого не угнетали ни угрызения совести, ни сомнения, продолжал нажимать, захватил наконец все жизненные и двигательные функции, центры организма.

И когда солнце встало, победа целиком и полностью принадлежала Лумису.

Лумис встал на трясущиеся ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы, осмотрелся. Теперь это было *его* тело. Впервые после отъезда с Марса он видел и чувствовал непосредственно, *сам*, информация от внешнего мира больше не фильтровалась и не ретранслировалась через Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать на себе одежду, быть голодным, жить! Он возвратился из мира серых теней в мир сверкающих красок. Это чудо! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедный Кромптон!

— Не волнуйся, старик. Знаешь, я и для тебя постараюсь.

Ответа не последовало.

— Мы вернемся на Марс, — продолжал Лумис. — Снова в Элдерберг. Все образуется.

Кромптон не хотел или не мог отвечать. Это слегка обеспокоило Лумиса.

— Где ты там, Кромптон? Как чувствуешь себя?

Молчание.

Лумис нахмурился и заспешил в палатку полковника.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, — сказал Лумис полковнику. — Кажется, он действительно слишком далеко зашел.

— Вы приняли мудрое решение, — сказал командир.

— Так я хочу немедленно вернуться на Марс.

Полковник кивнул:

— Все космические корабли отправляются из Порта Нью-Харлем, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто, — сказал ему полковник. — Думаю, что смогу дать вам проводника из местных. Вам придется снова пересечь Горы Томпсона до У-Баркара. Советую вам на сей раз ехать Долиной Дессет, поскольку по центральным лесам бродят сейчас Орды Кмитки, а от них всего можно ожидать. Вы достигнете У-Баркара в период ливней, так что перебраться в Депотсвилл на лодках вам вряд ли удастся. Если вы окажетесь там вовремя, то сумеете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через Ущелье Ножа. Если не успеете, вы сравнительно легко определите направление по компасу, если учтете отклонения, характерные для данных районов. Но в Депотсвилле вы будете в самый разгар ливневых дождей. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сент-Дэннис или до Восточного Болота, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за *зикра*. Эти ураганы очень опасны для авиации. Так что, может быть, вы сядете на колесный пароход до Восточного Болота, а там на грузовом судне спуститесь по Инланд Зее до Порта Нью-Харлем. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно укрыться от непогоды. Я-то предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Ну, а вам, конечно, придется решать самому, каким путем добраться до Порта Нью-Харлем.

— Спасибо, — еле выговорил Лумис.

— Сообщите мне ваше решение, — сказал полковник.

Лумис поблагодарил его и в сильном возбуждении вернулся в палатку. Он размышлял над новым, предстоящим ему путешествием через горы и болота, сквозь первобытные поселения, мимо диких бродячих орд. Он ясно представил себе осложнения, связанные с дождями и бурями. Никогда прежде его богатое

воображение не рисовало с такой яркостью жутких картин тяжелого пути.

Трудно было добраться сюда; но куда труднее будет возвращаться. Ведь на этот раз его тонкая душа эстета будет лишена защиты спокойного, многострадального Кромптона. *Ему*, Лумису, придется принимать на себя удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страхи. *Ему*, Лумису, придется есть грубую пищу и пить вонючую воду. И *ему*, Лумису, придется выполнять все мелкие, будничные обязанности, связанные с путешествием, которые раньше тащил на своих плечах Кромптон, а он, Лумис, и не думал о них.

Справится ли он? Он ведь дитя города, продукт цивилизации. Его волновали сложные повороты, извивы человеческой натуры, а не причуды и страсти природы. Обитая в тщательно отделанных человеческих норах, в сложных лабиринтах муравейников-городов, он не сталкивался с грубым, неспокойным миром неба и солнца. Отделенный от этого мира тротуарами, дверями, окнами и потолками, он стал сомневаться в мощи того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую так соблазнительно описывали в своих произведениях старые писатели и которая поставляла такие прелестные образы для стихов и песен. Лумису, привыкшему нежиться под мягким солнцем спокойного летнего марсианского дня или сонно прислушиваться к свисту ветра за окном в штормовую ночь, всегда казалось, что природу сильно переоценивают.

Но теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжесть ноши, и штурвал управления.

Лумис подумал обо всем этом, и ему вдруг совершенно явственно представился его собственный конец. Он увидел себя в тот миг, когда силы его иссякнут и он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или понуря голову сидеть под проливным дождем в болотах. Он попытается продолжить путь, обретя третье дыхание, которое, как говорят, лежит за пределами усталости. Но не обретет его и, одинокий, обессиленный, затеряется в бесконечности. Тут ему покажется, что сохранение жизни требует слишком много усилий и напряжения. И как уже многие

до него, он сдастся, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

Лумис прошептал:

— Кромптон?..

Нет ответа.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я возвращаю тебе власть. Только вытащи нас из этой жирной оранжереи. Верни нас на Землю или на Марс! Кромптон, я не хочу умирать!

Все нет ответа.

— Ну хорошо, Кромптон, — сиплым шепотом произнес Лумис. — Ты победил. Твоя взяла. Делай что хочешь. Я сдаюсь, все твое. Только, пожалуйста, ***прими власть***!

— Спасибо, — ледяным тоном сказал Кромптон и взял на себя контроль над телом Кромптона.

Через десять минут он снова был в палатке у полковника и сообщал ему о своем решении. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что ему никогда не понять рода человеческого.

Вскоре Кромптон уже сидел посреди большого выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного всякими товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря Бдительных, пока они не исчезли за излучиной реки.

Путешествие по Кровавой Реке было для Кромптона точно возвращением к истоку времен. Шесть аборигенов в молчаливом согласии погружали весла в воду, и каноэ, как водяной паук, скользило по раздольному, спокойному течению реки. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники, они мелко дрожали, когда каноэ проходило близко, и в страстном порыве тянулись к нему своими длинными стеблями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик, лодка устремлялась на середину потока, и папоротники снова поникали над водой, разомлевшие от полуденной жары. Они проплывали места, где ветки деревьев сплетались над головой в темно-зеленый тоннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку на волю волн, и слышали мягкие всплески падающих вокруг ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на белый сверкающий свет, и аборигены снова брались за весла.

— Жуть! — нервно сказал Лумис.

— Да, жутко, — согласился Кромптон, сам содрогаясь от страха перед окружающим.

Кровавая Река несла их в самые глубины континента. По ночам, пристав к валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных Аисов. Однажды днем два каноэ Аисов устремились в погоню за их лодкой. Гребцы Кромптона нажали изо всех сил, и лодка помчалась вперед. Враги упорно гнались за ними. Кромптон вынул ружье и ждал. Но его гребцы, подгоняемые страхом, подналегли, и скоро преследователи остались далеко позади за очередным изгибом реки.

Все вздохнули свободнее. Но в узкой протоке с обоих берегов на них пролился поток стрел. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, повалился на борт. Снова нажали на весла, и скоро лодка оказалась вне досягаемости для врагов.

Мертвого Аиса сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. После этого огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, долго плыло за их каноэ в ожидании новой жертвы и то и дело высовывало из воды свою круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать его. Постоянное присутствие чудовища приводило Кромптона в ужас.

Чудовище получило еще один обед, когда от серой плесени, прокравшейся в лодку по веслам, умерли два гребца. Крабоподобное чудовище слопало их и осталось ждать следующих. Но это речное божество послужило и защитой Кромптону и его гребцам: пустившаяся было преследовать их ватага врагов, увидев чудовище, подняла невообразимый крик и бросилась наутек в джунгли.

Чудовище сопровождало лодку все последние сто миль их путешествия. И когда они, наконец, добрались до поросшей мхом пристани на берегу реки, оно остановилось, некоторое время недовольно наблюдало за людьми, а потом тронулось обратно вверх по реке.

Гребцы причалили к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, замалеванный красной краской. Он повернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта. Население 92».

Дальше не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Узкая заросшая тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там, на просеке, виднелось что-то похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашеных домов. Городок в молчании пекся в белом сиянии полудня, и, кроме шарканья своих собственных, утопавших в пыли ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь, — сказал Лумис.

Кромптон медленно шел по улице. Вот он минул ряд складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена их владельцев. Он прошел мимо пустого салуна, дверь которого болталась на единственной петле, а окна с занавесками от москитов были разбиты. Уже остались позади три пустых магазина, и тут он увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч, провиант».

Кромптон вошел. На полу в аккуратных связках лежали товары, еще большее количество их свешивалось со стропил. Внутри никого не было видно.

— Есть кто-нибудь? — позвал Кромптон. Не получив ответа, он снова вышел на улицу.

На противоположном конце городка Кромптон набрел на крепкое здание, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый, усатый мужчина лет пятидесяти. У него за пояс был засунут револьвер. Табурет качался на двух ножках, мужчина, казалось, дремал, опираясь о стену амбара.

— Дэн Стэк? спросил Кромптон.

— Там, — указал незнакомец на дверь амбара.

Кромптон направился к двери. Усач сделал движение, и револьвер оказался в его руке.

— Прочь от двери, — сказал он.

— Почему? Что случилось?

— Вы что, не знаете, что ль? — спросил усач.

— Нет! А вы кто такой?

— Я Эд Тайлер, шериф, назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот самый амбар и есть тюрьма пока что.

— Ну и сколько ему сидеть? — спросил Кромптон.

— Точно два часа.

— Можно мне с ним поговорить?

— Не-е-е.

— А когда он выйдет, можно будет?

— Ясное дело, — сказал Тайлер. — Но сомневаюсь, чтобы он вам ответил.

— Почему?

Шериф криво усмехнулся:

— Стэк будет в тюрьме точно два часа, а после этого мы его возьмем из тюрьмы и повесим. А уж когда мы покончим с этим делом, то с удовольствием устроим вам разговорчик с ним, о чем только пожелаете. Но, как я уже сказал, вряд ли он вам ответит.

Кромптон слишком устал, чтобы почувствовать удар. Он спросил:

— А что сделал Стэк?

— Убил.

— Аборигена?

— Черта с два, — с отвращением ответил Тайлер. — Кому какое дело до аборигенов, будь они прокляты! Стэк убил человека, его зовут Бартон Финч. Это же его собственный компаньон! Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый Док сказал, что он не протянет и дня, значит, это убийство. Стэка судил суд равных ему по положению присяжных заседателей, его признали виновным в убийстве Бартона Финча, в том еще, что он сломал ногу Билли Родберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и нарушил порядок в городе. Судья — это я — приговорил повесить его, и как можно скорее. Выходит, сегодня, как только ребята вернутся с новой дамбы, где они сейчас работают, его и повесят.

— Когда состоялся суд?

— Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа, — заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кровавой Дельте, попусту время не тратим, — с гордостью ответил Тайлер.

— Да, я догадываюсь, — сказал Кромптон. — Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

— Я же вам сказал — Финч кончается, — ответил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. — Вы

потише, незнакомец, не путайтесь в дела Кровавой Дельты, если они касаются правосудия, не то вам тут не поздоровится. Нам не нужны все эти штучки-дрючки крючкотворов, чтобы разобраться, кто прав, кто виноват.

Лумис возбужденно зашептал Кромптону:

— Оставь ты все это, пошли отсюда.

Кромптон не обратил на него внимания. Он сказал шерифу:

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат.

— Тем хуже для вас, — сказал Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо с ним увидеться. Всего на пять минут. Чтобы передать ему письмо от матери.

— Ничего не выйдет, — ответил шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил засаленную пачку денег.

— Всего две минуты.

— Хорошо. Пожалуй, я смогу... А, черт!

Проследив взгляд Тайлера, Кромптон увидел большую группу людей, шагавших к ним по пыльной улице.

— Ну вот и ребята, — сказал Тайлер. — Теперь уж ничего не получится, если бы даже я и захотел. Пожалуй, вы можете присутствовать при повешении.

Кромптон отошел в сторону. В группе было по меньшей мере человек пятьдесят, а там шли еще и еще. Большинство из них были люди высокие, с дубленой кожей, огрубелыми лицами — словом, те, с кем шутки плохи, и почти у всех на поясе болталось оружие. Они коротко перебросились словами с шерифом.

— Не делай глупостей, — предупредил Лумис.

— А что я могу сделать? — возразил Кромптон.

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — толпа людей сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, которая тащила осужденного в противоположный конец городка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Пора кончать с ним! — кричала толпа.

— Ребята! — прозвучал сдавленный голос Дэна Стэка. — Дайте слово сказать.

— К чертям собачьим! — крикнул кто-то. — Кончай с ним!

— Мое последнее слово! — выкрикнул Стэк.

Неожиданно за него вступился шериф:

— Пусть скажет свою речь, ребята, по праву умирающего. Давай, Стэк, только не очень затягивай.

Они поставили Дэна Стэка на фургон, накинули ему петлю на шею, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент самого себя и смотрел на него как зачарованный.

Дэн Стэк был крупный, ладно скроенный человек. Его полное, изрезанное морщинами лицо выражало тревогу, ненависть, страх, в нем угадывались буйный нрав, тайные пороки и затаенные горести. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крупными редкими зубами и узкие, вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на разгоряченный лоб, черная щетина выступала на горящих щеках. Весь облик его выдавал темперамент холерика, порожденный Воздухом, — с избытком горячей желтой желчи, из-за которой человек легко впадает в гнев и лишается рассудка.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Медленно опустил он голову, и бронзовая культя правой руки полыхнула красным в ровном ослепительном свете дня.

— Ребята, я сделал много плохого в своей жизни, — начал Стэк.

— И это ты *нам* рассказываешь? — выкрикнули из толпы.

— Я был лжецом и обманщиком, — орал Стэк. — Я ударил девушку, которую любил, и ударил ее крепко, чтобы сделать ей больно. Я обокрал моих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов этой планеты. Ребята, я жил не по-хорошему.

Толпа хохотала над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали, — орал Стэк. — Я хочу, чтобы вы знали, что я боролся со своей греховной натурой и пытался ее победить. Я сражался как мужчина со старым дьяволом в моей душе, уж это точно. Я вступил в отряд Бдительных, и два года я

был человек как человек. А потом опять навалилось на меня безумие, и я убил...

— Ты кончил? — спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь, — завопил Стэк, и глаза вылезли из орбит на его красном от возбуждения лице. — Я признаюсь, что совершал дурные поступки, я признаюсь в этом полностью, без всякого принуждения. *Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!*

— Хорошо, — сказал шериф. — Если у тебя все, то пора приступать к делу.

Стэк закричал:

— Послушайте меня! Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я просто пытался помочь ему, я встряхнул его немного, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверно, потерял голову, и тут я расколошматил салун Мориарти и поломал пару ребят. Но, клянусь Богом, я не причинял зла Финчу!

— Ну ты наконец кончил? — спросил шериф.

Стэк открыл было рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Начнем! — сказал шериф.

Люди стали двигать фургон, на котором стоял Стэк. И тут Стэк с выражением бесконечного отчаяния на лице заметил в толпе Кромптона.

И узнал его.

Лумис очень быстро говорил Кромптону:

— Будь осторожен, не принимай его речей всерьез, ничего не делай, не верь ему, оглянись на его прошлое, вспомни всю его жизнь, он погубит нас, разнесет нас на кусочки. Он доминанта, он сильный, он убийца, он зло.

В какую-то долю секунды Кромптон вспомнил предостережение доктора Берренгера:

Безумие или нечто похуже...

Лумис продолжал бубнить:

— Совершенно испорченный, злой, никчемный, абсолютно безнадежный...

Но Стэк был частью Кромптона. Стэк так же страстно желал перемены, боролся за власть над собой, терпел поражение и снова боролся. Стэк не был безнадежным, так же как Лумис, как он сам.

Но правда ли то, что говорил Стэк? Или эта вдохновенная речь была последним обращением к слушателям в надежде изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть руку помощи Стэку.

Как только фургон стронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон принял решение и позволил Стэку войти в себя.

Толпа закричала, когда тело Стэка свалилось с края повозки и после минутной страшной судороги безжизненно повисло на натянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся как от удара — сознание Стэка вошло в него.

И он упал без памяти.

Кромптон очнулся в маленькой, едва освещенной комнате на кровати.

— Ну, как вы там, в порядке? — услышал он голос. В наклонившемся над ним человеке Кромптон узнал шерифа Тайлера.

— Да, теперь прекрасно, — автоматически ответил Кромптон.

— Понятно, повешение для такого цивилизованного человека штука тяжелая. Думаю, вы и без меня теперь обойдетесь, ладно?

— Конечно, — тупо ответил Кромптон.

— Вот и хорошо, а то у меня там работы... Через часок-другой забегу взглянуть на вас.

Тайлер ушел, Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Реинтеграция... Слияние... Завершение... Достиг ли он всего этого во время целительного обморока? Кромптон принялся осторожно обследовать свое сознание.

Вот Лумис, безутешно причитающий, страшно испуганный, лепечущий об Оранжевой Пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых Горах, о женщинах, о чувствах, о роскоши, о прекрасном.

А вот и Стэк, солидный и неподвижный, не слившийся с ними.

Кромптон поговорил с ним, прочел его мысли и понял, что Стэк был абсолютно, до конца честен в своей последней речи. Стэк искренне желал изменений, самоконтроля, выдержки.

Но Кромптон понял также, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, обрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания подавить зло, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали — полная противоположность визгливым причитаниям Лумиса. Мечты об отмщении, безумные планы завоевать всю Венеру всплывали в его мозгу. Сделать что-либо с этими проклятыми аборигенами, стереть их с лица планеты, чтобы предоставить всю ее в полное распоряжение землян. Разорвать этого проклятого Тайлера на кусочки. Расстрелять из пулемета весь город, а потом выдать это за проделки аборигенов. Собрать общество посвященных, создать собственную армию почитателей СТЭКА на основе железной дисциплины, и чтобы никакой слабости, никаких колебаний. Перерезать Бдительных, и тогда никого не останется на пути завоеваний, убийств, мести, неистовства, террора!

Осыпаемый ударами с обеих сторон, Кромптон попытался восстановить равновесие, распространить свою власть на оба своих компонента. Он начал сражение за слияние их в единое целое. Устойчивое целое. Но компоненты, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии Расщепления углублялись, появились новые, непримиримые причины для раскола, и Кромптон почувствовал, как шатается его собственная устойчивость, как ставится под угрозу его рассудок.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорной, но тщетной борьбой за изменения наступил момент просветления.

— Очень сожалею, — сказал он Кромптону. — Ничего не могу поделать. Нужен еще и тот, другой.

— Кто другой?

— Я пытался, — простонал Стэк. — Я пытался измениться. Но слишком много было во мне всякого... то горячего... то холодного. Думал, смогу сам вылечиться. И пошел на Расщепление.

— На что?!

— Вы что, не слышите? — спросил Стэк. — Я... я тоже шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Венере. Когда я вернулся в Порт Нью-Харлем, я

обзавелся еще одним Телом Дюрьера и разделился... Я думал, станет легче, если я буду проще. Но ошибся!

— Так есть *еще один* наш компонент? — воскликнул Кромптон. — Конечно, без него мы не можем реинтегрировать. Кто он, где?

— Я пытался, — стонал Стэк. — Ох, я же пытался! Мы с ним были как братья, он и я. Я думал, смогу научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. Я учился! Но тут он начал сдавать...

— Кто это был? — спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, вытряхнуть из него эту блажь. Но он быстро терял силы, ему совсем не хотелось жить. Я утратил последнюю надежду, и от этого немного взбесился, и встряхнул его, и потом разгромил салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча. Он просто не хотел жить!

— Так наш последний компонент *Финч*?

— Да! Вы должны пойти к Финчу, пока он еще не отдал концы, и должны затащить его в себя. Он лежит в маленькой задней комнатке лавки. Поторопитесь...

И Стэк снова окунулся в свои грезы о кровавых убийствах, а Лумис забормотал о голубых Пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял тело Кромптона с кровати и дотащил его до двери. Он видел лавку Стэка в конце улицы. «Доберись до лавки», — приказал он себе и, спотыкаясь, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он вверх по горам, потом вдоль рек, через пустыни, болота, пещеры, которые опускались до самого центра Земли, а затем опять подымался и переплывал бесчисленные океаны, добираясь до самых дальних берегов. А в конце этого долгого путешествия он пришел в лавку Стэка.

В задней комнате на кушетке, закрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на Реинтеграцию. Поглядев на него, Кромптон осознал всю бесполезность своих исканий.

Финч лежал совсем тихо, с открытыми глазами, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было широкое, белое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах его лица застыло нечеловеческое спокойствие, безразличие ко всему живущему — он ничего не ждет, ничего не хочет. Тонкая струйка слюны стекала из уголка губ, пульс был редким. В этом самом странном их компоненте нашел максимальное выражение темперамент Земли — флегма, которая делает людей пассивными и безразличными ко всему.

Кромптон с трудом справился с подступающим безумием и подполз к кровати Финча. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать его, соединиться с ним.

В это мгновение Стэк пробудился от своих снов о мщении, и одновременно пробудилось его отчаянное рвение реформатора. Вместе с Кромптоном он стал убеждать идиота посмотреть и увидеть. Даже Лумис поискал и, несмотря на полное изнеможение, нашел в себе силы присоединиться к ним в их объединенном усилии.

Все трое они не спускали глаз с кретина. И Финч, пробужденный к жизни тремя частями своего «я», тремя компонентами, непреодолимо взывающими к воссоединению, сделал последнюю попытку. В его глазах всего на миг мелькнуло сознание. Он узнал.

И влился в Кромптона.

Кромптон почувствовал, как свойства Финча — бесконечное спокойствие и терпимость — затопили его. Четыре Основных Темперамента Человека, в основе которых лежат Земля, Воздух, Огонь и Вода, соединились наконец. И слияние стало наконец возможным.

Но что это такое? Что происходит? Какие силы пущены в ход и берут теперь верх?

Раздирая ногтями горло, Кромптон издал пронзительный вопль и свалился замертво на пол рядом с трупом Финча.

Когда лежащий на полу открыл глаза, он зевнул и сладко потянулся, испытывая несказуемое удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства

удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и есть еще целая жизнь, которую нужно прожить.

Тело, бывшее собственностью Элистера Кромптона, временным убежищем Эдгара Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча, встало на ноги. Оно осознало, что настал час найти для себя новое имя.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

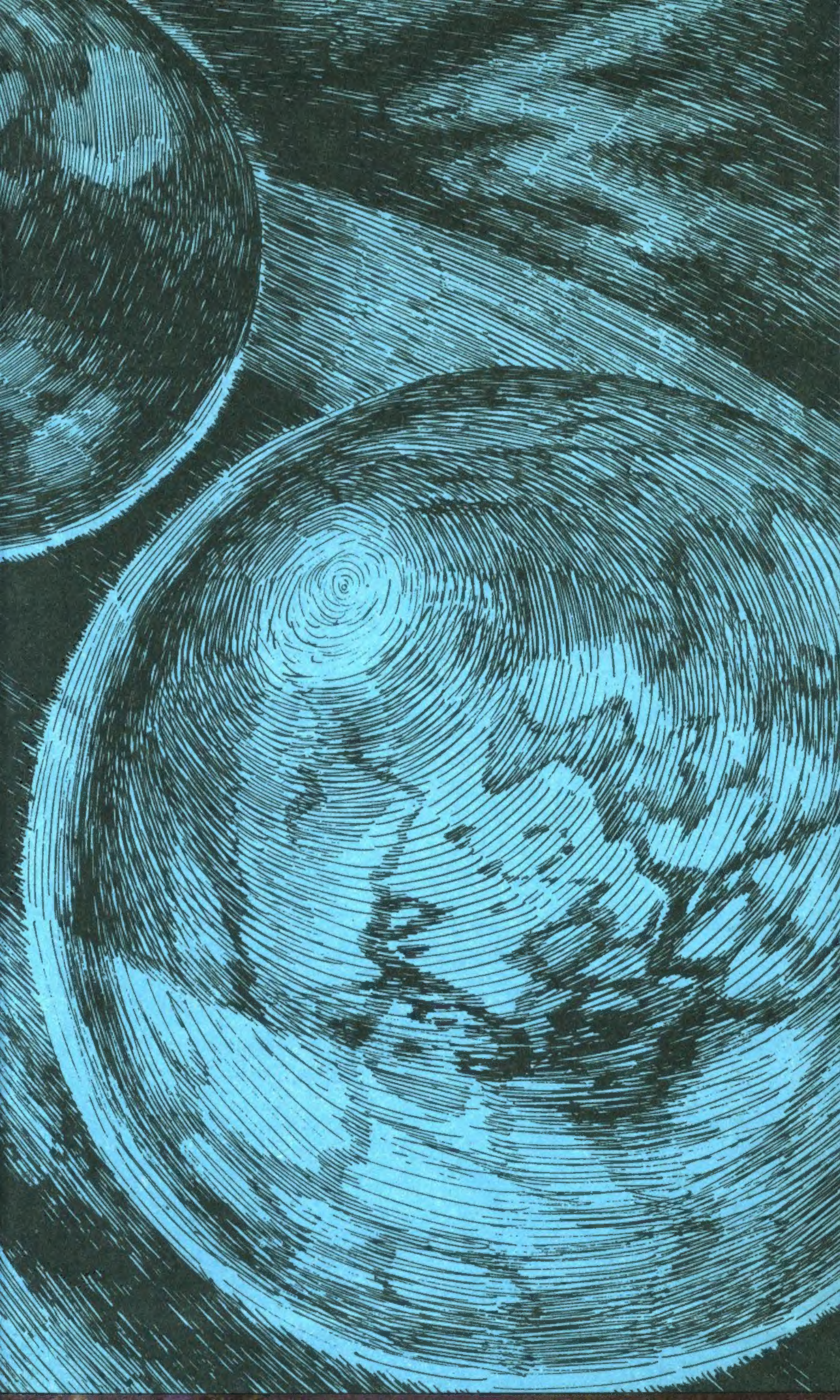
Перевод с английского

Составитель *Геннадий Белов*
Ответственный редактор *Олег Седов*
Редактор *Максим Горшков*
Художник *Павел Борозенец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Корректор *Людмила Быстрова*
Верстка *Ольги Колеговой*

Подписано к печати с оригинал-макета 09.12.92.
Формат издания 84×108 1/32. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 100 000. Изд. № 88. Заказ 105.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18

ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт–Петербург, П–110, Чкаловский пр., 15



·Северо-Запад·®

ШЕКЛИ
РОБЕРТ